

Скогорев А. П.

Апокрифические деяния апостолов

Арабское Евангелие детства Спасителя

ББК Э37-220.922
УДК 229
С 44

Скогорев А. П.

С 44 Апокрифические деяния апостолов. Арабское Евангелие детства Спасителя. Исследования. Переводы. Комментарии. — СПб.: Алетейя, 2000 — 480 с. — (Античное христианство. Источники)

ISBN 5-89329-275-8

Книга А. П. Скогорева знакомит читателя с малоизвестным у нас пластом раннехристианской литературы, отразившим особенности менталитета и художественные вкусы рядовых христиан II–V вв. Текстам предпосланы вступительные статьи, содержащие характеристики стилистических, жанровых и идейных особенностей публикуемых апокрифов. Большинство публикуемых памятников впервые переведены на русский язык. Среди них — «Деяния апостола Павла» — самые ранние из дошедших до нас апокрифических деяний, составленные в середине II в. из преданий древней Церкви.

Во вступительном очерке автор прослеживает процесс становления христианской религиозности в античную эпоху, намечает этапы эволюции одного из самых популярных жанров «низовой» христианской литературы, пытается решить проблему дефиниции апокрифов.

Среди приложений читатель найдет впервые переведенные на русский язык извлечения из знаменитого «Декрета папы Геласия» — первого индекса христианских сочинений, признанных Церковью апокрифическими.

Для филологов, историков, религиоведов и всех интересующихся историей раннего христианства.

Автор выражает искреннюю признательность *Т. Думовой* и *А. Полякову* (США, университет Боулин Грин), благодаря любезности которых он имел возможность пользоваться новейшей литературой.

ISBN 5-89329-275-8

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2000 г.

© А. П. Скогорев, 2000 г.

80-летию
Александра Иосифовича
Немировского

РАННЕХРИСТИАНСКАЯ АПОКРИФИКА И РЕЛИГИОЗНЫЕ ИСКАНИЯ НАРОДНЫХ МАСС ПОЗДНЕАНТИЧНОЙ ЭПОХИ

ЧТО ТАКОЕ АПОКРИФЫ?

Каких только ответов не услышишь на этот вопрос! И чаще всего: «Это то, что не вошло в Библию».

Правильно, да не совсем. Ведь за рамками Библии остались миллионы книг, о которых любой без колебаний скажет, что к апокрифам они не имеют ни малейшего отношения.

Словари, конечно, отвечают более определенно. *«Произведения на библейскую тему, — читаем у С. И. Ожегова, — признаваемые недостовверными и отвергаемые Церковью».* Что ж, выходит, антирелигиозная пропаганда советского времени только и делала, что плодила апокрифы?

Точнее формулирует «Энциклопедический словарь»: *«Произведения иудейской и раннехристианской литературы, не включенные в библейский канон».* Сходный ответ дает и «Большой путеводитель по Библии». Казалось бы, уж теперь-то все стало на свои места.

Не тут-то было! До нас дошли десятки раннехристианских писаний, которые никто и никогда не собирался включать в Библию, однако никому не приходит в голову называть их апокрифами, — взять хотя бы труды древних апологетов — Иустина, Афиногора, Ириная.

Словарь иностранных слов и Академический словарь русского языка отвечают на наш вопрос почти одинаково: — *«древние сочинения с библейским сюжетом, содержащие отступления от официального вероучения и потому отвергаемые Церковью».* Замечание о древности сочинений заслуживает внимания, и мы к нему еще вернемся, но в целом — опять накладки, ибо значительная часть апокрифов не содержит НИКАКИХ отступлений от официального вероучения, Церковь же относится к ним по-разному, а некоторые даже высоко ценит как важный источник по ранней истории христианства.¹ Именно в церковных изданиях второй половины прошлого века («Христианском чтении», «Православном обозрении» и др.) были опубликованы первые переводы на русский язык апокрифических сочинений древности, а профессора духовных академий дореволюционной России стали пионерами их исследования в нашей стране.

¹ Для современного отношения Русской православной церкви к апокрифам показательное следующее редакционное примечание к статье дьякона Б. Пивоварова «Аграфа» (ЖМП, 1974, 8, с. 74): «Не все апокрифы создавались с целью фальсификации. Некоторые из них могли быть благочестивым, но невежественным пересказом или комментарием подлинных преданий».

Иногда определения ставят во главу угла псевдоэпиграфичность, т. е. вымышленное авторство, апокрифических сочинений. Действительно, большинство неканонических Евангелий написано от имени того или иного ученика Христа. Большинство, но не все! А если обратиться к такому жанру апокрифов, как деяния, здесь указание авторства вообще встречается редко. С другой стороны, можно назвать несомненные раннехристианские псевдоэпиграфы, которые не принято относить к апокрифам, среди них созданные в конце V в. сочинения Псевдо-Дионисия Ареопагита, автор которых выдает себя за спутника апостола Павла. Не больше ясности и в богословских справочниках. Их определения подчас таковы, что позволяют причислить к апокрифам даже теологические трактаты, содержащие, с точки зрения официальной доктрины данной Церкви, еретические мысли и утверждения. Труды католических богословов могут, таким образом, оказаться «апокрифами» для православных и наоборот. Какую же доктрину мы будем признавать «официальной»? Протестанты, например, называют апокрифами одиннадцать древнееврейских книг, которые у католиков считаются каноническими и входят в состав Ветхого Завета.¹ Наука же о христианской древности по необходимости должна быть свободной от конфессиональных пристрастий, этого принципа

старались придерживаться еще дореволюционные профессора русских духовных академий.²

¹ Вторую и Третью книги Ездры, Книгу Товита, Книгу Иудифи, Книгу Премудрости Соломона, Книгу Премудрости Иисуса, сына Сирахова, Послание Иеремии, Послание Варуха и три Книги Маккавейские. Все они входят и в состав православной Библии, но ни каноническими, ни апокрифическими при этом не называются.

² Так, профессор Киевской духовной академии М. Э. Поснов (1873-1931) в своей «Истории христианской Церкви» важнейшими требованиями, предъявляемыми к исследователю, называл объективность и аконфессионализм. Указ. соч. Киев, 1991. С. 16.

Довольно долгое время исследователи раннехристианской литературы были склонны видеть главную особенность апокрифов в их доктринальной специфике и даже полагали, что абсолютное их большинство имеет гностическое происхождение. Научные изыскания последних семидесяти лет не подтвердили этой точки зрения. Тщательное изучение большого числа памятников, традиционно определяемых и Церковью, и светской наукой как апокрифы, показало, что в вероучительном отношении они столь же неоднородны, как и в жанровом, лишь небольшая их часть несет на себе явный отпечаток гностицизма.

Современный исследователь истории религий, наш соотечественник Александр Мень считал апокрифами художественную литературу, тематически связанную с библейской историей.¹ В таком суждении есть немалый резон, но и оно не избавляет нас от затруднений. Взять, к примеру, четверостишие из ахматовского «Распятья»:

*Магдалина билась и рыдала,
Ученик любимый каменел,
А туда, где молча мать стояла,
Так никто взглянуть и не посмел.*

¹ Мень А. В. История религии: В 7 т. Т. 7: Сын Человеческий. М., 1992. С. 370.

По Меню получается, это — чистой воды апокриф. И что же тогда, как не апокриф, «Мастер и Маргарита» Булгакова?! А «Иосиф и его братья» Томаса Манна?! Или совсем уж недавний лагерквистовский «Агасфер»? Таких произведений мы встретим в мировой литературе бесчисленное множество! Неужто и впрямь все это апокрифы?

Казалось бы, решение очевидно: нужно попросту учитывать, когда был создан текст. Одно дело древние произведения с евангельским сюжетом, совсем другое — поздние. Однако где та временная грань, которая отделяет «настоящие» апокрифы от «ненастоящих»? Пятый век? Десятый? Пятнадцатый? В пользу любого из этих рубежей можно привести весомые аргументы. Некоторые ученые, например, считают такой демаркационной линией время составления новозаветного канона¹, т. е. 393 г. На первый взгляд, это вполне логично, и не будь сама эта дата слишком условна, с их мнением можно было бы согласиться. Но вот беда: основной состав Нового Завета сложился как минимум на два столетия раньше, проблема же «богодуховности» его отдельных книг дискутировалась некоторыми Церквями еще и в XVI-XVII вв., а в богослужебном обиходе Русской православной церкви вплоть до середины XVII в. Библию заменяла Палея, содержащая фрагменты безусловно апокрифических сочинений.²

¹ См.: Hennecke E. New Testament Apocrypha. Philadelphia, 1965. V. I. P. 63.

² Проблема изменения канона очень серьезно обсуждается западными библеистами и богословами и в наши дни. Хотя вероятность его дополнения или, напротив, сокращения считается очень незначительной, теоретически она все же признается. См.: Мецгер Б. М. Канон Нового завета. Происхождение, развитие, значение. Oxiord, 1998. С. 264-265.

Немало апокрифов было создано и в средние века, причем и религиозное сознание, и церковная литература средневековья усваивали вновь появлявшиеся легенды о новозаветных лицах и событиях еще более легко и охотно, чем в античную эпоху. Словом, время создания текста не столь уж надежный критерий для распознавания апокрифов.

И все же не случайно в самых разных определениях так настойчиво повторяется мысль об их древности. Ведь подсознательно все мы чувствуем, что художественные произведения с библейским сюжетом в разные эпохи писались и воспринимались по-разному. Люди, которым в середине второго столетия некий малоазийский пресвитер адресовал «Деяния апостола Павла», верили тому, что там написано. Для них это сочинение было в первую очередь источником

веры. Читатели же андреевского «Лазаря» или «Прокуратора Иудеи» Анатоля Франса воспринимают их совершенно иначе — оценивая, главным образом, художественные достоинства.

Проблема дефиниции апокрифов признается крайне сложной даже самыми крупными знатоками предмета. В. Шнимельхер, генеральный редактор нескольких последних изданий классической антологии новозаветных апокрифов — так называемого «Хеннекке», пишет: «Не легко дать простое и ясное определение того, что следует подразумевать под новозаветными апокрифами. Вероятно, сформулировать его можно так: новозаветные апокрифы — это писания, в названиях и других декларативных элементах которых содержится претензия на то, чтобы их считали писаниями того же класса, что и канонические, и которые, с точки зрения формальной критики, воспроизводят и развивают стилистические приемы, созданные и получившие значение нормы в Новом завете, но при этом явно несут в себе чужеродные для него элементы».¹

¹ Henricke. New Testament Apocrypha edited by W. Schneemelckher. V. I. Philadelphia, 1965. P. 26-27.

Увы, и определение, предложенное уважаемым мэтром, едва ли можно считать удачным. Оно концентрирует внимание исключительно на формальной стороне, и потому вне его рамок остаются очень многие сочинения, однозначно трактуемые и церковными авторами древности, и современными исследователями как апокрифы. Декрет папы Геласия в числе отвергнутых называет, например, такие писания, как «Книга о великане Оге, сражавшемся после потопа с драконами», «Книгу о дочерях Адама» или «Покаяние Соломона». До нас дошли «Вопросы Варфоломея Богородице», «Рассуждение об именах Божьих» и другие книги, которые ни по названию, ни по иным формальным признакам не имеют ни малейшего сходства с каноническими текстами. Впрочем, В. Шнимельхер и сам признает, что, если строго придерживаться предложенного им определения, большую часть текстов, входящих в антологию «Хеннекке», нельзя будет считать новозаветными апокрифами, но при этом настаивает, что для христианских писаний первых двух столетий оно все же остается вполне справедливым, ибо отказ от классической новозаветной стилистики был характерен для сочинений лишь более позднего времени.¹

¹ Ibid. P. 27.

Думается, однако, что сугубо формальный подход не в состоянии решить проблему. И не только потому, что какая-то часть писаний, признаваемых и в древности, и теперь апокрифическими, не репродуцируют форму канонических книг. Ведь само тяготение к ней — лишь следствие вполне определенных функциональных притязаний. А значит, в дефиниции должны одновременно учитываться не только жанрово-композиционные, но и функциональные признаки, а также отношение к этим писаниям христианских Церквей. Поэтому говорить о христианских апокрифах можно лишь в том случае, когда в наличии есть сразу три признака: во-первых, сюжет произведения связан с библейской историей, а действующими лицами являются ее персонажи; во-вторых, данный текст не вошел в состав Священного Писания; и, главное, — *он в то или иное время претендовал на роль источника веры или же воспринимался таковым.*

Конечно, если согласиться с данным определением, граница между апокрифами и художественной литературой всегда будет оставаться очень зыбкой. Но такова реальность, ведь 20-30 лет назад, когда Библию нельзя было ни купить, ни взять в библиотеке, для многих источником веры становился... роман Булгакова! Недаром с таким раздражением писал о нем не так давно один весьма сведущий в литературе священнослужитель.¹

¹ См.: Ардов М. Прочтение романа // Столица, 1992, № 100. С. 55: «Всю ту богохульную часть вещи, где отвратительным образом искажаются евангельские события, я с возмущением и негодованием отвергаю, как нечто оскорбляющее и унижающее Божественное достоинство Спасителя».

Классификация апокрифов, предлагаемая энциклопедиями и принятая в антологиях, обычно следует жанровому делению новозаветного канона, т. е. различает апокрифические Евангелия, деяния, послания и апокалипсисы. Однако, по общему мнению специалистов, такое

деление не отражает реального многообразия апокрифических сочинений, которые очень часто имеют признаки сразу нескольких жанров или же настолько своеобразны, что в них трудно усмотреть черты хоть какого-нибудь из них. Таковы, например, «Пистис София», «Вопросы Варфоломея», «Смерть Пилата», «Отмщение Спасителя», «Успение Приснодевы» и многие другие сочинения. Как мы выяснили, апокрифом может оказаться даже самый настоящий роман. И это справедливо не только для наших дней — такой роман был создан еще на рубеже II-III вв. Речь идет о знаменитых «Recognitiones» или «Клементинах», действующими лицами которых стали апостолы Петр и Павел, будущий римский папа Климент и знаменитый колдун, мошенник и ересиарх Симон Маг.¹

Словом, налицо потребность в классификации, которая точнее учитывала бы формальную сторону апокрифов, но главное — поставила бы во главу угла их содержательную специфику. Определенные шаги к ее созданию уже делаются.²

¹ В перечне апокрифических книг папы Геласия это сочинение названо первым. См. Приложения I-II, № [1]. Между прочим, к нему восходят истоки сюжета гетевского «Фауста».

² См.: *Elliott J. K. The Apocryphal Jesus. Legends of the Early Church.* N. Y., 1996.

Доктринальное и жанровое многообразие раннехристианских писаний отразило, с одной стороны, неоднородность представлений разных христианских общин о Христе, Боге и мире, а с другой — различие вкусов и пристрастий тех или иных социальных и национальных групп христиан, которыми и для которых эти писания создавались. «Многоголосие» апокрифической литературы было, кроме того, связано с многообразием и эволюцией языческих верований, элементы которых привносил с собой в народную христианскую религиозность быстро возраставший в III-V вв. приток неопитов. Понять природу каждого из этих памятников, т. е. побудительные мотивы его создания, вероучительную и назидательную специфику, а также его литературное своеобразие, можно только с учетом тех явлений и процессов, которыми характеризовалась религиозная жизнь античного мира в I-V вв. н. э.

В ПОИСКАХ БОЖЕСТВА (Языческие культы и верования I–III вв.)

На протяжении I-III вв. господствующей формой мировоззрения народов Средиземноморья оставалась языческая религиозность, даже к концу этого периода христиане составляли не более 10 процентов населения Империи.¹ Как и прежде, все необычайное — величественное, красивое или уродливое — массовое сознание тотчас связывало со сверхъестественным. Столкнувшись с чем-либо непривычным, люди старались поскорее определить, какое именно божество проявляет таким образом свою волю. Образованный греческий автор III в. Гелиодор со знанием дела разъяснял читателям, как при встрече с небожителями отличить их от простых смертных: «Богов можно узнать по их очам: они все время пристально взирают, и веки их никогда не смыкаются. Еще более — по их поступи: они передвигаются не переставляя ног».²

¹ *Gobenbough E. R. The Church in the Roman Empire.* N. Y., 1931. P. 41.

² *Гелиодор. Эфиопика. Кн. III // Греческий роман.* М., 1988. С. 318.

И все же, по сравнению с прежними временами, в язычестве II-III вв. многое изменилось. Вера в богов утратила наивную непосредственность, отделилась от мифа, усложнилась. В ней появилось понятие о трансцендентности божества. Лишь в глухих деревнях оставались люди, видевшие в изваяниях небожителей самих богов, однако большинству современников такие простакки уже казались глупцами. Перемена в мировоззрении отразилась и в религиозном обиходе: например, в латиноязычных провинциях Империи наряду с прежними «*deus*» и «*dea*», обозначавшими конкретного бога или богиню со своим обликом, характером и родословием, во II-III вв. все чаще стало употребляться слово «*pumen*», подразумевавшее волю и могущество божества.¹

¹ См.: *Штаерман. Е. М. Социальные основы религии Древнего Рима.* М., 1987. С. 228.

Одним из следствий создания Римской империи стало усложнение религиозной жизни

народов Средиземноморья. Включение в единую державу многочисленных этносов вело к разрушению замкнутости их духовного бытия, и там, где процессы межэтнического культурного взаимодействия развивались особенно бурно, возникали и бок о бок существовали совершенно противоположные религиозные устроения — от философского атеизма или настойчивых поисков космического универсума до тяготения к примитивным и наполовину забытым местным верованиям. При этом одной из главных тенденций стало угасание культа великих богов греко-римского пантеона. Во II и начале III в. им на смену пришли малозаметные прежде местные божества. Одновременно религиозно-философские поиски интеллектуалов и синкретические тенденции простонародных верований подводили массовое сознание (хотя и с разных сторон) к идее единого и абсолютного Бога.

Римский религиозный официоз в какой-то мере учитывал и даже использовал эти веяния, однако то, что предлагала подданным Империи официальная пропаганда, отражало лишь имперские интересы и мало соответствовало реальным религиозным устремлениям масс. В I-III вв. официальными культами Римской империи, участие в которых вменялось в обязанность каждому ее жителю, было почитание Юпитера Капитолийского и культ римского императора. Отказ от исполнения связанных с ними обрядов считался государственным преступлением и мог повлечь за собой самое суровое наказание.

Освящавший в первую очередь имперский правопорядок, культ Юпитера Капитолийского был совершенно чужд индивидуальным переживаниям личности, которые все больше оказывались в фокусе духовных исканий Средиземноморской цивилизации. Специфически римский, сложившийся еще в суровые и аскетичные времена, он был слишком холоден и безэмоционален, а потому не находил отклика у жителей восточных провинций, тяготевших к религиозному экстазу, личному и даже чувственному контакту с божеством. К тому же для большинства он являлся символом чужеземного господства и национального унижения, поэтому за пределами Рима его искренние почитатели были лишь среди легионеров и сравнительно узкого слоя римских магистратов. Для народов, насильно включенных в состав империи, он всегда оставался враждебным официозом.

Сложнее обстояло дело с культом «божественного императора». В эпоху политической стабильности и процветания повелитель империи, чья милость возносила до небес, а гнев обращал в прах, и впрямь воспринимался большинством подданных как некое божество, обитающее на Палатинском холме. Во многих городах его почитание было объединено с культами главных местных божеств, например в Эфесе — с поклонением Артемиде, в Пергаме — Асклепию. Формально почитание римских цезарей достигает апогея и обретает особую помпезность в III в., когда уже не только покойных, но и царствующих императоров полагалось именовать «божественными величествами». Официальные документы III в. титуловали каждого нового властелина «наибожественнейший из когда-либо бывших цезарей», а годы его правления называли «благословеннейшими временами». Все, что было связано с его особой или двором, вплоть до конюшен и кухонь, получило обязательный официальный эпитет «sacra» — божественный, священный. Любой новостройке — будь то ограда рынка в каком-нибудь малоазийском городке или лестница, ведущая к морю, в африканской деревушке — полагалось присваивать имя царствующего императора.¹ Между тем римское государство переживало глубочайший кризис и пору неслыханной политической нестабильности, когда очередного императора, случалось, свергали раньше, чем весть о его воцарении доходила до отдаленных провинций. Контраст между официальной помпой и реальностью только ускорил профанацию императорского культа, уже в середине III в. превратившегося в религиозно-политическую фикцию.

¹ Примеры такого рода см.: Голубцова Е. С. Мироззрение горожанина и крестьянина Малой Азии в I-III вв. // Культура Древнего Рима. Т. II. М., 1985. С. 306.

Сходство созданных Империей политических и отчасти социальных реалий придавало религиозному развитию непохожих друг на друга народов и регионов общую направленность. Сложное взаимодействие универсалистских и сепаратистских тенденций вело к тому, что религиозные предпочтения все больше определялись не этносом и местностью, а принадлежностью к социальному слою, интеллектуальному кругу, профессии: в язычестве одновременно усиливались общие, наднациональные черты и социальная дифференциация культов и верований. В низших и средних слоях общества повсеместно распространялось поклонение малым богам (в каждой местности — своим), олицетворявшим, как правило, силы природы. Прежде они не имели ни храмов, ни жреческих коллегий, теперь их статус быстро

повышался, они наделялись космическими функциями и становились в глазах почитателей равными олимпийцам. Какое-нибудь малозаметное лесное или даже комическое божество превращалось в «могучего» и «непобедимого» бога, «отца и творца вселенной», в честь него воздвигали храмы и слагали гимны.¹ Подобный расцвет мелких культов происходил в самых разных регионах,² поэтому пантеон активно почитаемых богов стремительно разрастался.

¹ Там же. С. 235-239.

² См., напр.: *Голубцова Е. С.* Идеология и культура сельского населения Малой Азии. М., 1977.

Представители высших сословий смотрели на эти религиозные новации с презрительным недоумением и по-прежнему придерживались почитания великих богов, с официальными культами которых их связывало социальное положение. Однако новые черты все заметнее проступали и в облике их кумиров, активно заимствовавших функции и атрибуты иноземных богов. Римская Юнона, например, еще во времена Республики отождествленная с греческой Герой, теперь стала совмещаться с египетской Изидой, малоазийской Кибелой и галльскими Матронами.³ Сходные метаморфозы происходили и с другими небожителями. Взаимное усвоение божествами разных народов «компетенции» и атрибутов друг друга облегчалось тем, что их колыбелью были общества, стоявшие примерно на одной ступени социального и интеллектуального развития, отчего и сами боги изначально имели много сходного. Сходством часто характеризовалась и последующая эволюция их культов. Процесс конвергенции однотипных культов был типичен для всего периода античной истории, однако в I-III вв. н. э. он становится особенно интенсивным, поскольку имперская власть в своих универсалистских устремлениях сознательно и последовательно его поощряла.

³ *Штаерман Е. М.* Указ. соч. С. 229.

Быстрее всего эволюция языческих верований происходила в городах, особенно крупных и портовых, где нередко возникали причудливые комбинации самых разных культов и один и тот же человек мог оказаться одновременно жрецом эллинского и туземного божества. Чем более пестрым по составу становилось население города, тем богаче и продуктивнее была его духовная жизнь. Такие города, как Антиохия и Александрия, в этническом и культурном отношении теснее связанные со всем Средиземноморьем, чем с прилегавшей округой, стали во II в. колыбелью целого ряда новых религиозных систем, в которых христианство увидело своих опаснейших противников.

Куда медленнее менялись верования сельской местности. Стабильный жизненный уклад и круговая порука крестьянской общины, безусловное господство традиций в ее культуре, консерватизм мышления и настороженно-недоверчивое отношение общинников к «чужакам» делали чрезвычайно устойчивой ее традиционную религию — эволюция культов в этой среде происходила при минимальном воздействии чужеродных влияний. Гораздо меньше, чем в городах, сказывались здесь на религиозных воззрениях и социальные различия.¹

¹ Подробнее см.: *Голубцова Е. С.* Мироззрение... С. 327-328.

Во II в. заметно изменился характер религиозных переживаний, появились новые формы почитания богов. Следствием сужения горизонтов общественной деятельности и ее профанации явился массовый уход в частную жизнь; общение замыкалось в кругу друзей и коллег, но при этом духовная жизнь людей становилась значительно интенсивнее, их религиозные чувства обострялись, приобретали более глубокий и личный характер. Размах и помпезность официальных богослужений по-прежнему привлекали многих своей зрелищностью, но удовлетворить духовные запросы уже не могли. Нараставшее внутреннее отчуждение от официальной религиозности сопровождалось распространением более интимных форм общения с божеством — культовые обряды теперь охотнее совершали в семейном или узкокорпоративном кругу; во множестве появлялись религиозные объединения (коллегии), состоявшие лишь из нескольких десятков человек.¹

¹ *Штаерман Е. М.* Указ. соч. С. 240

Приватизация религиозной жизни, укоренение в массовом сознании привычки к произвольному возвышению малых богов и наделению их свойствами великого божества

открывали дорогу неподконтрольному для государства религиозному ревизионизму. Эти малозначительные, на первый взгляд, новшества проложили дорогу радикальным религиозным переменам следующего столетия.

КРИЗИС III в.

Потрясения III в. внесли в эволюционное развитие язычества кризисные черты. Римская власть неизменно поддерживала культ великих олимпийцев и всеми средствами пропагандировала тесную связь с ним. Но по мере утраты ею собственного авторитета теряла обаяние и та идеология, на которую она веками опиралась. Вслед за религиозным официозом массовое сознание стало отторгать объединенное в большинстве полисов с императорским культом (и потому — гипертрофированное) почитание главных богов олимпийского пантеона. При этом происходила своего рода их «ипостасная деградация». Зевсу теперь чаще и охотнее поклонялись как подателю дождя или покровителю брака; Артемиде — как целительнице. Широко почитать продолжали тех олимпийцев, которые всегда выступали в роли помощников людей, например — Гефеста-Вулкана или Асклепия-Эскулапа. Должность жреца Асклепия стоила в то время в двадцать-тридцать раз дороже, чем жреческая должность в храме Зевса.¹ Некоторые олимпийцы продолжали почитаться благодаря слиянию с местными божествами, причем популярность сохраняли именно те из них, чей культ никогда не объединялся с культом императора.

¹ Голубцова Е. С. Мировоззрение... С. 321.

Утрата привычной веры породила во всех слоях общества глубочайший духовный дискомфорт, преодолеть который можно было лишь заполнив тем или иным образом религиозный вакуум. Стремление как можно скорее обрести «истинного» бога сплошь и рядом приводило к отчаянным религиозным метаниям. Множились суеверия; повсюду появлялись «одержимые божеством» и «ясновидящие»; стало престижно считаться магом или чародеем. В моду вошла некромантия (теория и «практика» вызывания покойников). Чтобы постичь эту «науку», состоятельные и не очень состоятельные люди специально отправлялись в Египет. Смятение умов чувствовалось во всем, склонность к занятиям магией и астрологией становилась массовым психозом. Приверженность к тому или иному культу часто носила характер кратковременного увлечения, на этой почве возникали религиозные союзы, объединявшие людей разного достатка и социального положения. В целом массовой психологии того времени были присущи крайняя степень растерянности и экзальтация.

Кризис веры в олимпийцев был очевиден и для римской власти, явно пытавшейся найти им замену или, по крайней мере, поддержать их угасающее величие. В III в. на императорских монетах вместе с греко-римскими богами и обожествленными добродетелями (а то и вместо них) все чаще появляются новые сакральные символы — божества восточного происхождения и знаки солярного культа.¹ Такое соседство возникло благодаря чуткой реакции правителей Империи на религиозные настроения масс, ибо одним из главных веяний эпохи оказалось тяготение к древним культам восточного происхождения. Интерес к ним был неслучаен: людей, стремившихся обрести «истинную» и «надежную» веру, отнюдь не привлекало новое — в ту пору оно ни у кого не вызывало доверия. Панацеей от жизненных и душевных невзгод большинство искало в забытой мудрости древних верований — местных, отеческих, и — восточных,² ибо в сознании человека античной эпохи глубочайшая древность всегда ассоциировалась с Востоком. Поэтому давно известные народам Империи культы Изиды, Осириса, Кибелы, Великой Матери, Митры, в которых одновременно проглядывала и восточная, и родная древность, приобрели в то время особую популярность, а изображения и сакральные символы этих богов оказались в орбите имперской религиозной пропаганды.

¹ См.: Штаерман Е. М. Указ. соч. С. 212-213, 284 сл.

² См.: Nilsson M. P. A History of Greek Religion. Oxford, 1925. P. 298-299.

Теми же причинами был обусловлен и расцвет древних мистерияльных культов — Дионисийских, Элевсинских, Самофракийских и многих других.¹ Идея страдающего и посредством своих страданий побеждающего бога, общая для этих культов, оказалась в чем-то очень созвучна эпохе. В особых тайных обрядах мисты (посвященные) достигали единения с божеством, тем самым обретая уверенность в своей сопричастности его бессмертию. Сами

мистериальные действия, окруженные таинственностью и доводившие их участников до экстаза, давали не только ощущение избранности, приобщенности к тайному знанию, но и крайне важную в тех условиях эмоциональную разрядку.

¹ Ibid. P. 293.

Хотя мистериальные культы аккумулировали в себе важнейшие религиозные устремления эпохи, они не могли играть роль универсальной массовой религии, способной заменить веру в уходящих богов, ибо были подчеркнута элитарны. Посвящение в мисты стоило очень дорого и позволить его себе мог далеко не каждый, поэтому в простонародной среде развернулись самостоятельные поиски истинного божества. Это народное богостроительство почти всегда довольствовалось «местным материалом». Долгое время оно сводилось к простому «перераспределению» божественности, однако в условиях кризиса в нем появились принципиально новые черты.

Отвергнутые олимпийцы обладали многими прекрасными качествами — силой, красотой, величием, а случалось — и мудростью. Но они жили своими собственными страстями, часто бывали жестоки и безнравственны. Людям III в. потребовался совсем другой бог — добрый и справедливый, способный защитить и спасти их даже ценой собственных страданий. Именно таким он виделся растерянным и мятущимся жителям больших городов и глухих селений. Посвятительные надписи той поры буквально пестрят эпитетами: «богу справедливому», «богу милосердному», «подателю благ», «спасителю»; Добрые Богини и божества справедливости (Дике, Сильван, Немезида и др.) привлекали к себе миллионы почитателей. Внешние достоинства небожителей теперь мало кого интересовали, богам уже не пытались льстить, называя их «прекрасными», вместо этого настойчиво подчеркивалось нравственное совершенство почитаемого божества, его «непорочность».¹ Очевидно, дефицит именно этих качеств все острее чувствовался в окружающей жизни. Чтобы иметь возможность надежно защитить людей, богу следовало быть еще и всемогущим. Поэтому «добрые» и «справедливые» боги непременно оказывались также и «царями космоса», «владыками мира», «пантеями», «едиными всемогущими»;² наделялись силой и способностями всех прочих богов; иначе говоря — соединяли в себе всю полноту божественности, рассеянную в языческих верованиях по отдельным культам. И хотя таких единых и всемогущих «пантеев» одновременно возникло бесчисленное множество, их появление означало, что религиозное сознание масс движется к монотеизму. Эта монотеистическая тенденция не выходила за рамки языческого восприятия мира: наличие единого всемогущего бога не исключало существования других богов — «всемогущий» лишь возвышался над ними. К тому же он почти всегда оставался конкретной личностью (доброй, справедливой, милосердной) и, стоя над миром, продолжал активно действовать в нем — помогая людям и творя справедливость. Этот стихийный и вполне прагматический монотеизм народных верований, очевидно, подпитывался обрывками религиозно-философских учений, а также христианской проповедью, проникшей к тому времени во все слои общества. Под ее несомненным влиянием менялись, например, языческие представления о посмертной жизни, утверждалась вера в бессмертие души, в то, что праведники после смерти пируют на небесах, «в радости и веселии наслаждаясь вечным светом».³ Сохраняя давнее предубеждение против христианства, языческие массы подспудно усваивали многие его вероутверждения; таким образом создавалась почва для его принятия в будущем.

¹ Многочисленные примеры такого рода приводит Свенцицкая И. С. См.: *Свенцицкая И. С. Особенности религиозной жизни народных масс в азиатских провинциях Римской империи (II-III вв.): Язычество и христианство. // ВДИ, 1992, 2. С. 61; см. также: Голубцова Е. С. Мироззрение... С. 319.*

² Подробнее см.: *Штаерман Е. М. Указ. соч. С. 239-240; Свенцицкая И. С. Указ. соч. С. 59-61.*

³ *Штаерман Е. М. Указ. соч. С. 241-242.*

ХРИСТИАНСТВО В II-III вв.

На исходе I в. н. э. окружающий мир все еще воспринимал христианство как одно из течений иудаизма, поскольку пути его распространения по-прежнему были связаны с теми городами, где существовали большие колонии иудеев и имелись синагоги, неизменно становившиеся центрами споров об истинности Мессии Иисуса. Широкое рассеяние евреев,

вызванное Иудейской войной, проложило дорогу христианству во все уголки Римской империи, и раньше всего — в крупные портовые города Средиземноморья. Если не считать Палестины и Сирии, наиболее заметных успехов оно добилось в городах Малой Азии, Балканского полуострова и Италии — там возникли самостоятельные общины последователей Иисуса, уже отделившиеся от синагог, а в некоторых малоазийских провинциях происходило даже массовое обращение в христианство. На рубеже I-II вв. христианская проповедь зазвучала в Галлии, Карфагене, Александрии Египетской и даже в крохотных царствах на юге Аравийского полуострова. Восточной границей ее распространения долгое время оставался Евфрат.

Поскольку в первом поколении христиан численно преобладали иудеи, сама мысль о том, что Христос¹ есть Бог, должна была казаться им кощунственной. Вера их заключалась в том, что Иисуса из Назарета они признали истинным Мессией-Христом, послать которого своему народу Бог неоднократно обещал устами пророков. Сыном же Божиим и Его помазанником писания не раз называли и царя Давида.² В большинстве еkkлесий (христианских общин) Иисуса продолжали считать только Христом и решительно сопротивлялись попыткам приравнять его к Богу. Показательна в этом отношении молитва начала II в., явно различающая Бога и Иисуса, статус которого приравнен в ней статусу царя Давида: «Благодарим Тебя, Отче наш, за святую лозу Давида, раба твоего, кою дал Ты познать нам через Иисуса, раба Твоего. Слава Тебе вовеки!».³

¹ Христос (χριστός) — греческая калька еврейского «машиах» (отсюда — «мессия»), что значит «помазанник», «избранник».

² Пс. 2:2, 6, 7, 12. Пророк Исайя называет «Христом» даже персидского царя Кира (Исайя 45:1).

³ Учение Двенадцати апостолов («Дидахе»). Гл. IX.

Однако все заметнее ощущалась и другая тенденция. Чем больше становилось среди верующих вчерашних язычников, тем отчетливее проступали в облике Христа божественные черты. В некоторых общинах его уже считали Духом, а его телесное существование объявляли призрачным. (Таких взглядов придерживались докеты и симониане.) В других склонны были различать человека Иисуса и временно соединившуюся с ним божественную субстанцию — Христа. По их мнению, на кресте распяли только Иисуса, тогда как Христос-Мессия не был и не мог быть подвергнут позорной казни. Однако в большинстве еkkлесий не разделяли таких воззрений. Еретическими объявила их позднее и Церковь.

Сильно различалась и зависела от преобладания в общинах иудео- или языкохристиан и обрядность. Там, где первых было больше, преобладали нормы иудейского богослужения и более строгий отбор священных писаний. В тех же еkkлесиях, где большинство составляли вчерашние язычники, наблюдалось значительно большее разнообразие бытовой и обрядовой нормы. Откровение Иоанна Богослова упоминает существовавшие в Эфесе и Пергаме христианские общины николаитов, которые принципиально не соблюдали постов, употребляли в пищу идоложертвенное мясо и принимали участие в языческих оргиях.¹ Общины христиандокетов, считавших телесное существование Христа призрачным, не признавали и не совершали евхаристию.²

¹ Откр. 2:15.

² Отрицание евхаристии докетами связано с сутью этого таинства, состоящего в том, что, вкушая хлеб и вино, верующие причащаются (т. е. становятся частью) Церкви — «живого тела Христа» и таким образом обретают не только по духу, но и по плоти сопричастность Его бессмертию.

ХРИСТИАНСТВО И ЯЗЫЧЕСКИЙ МИР

Едва превратившись в мало-мальски заметное явление, христианство ощутило на себе враждебность всех институтов современного ему общества, призванных поддерживать существующий порядок вещей. Уже с первых своих шагов преследуемое религиозной и светской властью Палестины, оно спустя всего несколько десятилетий оказалось объектом гонений со стороны верховной власти Империи. Враждебность и неприязненное отношение к нему проявила и большая часть интеллектуальной элиты греко-римского мира. Античные писатели называли христиан безумцами, «приверженцами зловредного суеверия», обвиняли их «в ненависти к роду человеческому». Римский автор II в. Авл Цельс устами одного из своих

героев призывал к их поголовному истреблению. Еще более свирепым в отношении христиан было и языческое простонародье: тайные ночные собрания создавали христианам далеко не лучшую репутацию, и досужая фантазия обывателей приписывала им самые изуверские преступления. *«Нас обвиняют в безбожии, употреблении в пищу человеческого мяса и гнусных кровосмешениях»,* — возмущался Афиногор Афинский. *«Говорят, что во время наших таинств мы умерщвляем дитя и съедаем его,* — вторил ему Тертуллиан, — *...меж тем как участвующие в пириестве собаки опрокидывают подсвечники и, гася свечи, освобождают нас от всякого стыда».* В этих «оскорбительных для богов мерзостях» народ усматривал причину всех постигавших его бедствий и требовал от властей беспощадной расправы с «безбожниками». *«Если Тигр выходит из берегов, если Нил не орошает полей..., если вспыхивают эпидемии и мор,* — говорит Тертуллиан, — *тотчас раздастся крик: христиан — льву!»* Разыскивать и казнить христиан римская власть вынуждена была чаще всего именно по требованию толпы. Когда пронизательный и чуткий к ее настроениям Нерон взвалил на христиан вину за поджог Рима, он безусловно принимал в расчет резко отрицательное отношение к ним большей части римского населения.

Словом, языческий мир встретил выход христианства на историческую сцену ничуть не менее враждебно, чем ортодоксальный иудаизм. Но если ненависть к последователям Христа со стороны синедриона и властей иудейских вполне объясняется религиозной нетерпимостью и ригоризмом традиционного еврейского общества, то враждебность к ним римской власти, легко мирившейся с существованием не только на окраинах империи, но и в стенах вечного города десятков чужеземных культов, требует объяснений. Тем более нуждается в них та враждебность, которую проявляли к христианам античные писатели и философы.

Чтобы понять ее, нужно вспомнить, с каким радостным нетерпением ожидали первые христиане крушения существующего миропорядка. О его скорой гибели твердили их проповедники, о том же говорилось в их священном писании. Религиозные и философские системы античного Средиземноморья исходили из идеи вечного круговорота Вселенной и потому не пытались создать картину последних дней мироздания. Даже древнеегипетская религия, почти целиком ориентированная на загробное существование, интересовалась вопросами личной, индивидуальной, но никак не всемирной эсхатологии. Эсхатологические ожидания иудаизма также не вызывали у образованных римлян и греков отрицательной реакции, поскольку касались лишь судьбы еврейского народа, относились к неопределенному будущему и были высказаны со страхом и горечью. Христианская же эсхатология обрекала «всепожирающему пламени» все достижения цивилизации. Рисуя картину поглотившего Рим пожара, автор Апокалипсиса возглашал: *«Веселились о сём и небо, и святые апостолы, и пророки»*¹.

¹ Откр. 18:20.

Рим облекался в мраморные одежды, разбивал сады, строил по всей Империи акведуки, форумы и цирки, нес цивилизацию в самые отдаленные ее уголки, чтобы сделать жизнь своих граждан удобной и приятной. С восхищением и гордостью видели они, как золотой век их древних мифов становится реальностью. В превосходстве римского образа жизни убеждались все благоразумные люди круга земель. Кем же, как не безумцами и изуверами, должны были казаться римлянам, только-только начавшим вкушать плоды мирового господства, жалкие последователи галилейского Мессии?! Христианские авторы IV в. глубоко заблуждались, полагая, что римский философ-стоик Сенека был дружен с апостолом Павлом и разделял его христианские убеждения. Даже если бы их знакомство состоялось, они не нашли бы общего языка, хотя оба хорошо говорили по-гречески, ибо один верил в прогресс римской цивилизации, другой — с нетерпением ожидал ее близкого конца.

Христианская шкала ценностей казалась римскому сознанию совершенно непостижимой. В одном из апокрифических сочинений звучат недоуменные вопросы римских воинов, конвоирующих апостола Павла к месту казни: «Скажи нам, Павел, где ж тот Царь, и где являлся Он вам, и как узнали вы Его, и что хорошего Он дал или обещал дать вам, дабы вы, христиане, так горячо Его любили и ни на каких условиях не хотели б религии нашей принять и жить наслаждаясь радостями этой жизни, но, словно бы к прелестнейшей утехе, стремились мученически умереть за Него? Великое нам в том видится заблуждение: веселье и самая жизнь ненавидя, жаждать всем сердцем казни и смерти».¹ Но как раз то, что вызывало недоумение и негодование одних, давало надежду и силы другим. За дымом пожаров и вселенских катастроф христианской эсхатологии им виделся свет тысячелетнего царства Христа, а в скором крушении несправедливого и жестокого мира — близкий конец собственных страданий и унижений.

¹ «Мученичество апостола Павла». Гл. 9.

По мере укрепления Церкви росло настороженное отношение к ней и со стороны римского государства. Страхась организованной оппозиции, императоры старались держать под неусыпным контролем любые проявления общественной жизни и с большим подозрением относились даже к созданию добровольных пожарных обществ. Поэтому сама принадлежность к сплоченной и наполовину законспирированной организации делала христиан в глазах римской власти государственными преступниками. А поскольку вслед за иудеями они отвергали любые формы идолопоклонства и упорно избегали церемоний, связанных с культом императора, для их преследования не требовались специальные эдикты или распоряжения — чтобы оказаться в руках палача, достаточно было признать себя последователем Иисуса. От участия в культе императора официально были освобождены только иудеи. Для их древней религии Рим, привыкший с почтением относиться к древности, делал исключение. К тому же со времени разрушения Иерусалимского храма иудеям было велено платить храмовую подать Юпитеру Капитолийскому, тем самым для них как бы устанавливалась особая форма участия в государственном культе. Тем не менее пропагандировать иудаизм было строжайше запрещено. Христианство же, в отличие от иудаизма, долгое время считалось не религией, а всего лишь «безмерно уродливым суеверием» — ведь у ревнителей Иисуса не было ни храмов, ни статуй, ни жертвоприношений — т. е. никаких привычных для римлян атрибутов религии. Поэтому официально они обычно обвинялись в оскорблении величества и безбожии. За эти преступления римских граждан подвергали отсечению головы, а все прочие могли, по усмотрению судей, быть приговорены к сожжению, распятию или растерзанию. Довольно долго специальной антихристианской политики римское государство не проводило, но едва из разрозненных общин стали проступать контуры всеимперской организации, дерзающей противостоять власти и живущей по своим собственным законам, реакция последовала незамедлительно. В 202 г. был издан указ, направленный непосредственно против христиан. Пыткам и казням подверглись тогда десятки тысяч человек. В дальнейшем периоды относительно спокойной жизни то и дело перемежались жестокими преследованиями. Но стойкость, проявляемая большинством христиан, их готовность претерпеть мученичество и смерть за свои убеждения создавали им нравственный авторитет даже в глазах преследователей и вызвали массовый интерес к их вероучению. Оправдаться от обвинений в «безбожии» и «безумии» христиане пытались не раз. Уже в первые десятилетия II в. ими были созданы специальные сочинения — *апологи*, обращенные к языческому читателю. Их авторы пытались сформулировать понятия и утверждения христианской веры на языке, привычном для носителей античной культуры, а порой — и на языке философской логики. В одной из апологий, написанных в середине II в., для обоснования христианского постулата о посмертном воскрешении во плоти, вызывавшем презрительные насмешки греков и римлян, была даже использована атомарная теория. Среди апологетов II-III вв. встречались широко образованные и талантливые философы и полемисты: Иустин Философ, Афиногор Афинский, Ириней Лионский, Тертуллиан, но их задача осложнялась тем, что важнейшие вероутверждения христиан еще не были сформулированы, и апологеты, по существу, вынуждены были выступать в роли первых христианских богословов.

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ РАЗРЫВ С ИУДАИЗМОМ

К 40-м гг. II в. ушли из жизни все, кто хотя бы в детстве мог слышать рассказы о Христе его учеников, в памяти которых он оставался реальным и земным человеком. Вместе с ними уходила последняя помеха для осознания Иисуса из Назарета Богом. Уже почти целое столетие христианство развивалось на самой благодатной для этого почве — редкий герой греко-римского мира не был обожествлен после своей смерти. Переворот, совершившийся в сознании христиан, в немалой мере был подготовлен широким распространением в первой половине II в. чудесных легенд и сказаний о Христе, возникавших в процессе обращения язычников. Хотя уже давно существовало писаное Евангелие, главную роль в распространении благовестил по-прежнему продолжала играть устная проповедь, и миссионерам приходилось учитывать вкусы тех, чье сознание привыкло к мифам, поэтому их проповедь, обращенная к язычникам, обильно расцвечивалась чудесами и знаменами, которые затем, в народных пересказах, занимали главное место. Так рождались легенды, в которых Иисус с самого младенчества совершает чудеса, непосильные даже для античного полубога. Их оправданием и объяснением могла служить в сознании эллинов только абсолютная полнота его божественности. Характерно, что

апостолы в этих легендах совершают чудеса уже не именем Божиим, а именем Христа, который сам теперь мыслился как Высшая Сила. В одних общинах осмысление Иисуса Богом совершилось раньше, в других позднее, но уже в 40-е гг. II в. по всему христианскому миру зазвучал призыв «Помышлять о господе Иисусе словно о Боге (quasi Deo)».¹

¹ Эта христология впервые встречается в псевдоэпиграфическом «Втором послании Климента Римского Коринфянам» (гл. 1).

До этого момента, несмотря на непрекращавшиеся споры об истинности или самозванстве Мессии, при всех различиях обрядовой и бытовой нормы, христиане и иудеи верили в одного и того же Бога, а многие из них, уповая на милосердное заступничество Христа, продолжали строго соблюдать предписания Закона.¹ Теперь это становилось невозможным — провозглашая Иисуса Богом, христианство окончательно порывало с иудаизмом и превращалось в самостоятельную религию. Этот разрыв сопровождался резким обострением иудео-христианской полемики. С возмущением отменяя рассказы о непорочном зачатии Иисуса девою Марией, иудеи называли их «эллинскими баснями» и всячески высмеивали. Один из участников этого диалога религий негодуя восклицал: «В эллинских мифах уже рассказывалось, будто Персей был рожден девою Данаей, в которую проник, обратившись в золото, тот, кого они называют Зевсом. Постыдились бы повторять подобное! Лучше признайте поскорее, что Иисус, будучи человеком, человеком и рожден. И уж если хотите доказать, будто он — Христос, утверждайте, что он удостоился избрания во Христа за жизнь законную и совершенную, иначе, подобно грекам, будете обличены в безумстве».² При этом иудеи заявляли, что, признав Иисуса Христом, тем более нельзя называть его Богом: ведь, согласно древним писаниям, грядущий Мессия должен быть человеком. Да и можно ли помыслить, говорили они, чтобы вечносущий Творец вдруг родился человеком? Провозглашая Иисуса еще одним богом, вы, христиане, отказываетесь от единобожия и превращаетесь в язычников! Кроме того, ортодоксальные иудеи указывали на «худородство» Иисуса из Назарета, называли Его мать пряхой (что считалось в то время заторным), а порой даже утверждали, будто она родила Сына от сожительства с римским легионером.³ Эти упреки и насмешки воспринимались христианами столь болезненно, что иудаизм на некоторое время стал для них едва ли не самым главным противником. Появились антииудейские сочинения христианских авторов, расписывавшие коварство и злобу иудеев. Отчаянную борьбу с иудаизмом развернул в 40-е гг. II в. богатый малоазийский судовладелец Маркион, прославившийся своими попытками составления канона христианских писаний. Он выступил против использования христианами иудейских книг и вымарывал ветхозаветные цитаты даже из Евангелий и апостольских посланий. Бога-Отца он называл «виновником зла, жаждущим войны, непостоянным в своих намерениях и противоречащим самому себе». Иудейский Яхве изображался им темной и злой силой, с которой благой и светлый Христос не мог иметь ничего общего. У Маркиона нашлось много сторонников, однако столь решительный отказ от ветхозаветной традиции обнажал отсутствие у христиан сколько-нибудь разработанного вероучения, в том числе и мало-мальски ясных представлений о Боге, что делало его совершенно неприемлемым для большинства христианских лидеров и проповедников.

¹ Закон иудейский — совокупность религиозно-обрядовых и морально-бытовых норм, зафиксированных Торой (Пятикнижием), Галахой (устным обычным правом) и укоренившимися в повседневной практике установлениями духовных руководителей еврейского народа.

² *Иустин Философ*. Диалог с Трифоном Иудеем. Гл. 63.

³ Celsum, I, 28. 32.

Сознавая это, в совсем другом, куда более сдержанном, тоне полемизировал с иудаизмом один из первых христианских апологетов — широко философски образованный грек Иустин, прозванный Философом и Мучеником. Выросший в палестинском городе Сихеме, где бок о бок жили иудеи, христиане и последователи многих языческих культов, Иустин с детства научился религиозной терпимости и хорошо сознавал необходимость сдержанности в религиозных спорах. Пройдя выучку у греческой философии, Иустин прекрасно понимал, что никакие силлогизмы не в состоянии доказать божественности Иисуса. Сделать это, по его мнению, можно было лишь опираясь на тысячелетний авторитет ветхозаветных книг и притом именно тех, которые ввиду своей древности почитались более остальных — «Бытие» и «Исход». Рассмотрев описанные в них случаи богоявления, Иустин заявляет, что Бог,

являвшийся праотцам еврейского народа Аврааму, Исааку и Иакову, Бог, «говоривший с Моисеем в кусте терновом», ни в коем случае не мог быть Творцом

Саваофом, но только Господом Христом, ибо «и слабоумный не осмелится утверждать, будто Творец всего, бросив все, сущее выше неба, явится на малой частице земли»¹. Иустин до такой степени стремился отстоять божественность Иисуса, что даже изъявлял готовность признать заблуждением евангельский рассказ о его человеческом рождении. Тем не менее Христос оказался у него богом менее значительным, нежели Саваоф. От ангелов он отличался только тем, что был создан Творцом прежде них и выполнял более важные Его поручения. Но что хуже всего — выходило, будто в ветхозаветной истории и впрямь действовали два разных бога, и это, по существу, подтверждало правоту иудеев, упрекавших христиан в отказе от единобожия.

¹ *Иустин Философ*. Диалог с Трифоном Иудеем. Гл. 63.

СТАНОВЛЕНИЕ ХРИСТИАНСКОГО БОГОСЛОВИЯ

Провозгласив Христа Богом и окончательно порвав с иудаизмом, новая религия оказалась на распутье. Предстояло либо отказаться от единобожия — либо каким-то образом согласовать его с верой в божественность Иисуса Христа. Предстояло определить свое отношение к ветхозаветной традиции. Наконец, нужно было решить вопрос: как относиться к тем древнейшим христианским писаниям, в которых Иисус предстает всего лишь «Сыном Человеческим». Неопределенность вероучения давала его противникам дополнительные поводы для насмешек и смущала верующих.

Одним из первых попытался найти решение тринитарной проблемы (т. е. проблемы одновременного единства и троичности Бога) епископ галльского города Лугудуна (будущего Лиона) Иринеи (ок. 130-208). Бог мыслился Иринеем как единая сущность и отождествлялся им с ветхозаветным Творцом мира. Различие же в именах Божиих, говорил Иринеи, свидетельствует не о множественности богов, а о безграничном совершенстве Единого. Дух Святой и Бог Слово (Иисус Христос) — как бы две руки одного Божества. Бог Сын есть «видимое Отца как Отец невидимое Сына». Углубляться дальше в тайну божественного триединства Иринеи не решился, ибо считал, что не посвящены в нее «ни ангелы, ни архангелы, ни господства, ни власти».¹

¹ Против ересей, II, 28, 6.

Но там, где Иринею уже приходила на помощь вера, люди греко-римской культуры продолжали искать «мудрость». Тем, кто был воспитан на утонченных софизмах, нужно было не только верить, но и понимать. В их глазах привлекательность любой религиозной или философской концепции как раз и заключалась в хитроумных логических согласованиях отдельных ее постулатов. Христиане же, по мнению образованных язычников, призывали их уверовать во что-то совершенно несуразное — идея триединства казалась им нелепейшей бессмыслицей. Высмеивая ее в одной из своих пародий, написанной около 180 г., греческий сатирик Лукиан вложил в уста христианского проповедника монолог, звучащий подобно абракадабре: «Клянись Богом, царствующим горе, великим, бессмертным, Сыном Отца, Духом, от Отца исходящим, единым из трех, тремя из единого, признавай их вместо Юпитера и почитай за Бога».²

² Филопатрид, 12.

Недоумение и разочарование по поводу триединого Бога испытывали даже те новообращенные, которые были не слишком искушены в логике и философии. Об их растерянности свидетельствовал самый блестящий среди всех раннехристианских авторов Тертуллиан: «Умы простые и, можно сказать, невежественные, — писал он, — равно как и люди неученые, составляющие большую часть верующих, познакомившись с Символом веры, переходят к единому и истинному Богу, ... а потом вопиют, что мы проповедуем двух или даже трех богов».¹ Оставаться безразличной к таким настроениям своей паствы Церковь не могла. Поэтому поиски решения тринитарной проблемы стали в последней четверти II в. важнейшей задачей нарождавшегося христианского богословия. В 177 г. в послании, адресованном римскому императору Марку Аврелию, Афиногор Афинский писал: «Главная забота

христиан — познать, каково единство и различие *соединенных Духа, Сына и Отца*.²

¹ Против Праксея, 3.

² Прощение о христианах, 12.

Самым простым способом ее решения было признать Бога единым, а его троичность мнимой или кажущейся. Именно по такому пути пошла та часть христианских теологов, которые получили прозвище монархиан. Признавая абсолютным и всемогущим Божеством ветхозаветного Бога Отца, они заявляли, что исповедуют идею Его единовластия: «*Monarchiam tenemus*» («придерживаемся единоначалия»), — говорили они. Среди них различались монархиане-динамисты и монархиане-модалисты. Первые считали, что Иисус по воле Божьей родился от Девы, но жил подобно всем людям, и лишь при крещении в Иордане на него снизошла божественная сила (греч. «динамис»). По существу, динамисты отреклись от Христа-Бога и вернулись к вере в него как в Мессию. Неслучайно церковный историк Евсевий Кесарийский назвал их «*богохульными отступниками*».

Монархиане-модалисты рассуждали иначе. По их мнению, Единый Всемогущий Бог может являть себя миру в каком угодно образе. Он сам вселился во чрево Девы, сам был от нее рожден и сам, желая спасти людей, принял облик (модус) Иисуса Христа и претерпел крестные страдания. Таким образом, Бог Сын — всего лишь «маска», под которой в действительности перед людьми предстал Бог Отец. В подтверждение своих взглядов модалисты ссылались на слова Христа, приводимые четвертым евангелистом: «Видевший меня видел Отца». Третье же лицо Троицы — Дух Святой — почти совсем не интересовало модалистов. Такое решение тринитарной проблемы было проявлением неизжитой языческой ментальности в христианской среде, его «подсказывала» греко-римская мифология, где Зевс-Юпитер является смертным то в образе быка, то лебедя, то орла, да и остальные олимпийцы нередко меняют свой облик.

«*Они прогнали Духа, потеряли Сына и распяли Отца*», — съязвил о монархианах прославленный карфагенский апологет и теолог Квинт Септимий Тертуллиан (ок. 160-ок. 220), обрушивший на них шквал едкой и остроумной критики. Будучи судебным оратором и блестящим полемистом, Тертуллиан умело доводил до абсурда и беспощадно высмеивал идеи всех своих оппонентов — гностиков, монархиан и язычников. Он писал на латыни, и там, где его книги могли быть прочитаны рядовыми верующими — т. е. в латиноязычных провинциях Римской империи, монархиане утратили влияние уже в первой половине III в. На востоке же, где говорили и читали по-гречески, Церковь была вынуждена бороться с ними гораздо дольше. Опытный юрист (даже четыре века спустя римские правоведы еще продолжали ссылаться на его труды), Тертуллиан и в богословских спорах стремился к чеканной точности юридических формулировок. Многие из них навсегда вошли в золотой фонд христианского богословия.

Источником всех ересей Тертуллиан считал языческую философию, но, учитывая запросы своей паствы, он все же постарался обосновать идею Божьего триединства доводами логики и рассудка. Чтобы увязать между собой одновременную единичность и троичность Бога, он воспользовался понятиями «сущность» (**substantia**) и «лицо» (**persona**). Бог Отец, Бог Сын и Бог Дух Святой, рассуждал Тертуллиан, представляют собой единую сущность, одно целое, но различаются в лицах. Важнейшее различие между ними — их старшинство, или степень. Главное или старшее лицо Божественной Троицы — сотворивший некогда вселенную Бог Отец. Первоначально Он пребывал в одном лице, но затем стал самораскрываться, и тогда появились второе и третье лица Троицы. Все это произошло еще до сотворения мира и потому как бы вне времени. Возражая монархианам, Тертуллиан заявлял, что, раз до момента творения в Боге было заключено все многообразие мира, то нет ничего удивительного и в том, что Божественная Единица извечно содержала в себе Троицу и в какой-то момент самораскрылась в ней. И все же Тертуллиану не удалось убедительно согласовать Божественную Единицу с Троицей. Из придуманного им различия Божественных лиц по старшинству (*субординализма*) критики христианства легко делали вывод о поклонении христиан трем разным, неравномогущественным богам. А высказанное им суждение, что «было время, когда Сына не было», позволяло заключить, что Христос не вечен и, значит, — не Бог. Иначе говоря, тринитарная проблема не нашла у Тертуллиана убедительного для современников решения. Но без предложенных им формул «единого в трех лицах» Бога и «единосущности» этих лиц христианское богословие обойтись в дальнейшем уже не могло.¹

¹ Почти на три века предвосхищая богословскую мысль, Тертуллиан четко сформулировал и другой важнейший догмат христианства, утверждающий двойную — богочеловеческую — природу Иисуса Христа. Но на рубеже II—III вв. эта проблема еще не

занимала христианских мыслителей, и потому христологическая формула Тертуллиана осталась незамеченной. Отцы церкви пришли к ней лишь в середине V столетия, после долгих споров и ссор. Сам же Тертуллиан, будучи человеком страстным и увлекающимся, примкнул в начале III в. к секте монтанистов, утверждавших, будто Бог еще только собирается дать людям истинное и спасительное знание и сделает Он это не через Иисуса Христа, а через Святого Духа — Параклита. Переход к монтанистам стал причиной разрыва этого блестящего автора с Церковью и последующего осуждения и запрещения всех его творений (см. Приложение 1-2, [№ 42]).

ГНОСТИЦИЗМ

Самым значительным религиозно-философским течением, противостоявшим христианству во II-III вв., был гностицизм. Он возник на Ближнем Востоке или в Александрии в результате синтеза некоторых восточных религий (зороастризма, иудаизма, египетских культов) с греческой философией. До недавнего времени учения гностиков были известны лишь по пересказам их христианских критиков — Иринея Лионского, Тертуллиана, Оригена, однако в середине XX в. в Египте и Палестине были найдены фрагменты подлинных гностических текстов, позволяющие многое уточнить в прежних представлениях о гностицизме. Разные гностические школы пропагандировали довольно несхожие между собой концепции, но при всех различиях их объединяли два общих момента — дуалистическая космогония и учение о спасительном знании. Гностики считали, что в основе мироздания лежат противостоящие друг другу начала — Высочайший Дух и материя. Первое из них представляет собой средоточие света и добра и является источником духовных частиц — *эонов*, которые, отделяясь от Высочайшего Духа, образуют *плерому* — особую сферу или последовательный ряд сфер, число которых в разных гностических системах колебалось от 3 до 365. Материя же, согласно их воззрениям, выступает как злое начало и образует хаос. Видимый мир, учили гностики, возник случайно, когда один из эонов, оторвавшись от плеромы, соприкоснулся с хаосом и одушевил материю, став, таким образом, Демиургом (т. е. — творцом) видимого мира. Люди, по их мнению, состоят из тела, души и духа. Последний из этих трех элементов — частица Божества, заключенная в темницу материи. Мир наполнен непрерывной борьбой — дух, плененный материей, жаждет вырваться из ее объятий и вознестись в плерому, но сам этого сделать не может. Чтобы спасти его, Высочайший Дух послал в мир своего Верховного сына, дабы тот передал людям *ГНОСИС* — т. е. знание об их духовном происхождении и способе, с помощью которого они смогут освободиться от оков материи. Лишь тот, кто получит это сокровенное знание, обретет спасение и воссоединится с плеромой. Многочисленные и враждовавшие между собой гностические школы по-разному развивали и детализировали эту схему — одни изображали Демиурга злым, другие — нейтральным, третьи пытались приспособить ее к событиям христианской священной истории и отождествляли Демиурга с иудейским Яхве, а Иисуса Христа — с эоном-Спасителем.

Гностические идеи способствовали расцвету мистериальных культов, оказали ощутимое воздействие на самые разные религиозные и философские течения античного мира, под их непосредственным воздействием складывалась, например, философия неоплатонизма. Очень рано проникли они и в христианские общины. Особенно ими интересовались те, кого по складу ума привлекала не только вера, но и теософия. С ними был знаком еще апостол Павел, вслед за гностиками различавший в людях «душевное» и «духовное».¹ «Водворяясь в теле, — писал он, — мы устранны от Господа и, поскольку ходим верою, а не видением, то благодушествуем и желаем лучше выйти из тела и водвориться у Господа»². Но особенно чувствуется влияние гностических веяний в четвертом каноническом Евангелии, которое открывается поэмой о Слове-Логосе — посреднике между Богом и мирозданием.

¹ 1 Коринф. 15:44,46.

² 2 Коринф. 5:6-8.

Уже в первом веке гностическими концепциями воспользовались христианские секты докетов и симониан, а также родоначальник одной из древнейших ересей — ересиарх Керинф, который утверждал, что с добродетельным человеком Иисусом во время крещения в Иордане соединился посланный Высшим началом Христос, чьей силой Иисус и творил чудеса. Гностиком считали и отчаянно боровшегося с иудаизмом Маркиона. Когда же Иисус был провозглашен Богом, влияние гностицизма на христианские общины еще больше усилилось. Появились писания, утверждавшие, что Христос доставил людям спасение не своей крестной

жертвой, а проповедью спасительного знания. При этом он будто бы проповедал двоякое учение: одно открыто изложил для всех, другое — истинное и тайное — поведал лишь избранным. Первое содержится в известных всей Церкви книгах Священного писания. Второе хранят апокрифические (т. е. «тайные») евангелия, деяния и апокалипсисы, доступные только посвященным. (Само слово «апокрифический» поначалу указывало на гностическое происхождение того или иного текста.) Гностики уверяли, что больше всего тайн Спаситель открыл своему «любимому ученику» апостолу Иоанну, апостолу Фоме, прозванному «Дидимом», т. е. «близнецом» (Иисуса — так считали древние христиане), и Марии Магдалине, и потому связывали с их именами происхождение большинства своих сочинений.

О популярности гностических учений свидетельствует обилие найденных археологами амулетов с греческой надписью $\alpha\nu\rho\alpha\zeta\alpha\varsigma$, цифровое значение которой равно 365, т. е. числу ангелов и небесных сфер в концепции александрийского ересиарха Василида, жившего в первой половине II в.

Успеху и устойчивому влиянию гностиков на христианскую массу в огромной мере способствовало простое, понятное всякому объяснение вопроса, на который христианская доктрина тоге времени не находила ответа — почему в мире торжествует зло? По мере нарастания в III в. внутреннего кризиса римского общества он все больше и больше занимал умы. Чтобы снять с Единого, Благого и Всемогущего Бога-Творца ответственность за мировое зло, христианство вынуждено было разрабатывать сложную доктрину — теодицею, понять и усвоить которую мог далеко не каждый. Стереотипам народного мышления куда больше соответствовали гностические истории о злобных происках сил мрака и победе над ними обладателей истинного знания. Людей же более образованных привлекали сложные космологические концепции гностиков, противопоставить которым христианству II в. также было нечего. Но признание правильности их утверждений означало бы отказ от веры и обрядности, за которыми стояла уже полуторавековая традиция. Разглядев в гностицизме своего опаснейшего противника, Церковь развернула в последней четверти II в. беспощадную борьбу с ним. Критике и разоблачению этого, как они говорили, «лжеименного знания» посвятили свои главные труды виднейшие христианские писатели конца II и III вв.

ОБРУЧЕНИЕ С ФИЛОСОФИЕЙ. ОРИГЕН

Библейские сказания, складывавшиеся на протяжении полутора тысяч лет, были слишком противоречивы в объяснении Бога и мира, слишком мало связаны друг с другом, чтобы успешно соперничать в борьбе за умы греков и римлян с философскими системами античности. Пытливая эллинская мысль, еще со времен Гесиода и Пифагора стремившаяся постичь гармонию мироздания, уже давно разрабатывала сложные космологические концепции, знакомство с которыми считалось важным элементом греко-римской образованности. На их фоне библейский шестоднев выглядел примитивной сказкой. Проповедники христианства все острее ощущали необходимость изложения понятий веры в привычных для слушателей категориях философской логики. Если в Карфагене, преодолевая неприязнь к языческой философии, ими вынужден был пользоваться Тертуллиан, то в Александрии поставить языческую мудрость на службу христианской проповеди пытался Климент Александрийский. Однако христианству уже требовалось нечто большее — оно нуждалось в целостной концепции мироздания, способной убедительно ответить на вопросы, волновавшие образованных современников, и непротиворечиво согласовать между собой все постулаты христианской веры.

Местом ее рождения стала Александрия Египетская. Здесь, по соседству со знаменитой библиотекой и Мусейоном, в атмосфере учености и непрерывных философских и религиозных диспутов, потребность в такой концепции стала очевидной раньше всего. Александрийское огласительное училище, в котором наставляли основам веры, постепенно превратилось в крупный учебный центр, где наряду со Священным Писанием преподавали греческую литературу, риторику и философию, а слушателем мог стать всякий, кто стремился расширить свое образование. Именно здесь, в стенах христианской «академии» на исходе II в., получил подготовку «отец церковной науки» Ориген (ок. 185-254).

Внимательно вчитываясь в тексты Священного Писания, он старался постичь свойства Божества. Во-первых, подмечал Ориген, Бог вечен, для него не существует времени, и потому Он неизменен. Он не имеет начала и сам является началом всего. Во-вторых, Он абсолютный свет и абсолютное благо, Его природа непостижима и известна лишь самой себе. Поскольку же Бог неизменен и не приобретает со временем новых свойств, неверно думать, что Он в какой-то момент стал творцом. Он всегда им был, и потому *тварный мир так же вечен, как и сам. Бог.*

Но, в отличие от Него, мир существует во времени и потому подвержен изменениям. Поначалу он был населен разумными и почти бестелесными духами, но затем некоторые из них, отвлекаясь от созерцания Божества, утратили должную любовь к Нему. Их тела сгустились и приобрели материальность. Чем дальше они уклонялись от Бога, тем плотнее и весомее становилась их телесная оболочка. В конце концов все духи разделились на три категории. Те, у кого любовь к Богу преобладала, образовали многоступенчатый мир ангелов, где каждый занимает место, соответствующее его добродетели. Духи, чьи греховные и добрые помыслы как бы уравновешены, превратились в души и стали называться людьми. Те же, которые «дошли до крайности злодеяний», стали демонами.

На смену одному телесному миру, считал Ориген, приходит другой. Каждый из них в отдельности конечен, но вместе они образуют бесконечный поток бытия. От помыслов и поведения духов в предыдущем мире зависит степень их телесности и место в последующем. Путь к искуплению и спасению остается постоянно открыт даже для дьявола и его демонов. Рано или поздно все духи преодолеют свою греховность и освободятся от тяжелой телесной оболочки.

Стремление отделить, освободить духовное от телесного связывало Оригена с гностической философией и мало соответствовало вере первых христиан во всеобщее воскрешение мертвых во плоти. Сгладить это противоречие философ попытался следующим рассуждением. В результате непрерывного обмена веществ человеческое тело не остается равным себе даже в течение нескольких дней, не говоря уж о тех переменах, которые происходят в нем с возрастом. Кто же воскреснет для вечной жизни — младенец, юноша или дряхлый старец? Тления и распада, считал Ориген, избегнет лишь та матрица живого организма, которой подчиняются вещества в процессе обмена. Духи, вернувшиеся однажды к своему Божественному первоисточнику, воплотятся не в ту материю, которая после смерти тела истлела и рассеялась, а в чистый и светоносный эфир.

Стремясь противопоставить гностическим теориям согласованную во всех частях христианскую картину мира, Ориген, как видим, сам был не свободен от влияния гностических идей. Но усматривая цель бытия в избавлении «от оков телесности», он, в отличие от гностиков, не считал материю источником зла, у него она выступала скорее как средство исправления греховности падших духов.

«Откуда же, в таком случае, берется зло?» — Этот вопрос гностиков не раз ставил в тупик христианских богословов. «Если ваш благой Бог всемогущ, — говорили они, — и при этом сотворил мир таким, каков он есть, то он-то и является виновником зла и несправедливости, царящих на земле». Одним из первых Ориген начал разрабатывать христианское учение о неповинности Бона в существовании зла Бог ни в коем случае не может быть источником зла, рассуждал философ, ведь Он — Абсолютное Благо, таким Его представляет Священное Писание. Но тогда, следуя здравому смыслу, приходится признать Создателя мира не всемогущим. Однако то же самое Писание постоянно называет его «Всесильным». Эту дилемму Ориген решил в пользу «всеблагости», поступившись «всемогуществом». На его взгляд, справедливый Бог сотворил всех одинаково совершенными, но так как разумные существа наделены свободой выбора, некоторые из них по своей лености отступили от добра, сохранение которого требует упорного труда. Так возникло зло. Источником его в концепции Оригена оказалась свобода воли разумных тварей. Однако сама по себе она не является злом, ибо благодаря ей возможно не только грехопадение, но и спасение падших духов. Настоящая причина зла — духовная леность.

Далеко не все в учении Оригена было впоследствии признано Церковью и усвоено христианским богословием, однако этот философ сделал для укрепления позиций Церкви больше, чем самые видные иерархи того времени, ибо оптимизм оригеновской эсхатологии, обещавшей спасение всем, примирял христианство с античной культурой, а его космология проложила дорогу к христианской вере для интеллектуальной элиты греко-римского общества и таким образом приобрела ей влиятельных защитников и покровителей. Многие в концепции Оригена оказались привлекательными и для рядовых христиан. Правда, некоторые ее положения, воспринятые народной религиозностью упрощенно или односторонне, впоследствии стали исходным пунктом ересей и расколов, поэтому сам философ был отлучен от Церкви и предан проклятию на нескольких поместных и Вселенских соборах. Тем не менее жившие столетие спустя Василий Великий, Григорий Богослов и Григорий Нисский, которых во всем христианском мире почитают основоположниками церковной догматики, называли Оригена своим учителем.

РЕЛИГИОЗНОСТЬ ХРИСТИАНСКИХ МАСС

Складывание христианской веры происходило одновременно на нескольких интеллектуальных уровнях. В ее формировании участвовали не только ученые богословы вроде Тертуллиана или Оригена, но и полуграмотные, а то и вовсе неграмотные ремесленники и крестьяне. Христианин из простонародья, часто сам вчерашний язычник, с детства усвоивший принципы мышления и поведения родной культуры, даже поверив в Христа, продолжал жить в языческом окружении и волей-неволей должен был соблюдать большинство норм его обыденной жизни. Да и в христианской проповеди, как правило, неопита привлекала не столько этика, призывавшая «возлюбить ближнего своего», сколько обещание, что, умерев, он будет воскрешен во плоти для жизни вечной. Соблюдение же предписанных Христом нравственных заповедей далеко не сразу становилось для него самоценным; большинством оно воспринималось прежде всего как средство достижения вечного блаженства. Неудивительно, что представления и принципы, усвоенные из христианской проповеди, тесно и причудливо переплетались в сознании простонародья со стереотипами языческой культуры. Освобождение от «языческого балласта» происходило в этой среде крайне медленно, и в то же время сама она активно участвовала в формировании христианской религиозности, предлагая собственные, пусть и незамысловатые, ответы на вопросы, казавшиеся неразрешимыми церковным интеллектуалам.

Характернейшей чертой религиозности христианских низов оставался политеизм — вера в единого Бога уживалась с поверьем в существование могущественных демонов, сфера деятельности и «полномочия» которых строго разграничены. То обстоятельство, что христиане не называли их богами, не столь уж существенно; важно, что сверхъестественный мир представлялся им даже не би- (Бог—Сатана), а многополярным. Массовое сознание не изжило полностью и веру в языческих богов. Вопреки учению апостола Павла о том, что их изваяния — всего лишь сделанные людьми истуканы, не способные принести ни вреда, ни пользы, они воспринимались христианской массой как источник, пусть злой, но все же сакральной силы. В особых случаях, когда речь шла об исцелении от тяжких недугов, к их помощи обращались, невзирая на все церковные запреты. Вообще же интерес к силам зла, сосредоточенность на нем составляли еще одну специфическую сторону народной религиозности. Уже у христиан I в. бытовали вполне конкретные представления о царстве Сатаны и демонов, усвоенные, скорее всего, из агады¹ и народных поверий иудаизма. Считалось, что дьявол и его прислужники обитают где-то на юге Египта, поэтому раннехристианский фольклор часто называет их «египтянами» или «индийцами».

¹ Агада (*евр.* — сказание) — предания и легенды, дополняющие библейские (ветхозаветные) сюжеты занимательными и назидательными подробностями. Христианская апокрифика отчасти складывалась как своеобразное развитие агадической традиции.

Эта стихийно складывавшаяся демонология играла роль народной теодицеи, снимавшей со всеблагого Бога ответственность за мировое зло. Испытывая трудности в этом вопросе, древняя Церковь боролась с подобными суевериями очень осторожно, предпочитая не замечать или даже «узаконить» их. Постепенно сама церковная традиция усвоила значительную часть народных представлений о демонах¹. На уровне низкой религиозности первоначально складывалось и христианское учение об ангелах.

¹ В принципе, Церковь никогда не отрицала существования демонов, поскольку рассказы о них содержались уже в ветхозаветных книгах, где действующими лицами иной раз выступают не только дьявол, но и личные злые духи (см., напр.: Товит, 3:8). Согласно Евангелиям, Христос неоднократно совершал изгнания бесов (см., напр.: Мф. 8:28-32). Апостол Павел верил, что дьявол и его слуги — духи злобы обитают в воздухе или в «поднебесной» (Еф. 2:2; 6:12), основание для чего, с одной стороны, давала Книга Иова, в которой дьявол рассказывает, как, обойдя всю землю, он «протек в поднебесную» (см. Иов. 1:7; 2:2), а с другой — распространенные у греков-язычников представления о демонах как бесплотных сверхсуществах, кишащих в воздухе и наделенных сверхъестественными возможностями. В первые четыре века христианской эры церковная традиция в целом придерживалась того же взгляда, что и апостол Павел: о множестве демонов, носящихся в воздухе, говорили и Тертуллиан, и Антоний Великий (ок. 250-ок. 355), и Иоанн Златоуст (347-407). Но при этом уже в 40-е гг. II в. Иустин Философ писал, что страной демонов является Египет. См.: «Диалог с Трифоном иудеем». Гл. 79.

Хорошо зная о тяготении паствы к политеизму, руководители древней Церкви старались придать ему формы, наименее противоречащие вере в единого Бога, поэтому с конца II в. Церковь начинает формировать пантеон христианских святых.¹ Народная религиозность тотчас перенесла на них важнейшую черту языческого культа обожествленных героев — приписав их останкам сверхъестественную и чудотворную силу. По моделям языческой ментальности в сознании христианских масс сложилась и «спецификация» святых. Если Ориген считал, что молиться следует лишь Богу Отцу и что даже молитвенное обращение к Христу есть «невежественное заблуждение», то христианское простонародье предпочитало лишний раз не беспокоить Бога, полагая, что конкретный святой в «подведомственной» ему сфере полномочен чудесным образом повлиять на ход событий.

¹ Поначалу некоторые церковные мыслители решительно выступали против этого. Тертуллиан, например, высмеивал саму мысль о том, что мертвые могут покровительствовать живым. См.: «Апология». Гл. 29.

В большом ходу у рядовых христиан были всевозможные амулеты, обереги и заклатья, сохранившиеся из языческого религиозного обихода и свидетельствовавшие о живучести веры в магию; от языческих их отличала только особая христианская символика. В полном соответствии с приемами практической магии использовались и останки христианских мучеников — как надежное средство для противодействия враждебным сверхъестественным силам.

Если церковных интеллектуалов больше занимала умозрительная теология, то для простонародной веры важнее был конкретный образ. В писаниях, созданных на иудейской почве, совершенно отсутствовали словесные портреты, тогда как чувственный греко-римский мир требовал не метафорически отвлеченной, а зримой и конкретной образности. Иконография, складывавшаяся в рамках низовой религиозности, стала своеобразной формой народного богословия. Именно к ней обратилось христианское изобразительное искусство, когда унаследованный из иудаизма запрет на антропоморфные изображения стал постепенно слабеть. Привычные для нас образы Христа, Богородицы и апостолов довольно точно воспроизводят их описания в фольклоре древних христиан. На иконах и живописных полотнах всегда легко узнаются коренастая фигура и лысина «апостола язычников»; именно таким изобразил его автор появившихся в середине II в. «Деяний Павла»: «И увидел он Павла шествующего, мужа низкорослого, лысого, с ногами кривыми, с осанкою достойною, с бровями сросшимися, с носом немного выступающим...»¹

¹ Иной раз эти «словесные портреты» выписаны столь тщательно, что и современный уголовный розыск не мог бы пожелать лучшего. Примеры этого мы находим и в «Страстях Варфоломея», где демон предоставил идолопоклонникам подробную справку о внешности апостола, и в «Истории Филиппа», автор которой почти скульптурно изобразил наместника Сатаны. Не только портретные характеристики, но и сюжеты апокрифических деяний были восприняты раннехристианским, а затем и мировым изобразительным искусством. Уже на саркофаге Юния Баса (359 г.) можно разглядеть рельефное изображение апостола Павла, сопровождаемого на казнь центурионами Лонгином и Мегистом. «Кровоточивая жена» Вероника неизменно присутствует в сцене несения креста на картинах средневековых живописцев. Наказание Пилата стало одной из частых тем русского лубка.

Задолго до учителей и отцов Церкви народное богословие стало конструировать «топографию» потустороннего мира и его «распорядки»: апокрифические «откровения» в подробностях описывали ландшафты небесных сфер и «мест мучений», церемониал общения Бога с ангелами и святыми. «Град Небесный» массовое сознание создало по модели Римской империи, с ее чинами и сословным делением, придворным церемониалом и коллективными петициями к верховному владыке. Эти описания были пронизаны наивным рационализмом и уверенностью в материальной конкретности инобытия. Например, всеведение Бога христианские массы объясняли себе тем, что он ежедневно «заслушивает» доклады ангелов о поведении их подопечных. А в одном из апокрифических апокалипсисов рассказывалось, как апостол Павел, подойдя к вратам рая, узрел перед собой большие стены с портретами и именами еще живущих на земле праведников.¹

¹ Апокалипсис Павла. Гл. 19.

Позднее Церковь объявила «апокрифическими» и отвергла большинство этих легенд, однако некоторые все же были усвоены ею и стали частью христианского священного предания. На их основе Церковь установила два из двенадцати своих самых главных, так называемых «двунадесятых», праздников — Рождество Богородицы и Введение Богородицы во Храм.

В связи с кризисом и упадком главных культов греко-римского пантеона в середине-второй половине III в. приток в христианство неопитов из языческой среды стал массовым. Вера рядовых христиан, и без того во многих отношениях близкая языческим народным верованиям, в этот период особенно интенсивно усваивала представления о реальности некромантии, способности колдунов и магов менять свой облик, превращать людей в животных, заставлять каменные и медные статуи говорить, смеяться и двигаться и т. д. Описание подобных «чудес» стало обычным для низовой христианской литературы, тогда как апокрифы более раннего времени их практически не знали.

Несмотря на значительный прогресс в развитии вероучения и формировании церковной организации, христианство конца III в. все еще не было единой религией. В разных общинах представления о Боге и Христе, об устройстве мира и сроках второго пришествия Иисуса по-прежнему очень различались. Разнились и обрядовые нормы Церквей, взгляды епископата на состав Священного Писания. Книги, которые в одних Церквях признавались «богодухновенными» и использовались в богослужении, в других могли считаться «сомнительными», «подложными» или даже «апокрифическими».

СПОРЫ ПОБЕДИТЕЛЕЙ: БОГОСЛОВСКИЕ ДИСКУССИИ В IV-V ВВ.

В начале IV в. христианство уже являлось самым значительным религиозным течением античного мира. Оставаясь конфессиональным меньшинством, его приверженцы численно превосходили адептов любого отдельно взятого языческого культа, а закаленная гонениями Церковь превратилась в стойкую и могущественную организацию, о союзе с которой уже мечтали многие политические силы в Империи. Во время очередной борьбы за власть, развернувшейся вскоре после отречения императора Диоклетиана (284-305) между четырьмя назначенными им преемниками, трое из них постарались заручиться поддержкой христианской Церкви. Лишь август Галерий какое-то время продолжал преследовать христиан, но и он в 311 г. опубликовал эдикт, предоставлявший им свободу вероисповедания при условии, что они будут молить своего бога о его царственном здоровье.

Борьба за верховную власть завершилась победой двух августов — Константина и Лициния. Летом 313 г. они встретились на севере Италии в городе Медиолане (современный Милан) и опубликовали совместный указ, отменивший все дискриминационные законы, касавшиеся христиан. В особо благоприятном положении оказались общины западных областей Империи, власть над которыми сосредоточилась в руках Константина. Хотя первое время он старался придерживаться принципа равноправия религий (при нем сохранился культ «божественного императора», а основание новой столицы на Боспоре Фракийском одновременно освящали языческие и христианские обряды), указы, изданные им в 313, 315, 319, 321 и 323 гг., обеспечили Церкви привилегированное положение. Ее служители освобождались от всех повинностей, христиане из мирян получали право судиться по гражданским (т. е. не связанным с преступлениями) делам у своего епископа. Став в 323 г. единовластным императором, Константин распространил действие этих эдиктов и на восточную часть Империи.

Едва положение гонимой прежде Церкви изменилось, все, что в виду необходимости хранить единство не подлежало прежде обсуждению, нашло выход в ожесточенных спорах. Раньше всего они развернулись там, где склонность к богословским диспутам была наиболее сильна, — в Александрии Египетской.

Их начало принято связывать с выступлением части александрийского клира, духовным вождем которой стал пресвитер одного из тамошних приходов Арий. Примерно в 318 г. он открыто начал проповедовать, будто второе лицо христианской Троицы вовсе не единосущно Богу Отцу. Согласно Писаниям, говорил Арий, Сын был рожден и следовательно — сотворен, а потому, в отличие от Бога Отца, он — не Творец, но всего лишь тварь. Раз Сын имеет начало, значит, он не вечен. Стало быть, его природа и сила иные, нежели у Бога Отца.

Александрийский митрополит Александр резко осудил эти воззрения и даже отлучил от Церкви Ария и его наиболее ревностных сторонников. Однако склонное к философским диспутам египетское духовенство было настроено иначе. Значительная его часть (в том числе два епископа) высказались в поддержку арианской доктрины. Могущественных сторонников

нашел Арий и за пределами Египта. Его поддержали многие сирийские иерархи и предстоятель столичной никомедийской общины, пользовавшийся большим влиянием на императора Лициния епископ Евсевий. В 321 г. на поместном соборе египетских епископов Александрийский митрополит добился осуждения арианства. Арий вынужден был покинуть Египет и перебраться в Никомедию, где, пользуясь гостеприимством епископа Евсевия, изложил свои воззрения в популярном сборнике «*Пир*». Будучи человеком разносторонне одаренным, он сочинял «корабельные», «мельничные» и «путевые» песни, с помощью которых пропагандировал свои взгляды среди трудового люда. «Когда же богохульство таким образом распространилось в церквях египетских и восточных, — пишет церковный историк Феодорит, — то в каждом городе и селении стали открываться споры и ссоры..., а простой народ был зрителем событий и судьей речей, присоединяясь либо к одной стороне, либо к другой».¹ Спорящие стороны поочередно собирали поместные соборы (в Вифинии, Александрии, Антиохии), на которых Ария то объявляли ересиархом, то оправдывали и принимали в лоно Церкви. Немалую роль при этом играла складывавшаяся в империи политическая обстановка: ариан поддерживал император Лициний, чьи отношения с Константином все более и более обострялись. В конце 322 г. их скрытая вражда переросла в военное столкновение. Еще через два года, разгромив армию и флот своего коллеги, Константин сделался единовластным правителем Римской империи. Крайне встревоженный невиданным доселе расколом среди христиан, он постарался, не вникая в суть богословских споров, примирить противников и восстановить единство Церкви. В письме, адресованном одновременно примасу Востока митрополиту Александру и отлученному от Церкви Арию, император заявил, что оба они одинаково виновны в нарушении церковного мира, вопрос же, из-за которого разгорелся их пагубный для Церкви и империи спор, не имеет догматического значения. Константин рекомендовал им брать пример с языческих философов, умеющих, несмотря на страстные споры, уживаться мирно. Однако посредничество императора не имело успеха, и тогда Константин решил созвать всехристианский собор.

¹ Церковная история, I, 6.

ПЕРВЫЙ ВСЕЛЕНСКИЙ СОБОР В НИКЕЕ

Весной 325 г. во все пределы Римской державы были разсланы грамоты, приглашавшие епископов прибыть в расположенный неподалеку от восточной столицы империи город Никею. По замыслу Константина, на соборе должен был сойтись весь христианский мир, поэтому приглашения получили также и епископы Церквей сопредельных Риму стран.

В отличие от прежних, поместных, соборов, Никейский носил *экуменистический* (вселенский) характер — на нем были представлены христианские общины от Испании до Персии, от Эфиопии до Скифии и Кавказа. Подобного форума, созданного для обсуждения духовных проблем, прежде не знала ни история Церкви, ни история культуры вообще. Никейский собор впервые воочию продемонстрировал универсальный, мировой характер христианской религии. В его работе приняли участие около 300 епископов,¹ среди которых было много замечательных личностей. Позвали на собор и Ария.

¹ В уцелевших письмах императора Константина и сочинениях церковных историков IV-V вв. называется разное число участников собора — от 250 до 320. Метафорическая цифра 318 (число верных рабов Авраамовых) утвердилось в церковной литературе значительно позднее.

Открывая заседания, император приветствовал собравшихся торжественной речью на латинском языке (что должно было подчеркнуть официальный характер происходящего) и затем принял деятельное участие в прениях, предопределив тем самым их исход. Выступление Ария, назвавшего Христа «произведением» и «тварью», вызвало бурное негодование присутствовавших. Содержавший те же выражения арианский вероисповедальный символ был на глазах у всех разорван в клочья. Большинство святых отцов, съехавшихся в Никею, хотели сформулировать символ христианской веры, пользуясь лишь теми выражениями, которые встречаются в тексте Священного Писания. Ариане охотно соглашались на это, но давали словам Писаний собственное толкование.

— Сын от Бога, — начинали формулировать одни.

— Конечно! Все от Бога, — парировали другие, — да не все — Бог!

— «Иисус Христос есть сияние славы и образ ипостаси Отчей»,¹ — цитировали апостола

Павла противники ариан.

— И мы созданы по образу и подобию Его, и всякая тварь, даже кузнечики и гусеницы, есть сияние славы Творца, — отвечали им ариане, — но это не значит, что мы или даже Христос тождественны Богу по существу.

¹ Евр. 1:13.

В конце концов, противники ариан, чтобы отстоять нетварную природу и полноту божественности Иисуса Христа, вынуждены были воспользоваться не библейскими, а философскими выражениями «единосущный» и «из сущности» Отца, включив их в принятый на соборе Символ веры.

Простейшие символы веры существовали уже у первых христиан. В середине II в. среди западных общин получил распространение так называемый «Апостольский символ», до сих пор пользующийся особым почтением в Римской церкви.² Любопытно, что Христос еще не назван в нем Богом, по отношению к Нему употреблено латинское слово «dominus», т. е. господин или господь. Так принято было называть хозяина, начальника, учителя. «Domine» часто служило формой вежливого обращения к любому уважаемому человеку.

² Апостольский символ: «Верую в Бога, Отца всемогущего, Творца неба и земли, и в Иисуса Христа, Сына его едиnorodного, Господа нашего, который зачат был от Духа Святого, рожден от Марии Девы, претерпел при Понтии Пилате, распят был, умер и погребен; сошел в преисподнюю; на третий день воскрес из мертвых, взшел на небеса; восседает одесную Бога Отца Всемогущего, оттуда придет судить живых и мертвых. Верую в Духа Святого, святую церковь кафолическую (т. е. вселенскую. — А. С.), причащение святых, отпущение грехов, жизнь вечную. Аминь».

Одновременно с этим символом в восточных общинах появились кое в чем от него отличавшиеся собственные вероизложения (Иерусалимский, Антиохийский, Александрийский, Аквилейский и Кипрский символы). Осознав свою вероисповедальную самобытность по отношению к иудаизму, христиане старались сформулировать в них важнейшие принципы своей веры. Так закладывалась основа христианской догматики. Церковные деятели и писатели (в том числе Иустин Философ, Ириней, Тертуллиан) стремились изложить вероисповедальный символ таким образом, чтобы исключить возможность его еретических толкований. Поэтому в каждом из них остались следы борьбы с той или иной ересью. Например, вероизложение Аквилейской церкви, направленное против монархиан-модалистов, называло Бога Отца «невидимым и неподлежащим страданию».

Точно также и Никейский символ 325 г., возникший в борьбе с арианством, настойчиво утверждал догмат о единосущии Бога Отца и Бога Сына. Он не только называл Христа «истинным Богом», «единосущным» Отцу, «едиnorodным», «из той же сущности», что и Отец, но и подчеркивал, что Его засвидетельствованное Писаниями рождение вовсе неравнозначно тварности. Более того, он предавал анафеме всех, кто осмеливался говорить, будто Сын сотворен, не вечен или изменяем.

Но многократное повторение ничем друг друга не дополнявших синонимов показывает, что никейские отцы мучительно искали подходящее определение, да так и не нашли его.

Никейский символ (325 г.)

«Веруем во Единого Бога Отца, Вседержителя, Творца всего видимого и невидимого. И во Единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, рожденного от Отца, Единородного, то есть из сущности Отца, Бога от Бога, Света от Света, Бога истинного от Бога истинного, рожденного, несотворенного, единосущного Отцу, через Которого все произошло на небе и на земле. Нас ради, человек, и нашего ради спасения сошедшего и воплотившегося, вочеловечившегося, страдавшего и воскресшего в третий день, восшедшего на небеса и грядущего судить живых и мертвых. И (верую) в Святого Духа. А говорящих о Сыне Божием, будто было время, когда Его не было, или будто не было Его до того, как родился Он, или что произошел Он из несущего, а также говорящих, будто Сын Божий из иной (нежели Отец) ипостаси или сущности, или сотворен или изменяем, — тех анафематствует кафолическая (т. е. вселенская) Церковь».

В отличие от ранее существовавших вероизложений, Никейский символ стал догматом всей Церкви, закрепив, таким образом, ее вселенское единство. Его исповедание было

объявлено государственным законом для христиан Римской империи. Уделив Богу Отцу и Духу Святому менее одной седьмой своего текста, он, по существу, превращал Иисуса Христа в главное лицо Божественной Троицы, с принятием Никейского символа Церковь и проповедуемая ею религия в полном смысле слова становились христианскими.

Почти все епископы, разделявшие поначалу взгляды Ария, к моменту подписания символа, подчинившись ласковому нажиму императора, отреклись от арианства. Отказались подписать его лишь сам Арий и два его ближайших единомышленника, за что и были отправлены в далекое изгнание. Еще три епископа, в том числе Евсевий Никомедийский, поставив свои подписи под основным текстом, не хотели подписывать содержащиеся в конце символа анафематизмы и тоже вынуждены были уехать в ссылку.

БОРЬБА ВОКРУГ НИКЕЙСКОГО ВЕРООПРЕДЕЛЕНИЯ

Обретая высокий государственный статус, Церковь в то же время лишалась духовной независимости. Отныне любые перипетии политической борьбы, ни на минуту не прекращавшейся вокруг трона, а то и просто перемены в настроениях императора стали тотчас отзываться на ее внутренней жизни и вероучении. Богословские споры, началом, а не концом которых, вопреки ожиданиям Константина, явился Никейский собор, оказались теснейшим образом связаны с жизнью императорского дома и политической историей державы. Всего через несколько лет после Никейского собора Константин стал склоняться на сторону ариан. Благодаря настойчивым ходатайствам дочери императора принцессы Констанции были возвращены из ссылки Арий и его единомышленники. Ересiarху даже позволили вернуться в лоно Церкви, однако за три дня до предстоявшего ему воцерковления он был отравлен сильнодействующим ядом и скончался в страшных мучениях. Несмотря на смерть своего идейного вождя, арианами удалось сохранить влияние на императора. В 337 г., уже на смертном одре, он принял крещение из рук возвращенного из ссылки Евсевия Никомедийского.

После смерти Константина богословские споры развернулись с новой силой и, как двадцать лет назад, вновь выплеснулись на улицы. Рынки, площади, перекрестки наполнились, по свидетельству современника, спорящими: «Хочешь узнать о цене на хлеб, — пишет он, — отвечают: "Отец больше Сына"; справишься, готова ли баня, — говорят: "Сын произошел из ничего"». Долгое время казалось, что арианство торжествует окончательную победу. В 337 г. империя была разделена между сыновьями Константина — Константином и Констанцией. Воцарившийся на востоке Констанций стал энергично поддерживать ариан. В таких условиях от Никейского символа отсеклось большинство его прежних сторонников. Но едва ли это было предательством христианской веры — отношение к Христу как к более важному лицу Троицы веками укоренялось в сознании верующих, преодолеть его в одночасье, простым соборным постановлением было невозможно.

К тому же многие воспринимали выражение «единосущный» как скрытое монархианство. Такой взгляд находил подтверждение в неудачной терминологии включенного в Никейский символ анафематизма, одинаково проклинавшего и тех, кто утверждал, будто Сын «из иной сущности», и тех, кто говорил, что Он «из иной ипостаси», нежели Отец. Если Сын тождественен Отцу и по сущности, и по ипостаси, рассуждали верующие, кто же, как не Творец вселенной, оказался распят на кресте? Но их сознание, воспитанное на идеях платоновской философии, отказывалось представить безначальное и бесконечное абсолютное Божество пригвожденным к кресту, кричащим и страдающим. Наспех сформулированный Никейский символ в конечном счете не удовлетворил никого. В своем антиарианском запале никейские отцы допустили явный перебор. Их стремление утвердить во что бы то ни стало божественное тождество Отца и Сына привело к тому, что троичность христианского Бога «повисла в воздухе». Чтобы хоть как-то обосновать ее догматически, многие (в том числе епископы, подписавшие Никейский символ) предпочитали говорить не о «едино-сущий» (греч. «омоусия») Отца и Сына, а об их «подобно-сущий» (греч. «омиусия»). Им казалось, что, меняя всего лишь одну букву в греческом слове, они решают тринитарную проблему. Староникейцы, т. е. те немногие, кто сохранил верность никейскому вероопределению, прозвали таких богословов «омиусианами». В 40-70 гг. IV в. омиусиане составляли подавляющее большинство христиан в восточных областях Империи.

Едва ли не самым стойким защитником никейской веры на протяжении почти полувека оставался Афанасий Александрийский (295-373). В 328 г. он занял александрийскую кафедру и возглавлял ее в течение сорока шести лет. Пять раз лишали его епископского достоинства, пятнадцать раз он вынужден был отправляться в изгнание, неоднократно скрывался в пустынях

Египта, спасаясь от преследователей, жил на кладбищах, но от вероисповедального символа не отступил ни разу. В своих многочисленных трудах, направленных против арианства, Афанасий развивал идеи христианской *сотерологии* (учения о спасении), основу которой заложил еще Ириней Лионский. По мысли Афанасия, победу над смертью людям обеспечивает лишь полнота божественности Иисуса Христа. Если же, как учат ариане, облекшийся плотью и вочеловечившийся Сын Божий не той же сущности, что и Отец, если Он не вечен и изменяем, то соединение с Ним по плоти не может дать людям спасения и жизни вечной. «Если Христос не Бог, то мы не спасены!» — возглашал Афанасий.

Тем не менее политическая обстановка середины IV в. благоприятствовала арианам. В 350 г. умер император Констант, и западная часть Империи перешла под управление арианина Констанция. Все западные епископы, исповедовавшие Никейский символ, были отправлены в изгнание, и на протяжении двенадцати лет арианство торжествовало повсеместно. Даже Римская церковь, долгое время не признававшая низложения Афанасия Александрийского с митрополичьей кафедры, была принуждена согласиться с его осуждением.

К середине IV в. догматические вопросы стали доминантой религиозного сознания самых широких христианских масс. «Прислуга, не раз битая, сбежавшая от рабской службы, с важностью философствует о Непостижимом, — писал в это время епископ провинциального малоазийского городка. — Такими людьми полны улицы, площади и перекрестки. Это торговцы платьем, денежные менялы, продавцы съестных припасов». В последней четверти IV в. уже практически любое социальное или политическое выступление городских низов Римской империи облекалось в форму того или иного религиозно-догматического движения. Естественно, что сочинения, адресованные христианским массам или рожденные в их среде, гораздо больше внимания, чем прежде, уделяли вероучительным вопросам. Нашло это отражение и в апокрифах.

ВЕЛИКИЕ КАППАДОКИИЦЫ

Сформулировать свое главное вероутверждение и преодолеть чуть было не погубивший ее раскол Церковь смогла лишь во второй половине IV в. Сделано это было благодаря трудам Василия Великого (329-379), Григория Богослова (330-389) и Григория Нисского (335-389), позднее причисленных к лику святых и объявленных вселенскими отцами Церкви.

Все трое происходили из малоазийской провинции Каппадокия. Василий Великий и Григорий Нисский были родными братьями, а с будущим Григорием Богословом Василий сдружился во время их учебы в основанной еще Платоном афинской Академии. Одновременно с ними там учился и будущий император Юлиан Отступник. Григорий Богослов впоследствии не раз напоминал ему о совместном увлечении науками и по праву старой дружбы добивался налоговых послаблений и льгот для своих родственников и родного Назианза, что, впрочем, не помешало ему после смерти коронованного «сокурсника» сочинить против него два обличительных и весьма ядовитых трактата.

Получив блестящую философскую подготовку и став христианами, «каппадокийцы» приложили немало сил, чтобы преодолеть непонимание христианского вероучения теми, кто привык мыслить об Абсолютном в категориях греческой философии. Путь к этому был один — придать языку богословия определенность логических формул. Случайные заимствования из философского лексикона оказались не в состоянии помочь решению тринитарной проблемы — об этом свидетельствовала борьба, развернувшаяся вокруг мутной терминологии Никейского символа. Такие термины, как «сущность», «природа», «ипостась», каждый христианский автор понимал и использовал по-своему. Это создавало путаницу и порождало споры. Чтобы выйти из тупика, в котором оказалось христианское богословие, необходимо было разработать систему четких и всеми одинаково понимаемых терминов. Основа этой системы была заложена Василием Великим. Настаивая на строгом разграничении понятий «сущность» и «ипостась» и следуя методу аристотелевой диалектики, он различал их как *общее* и *особенное*. Все три ипостаси Божества, говорил Василий, имеют одну общую сущность, которой свойственны несозданность, непостижимость, всеведение и всемогущество, и потому они едины по существу. Но при этом каждая из них обладает свойствами, отличающими ее от двух других: Отец рождает, Сын рождается, Святой Дух освящает. Чтобы сделать свою мысль более понятной, он приводил такой пример: Павел, Силуан и Тимофей ипостасно отличаются друг от друга, но, имея общие человеческие свойства, они принадлежат к одной родовой сущности — человек.¹

¹ Epistula 38.

— Но Павел, Силуан и Тимофей, — возражали ему «староникейцы», — это не один, а три человека; точно так же как Гефест, Гермес и Аполлон — не один, а три бога. Допустив различие в ипостасях Отца, Сына и Святого Духа, христиане ничем не будут отличаться от язычников!

— Нет, — отвечал Василий, — три ипостаси не разделяют Божество на три бога, так как они не разделены временем, ибо совечны, не разделены пространством, ибо вездесущи и не разделены соизволением, ибо во всем согласны между собой.¹ Если кто-то говорит о портрете царя: «се царь», это не означает, будто он признает двух царей.²

¹ Epistula 8.

² Беседа, 24.

Такой взгляд на триипостасное единство развивали, стараясь подкрепить его убедительными аргументами, и соратники Василия Великого. В отличие от омиусиан, стремившихся обосновать реальную самобытность Отца и Сына их существенными различиями, каппадокийцы подчеркивали единство и единичность их сущности и настаивали на различиях ипостасных.

КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЙ СОБОР 381 ГОДА

Церковный раскол породил великое множество течений и толков: на собиравшихся то и дело поместных соборах сталкивались никейцы, ариане, омиусиане, эвномииане, пневматомахи и аномеи. Их споры обычно заканчивались потасовками. Каждое из этих течений стремилось утвердить собственную формулировку Символа веры, и борьба шла с переменным успехом. Вдобавок к этому на востоке Империи во второй половине семидесятых годов дела осложнились появлением готов. В 378 г. они разбили близ Адрианополя армию под командованием императора Валента и в любой момент могли захватить Константинополь. Все это требовало от Рима незамедлительного вмешательства. В 379 г. царствовавший на западе император Грациан, провозгласив августом одного из своих полководцев — испанца Феодосия, поручил ему навести

порядок в восточной части Империи. Потомственный военный, волевой и решительный Феодосий считал, что порядок следует прежде всего наводить в головах. Совершенно не представляя себе глубины и сложности развернувшихся на востоке богословских споров, новый император еще на пути в Константинополь издал эдикт, предписывавший подданным исповедовать «одно Божество Отца и Сына, и Святого Духа при равном их величии и благочестивой троичности». Все уклонившиеся от этой веры объявлялись еретиками и подлежали наказанию.

Прибыв в бурлящую от богословских распрей столицу, Феодосий достаточно быстро разобрался в особенностях восточно-христианской религиозности и изменил первоначальную тактику. В мае 381 г. по его указу был созван церковный собор, с которым принято связывать признаваемый ныне абсолютным большинством христианских конфессий вероисповедальный символ. Хотя он издавна именуется «*Никео-константинопольским*» (или «*Никео-цариградским*»), историки Церкви до сих спорят, действительно ли он был принят в 381 году. В документах самого собора никаких указаний на это нет. Лишь косвенные данные заставляют допускать такую возможность. Но как бы то ни было, 1-й Константинопольский собор именно потому и стали позднее считать Вселенским, что церковная традиция приписывала ему создание главного символа христианского вероисповедания.

Никео-Константинопольский символ (381 г.)

«Верую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца неба и земли, всего видимого и невидимого. И во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единородного, Отцом рожденного прежде всех, веков; в Свет от Света, в Бога истинного от Бога истинного, рожденного, несотворенного, единосущного Отцу, через Которого все произошло. Ради нас, людей, и нашего ради спасения сошедшего с небес и воплотившегося от Духа Святого и Марии Девы и вочеловечившегося. Распятого за нас при Понтии Пилате, страдавшего и погребенного. И воскресшего в третий день, согласно Писаниям. И восшедшего на небеса и справа от Отца сидящего. И вновь со славой грядущего судить живых и мертвых. Царствию же Его не будет конца.

И (верую) в Духа Святого, Господа Животворящего, от Отца исходящего, Коего вместе

с Отцом и Сыном славим и почитаем через пророков говорившего. Во единую Святую, Соборную и Апостольскую Церковь. Исповедую единое крещение во оставление грехов. Чаю воскресения из мертвых и жизни будущего века. Аминь».

И «по букве», и «по духу» этот символ заметно отличается от Никейского. Из 178 слов, входящих в его греческий текст, только 33 совпадают с текстом Никейского вероизложения. Но что особенно важно — в нем отсутствует утверждение ипостасного тождества Отца и Сына. Можно было бы предполагать, что святые отцы попросту опустили утративший острую актуальность анафематизм Никейского символа и продолжали мыслить Бога сущностно и ипостасно единым, если бы в письме, которое участники Константинопольского собора направили западному епископату, содержалось не оставляющего никаких сомнений уточнения. «Эту самую веру, — писали они, — следует принимать и вам. Она... учит веровать в равночестное достоинство и совечное царствование трех совершенных Ипостасей или трех совершенных Лиц...»

Таким образом, константинопольские отцы придерживались иной богословской концепции, нежели никейские. Они верили в триипостасное единство Божества, тогда как Никейский символ настаивал на Его единой ипостаси.¹

¹ Сама Церковь считает, что на Константинопольском соборе не было замены одного догмата другим, а имело место более глубокое раскрытие уже существовавшего.

НАЧАЛО ХРИСТОЛОГИЧЕСКИХ СПОРОВ

В атмосфере тринитарных споров взыскующая богословская мысль устремилась к исследованию таких вопросов, которые прежде казались христианам ясными и простыми. Начиная с Иринея Лионского, более двух веков верующие как аксиому принимали утверждение, что в Иисусе Христе сочеталась Божественная и человеческая природа, и видели в этом залог собственного бессмертия. Сам же факт их слияния признавался глубоко-таинственным и не подлежащим рассудочному исследованию. Однако в середине IV в. богословская мысль, отравленная ядом греческого «любомудрия», пожелала выяснить, как соединилось ограниченное пространством и временем человеческое естество с абсолютно безграничной природой Бога. Могла ли человеческая природа, вступив в такой союз, остаться неизменной и не раствориться в Бесконечном? В какой момент произошло их соединение? Сколько раз родился Христос? И кто, наконец, действует в Иисусе — Бог или человек? В спорах, которые постепенно разгорелись вокруг этих вопросов, отчаянно боролись требования логики и стремление к спасению. В V в. христологическая дискуссия стала важнейшей составляющей интеллектуальной жизни не только христианской Церкви, но и всего позднеантичного общества. Для обсуждения затронутых ею проблем пришлось созывать четыре Вселенских собора, на которых были выработаны христологические догматы Церкви.

Самые первые всполохи этих споров появились еще в середине четвертого столетия. Друг и сподвижник Афанасия Великого, Лаодикийский епископ Аполлинарий (310-380-е гг.), называвший своими учителями Платона и Аристотеля, мучительно пытался понять, каким образом во Христе бесплотный Бог и человеческая плоть образуют единую природу. «Где полный человек, — сокрушался Аполлинарий, — там и грех! Если бы Господь принял всё естество человека, то, без сомнения, имел бы и человеческие помыслы; а в человеческих помыслах невозможно не быть греху». Иисус же, как известно, был безгрешен. Следовательно, заключал богослов, в Иисусе Христе второе Лицо Божественной Троицы заместило разум, ибо присутствие самого Логоса — Премудрости Божией отменяет нужду в тварном рассудке. Если обычный человек состоит из души и тела, то Христос представлял собой единство человеческого тела и Божественной Премудрости. На это остроумное и, казалось бы, все удачно согласующее рассуждение не менее остроумно возражал Григорий Богослов. «Спасется лишь то, — писал он пресвитеру Кледонию, — что соединилось с Богом. Не воспринятое Им не уврачевано и не спасено». И тут же со свойственным ему злоязычием добавлял, что Аполлинарию, как видно, и в жизни будущего века ум не нужен. Правда, сам Григорий Богослов не предлагал сколько-нибудь убедительного ответа на вопрос: как соединились два естества в Иисусе Христе? И даже говорил о с м е ш е н и и в Его лице двух природ.¹

¹ Oratio, 38.

Воззрения Аполлинария Лаодикийского были осуждены на Римском соборе 377 г., в постановлениях которого говорилось: «Если Сыном Божиим воспринят несовершенно человек, то несовершенно и наше спасение». Четыре года спустя «ересь аполлинаристов» анафематствовал и Константинопольский собор. Но в век богословских споров простого соборного осуждения верующим было недостаточно. Ортодоксальному богословию предстояло найти и предложить им «правильное», т. е. логически обоснованное и убедительное решение проблемы. Едва споры вокруг догмата о триипостасном единстве Бога стали утихать, христологическая проблема целиком завладела умами христианских теософов.

ДВА ПОДХОДА К ХРИСТОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМЕ

Уже в последней четверти IV в. в объяснении богочеловечества Иисуса Христа стали складываться два разных подхода — антиохийский и александрийский. В Антиохии, так же как и в Александрии, существовала христианская «академия», и постоянное соперничество двух этих богословских школ осложнялось враждой Александрийской и Антиохийской митрополий. Император Феодосий однажды провозгласил архиепископа Петра, сменившего Афанасия Великого на Александрийской кафедре, «образцом христианской веры». Пользуясь этим, египетский первосвященник стал постоянно вмешиваться в дела Антиохийской церкви. Такую же политику проводили и его преемники Тимофей и Феофил. Естественно, что антиохийцы, гордившиеся своим христианским «первородством», всячески этому противились и насмешливо «величали» александрийских епископов «фараонами». Повод для этого давали не только их властные замашки, но и традиция Египетской церкви, согласно которой престол первосвященника неизменно переходил от дяди к племяннику и в результате чего возникла настоящая епископская династия. Особенно усилилась взаимная неприязнь антиохийцев и александрийцев после того, как в 403 г. Феофил Александрийский интригами добился низложения с константинопольской кафедры и ссылки на север (в Пицунду) воспитанника антиохийской школы Иоанна Златоуста (347-407). Перипетии этой вражды отразились на христологическом диспуте богословских школ. Если в Антиохии что-либо утверждали, в Александрии тотчас старались опровергнуть. И наоборот. В 412 г. Александрийским епископом стал племянник Феофила Кирилл, немедленно развернувший преследование Носителей языческой культуры, иудеев и еретиков. Веротерпимость в его глазах была тяжким грехом, а инакомыслящие не имели права на существование. Об Иоанне Златоусте, славившемся своей кротостью, он с негодованием говорил: «Если Иоанн епископ, то почему Иуда — не апостол?» Столь же прямолинеен был Кирилл и в богословских вопросах. Его христология, по существу, не оставляла места Иисусу — человеку. Бог Сын, считал он, «усвоил себе» человеческую природу, при этом в Нем Самом ничего не изменилось. Человеческая природа Иисуса, согласно Кириллу, как бы «растворилась» в Божестве или «возвысилась» до Него. Поэтому тело Христово было телом не человека, а Бога. Таким образом, *по александрийской христологии выходило, что у Христа была одна ипостась и одна сущность — обе Божественные.*

Совсем иной взгляд на богочеловечество Иисуса высказывали антиохийские богословы. Если бы Христос, считали они, и сущностно и ипостасно был Богом, Он не чувствовал бы усталости, не испытывал бы голода и жажды, не мог бы томиться и Страдать. Если же описанные в Евангелиях страсти Господни были лишь видимостью, то мнимо и наше спасение. Но поскольку бесплотность, продолжали антиохийцы, одно из свойств Божиих, второе Лицо Троицы не могло облечься плотью и усвоить себе новое качество — ведь Бог неизменен. Христос как в храме обитал в теле Иисуса, соединившись не с плотью, а с душой человека. При этом человеческая душа Иисуса оставалась неизменной, способной страдать и мучиться. Таким образом, согласно воззрениям антиохийцев, в Иисусе пребывало две сущности и две ипостаси: его собственные, человеческие, и временно соединившиеся с ними Божественные. Наиболее полное теологическое обоснование таких воззрений дал на рубеже IV—V вв. воспитанник антиохийской богословской школы Феодор, занимавший с 392 г. епископскую кафедру города Мопсуетии (Киликия). Человеческая природа, рассуждал он, подвластна времени, а следовательно, изменяема, тогда как Божество вневременно и неизменно. Будучи противоположны друг другу, они никоим образом не могут слиться, не утратив при этом своих сущностных свойств. Говорить поэтому о богочеловеческой природе Иисуса Христа абсурдно. Поскольку же другим важнейшим свойством человеческой природы, считал Феодор, является свободная воля, то немислимо и ипостасное соединение Божества и человечества, ибо в результате свободная воля человека неминуемо исчезла бы. Исходя из этого, он считал Иисуса Христа земным сыном земной девы, который благодаря преодолению искушений и

нравственному совершенствованию удостоился Божественной благодати. Окончательно очистившись крестной мукой, Иисус соединился по воскресении с единосущным Богу Отцу Словом-Логосом. Но и в последние сорок дней Его земной жизни ни сущностного, ни ипостасного слияния Бога и человека во Христе произойти не могло, существовал лишь их теснейший «нравственный союз».

МАРИОЛОГИЧЕСКИЙ СПОР

Решительное столкновение между двумя этими богословскими подходами произошло в конце 30-х гг. V в. из-за так называемого «мариологического вопроса». В 428 г. по настоянию императора Феодосия II (408-450) Константинопольским патриархом (так с конца IV в. стали называть восточных митрополитов — Александрийского, Антиохийского, Иерусалимского и Константинопольского) был «избран» ученик Феодора Мопсуэтийского антиохийский проповедник Несторий. Наделенный незаурядным ораторским талантом, в своих проповедях новый патриарх стал развивать идеи антиохийской христологии, что сразу же насторожило константинопольский клир. Когда же Несторий и его окружение повели речь о том, что Деву Марию не следует именовать «Богородицей», ибо она не могла родить предвечного Бога, а родила человека, с которым соединилось Божественное Слово, ропот поднялся уже и среди светского населения столицы. Негодованием большинства было встречено распоряжение патриарха называть приснодеву «человекородицей». Молитвы и церковные песнопения, слагавшиеся на протяжении веков, величали ее Богородицей и матерью Божией (*греч.* «теотокес»), новое же словечко «человекородица» (*греч.* «антропотокес») было чуть ли не вдвое длиннее, резало слух и разрушало привычные молитвенные ритмы. Сам Феодосий II поддержал патриарха, зато его сестра, императрица Пульхерия объявила первосвященника своим личным врагом. Тогда Несторий в качестве компромисса предложил желающим называть Марию «Христородицей», но это не меняло существа проблемы, а по империи тут же покатила молва о появлении новой ереси. Люди пребывали в полной растерянности, одинаково боясь и согрешить, и ослушаться столичного патриарха, поддерживаемого императором.

Неожиданно для себя Несторий получил открытое послание Кирилла, в котором «фараон» яростно критиковал его мариологические воззрения. Возмущенный Несторий принялся с еще большей энергией отлучать от церковного общения всех, кто продолжал именовать Марию Богородицей. В 430 г. между Александрийским и Константинопольским патриархами произошел обмен соборными посланиями (т. е. посланиями, предназначенными для всеобщего прочтения). Эта «переписка» вызвала раскол среди восточных церквей. Такой ситуацией не замедлил воспользоваться Римский папа, стремившийся стать главой всего христианского мира. Поводом для вмешательства послужило обращение к нему Кирилла Александрийского с жалобой на «константинопольские безобразия». Папа Целестин I созвал в Риме церковный собор, на котором воззрения Нестория были осуждены. Однако император Феодосий II хотел решать восточнохристианские проблемы без вмешательства запада. В следующем 431 г. он созвал в Эфесе альтернативный собор (III Вселенский), который должен был разобрать спор между двумя патриархами. Раздельно заседавшие антиохийская и александрийская делегации взаимно осудили и низложили Кирилла и Нестория. Об итогах собора императору было послано два совершенно разных отчета. Возмущенный Феодосий отправил в Эфес своего полномочного легата с приказом о низложении обоих смутьянов.

Несторий прожил еще около двадцати лет сначала в добровольном, а затем и в принудительном изгнании. В 435 г. по приказу Феодосия II все его сочинения были сожжены, а последователи вынуждены были бежать в Персию и дальше на восток.¹

¹ В VII и VIII вв. в странах Среднего Востока несторианами было создано несколько очагов христианской культуры. Проповедуемое ими учение об Иисусе-человеке позволило им прекрасно ужиться с мусульманами, почитающими «Ису» как одного из величайших пророков. В эпоху расцвета Арабского Халифата глава несторианской Церкви, католикос, имел под своей властью 25 митрополий и около 150 епископий. Одно из монгольских племен целиком было обращено в несторианство и в течение нескольких веков на контролируемой им территории существовало несторианское теократическое государство. Благодеяние несториан было подорвано нашествием Тимура. Спасение нашли лишь те из них, кто ушел в неприступные горы Курдистана.

ХАЛКИДОНСКИЙ СОБОР

Итоги первого этапа христологических споров были подведены на IV Вселенском соборе, собравшемся в 451 г. в одном из предместий Константинополя. Результатом его работы явился знаменитый Халкидонский орос, в котором сформулировано ортодоксальное вероучение (догмат) о богочеловечестве Иисуса Христа. Орос провозгласил, что в едином лице Христа слиты два естества — Божественное и человеческое. После долгих споров и рассуждений святые отцы, собравшиеся в Халкидоне, пришли к выводу, что они в состоянии сказать лишь, чего НЕ произошло при соединении божественной и человеческой природы, т. е. прибегли к апофатическому (отрицательному) методу, провозгласив, что соединены они «неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно». По существу, это было признанием беспомощности логического мышления в постижении тайн христианской веры.

Халкидонский орос (451 г.)

Послеудя святым отцам, все согласно поучаем исповедовать одного и того же Сына, Господа нашего Иисуса Христа, совершенного в Божестве и совершенного в человечестве, истинного Бога и притом истинного человека, с разумной душой и телом, единосуцного Отцу по Божеству и притом единосуцного нам по человечеству, во всем нам подобного, кроме греха. Рожденного прежде веков от Отца по Божеству, а в недавние времена также ради нас и ради нашего спасения — от Марии Девы Богородицы — по человечеству. Одного и того же Христа, Сына Господа, едиnorodного в двух естествах НЕСЛИТНО, НЕИЗМЕННО, НЕРАЗДЕЛЬНО, НЕРАЗЛУЧНО познаваемого, так что соединением различие двух естеств отнюдь не нарушается, но еще более сохраняется свойство каждого естества, во единую ипостась и во единое лицо соединенных. На два лица не рассекаемого и не разделяемого, но одного и того же Сына и едиnorodного Бога-Слова, Господа Иисуса Христа, как древние праотцы о Нем, и как Сам Господь Иисус Христос научил нас, и как передает нам символ отцов наших.

Принятие Халкидонского ороса означало утверждение второго главнейшего догмата Вселенской церкви,¹ однако он не был признан повсеместно — армянские, коптские, эфиопские и большинство сирийских христиан объявили себя монофизитами, т. е. исповедующими лишь одну, божественную, природу Иисуса Христа. Острая идейная борьба вокруг халкидонских вероопределений продолжалась на протяжении более полувека, причем в обсуждение богословских проблем было вовлечено все население Римской империи — от августейшего семейства до люмпенизированных низов. Отголоски этой полемики часто присутствуют и в апокрифической литературе V в. Хотя по понятным причинам уцелела преимущественно та ее часть, которая отражала ортодоксальную точку зрения, сам факт повышенного внимания апокрифа к проблемам христологии и мариологии, обычно указывает на то, что он возник в период острых споров по этим вопросам.

¹ Богослужебный канон православных Церквей наглядно подчеркивает особое значение первых двух догматов тем, что во время священнодействия православные епископы держат в одной руке трикирий (соединенные воедино три свечи), в другой — дикирий (соединенные воедино две свечи), что символизирует триипостасное единство Бога и Богочеловеческую природу Христа.

Наш краткий обзор охватывает лишь магистральные тенденции и узловые эпизоды религиозного развития позднеантичной эпохи. Этот процесс в действительности был гораздо более сложным, и даже простой перечень течений, возникших в христианстве и вокруг него в I–V вв. и объявленных затем еретическими, занял бы несколько страниц. Уже в IV в. епископ северо-итальянского города Брешии Филастер перечислил в своем трактате «О ересях» сто пятьдесят шесть их разновидностей,¹ а до конца античной эпохи число ересей значительно возросло. Заинтересованных читателей, желающих ближе познакомиться с ними, мы отсылаем к исследованию А. М. Иванцова-Платонова «Ереси и расколы первых трех веков христианства», М., 1877 (позднее, к сожалению, не переиздававшемуся), а также к замечательной книге Юрия Николаева (Ю. Н. Данзаса) «В поисках за божеством». СПб., 1914, переизданной недавно (1995) в Киеве.

¹ *Philaster. Diversarum heresion liber vel De Heresibus.*

Апокрифические деяния («хождения», «страсти», «мученичества») апостолов и свидетелей Христовых — особая группа новозаветных писаний. Причины, вызвавшие их к жизни, время их записи, их жанровые метаморфозы имеют лишь отдаленное сходство с судьбой апокрифических евангелий и апокалипсисов. Первые поколения христиан, несомненно, считали предания о жизни и проповеднических подвигах учеников Иисуса менее важными, менее сакральными, чем благовестие о приходе в мир самого Спасителя, и потому не спешили придавать им «документальную» форму. Если начало составления отвергаемых Церковью евангелий относится к 60-м гг. I в.,¹ то первые известные нам неканонические деяния были записаны как минимум столетие спустя, т. е. как минимум целое столетие колыбелью им служил фольклор. Повинуясь его законам, их реальная основа обрастала «подробностями», обильно расцветивалась чудесами, обретала новые, чаще всего фантастические, повороты. Их появлению и широкому распространению способствовало обилие недосказанностей и умолчаний в канонической книге Деяний, которая более или менее подробно повествует лишь о проповеднической стезе Петра и Павла, об остальных же апостолах упоминает только мимоходом. И поскольку о странствиях и подвигах десяти ближайших учеников Иисуса в ней не было сказано практически ничего, любые благочестивые домыслы на эту тему не могли войти в противоречие с Писанием, которое постепенно обретало в глазах христиан статус Священного. Желая знать, как сложились судьбы апостолов, где и каким народам они проповедали, верующие с огромным интересом слушали и затем с энтузиазмом передавали эти легендарные сказания.

¹ Евангелист Лука мотивирует свое желание написать Евангелие тем, что *«уже многие стали составлять повествования о совершенно известных между нами событиях»*. См.: Лк. 1:1.

Раньше других (примерно в 160-225 гг.) были записаны апокрифические деяния апостолов Павла, Петра, Иоанна, Андрея и Фомы. Родиной первых четырех хождений стала Малая Азия. «Деяния Фомы» создавались, скорее всего, в Сирии. Появление древнейших памятников апостолиады именно в этом регионе не было случайностью — уже в 40-е гг. I в. он оказался объектом наиболее интенсивной проповеди христианского благовестия, которое несли туда самые выдающиеся деятели ранней Церкви. Именно поэтому уже к концу столетия в Сирии и некоторых районах Малой Азии происходит массовое Обращение в христианство, а в начале II в. наместник двух малоазийских провинций доносил императору Траяну, что «зараза этого суеврия прошла не только по городам, но и по деревням».¹ Успех в сельской местности имел огромное значение для будущего новой религии: она становилась по-настоящему народной, обретала жизнеспособность и исторические перспективы, но при этом возникла новая ее ипостась — упрощенная, вульгаризированная, усвоившая формы, характерные для народной ментальности. Вполне естественно, что заявила она впервые о себе на языке народных сказаний, по-своему перелагавших события новозаветной истории.

¹ *Плиний Младший*. Письма. X, 96.

Эти легендарные сказания заметно отличались от канонической книги «Деяний». Рожденные фольклором, они усвоили его композиционные приемы и стилистику, и потому недосказанные сюжеты были в них немислимы. Развивая тему дальних странствий и доблестных подвигов, они следовали не столько за Лукой, сколько за античным героическим эпосом. Вероучительный элемент был сведен в них к минимуму и, строго говоря, мог вообще отсутствовать: потеснив его, на первый план вышли развлекательность и назидательность. Их баланс был изменчив и зависел от многих обстоятельств, однако ведущим всегда оставалось развлекательное начало.

Композиция ранних апокрифических деяний, как правило, подчинялась очень простой схеме: приход апостола в ту или иную местность — его проповедь — преследования со стороны иудеев, язычников или местных властей — чудо. Иногда чудо совершалось еще до начала проповеди, но само его наличие в «хождении» было обязательным. В народной «теологии», далекой (по крайней мере до 40-х гг. IV в.) от схоластического богословия, оно выступало в роли решающего аргумента, служило своего рода «царицей доказательств». В чудеса верили все — и неграмотные крестьяне, и люди высочайшей образованности. Даже те, кто был скептически настроен по отношению к суевериям своего времени, не отрицали возможность чуда в принципе.¹

¹ Примером этого могут служить «Метаморфозы» Апулея. Подвергнув в первых десяти книгах романа веру в магию и колдовство жесточайшему осмеянию, в одиннадцатой автор благоговейно рассказывает о чудесах истинного божества.

Очень рано, вероятнее всего уже в устных сказаниях, у апостольских историй появились два повествовательных плана. Один — внешний, или сюжетный, — был понятен всем, в том числе и нехристианам. Другой, выраженный с помощью символики, могли постичь лишь те, кто владел ее языком. Мы постарались высветить его в подстрочных примечаниях на примере деяний апостола Филиппа в Карфагене.

Едва будучи записаны, апостольские «хождения» тотчас стали самым популярным жанром раннехристианской литературы. Апологии были адресованы язычникам, чтение ересеологических трактатов и толкований ветхозаветных текстов требовало образованности и природной склонности к «мудрствованию», сказания же об апостолах как нельзя более соответствовали вкусу и запросам рядового христианского читателя, часто — еще вчерашнего язычника, сознание которого было приучено к мифам и жаждало их. Перегруженность этих легенд бесконечной чередой знамений, исцелений и воскрешений вовсе не казалась ему чрезмерной, напротив, чем больше было в деянии самых невероятных чудес, тем большим успехом оно пользовалось. Рожденная в массах низового христианства, читаемая и любимая ими, эта литература отражала реальную веру христианских низов, которая имела не так уж много общего с богословием апологетов и учителей Церкви. Отражая контаминацию в сознании простонародья представлений, усвоенных из христианской проповеди, и стереотипов языческой ментальности, христианский фольклор часто являл собой странную смесь евангельского и античного сюжета.

Повинующиеся слову апостола ангелы, наделенные даром речи ослики и волы, благоухающие останки мучеников, разверстые, чтобы поглотить нечестивцев, бездны — весь этот экстравагантный набор притягивал к себе внимание и греко-римского читателя, приобщал его к сюжетно-образной системе христианских писаний, вовлекая тем самым в орбиту христианской ментальности. Благодаря чтению апостольских «хождений», система ценностей, казавшаяся прежде изумительной и непостижимой, становилась для него более понятной. Пожалуй, как ничто другое, апокрифические деяния способствовали преодолению антихристианских настроений римской толпы.

Для пропаганды своих воззрений к ним охотно прибегали самые разные направления христианской и околохристианской мысли. При этом фабула и чудеса часто без всяких изменений кочевали из одной версии в другую; менялись, отражая вероисповедальную специфику «редакторов», лишь молитвенные формулы и догматические утверждения.

В течение III в. значительная часть апостольских легенд была обработана и записана христианами-гностиками,¹ и потому само слово «апокриф» в ту эпоху однозначно указывало на гностическое происхождение текста. В созданных гностиками легендах законы материального мира — лишь условность, готовая в любой момент отступить перед истинной и непреходящей духовной реальностью. Отсюда неизбежное обилие в них фантастики и чудес. В отличие от прочих деяний, где явление в мире Христа — событие редкое, даже исключительное, в гностических Он появляется часто, почти запросто, — то в облике прекрасного отрока, то пастуха, то кормчего. Дьявол же и его приспешники — самые что ни на есть заурадные действующие лица. Но именно это и обеспечило апостолиаде потрясающий «читательский успех». О том, сколь велик он был, можно судить по количеству дошедших до нас позднейших переработок. Эти апокрифы (наряду с гностическими евангелиями и апокалипсисами) распространились так широко и стали настолько общеизвестны, что исконный смысл обозначавшего их греческого слова к началу V в. забылся; **«апокрифами» теперь уже называли всем известные, но отвергаемые Церковью писания.** Разглядев в гностицизме своего опаснейшего противника, Церковь развернула упорную борьбу за искоренение в сознании верующих самых следов его учения. Когда же она заняла господствующее положение в империи, любые мало-мальски связанные с ним писания, стали повсеместно уничтожаться. Но в отличие от теологических трактатов ересиархов, значительная часть созданных гностиками апостольских деяний все же уцелела благодаря тому, что их впитал и сохранил фольклор. Позднее они были вновь записаны в многочисленных версиях и вариантах — то более пространных, то совсем кратких — на греческом, латинском, сирийском, армянском, коптском, эфиопском, а позднее — на арабском, англо-саксонском и старославянском языках. И все же именно III в. стал эпохой жанровой зрелости апокрифических деяний, когда сложились их архетипы, выявились и приняли определенные очертания все стороны их композиционно-

жанровой специфики. Если язык первых апокрифических деяний (обычно греческий, изредка — сирийский) был безыскусен, сбивчив, даже убог, то теперь все больше места в них занимали стилистические изыски, риторика, художественная образность. Молитвы и проповеди, разрывающие монотонный ряд знамений, исцелений и воскресений, уже исполнены настоящей поэзии и стилистически виртуозны. По-видимому, в это же время сложился и тот набор сюжетов, к которым восходят все уцелевшие до наших дней переработки и версии.

¹ Своеобразной реакцией на завышавшуюся ранее оценку роли гностиков в создании апокрифических деяний стало теперь полное отрицание их причастности к формированию апостолиады. В последние годы эти взгляды нашли отражение и в отечественной историографии. (См.: *Мещерская Е. Н.* Апокрифические деяния апостолов. М., 1997. С. 21.) Между тем, в некоторых деяниях следы их гностического происхождения присутствуют даже после тщательного ортодоксального редактирования. См., например, V главу «Истории Филиппа, апостола и евангелиста».

В III в. к существовавшим ранее хождениям добавились «местные» апостольские легенды, появление которых было связано с соперничеством и своеобразным патриотизмом христианских общин, стремившихся возвести свою историю к миссионерской деятельности какого-нибудь «видного» апостола. Цикл апокрифических деяний св. Петра, якобы основавшего Римскую церковь,¹ — один из наиболее известных примеров такого рода.

¹ Католические историки настаивают на истинности этого факта, православные же и протестантские авторы относятся к их утверждениям скептически. См., напр.: *Поснов М. Э.* Указ. соч. С. 72.

Если главными героями древнейших сказаний неизменно выступали апостолы, то к концу III в. в центр повествования все чаще выдвигаются маргинальные и безымянные фигуры новозаветной истории. Они получали имя, внешность, «биографию», обрастали свитой героев, вовсе не упоминавшихся в канонических текстах. Так, воскресший Лазарь и его сестры Мария и Марфа отправляются в Рим и всей семьей устраивают там грандиозное землетрясение; «кровоточивая жена», исцелившаяся прикосновением к одежде Христа,¹ становится знатной матроной Вероникой и тоже отбывает в столицу империи; Руф и Александр, — ни разу не появившиеся в новозаветных книгах сыновья Симона Кириинеянина, помогавшего Иисусу нести крест на Голгофу,² — оказываются в числе апостолов и обращают в христианство целый город; Симон Маг, пытавшийся приобрести благодать за деньги,³ становится одним из главных персонажей целого ряда сочинений, и в том числе большого романа.

¹ Мк. 5:26; Лк. 8:43.

² В Евангелии от Марка они лишь упоминаются: «И заставили некоего Кириинеянина Симона, отца Александрова и Руфова, идущего с поля, нести крест Его» (Мк. 15:21).

³ Деян. 8, 18.

Расширение круга действующих лиц и беллетризация «хождений» были первыми признаками наметившегося размывания жанра. Дальнейшее «взросление» раннехристианской художественной литературы привело к отказу от унаследованных из фольклора форм и появлению у нее исключительного композиционно-стилистического многообразия. В значительной мере это было связано с радикальной переменой положения Церкви, почти в одночасье превратившейся из преследуемой и гонимой в главного идеолога мировой державы. Когда в 325 г. вероисповедальный символ христиан был скреплен собственноручной подписью императора, Церковь в лице всех его подданных обрела гигантскую паству, большую часть которой еще только предстояло обратить в христианство. До этого времени его принимали, главным образом, те, кто чувствовал разлад с окружающей жизнью и отвергал систему ценностей античного общества. Подавляющая же часть населения империи, внезапно ставшей по прихоти Константина «христианской», осталась и в душе, и в быту вполне языческой, страстно любившей театр, конные ристания, гладиаторские бои, привычной к чтению разнообразной развлекательной литературы. И потому Церкви волей-неволей пришлось отказаться от чрезмерного ригоризма и для пропаганды своего вероучения использовать формы, способные найти отклик в сердцах закоренелых язычников. Ей пришлось пересмотреть свое отношение к изобразительному искусству, резко осуждаемому ею прежде; в IV-V вв. блеску и роскоши ипподромов она противопоставила великолепие церквей и храмов, зрелищности

театральных мистерий — торжественную пышность литургии. Но особенно для нее важно было вытеснить из культурного обихода своей новой паствы античную прозу и поэзию, чем-то заполнив неизбежно возникавший при этом вакуум. Из всей христианской литературы наиболее пригодны для такой цели были апостольские истории, требовалось лишь предварительно обезвредить их, «вырвав у них жало» гностической, да и всякой иной ереси.¹ Делали это по-разному — в одних случаях тщательно и строго, в других — довольно-таки небрежно; иногда вымарывали только упоминания о некоем спасительном знании и враждебности духа материи, но случалось, изымали и содержавшие их фрагменты текста, порой — целые эпизоды. В результате появлялись на разный манер исправленные версии одних и тех же деяний. Довольно часто редактор, озабоченный лишь вероуचितельной чистотой текста, оставлял без внимания возникавшие в результате его работы накладки и неувязки. Со следами такого «редактирования» мы сталкиваемся в «Страстях Петра и Павла» и в «Истории Варфоломея».

¹ К IV в. греческое слово «ересь» (αἵρεσις — предпочтение, выбор, особое мнение) приобрело смысл, которого оно не имело в трудах христианских писателей II в., обозначавших с его помощью какое-либо отклонение от истинного, с их точки зрения, христианского учения и обихода. В более поздней церковной и современной научной трактовке ересь стала пониматься как теологическая концепция, сознательно и упорно противопоставляемая тем или иным положениям церковной доктрины.

Одновременно с этой цензурой в IV—V вв. по мотивам древних апостольских сказаний создаются произведения весьма различные по стилю и тональности и, очевидно, адресованные разным социо-культурным группам. Основой им обычно служил какой-нибудь фрагмент древнего деяния, получивший в результате литературной обработки композиционную и логическую завершенность. Обращаясь к христианской тематике, их авторы сплошь и рядом стремились использовать сюжеты и формы произведений античной литературы. В таких деяниях можно встретить явную переключку с эпизодами «Аттических ночей» Авла Гелия, петрониевского «Сагирикона», «Золотого осла» Апулея.

Особенно разительные метаморфозы в IV—V вв. происходят с композицией и стилистикой апокрифических деяний. В древнейших «хождениях» перед читателем предстал длинный ряд почти несвязанных между собой эпизодов, и практически любой из них можно было изъять без ущерба для остальных. Совсем иначе строятся поздние апостольские «страсти». Каждый эпизод, каждая их сцена выступают как необходимые элементы тщательно продуманной и хорошо сбалансированной композиции. В их повествовательную ткань иной раз искусно вплетаются совершенно разные сюжетные нити. Поражает мастерство, с которым христианские писатели IV и V в. умели соединить воедино сюжеты, веками существовавшие независимо друг от друга, или же, напротив, — «расплетать» древнее сказание на вполне законченные самостоятельные новеллы. Пространный и тяжеловесный монолог сменился в них бойким диалогом, нередко переходящим в стремительный обмен хлесткими и остроумными репликами. Сопутствующие ремарки становятся до предела краткими, кажется, еще немного — и действие превратится в пьесу. На смену прежнему нагромождению чудес пришло их более строгое, даже экономное использование: одно, менее впечатляющее, обычно служит завязкой сюжета, другое — главное — выступает как его кульминация. Впрочем, иной раз чудес бывает и больше, но в их размещении, в том, как они поддерживают пластику повествования, чувствуется большое мастерство и литературный вкус авторов.

Изменился, отражая эволюцию народной религиозности, и характер самих чудес. Апокрифы IV-V вв. не менее охотно, чем подвиги апостолов, описывают волхования и чародейства магов, в чью способность «отвести глаза» или «навести порчу», призвать с того света и допросить покойника или мгновенно изменить свой облик «новые христиане» верили едва ли не больше, чем в то, что Христос есть Спаситель мира. Дьявола и его слуг они мыслили почти равномогущественной Ему силой; знания об амулетах, заклятиях и прочих «контрмерах», способных свести на нет их происки, считали важной стороной жизненного опыта.

В IV-V вв. меняется и тональность апостольской литературы. Лишь незначительная часть созданных в это время «страстей» сохраняла трагедийно- или эпико-героический пафос, в большинстве же вновь появившихся обработок его явно теснит авантюрно-приключенческий тон. Порой в них даже присутствует соседствующий с патетикой комедийный мотив. Его появление, довольно-таки неожиданное в духовных писаниях, было в равной мере обусловлено логикой жанровой эволюции и вкусами социального адресата. Развлекательность (а следовательно, и привлекательность для читателя) апостольских деяний II-III вв. достигалась обилием в них драматических сюжетных поворотов, действие же апокрифических новелл

позднеантичного времени разворачивалось чаще всего в пределах одного или нескольких эпизодов древних хождений, и малое повествовательное пространство требовало от авторов использования иных средств развлекательности. Одним из них был комизм. Нужно сказать, что римско-христианская литература, по крайней мере до конца V в., вовсе не чуралась смеха. Отрицательное отношение к нему пришло позднее, вместе с распространением монашества и аскетизма, и было одним из проявлений реакции на омирщение Церкви. Между тем иронические нотки порой можно встретить не только в фольклоре древних христиан, но и в новозаветных текстах. Явно комическую ситуацию, рассчитанную на соответствующую реакцию читателя, описывает автор четвертого Евангелия: «Может ли быть что доброго из Назарета?» — негодуяше восклицает будущий апостол, услышав весть о появлении обетованного пророками Мессии в соседнем его родной Вифсаиде городке.¹ А разве не насмешка сквозит в словах св. Павла, когда он «величает» престарелого первосвященника «стеной подбеленной»?² Острое словцо, судя по всему, частенько слетало с уст апостола язычников,⁴ да иначе и не имела бы его проповедь успеха у «еллинов». Оружием иронии пользовались и апологеты. Мягкая, едва уловимая шутка иной раз проскальзывает в сочинениях Иустина Философа; метод доведения до абсурда и осмеяния чужих доводов широко применял знаменитый Тертуллиан; едкий сарказм то и дело слышится в трудах Григория Богослова. Мы обычно забываем, что христианство пленило умы миллионов и одержало победу над язычеством благодаря своей жизнеутверждающей силе, а призывы «Возвеселитесь!» звучали в наставлениях учителей Церкви куда чаще, чем скорбное «Восплачем!»

¹ Иоанн I: 44-46.

² Деян. 23:3.

³ См., напр.: Деян. 26:26

«Низовая» же христианская литература, адресованная римскому обывателю, отнюдь не склонному к чтению трагиков, любившему острую сатиру и озорную комедию, почти что обязана была вызывать смех. И потому «большие» «Страсти апостолов Петра и Павла» воспринимаются как сценарий христианской ателланы,¹ где роли дурачка-пройдохи Макка и обжоры-сластолюбца Буккона достаются Симону Магу и императору Нерону. Вовлеченные в словесную перепалку с ними, в орбите смешного оказываются и «первоверховные» апостолы, составляющие как бы вторую пару традиционной ателланы — Паппа и Доцеина. Комизм, таким образом, использован здесь не только как средство осмеяния и уничтожения врага, он — самоцель, безусловная ценность, некое животворящее начало. Другим средством привлечь и удержать внимание римского читателя стало обыгрывание всякого рода скабрзностей, до которых он был крайне охоч. Оно встречается едва ли не в каждом сочинении, где действующими лицами выступают император Нерон и Симон Маг.

¹ Atellana — вид народного импровизационного театра в Древнем Риме с постоянными типажными-масками.

В художественных обработках IV-V вв. апокрифические деяния иной раз облекались в самые сложные жанровые формы. Например, «большие» «Страсти Петра и Павла» во многом близки римской сатуре — «винегрету», где в обязательном порядке использовалась стилистика разных жанров, в соответствии с которыми речь героев и повествовательные приемы приобретали то эпически возвышенный, то разговорный, то гротескный характер. Конечно, и в IV в., и позднее продолжали появляться стилистически более простые деяния и даже незамысловатые народные сказания об апостолах, поэтому жанровая непритязательность апокрифа совсем не обязательно указывает на его принадлежность к более раннему времени.

Несколько лет назад в отечественной историографии был сформулирован тезис об идейной эволюции апокрифических деяний.¹ По всей видимости, в самой постановке этого вопроса необходимы уточнения. Вполне правомерно говорить о смысловой переакцентировке конкретных тем, сюжетов или образов апостолиады. Что же касается апокрифических деяний как жанра, то никакой самостоятельной идейной эволюции, кроме той, которая имела место в христианской религиозности в целом и народно-христианских верованиях в частности, здесь быть попросту не могло. И в III, и в V вв. эта жанровая форма использовалась для пропаганды самых разных, часто прямо противоположных идей и воззрений.

¹ Мещерская Е. Н. Указ. соч. С. 63 сл.

Будучи самой популярной и читаемой частью раннехристианской литературы, апокрифические деяния оказали влияние и на развитие некоторых других ее жанров. Полнее всего оно сказалось на мартиролагах, описывавших пытки и казни христианских мучеников. В древнейших памятниках этого рода (60-е гг. II в.) с протокольной бесстрастностью регистрировались вопросы римских чиновников, производивших дознание, и ответы мучеников. Скупое и сухое говорилось в них и о самой казни. Вероятно, они и в самом деле были копиями протоколов официального делопроизводства. Совсем иначе выглядели мартиролагические столетия спустя. Почти обязательным их элементом стало «житийное» повествование, в котором сообщалось о благонравии, воздержанной и подвижнической жизни страстотерпцев, описание же пыток и казней приобрело патетическую тональность, столь обычную в рассказах о страстях апостолов. Кончину мучеников теперь непременно сопровождали чудеса и знамения, аналоги которым легко отыскиваются в апокрифических деяниях. Последние, несомненно, служили моделью и для постепенно разраставшейся «биографической» части мартирологов.

Под несомненным влиянием апостолиады создавались и поздние Евангелия. Вероятный элемент в них явно уступает развлекательному и назидательному, исчезают пространственные словоизлияния, форма тяготеет к жанру апостольских «хождений», почти так же часто встречаются заимствования из античной литературы. Характерный пример этого — так называемое «Арабское евангелие детства». Здесь и многочисленные ситуации преодоления смертельной опасности, и мотив сожительства женщины со змеем, и история незадачливого любовника, превращенного в мула.

Значительная, пожалуй, даже большая часть сказаний об апостолах и свидетелях Христовых, с ходом времени была усвоена ортодоксальным христианством. Стремясь оживить свои проповеди красочными подробностями, к этим легендам обращались не только рядовые пастыри, но и выдающиеся церковные деятели II—VI вв. С опаской и недоверием относившиеся к любым новым или малоизвестным в древности писаниям, Ириней Лионский, Ориген, Евсевий Кесарийский, Иероним в то же время охотно пересказывали в своих сочинениях устные предания о «знаменитых мужах», зачастую представлявшие собой усвоенные фольклором апокрифические сочинения отнюдь не ортодоксального происхождения. Особенным авторитетом учителей и отцов Церкви, эти апостольские истории становились таким образом частью ее Священного Предания. Особенно интенсивно использовалась устная традиция в IV-V вв., когда в ходе тринитарных и христологических споров их участники непрестанно обращались за примерами и аргументами к церковным преданиям. Многие из этих сказаний до такой степени вросли в сознание рядовых христиан, что архиереи не видели смысла бороться с ними. На закате античности и в эпоху раннего средневековья почти все герои апокрифических сказаний вместе со своими легендами переселились в жития святых. Иной раз житийная литература почти дословно воспроизводит древние апокрифы. Читатель легко может убедиться в этом, обратившись к русским Четиям-Минеям.

По-видимому, уже в III в. апостольские истории стали объединять в особые сборники, призванные дополнить, а то и заменить собой каноническую книгу «Деяний». Это вызвало тревогу и негодующие протесты ортодоксальных христианских авторов. «Речь их и слог, — писал в начале IV в. Евсевий Кесарийский, — очень отличаются от апостольского духа, мысли же и все учение в целом далеко не согласуется с истинным правоверием: это явно выдумки еретиков. Книги эти следует не то что причислять к подложным, а вовсе отвергать, как совершенно нелепые и нечестивые».

Но, несмотря на отрицательное отношение к ним и западных и восточных отцов Церкви, апостольские сборники находили заинтересованного читателя во всем христианском мире, с них во множестве снимали копии и переводили с одного языка на другой. В середине IV в. широкую известность получили написанные по-гречески хождения пяти апостолов — Иоанна, Павла, Петра, Андрея и Фомы, составителем или даже автором которых считают некоего Левкия Харина — легендарного сподвижника Иоанна Богослова. Однако большинство церковных писателей называли Левкия еретиком — манихеем, гностиком или монганистом. Вероятнее всего, так оно и было, во всяком случае, фрагменты Левкиевых деяний, сохранившиеся в протоколах Второго Никейского собора, несут на себе сильнейший отпечаток гностических воззрений. Вопреки почти единодушному осуждению этой книги церковными авторитетами, она очень долго пользовалась популярностью у рядовых христиан, особенно в восточных областях Средиземноморья. В 787 г. VII Вселенский собор еще был вынужден рассматривать вопрос о ее соответствии церковной ортодоксии. «Анафема всему сказанному в ней от первой буквы и до последней! Никто да не списывает ее! Почитаем достойным предать ее огню», — постановили святые отцы.¹ И все же столетие спустя Левкия Харина еще продолжали читать и

цитировать.

¹ Акты Вселенских соборов. Т. VII. Казань, 1891. С. 192.

Примерно в середине V в. сборник апокрифических деяний появился и на латинском языке. По объему он значительно превосходил коллекцию Левкия и представлял собой уже настоящий эпос о судьбах, подвигах и страстях всех двенадцати апостолов. Его автором, согласно легенде, был один из семидесяти учеников Иисуса, первый епископ Вавилона Абдий. Писал он будто бы на арамейском, и потому его сочинение долгое время знали и читали лишь в пределах Палестины и Месопотамии. Переведенное якобы на греческий, оно затем было изложено на латыни неким Юлием Африканским и получило известность под названием «Историй об апостолах в десяти книгах». Но в действительности ни Священному Писанию, ни церковным историкам первых четырех веков ни о каком Абдии — ученике Христа и епископе Вавилонском решительно ничего не известно. Иначе говоря, приписываемая ему книга представляет собой самый настоящий псевдоэпиграф. Тем не менее ее судьба оказалась более счастливой — она не попала под церковные запреты и осуждения и на протяжении многих столетий служила в дни празднования памяти апостолов материалом для проповедей. Постепенно почти все ее содержание было усвоено церковной традицией, а имя самого Абдия в конце концов оказалось занесено в святцы. Дополненный легендами о свидетелях Христовых и раннехристианских мучениках, сборник Псевдо-Абдия лег в основу самой популярной книги европейского средневековья — «Золотой легенды», служившей в пору запрета мирянам читать Библию одним из главных источников народной религиозности. Сохранился он и до наших дней. Причина его долгожительства — в полном соответствии излагаемого в нем вероучения церковной ортодоксии.

Исследователи раннего христианства издавна задавались вопросом: какова ценность апокрифических деяний для изучения истории древней Церкви? Многим казалось, что в этом нагромождении стереотипных чудес и отчаянной фантастики не стоит даже пытаться найти зерна исторической истины, ведь фольклор с необычайной легкостью переносил апостолов из страны в страну, связывая одни и те же сюжеты и ситуации с разными именами. Все это правильно. Но не следует забывать, что апокрифические деяния сохранили ценнейшую информацию о том времени, той культуре и социальной среде, которыми были порождены. Как и всякое художественное произведение, они зафиксировали немало бытовых черт современного им общества. С их помощью мы можем составить более точное представление о реальной системе ценностей и повседневной норме древних христиан, которые, вне всякого сомнения, далеко не всегда совпадали с требованиями идеала, пропагандируемого в поучениях отцов Церкви. Отражая сплошь и рядом неортодоксальные взгляды, эти сочинения вносят дополнительные штрихи в картину многоликого мира раннехристианских общин, позволяют судить о малоизвестных перипетиях идейной полемики между ними и тех средствах, с помощью которых она велась. Апокрифические деяния представляют собой очень ценный источник по истории художественной культуры древнего христианства, которая в течение первых трех столетий была прежде всего культурой звучащего слова, ибо унаследованное от иудаизма негативное отношение к антропоморфным изображениям господствовало в Церкви вплоть до начала IV в. Однако источник это необыкновенно сложный, и наибольшую трудность представляют как раз те вопросы, без решения которых вся полученная из деяний информация «повисает в воздухе», — вопросы их датировки. Ведь частое «ныряние» в фольклор, многократные переделки и редактирования изменяли их порой до неузнаваемости: «выцветала» их первоначальная теологическая окрасенность, совершенно разные по своему происхождению сюжеты «склеивались», «большие» деяния «рассыпались» на отдельные новеллы; эпизоды, связанные с судьбой одного апостола, попадали в «хождения» другого. И все же сопоставление различных «изводов» и версий иной раз позволяет если и не реконструировать их древний текст,¹ то составить о нем верное представление. Именно таким путем в XX в. исследователями была в основных чертах восстановлена фабула одного из древнейших памятников апостолиады — «Деяний апостола Иоанна», о существовании которых упоминали уже христианские авторы II в. Если же говорить об исторической ценности апокрифических сказаний, имея в виду реальные судьбы учеников Иисуса, то и в этом случае из-под наслоений фольклорного вымысла порой проглядывают такие события, которые по многим признакам выглядят как исторические факты. Надеюсь, читатель убедится в этом, ознакомившись с главой «Забытый апостол», где мы попытаемся выяснить, действительно ли апостол Варфоломей проповедовал в Индии.

¹ В абсолютном большинстве случаев сделать это практически невозможно.

Интенсивное изучение древней апостолиады началось в середине прошлого столетия. Переведенная с тех пор на основные европейские языки, она послужила сюжетным источником многих произведений искусства. Вспомним хотя бы знаменитый роман Г. Сенкевича «Quo vadis?» («Камо грядеши?»). А вот на русском языке из полусотни сохранившихся памятников до недавнего времени были опубликованы только два: «Деяния Павла и Феклы» и сирийская версия «Деяний Иуды Фомы». Изданная в 1997 г. и не раз нами упоминавшаяся книга Е. Н. Мещерской лишь отчасти восполняет этот пробел, поскольку содержит переводы только сирийских апокрифов, которые отличаются от греко-римских христианских писаний рядом специфических черт. С учетом этого хотелось бы представить данный пласт раннехристианской литературы с разных сторон, — отразив региональное, жанровое, стилистическое и социально-психологическое его многообразие.

В переводах была сделана попытка передать поэтическое звучание древних текстов, лишившись которого, они были бы интересны лишь узкому кругу специалистов по истории древней Церкви.

«ЗАБЫТЫЙ» АПОСТОЛ В КАНОНЕ И АПОКРИФАХ

Мы уже обращали внимание на то, как, подчиняясь неким внутренним законам жанра, едва упомянутые в канонических текстах лица иной раз выдвигались на авансцену апокрифической традиции и становились центральными фигурами настоящих эпосов. Яркий пример такого рода дает фольклорная, а затем и литературная судьба апостола Варфоломея.

Позднейшие предания связывали его проповедническую деятельность с самыми разными регионами. Во всем христианском мире большой популярностью пользовались легенды о чудесах, сотворенных им при жизни и после смерти; сохранилось, как минимум, четыре очень непохожих друг на друга версии его мученической кончины. А вот в новозаветных текстах и древнейшей церковной традиции фигура этого апостола едва различима, о любом из учеников Иисуса там сказано гораздо больше. О каждом из них мы, по крайней мере, знаем, откуда он родом или чем занимался до встречи с Христом. Варфоломея же мимоходом, в числе прочих апостолов, только называют три первых Евангелия, и так же мимоходом он единственный раз упомянут в канонических «Деяниях».¹ В четвертом Евангелии это имя не встречается, хотя принято считать, что Варфоломей тождественен Нафанаилу из Каны Галилейской,² о котором, впрочем, в Евангелии от Иоанна тоже сказано совсем немного: Иисус однажды назвал его «истинным израильтянином, в ком нет лукавства».³ Православная богословская энциклопедия в статье, посвященной Варфоломею, констатирует: «О жизни и деятельности его почти ничего не известно».⁴

¹ См.: Мф. 10:3; Мк. 3:18; Лк. 6:14; Деян. 1:13.

² В вопросе о тождестве Варфоломея — Нафанаила не было согласия уже в древности; признаваемое большинством христианских писателей, оно отрицалось такими столпами Церкви, как Августин Блаженный и Григорий Великий. Споры по этому вопросу продолжаются и поныне.

³ Иоанн 1:46-47.

⁴ Православная богословская энциклопедия, т. III, СПб., 1902. С. 170. Эту же фразу буквально повторяет и не столь давно вышедший трехтомный Энциклопедический словарь «Христианство» (т. I, с. 335. М., «Большая Российская энциклопедия». 1993.)

Отношение к Варфоломею как апостолу «второго ряда» долгое время сохраняла и церковная традиция: христианские авторы II—III вв. словно забывают об этом ученике Христа, а в дошедших до нас писаниях IV в. он упомянут только дважды — сначала Евсевием Кесарийским,¹ а затем Иеронимом.² Оба приводят одно и то же краткое сообщение о проповеди Варфоломея в Индии, где, по их словам, он оставил Евангелие от Матфея, написанное еврейскими буквами. Столь же кратко, но используя какую-то другую традицию, говорит о нем в начале V в. Ефрем Сирий: «Варфоломей дал индийцам Евангелие Матфея и был там епископом, и проповедовал в Ликаонии».³ С Индией связывает Варфоломея и короткое упоминание о нем в «Церковной истории» Сократа Схоластика,⁴ написанной в конце 30-х гг. V в. Других сведений об этом апостоле раннехристианская традиция не содержит.

¹ «Церковная история», V, 10.

² De viris illustribus, cap. 36.

³ Commentarium in Evangelium Corcondans. Цитирую по книге: Vita et Martyrium sancti Bartholomaei apostoli ex sinceris fontibus Armeniaces in linguam latinam conversa. Salisburg, 1877, p. 63: «*Bartholomaeus Euangelium Matthaei Indis dedit ibique fuit episcopus et praedicavit in Lycaonia*».

⁴ «Церковная история», I, 19.

На этом фоне выглядит вполне естественным повышенный интерес к Варфоломею народных сказаний христианской древности и средних веков. Ведь апокрифы чаще всего возникали в результате стремления досказать «недосказанное» в Священном Писании, дать объяснение непонятному, устранить действительные или мнимые противоречия канонических текстов. Генезис народных сказаний, на основе которых очень часто создавались апокрифы, подчинялся парадоксальному правилу: чем меньше говорилось о тех или иных фигурах и эпизодах в Писании, тем больше внимания уделял им фольклор. Правда, при условии, что эти фигуры и эпизоды относились к числу ключевых. Апостол «из двенадцати», о котором не было известно ровным счетом ничего, был в этом смысле идеально привлекателен.

Но поначалу «второстепенность» Варфоломея в полной мере ощущалась и в апокрифах. В древнейших легендах он выступает только как «спутник», «помощник», «сотоварищ» других учеников Иисуса. Гностические «Деяния Филиппа» называют его не апостолом, а лишь «одним из семидесяти учеников Господа», хотя ни в одном новозаветном тексте такое лицо ни разу не упоминается, и напротив, — канонические Евангелия, говоря об апостоле Варфоломее, все три раза сопрягают его в одной паре с Филиппом. Сопровождающий Филиппа во фригийский город змеепоклонников Гиерополь, Варфоломей иной раз даже не удостоивается быть названным в этих деяниях по имени и вместе с сестрой Филиппа Мариам попадает в число «тех, кто с ним». Если самого Филиппа жители Ги-ерополя подвергли изощреннейшим истязаниям, то Варфоломея лишь поставили наблюдать за ходом казни, пригвоздив, правда, его ладони к вратам храма. Филипп, даже наказанный за жестокосердие и отстраненный Христом от благовестия, продолжает давать Варфоломею указания.¹ Такая же его подчиненность видна и в другой древней легенде — «Деяниях апостола Матфея».

¹ См.: Acta Apostolorum Apocrypha, Ed. C. Tischendorf. Lipsiae, 1852. P. 75-94; A-NChL, vol. 16. Edinburgh, 1870. P. 301-316.

Облик литературного Варфоломея стал складываться задолго до появления его «персональных» деяний. Уже в III в. появились довольно подробные описания его внешности, которые мало чем отличаются от словесного портрета Варфоломея, данного демоном Бейретом (см. гл. 2 «Страстей Варфоломея»)¹. Постепенно формируется и апокрифическая биография апостола. В «Арабском евангелии детства» (гл. 30) сохранилась легенда о том, как тяжело заболевшего младенца Варфоломея мать принесла к Деве Марии и, чтобы исцелить его, положила в постель, где обычно спал отрок Иисус.² Соединение Варфоломея уже в младенческом возрасте со Св. Семейством было призвано свидетельствовать об особом избранничестве этого апостола и выдвигало его на авансцену апокрифической апостолиады. Но с превращением Варфоломея в одну из центральных фигур христианского эпоса, остро стала ощущаться скудость сведений о нем. Их искали всюду, внимательно и даже пристрастно вслушиваясь в само имя Варфоломея. Для иудео-христиан оно звучало как «сын Талмая (или Фалмая)», не выделяя своего владельца из среды остальных учеников Иисуса, зато обращенные в христианство греки, римляне, египтяне слышали в нем указание на царственное происхождение апостола — «сына Птолемеев» — последней династии египетских фараонов. Возможно, в этом заключалась одна из причин его популярности у египетских христиан — коптов. О том, сколь велика она была, свидетельствуют сохранившиеся лишь на коптском языке фрагменты псевдоэпиграфического «Откровения Варфоломея». Писания такого рода христианская традиция связывала лишь с самым узким кругом наиболее чтимых лиц — Авраамом, Моисеем, Девой Марией, «любимым учеником» Господа Иоанном, «первоверховными» апостолами Петром и Павлом. Включение коптами в этот круг Варфоломея говорит об их совершенно особом отношении к нему. Существовало так же и псевдоэпиграфическое Евангелие от Варфоломея; его упоминал в IV в. Иероним Блаженный,³ а в конце V или начале VI осудил Декрет папы Геласия.⁴

¹ См.: Acta Apostolorum Apocrypha. Ed. C. Tischendorf. Lipsiae, 1851. P. LXIX-LXX.

² Хотя «Арабское евангелие детства» в существующем виде сложилось уже в V или VI вв., многие легенды, оказавшиеся в его составе, датируются значительно более ранним временем.

³ *Hieronimus. Commentaria in evangelium secundum Matt-haeam, prologus. // PL, v. XXVI. P. 17 f.*

⁴ См. Приложение I-II [№ 12]. От самого евангелия Варфоломея сохранились лишь отрывочные фрагменты, причем в сравнительно поздних (V-VII вв.) коптских версиях. См.: Hennecke - 3, I, 485.

Легенды о царском происхождении Варфоломея долгое время бытовали и среди сирийских христиан. В них он представлен племянником бездетного сирийского царя, престол которого ему предстояло унаследовать. Прослышав об учении и чудесах Христа, юный принц пожелал стать Его учеником, однако смущаемый слухами о том, что ученики Христа бедны и ходят небрежно одетые, он написал Спасителю письмо: «Хотел бы учеником твоим стать, если согласишься оказать мне одну любезность: разреши мне в знак царственного достоинства моего всегда пурпурные одежды носить, и буду я следовать за тобой во всякий день жизни моей». Христос согласился с этим пожеланием, но потребовал, чтобы Варфоломей отказался от «верхней хламиды» и вообще одевался попроще, «ибо естественной одеждой человека является его кожа».¹ Так принц оказался в числе апостолов, но всю жизнь продолжал носить одежду, хотя и скромную, но все же помеченную знаками царственного происхождения. Их мы встречаем и в тексте «Страстей Варфоломея» — там, где говорится о его «подбитом пурпуром колобии» и белом паллии, украшенном по углам четырьмя пурпурными геммами.

¹ *Vita et martyrium ... P. 26-27.*

Каноническая неопределенность Варфоломея и скудость данных о нем церковной традиции освобождали от излишней щепетильности при обозначении места его проповеднического служения. Как спутник Филиппа он действует в Малой Азии, вместе с Матфеем проповедует Евангелие на северном берегу Понта — в Боспорском царстве и «сопредельных землях»; согласно коптским легендам, подвизается в Верхнем Египте и принимает мученическую смерть в Эфиопии. Несторианское предание вновь переносит Варфоломея в Боспорское царство, древние армянские легенды отправляют его в Индию, а на обратном пути он благовествует в Персии, Вавилонии, Ассирии, Великой Армении, где и погибает в городе Абарнополе. В одних апокрифах ему отрубают голову, в других забивают палками, в третьих распинают, в четвертых заживо сдирают с него кожу. Есть и такие легенды, в которых Варфоломея подвергают сразу нескольким видам казни.¹ Словом, ни с одним апостолом апокрифическая литература не обходилась так вольно, как с Варфоломеем, но и ни об одном из них не были созданы легенды, столь разнообразные по содержанию и географическому охвату.

¹ *Lipsius R. A. Die apokryphen Apostelgeschichten und Apos-tellegenden. Ein Beitrag zur altchristlichen Litteraturgeschichte. Braunschweig, 1883-1890. Bd. I, S. 28 ff.; Bd. II, S. 54-108.*

В армянском «Гомилиарии» XI в., ставшем своеобразным компендиумом древних и раннесредневековых легенд о Варфоломее, последовательно описаны семь его разных путешествий: 1) «в Индию», 2) «в землю мидян и эламитов», 3) «в Нижнюю Сирию», 4) «в землю германцев», 5) снова «в землю парфян, мидян и эламитов», 6) «в страну персов и магов», 7) и, наконец, «в Голтон, область армян», где он и погиб мученически.²

² *Vita et Martyrium... P. 1-19.*

Примечательно, что в этой «варфоломеаде» совершенно нет сюжетных повторов, почти отсутствуют в ней и ситуации, постоянно тиражируемые в апокрифических деяниях других апостолов. Особенно интересен и богат «не клишированными» деталями рассказ о хождении Варфоломея в «Индию». Вместе с апостолом Фомой (который в дальнейшем больше ни разу не упомянут) он приходит в город Эдем и становится там свидетелем поклонения местных жителей необычному водному источнику, именуемому «Дочь Нила», вода которого чудесным образом ускоряла рост трав, растений и деревьев. Время от времени в его глубине начиналось бурление, раздавался гул, и над вскипавшей поверхностью вырывались языки пламени. Народ, стоявший вокруг, приходил от этого зрелища в неистовство: люди принимались вопить,

подползали, «точно змеи или рептилии», к жерлу источника и бросали в глубину жертвоприношения золото, серебро, драгоценные ткани и камни. Возмущенный их «непристойными воплями и бессмысленными тратами» Варфоломей, сняв плащ, разостлал его на поверхности воды и, призвав имя Божье, велел источнику немедленно иссохнуть, что в мгновение ока и произошло. А в ответ на завывания и довольно-таки сутяжнические жалобы обитавших в источнике демонов апостол велел им навсегда покинуть это место. Быстро распространившийся слух о чуде привлек в Эдем толпы любопытствующих. Стесненные и раздраженные этим, жители города решили побить Варфоломея камнями, но почему-то стали бросать их не в апостола, а друг в друга, так что около двадцати человек оказались убиты. Молитвой Варфоломея они были возвращены к жизни, что стало причиной огромного паломничества больных: «Принесли к нему вторых и больных, и недужных, и паралитиков, и расслабленных, томимых всякого рода телесными и душевными недугами, и слепых и хромых, и глухих и немых, и дебилов с лунатиками». Всех исцелив, апостол проповедал эдемцам Евангелие от Матфея, а потом «пошел за городскую окраину, к ровной площадке среди скал (курсив мой. — А. С.) и, преклонив там колени, возблагодарил в молитве Христа».¹ И тогда, сопровождаемое землетрясением и грохотом, напоминавшем раскаты грома, произошло еще одно чудо — забил новый, обильный и сладкий источник, в котором Варфоломей крестил сбегавшихся отовсюду горожан. А из числа воскресенных им мужей он поставил пресвитеров и укрепил их в истинной вере.

¹ Христологические формулы этой молитвы, равно как и молитв, встречающихся в других местах Гомилиария, вследствие монофизитской специфики памятника утверждают лишь абсолютную божественность Христа, и наверняка являются результатом сравнительно позднего редактирования.

Описание второго путешествия резко контрастирует с первым — оно занимает всего шесть строк. Здесь нет ни имен, ни событий. Миссия апостола в землях мидян и эламитов успеха явно не имела, «разве что немного совсем».²

² Vita et martyrium... P. 6.

Куда содержательнее третье — сирийское — его путешествие. Входя в город Бустр, Варфоломей повстречал погребальную процессию: хоронили двенадцатилетнего сына «славного бустрийского трибуна» Андроника. Среди всеобщих рыданий и траурной музыки трубачей и кифаредов апостол бросился к погребальным носилкам и повелел именем Иисуса Христа мертвому юноше подняться. Умерший повиновался, те же, кто нес его, «застыли на месте» от изумления. Многие при этом видели, как из уст Варфоломея изошел огонь и влетел в уста отрока. «И закричали тут все: "Явился Бог среди нас!" В течение трех дней Варфоломею едва удавалось удерживать бустрийцев от жертвоприношений в его собственную честь. Он проповедует им Евангелие от Матфея и крестит воскресенного отрока, а затем самого трибуна Андроника, всех его домочадцев и знакомых. Под впечатлением чуда и примера городской элиты «без принуждения и охотно» крестились также и участники погребальной процессии. По приказанию Варфоломея трибун разрушил находившиеся в городе семь языческих алтарей, а драгоценности, украшавшие статуи Ареса и Ормузда, раздал бедным. В Бустре Варфоломей провел около шести лет, исцеляя больных, изгоняя демонов и воздвигая алтари истинной веры. «И переписал он им Евангелие от Матфея, которое имел при себе проповеди своей ради». Когда же сыну Андроника исполнилось восемнадцать лет, он рукоположил его своей апостольской властью, сам же отправился в земли германцев.

Это предание сохранило черты исторической реальности, причем среди них есть и такие штрихи, которые позволяют считать его памятником античного времени. Во-первых, вполне реален описанный в «хождении» город Бустр, чаще называемый в христианской литературе «Востра». Это лежащий на границе с Аравийской пустыней крупнейший (а после завоевания Траяном Аравии — главный) центр посреднической торговли Сирии с Югом и Востоком, через который проходили караванные пути к Персидскому заливу и Красному морю.¹ Во II-III вв. Бустра считалась самым большим и роскошным городом всей Восточно-Иорданской области, а население ее достигало ста тысяч человек.² Очень рано, уже во времена римского владычества, этот город стал местом пребывания епископа, таким образом, предание совсем не случайно связывает начало христианской проповеди там с именем апостола. Одна из реалий эпохи римского владычества отразилась и в титуле (или должности) Андроника, названного трибуном. Между тем именно в Римской Сирии (в отличие от других восточных провинций) названия

имперских магистратур, как правило, не переводились на сирийский язык с помощью местного эквивалента (например, в грекоязычных областях: «проконсул» = «игемон»), а лишь транскрибировались.³ Сама сцена встречи у городских ворот похоронной процессии и воскрешения мертвого мальчика, безусловно, навеяна Евангелием от Луки (7:11-15), но примечательно, что в описание включены детали, свидетельствующие о знании этой стороны обихода эллинизированного общества позднеримской эпохи: за погребальными носилками следует оркестр трубачей и кифаредов.⁴ Между тем известно, что сирийская знать в I-III вв., стремясь к достижению магистратур и высокого социального статуса имперского масштаба, активно усваивала латинский язык, правовые и обиходные нормы римлян.⁵

¹ См.: Ранович А. Восточные провинции Римской империи в I-III вв. М.; Л., 1949. С. 150.

² ЕЭ, IV, 859-860. Аммиан Марцеллин называет Бустру «огромным» городом (Римская история, XIV, 8, 13).

³ Ранович А. Указ. соч. С. 138.

⁴ Сравн.: Гиро П. Частная и общественная жизнь римлян. VII, 6: Похороны. СПб., 1995.

⁵ Ранович А. Указ. соч. С. 159.

По-видимому, есть даже возможность наметить хронологические границы, в пределах которых этот рассказ мог обрести письменную форму. Как мы помним, Ефрем Сирий, писавший в конце IV или самом начале V в. о местах проповеди Варфоломея, упомянул лишь Индию и Ликаонию, о предании же, связывающем апостола с его родиной, не сказал ни слова. Единственным объяснением этого может быть тот факт, что о сирийской проповеди Варфоломея ему ничего не было известно. И следовательно, на рубеже IV-V вв. памятник, скорее всего, еще не существовал в письменной форме. Такой вывод подтверждается и другим соображением. Малозначительное, на первый взгляд, замечание о том, что участники погребального шествия крестились «без принуждения и охотно», в действительности говорит о многом. Во-первых, оно укрепляет нас во мнении, что местом возникновения этого рассказа была Сирия. Ибо, близкий к нотариальной формуле, этот оборот совершенно необычен для греко- и латиноязычной апокрифики, но зато прекрасно вписывается в атмосферу интеллектуальных пристрастий и увлечений образованных слоев сирийского общества римско-византийской эпохи. В III-V вв. страсть к юриспруденции среди сирийской знати и сирийских интеллектуалов была всеобщей; именно из Сирии вышли крупнейшие римские юристы этого времени — Ульпиан, Папиниан, Павел,¹ а юридическая школа, существовавшая в Берите, считалась одним из лучших питомников римского права. По свидетельству Григория Неокесарийского (213—ок. 270), тяга к правоведению была характерна и для тамошней христианской среды.² И во-вторых: такая формула могла появиться лишь в эпоху принудительных обращений в христианство, которые в Римской империи не практиковались до Феодосия Великого, а точнее — до начала 90-х гг. IV в. После арабского завоевания (639 г.) она лишалась всякого смысла и потому могла лишь сохраниться в старых писаниях, но не появиться во вновь создаваемых. Иначе говоря, к этому времени памятник уже наверняка существовал в письменной форме. И еще одно соображение по поводу его датировки. Собранные в армянском Гомилиарии «деяния» Варфоломея явно были подвергнуты монофизитскому редактированию и потому изобилуют утверждениями, типа «Иисус Христос — истинный Бог, сотворивший небо и землю, и море, и все, что в них».³ Однако в сирийском рассказе встречается раздельное именование Бога и Христа: убеждая бустрийцев не приносить ему жертвы, Варфоломей заявляет: «Я раб Господа всего сущего и Сына его Иисуса Христа и Святого Духа».⁴ Такая формула не противоречит монофизитским взглядам, но и не характерна для христологии других частей Гомилиария. Это дает некоторые основания думать, что сирийское «хождение» было записано до раскола Церкви, последовавшего за Халкидонским собором 451 г., т. е. еще в первой половине V в.

¹ Там же. С. 140, 161.

² Григорий Неокесарийский. Благодарственная речь Оригену // Григорий Чудотворец. Творения. М., 1996. С. 28.

³ Эпитет «сотворивший небо и землю, и море, и все, что в них» довольно часто встречается в раннехристианской литературе II-V вв. н. э., но относится всегда исключительно к Богу Отцу.

⁴ Vita et martyrium... P. 7.

Четвертое, «германское», путешествие Варфоломея, столь же богато событиями, но ни

имен, ни топонимов в нем нет.

Почти сразу же по приходу Варфоломея в землю германцев он был схвачен и заточен, ибо слух о совершаемых им исцелениях настолько взбудоражил людей, что, бросив дела, они сидели на перекрестках дорог в надежде увидеть чудотворца. Заключив Варфоломея в тюрьму, король (гех) германцев собрал «трибунал» и пять дней совещался со своими «магнатами» и «знатнейшими вождами» о том, как следует с ним поступить. Посланные за Варфоломеем вернулись ни с чем, так как были испуганы ярким световым потоком, вырвавшимся сквозь дверь узилища, а также толпами стоявшего вокруг народа. Тогда разгневанный король вместе с трибуналом поспешил к месту заточения апостола, но, придя туда, все они были перепуганы внезапным громом и блеском молний и, поадавав наземь, лишились рассудка. Выйдя из узилища и возложив на каждого из них руки, Варфоломей привел их в себя. В ответ на просьбы об исцелении ран и недугов, он произнес проповедь, обратил всех в веру Христову и крестил в ближайшей реке. А затем, воздвигнув в разных местах германской земли алтари, причастил новообращенных «хлебом небесным и кровью Сына Божия» и ушел благовестить «в других городах».¹

¹ Ibid. P. 8-12.

Пятое «хождение» Варфоломей вновь совершает в землю парфян и мидян, и опять здесь лишь коротко сказано о его результатах — «многие из парфян к Господу обратились».

Оказавшись в пределах персов и магов, он проповедал, «по своему обыкновению», Евангелие от Матфея, отмечая попутно «все хорошее и полезное, что было у магов». А потом пришел в храм огня и, воздев руки к востоку, устроил солнечное затмение, сопровождаемое явлением посреди храма огненного столпа. Но, несмотря на все «поразительные чудеса», люди, привыкшие поклоняться Гелиосу и Сифо, Аресу и Пренаю,² не отказались от почитания этих стихий (elementorum). «И просветил он и с собою увел всего только восемь душ из этого варварского и пропащего народа».³

² Т. е. Солнцу, Дракону, Аресу-Марсу и Огню.

³ Ibid. P. 12-14.

Как и следовало ожидать, последнее, армянское, «хождение» Варфоломея по событийной насыщенности и конкретности повествования превосходит все остальные: здесь указываются «точные» даты событий, отмечаются ближние и дальние родственные отношения, называются имена главных и второстепенных персонажей.

«В двадцать девятый год царствования царя Санатруция, — сообщает Гомилиарий, — пришел св. апостол Варфоломей к армянам». Между тем апостол Фома «по праву своей верховной власти» написал Варфоломею, что ему не следует проповедовать в этих краях, так как их уже посетил Фаддей — один из семидесяти учеников Христовых. Это руководящее указание Варфоломей почему-то проигнорировал. У холма Арташат он повстречал еще одного «апостола из двенадцати» — Иуду Иаковлева. На месте своей встречи они воздвигли крест, а затем Иуда пошел «в свою область», Варфоломей же направился в область армян Гер Заревант, где совершил множество чудес и исцелений. Прослышав об этих чудесах, Огохи, «сестра царя Санатруция, который был сыном сестры Авгара»,¹ тайно отправилась к Варфоломею и под сильным впечатлением его проповедей «отказалась от мирской славы и, облекшись в одежды девственницы, стала ученицей апостола и последовала за ним». Узнав об этом, царь Санатруций «запылал от гнева, как железо раскаленное, и возжаждал крови, послал за апостолом трибуна Терентина с воинами его». Но страдавший проказой Терентий пощадил Варфоломея, а выслушав его проповедь, сам принял христианство. Во время крещения его накрыло светлое облако, и пораженная проказой кожа соскочила, «словно кора с дерева и листва с лозы виноградной». Услышав об измене, царь послал другого приближенного с предостережением ни в коем случае «не слушать их речей». На этот раз Варфоломей, Огохи и Терентий были схвачены и приведены в трибунал. В течение часа шесть человек избивали апостола сучковатыми палками и, решив, что он мертв, выбросили его из города. Но через три часа Варфоломей пришел в себя и, окруженный большой толпой, произнес страстную молитву, в которой просил Бога «дать народу сему пастыря и вождя», а затем под грохот землетрясения отдал Богу душу. Царевну же Огохи, трибуна Терентина «и многих других, что с ними были», царь безжалостно убил мечом².

¹ Евсевий Кесарийский рассказывает в своей «Церковной истории» о переписке Христа с

эдеським царем Авгаром и даже приводит копии их писем (I, 13). Декрет папы Геласия называет эту переписку апокрифической (см. Приложение 1-2 [№ 57-58]). Евсевий также сообщает, что после вознесения Христа апостол Фома отправил для проповеди евангелия к Авгару одного из семидесяти учеников Христовых — Фаддея. Сохранился, кроме того, сирийский апокриф о царе Авгаре (см.: *Меццарская Е. Н.* Легенда об Авгаре — раннесирийский литературный памятник. М., 1984.)

² *Vita et martyrium...* P. 14-19.

Итак, апостол, про которого в канонических текстах не сказано буквально и двух слов, с течением времени стал главным героем целого эпоса. А к VIII-IX вв. его статус в глазах определенной части христиан уже возвысился настолько, что церковные авторы восточно-христианского мира даже пытались использовать легендарную славу Варфоломея для борьбы с усиливавшимися притязаниями Римской курии на верховную власть в Церкви. И поскольку обосновывались эти притязания авторитетом апостола Петра, византийские писатели VIII-IX вв. (Иосиф Песнопевец, Феодор Студит, Никита Пафлагон) старались приравнять проповеднические заслуги и мученические подвиги Варфоломея заслугам и подвигам «первоверховного» апостола.¹

¹ Показателен в этом отношении следующий пассаж из «Панегирика святому апостолу Варфоломею» Феодора Студита: «*Petrus docet nationes, sed Bartholomaeus consequenter paria investigat. Petri speciosi pedes bona evangelizantis, sed et Bartholomaei aequae gloriosi, sublimia de Deo loquentis. Petrus prodigia magna, sed et Bartholomaeus facit miracula valida. Petrus deorsum capite crucifigitur, sed et Bartholomaeus e diverso poenas sustinens, postquam vivus decoratus est, capite plectitur*» (Цитирую по «*Vita et Martyrium...*». P. 29.)

Географический охват апокрифических «хождений» Варфоломея огромен — от Германии на западе до Персии или даже Индии на востоке. Насколько реален мог быть такой маршрут? И есть ли вообще в этих легендах зёрна исторической истины? Проще всего, конечно, сказать, что все в них от начала до конца — вымысел. Обратим, однако, внимание на то, что эти семь «хождений» заметно различаются по своему характеру: «индийское», «сирийское» и «армянское» повествования довольно конкретны: в них названы имена и топонимы, упомянуты особенности ландшафта и бытовые детали, тогда как в четырех остальных нет ни того, ни другого, ни третьего. Хотя между реальной Вострой и столицей Великой Армении Арташатай даже по прямой около тысячи километров (а если учесть, что маршрут апостола должен был повторять изгибы горных хребтов, то получится вдвое больше), оба эти места все же относятся к одному региону и связаны близкой историко-культурной традицией. Но как увязать с ними индийское хождение, рассказ о котором как в армянском Гомилиарии, так и в публикуемых ниже «Страстях Варфоломея», тоже избобилует конкретными деталями? Правда, они почему-то плохо увязываются с реалиями Индостана: волшебный источник в городе Эдеме называется не «Дочерью Ганга» или Инда, а «Дочерью Нила»; царь Полиций отправляется искать апостола не на слонах, как того требует индийская экзотика, а на верблюдах.¹ Никакого отношения к Индии не имеют и упомянутые в «Страстях» демоны: Ваалдат, Астарот, Бейрет — все это древнесемитские божества, следы их почитания народами Индостана до сих пор никому обнаружить не удалось. Да и собственные имена — Полиций, Псевстий — скорее греческие, чем индийские.

¹ В древности народы Индостана совершенно не знали верблюда. Он получил распространение там уже во времена мусульманского владычества, а в Бирме оставался неизвестен вплоть до середины XIX в. См.: *Pumtep K.* Географическое распространение верблюда в Старом свете. М. 1854. С. 237.

Не будем, однако, спешить с выводом о всецелой выдуманности «индийских» хождений Варфоломея, ибо указание древних авторов на Индию совсем не обязательно подразумевает Индостан. Обратившись к «Страстям Варфоломея», мы из первой же их фразы узнаем, что существуют целых три Индии и одна из них лежит где-то по соседству с Эфиопией... Скажем сразу: то, что их три, — не более чем риторический прием, обычный для латинской литературы.¹ На самом деле древние христиане называли так не три, а по меньшей мере четыре региона, обозначая терминами «Индия» и «индийцы» отдаленные южные страны и населявшие их народы.² При этом чаще всего словом «Индия» обозначались, во-первых, узкая прибрежная

полоса Аравийского полуострова, протянувшаяся вдоль Красного моря, которую античные авторы именовали «Счастливой Аравией»; во-вторых, прилегающий к Персидскому заливу северо-восток Аравии; в-третьих, Кармания — приморские области на юге современного Ирана, откуда действительно открываются удобные равнинные проходы к территориям, некогда занятым Мидийской державой, и, наконец, собственно Индостан, считавшийся античными географами «краем этого мира».³ Говоря об индийской проповеди апостола, Иероним, Евсевий Кесарийский и Ефрем Сирийский в принципе могли подразумевать любой из этих регионов. Но в дальнейшем, по мере того, как топоним все более однозначно указывал на Индостан, именно с ним стали связывать и проповедь Варфоломея. Автор «Страстей» уверяет, что туда-то и пришел его герой, однако слишком многое заставляет в этом сомневаться. Выше уже говорилось, что Индия как место проповеди Варфоломея была упомянута и в «Церковной истории» Сократа Схоластика. Этого писателя часто обвиняют в поверхностности и увлечении внешней стороной повествования, однако в данном случае он более точен, чем его предшественники Евсевий и Иероним, смысл же его сообщения как раз в том, что Индостан не был той Индией, где проповедал Варфоломей. «Когда апостолы, согласно выпавшему каждому из них жребию, отправились к народам, — пишет Сократ, — Фоме досталась Парфия, Матфею — Эфиопия, Варфоломею — сопредельная ей Индия. А Индия внутренняя (interior), населенная многими племенами варваров, говорящих на разных языках (курсив мой. — А. С.), была просвещена словом Христовым не прежде времени Константина».⁴

¹ См., например, у Цезаря в «Записках о Галльской войне»: «*Вся Галлия на три части разделяется...*» Или еще более сходно у римского грамматика IV в. Сервия Мавра в его комментариях к «Энеиде»: «*Есть три Аравии — Нижняя, Каменистая и Счастливая.*»

² *Smith W. India. // The Dictionary of the Bible, v. II. London, 1864.* См., также: *Болотов В. В. Лекции по истории Древней Церкви. М., 1994. Т. II. С. 245.*

¹ См.: *Помпоний Мела. О положении Земли. Кн. III, гл. 7 // Античная география. М., 1953. С. 232.*

² PG. LXVII, p. 125-126. Между прочим, греческое и латинское interior можно понимать не только как «внутренняя», но и как «Индия в более тесном смысле».

Немецкий филолог-классик Р. Липсий, написавший в прошлом веке двухтомную монографию, посвященную историям и легендам об апостолах, был убежден, что речь в «Страстях Варфоломея» идет о Кармании. Тем не менее согласиться с этим трудно, т. к. уровень развития карма-нийцев в I в. н. э. совершенно не соответствовал изображенной в апокрифе цивилизации. «Нет у них ни одежды, ни плодов, ни скота, ни постоянных жилищ», — пишет об этом народе Помпоний Мела.¹

Вопроса о том, в какой «Индии» проповедовал апостол Варфоломей, несколько раз касался в своих «Лекциях по истории Древней Церкви» В. В. Болотов, однако высказанные им суждения находятся в странном противоречии друг с другом. С одной стороны, он считал, что прототипом царя Полимия послужил властитель Понто-Боспорского царства Полимон II, бывший одно время иудейским прозелитом, а «инды», которых апостол Варфоломей мог встретить в Боспорском царстве, «были племенем "от Σινδοι", жившим к югу от устья Кубани». «Но здесь, — продолжает автор, — разумеются инды в собственном смысле. Это были "счастливые инды", — поясняет он, — обитатели Аравии».² Согласитесь, не очень ясно: «от Σινδοι», «инды в собственном смысле» или «обитатели Аравии»?

¹ *Помпоний Мела. Loc. cit.*

² *Болотов В. В. Указ. соч. Т. II. С. 251-252.*

«Можно думать, — пишет далее В. В. Болотов, комментируя свидетельство Евсевия Кесарийского, — что под Индией здесь разумеется Счастливая Аравия, или Йемен». Однако затем ввиду того, что «евреи здесь высоко поднимали свою голову» и «сплошная масса здешнего населения к IV в. оставалась языческою»,¹ он отказывается от этого предположения. Отказ этот и плохо аргументирован, и слишком поспешен. Ведь именно на территории современного Йемена в первые века н. э. существовала цивилизация, удивительно похожая на страну царя Полимия. Благодаря торговле пряностями и благовониями, там процветали несколько крохотных царств — Саба, Майн, Катабан, Хадрамаут, Авсан. Греческий географ Страбон, в подробностях описавший этот регион, отмечал, что города названных государств

«украшены пышными святилищами и царскими дворцами», и находил в тамошних постройках сходство с египетскими. «Убранство их домов, — писал он, — отличается роскошью: двери, стены и потолки домов инкрустированы слоновой костью, золотом и серебром с драгоценными камнями».² Судя по данным археологии, на это сообщение вполне можно полагаться. Археологи обнаружили в Йемене остатки многочисленных дворцов и храмов, украшенных первоклассными рельефами и круглой скульптурой. Найденные надписи (их сохранилось более пяти тысяч) указывают на большую роль в жизни южноаравийских государств в первые века н. э. института жрецов и храмовых оракулов и говорят о чрезвычайно развитой практике паломничества и жертвоприношений, один из месяцев даже носил название «паломнический». Хотя на культуру этих государств сильное влияние оказали иудаизм и христианство, в них долгое время сохранялся политеизм, а совокупный пантеон насчитывал более сотни богов, главным образом, древнесемитского происхождения (таковы и все боги-демоны нашего апокрифа — Астарот, Бейрет, Ваалдат). Возглавлял же все местные пантеоны Астар, которого под именем Астарота почитали и в Египте. Его символы среди прочих украшали и доисламскую Каабу в Мекке. Одним из них был лунный диск (в нескольких манускриптах, сохранивших «Страсти Варфоломея», дочь Полимия названа «лунагичкой»), но в первую очередь Астар выступал как олицетворение планеты Венера (не потому ли жрецы приносят ему жертвы «в первый час дня» — по современному исчислению суточного времени, в седьмом часу утра, когда эта планета находится в зените?). Появление же там таких имен, как Полими и Псевстий, может быть объяснено сильной эллинизацией этих царств — монеты Сабы того времени были почти точной копией афинских. Кроме того, население южноаравийских царств говорило на диалектах семитского языка, а для письма использовало алфавит, состоявший из еврейских и арабских букв. Некоторые правители Сабы (и конечно же, их окружение³) исповедовали иудаизм и, следовательно, читали по-еврейски. Апостолу, таким образом, имело смысл оставить им арамейское Евангелие, что было бы трудно объяснить, если бы речь шла о населении Индостана.

² Там же. С. 263-264. Это обилие противоречий и путаницы создает впечатление, что данная лекция создавалась уважаемым историком, многие разделы труда которого блестящи и по мысли, и по форме, в некоем затмении. Ведь в другом месте он специально подчеркивает, что пути распространения христианской проповеди пролегли именно там, где уже прошла колонизация иудеев («Лекции», т. II, с. 241). Что же касается «сплошной языческой массы», то в начале IV в. такая картина была характерна для Римской империи в целом, — христиане, как ранее уже говорилось, составляли вплоть до Никейского собора не более 10 % ее населения.

³ Страбон. География. XVI, 4:3, 19.

³ Канонические «Деяния» рассказывают о казначее эфиопской царицы, читавшем еврейское Священное Писание (Деян. 8:27-34). Эфиопия же в доисламский период была тесно связана с Южной Аравией. И более того: само слово эфиопы (*αἰθιοπες*) в древнегреческом иногда (например, у Гомера) обозначало «счастливых людей», а топоним «Эфиопия» (*Αἰθιοπία*) служил переводчиком Септуагинты для передачи еврейского слова «Куш», которым чаще всего в ветхозаветных писаниях обозначалась Индия (см.: Болотов В. В. Лекции по истории Древней Церкви. М., 1994. Т. II. С. 245). Иногда же эфиопами называли жителей Индостана (см., например, «О положении земли» Помпония Мелы, кн. III, гл. 7). Ввиду такой терминологической неразберихи нельзя исключать, что в канонических «Деяниях» речь идет не об эфиопском, а о южноаравийском придворном казначее.

Если наши рассуждения верны, и в «Страстях Варфоломея» действительно речь идет именно об этом регионе, то следует иметь в виду, что царь Астриг, по всей видимости, не был родственником принявшему христианство Полимию: согласно данным эпиграфики, термин «брат» в контексте отношений двух южноаравийских правителей выражал не родственные связи, а равенство их социального статуса.¹

¹ См.: Бауэр Г. М. «Мукарриб» и «царь» (К вопросу о государственном строе Древней Сабы) // ВДИ, 1964, 2. С. 17-36.

Тожественность Счастливой Аравии и той «Индии», где проповедал Варфоломей, находит косвенное подтверждение и в сообщениях Евсевия и Иеронима, по словам которых философ-стоик Пантен, «известный своей образованностью и многое улучшивший в Александрийском училище»,² был послан в Индию епископом Деметрием и встретил там людей, уже знавших Христа, проповеданного им апостолом Варфоломеем.³ Представляется

маловероятным, чтобы епископ Деметрий, попечением которого огласительное училище превратилось в учебный и научный центр, создавший Александрийской кафедре высочайший авторитет, мог услатить его ректора в многомесячное путешествие «на край этого мира». Логичнее думать, что упомянутой в данном случае «Индией» была находившаяся по соседству Счастливая Аравия. Контакты с ней жителей Египта были регулярны и многообразны, а поездка туда требовала значительно меньше времени.

² Именно в период ректорства Пантена (179-190) Александрийское огласительное училище превратилось в настоящий университет, где помимо общеобразовательных (грамматика греческого, латинского, еврейского языков, логика, риторика) и специальных христианских дисциплин, преподавалась стоическая, эпикурейская, пифагорейская, платоновская и скептическая философия.

³ *Eusebius*. Церковная история. V, 10; *Hieronimus*. De viris illustribus, cap. 36.

Вернемся теперь к описанию «индийского» хождения апостола в армянском Гомилиарии и присмотримся к нему повнимательнее. «В начале своего благовестия отправился он вместе с Фомой в город Эдем, сопредельный индийцам». Что это за город? В первую очередь, он, конечно, ассоциируется с «Садом Эдемским», т. е. — раем, и потому воспринимается как категория мифологическая. Однако в книге пророка Иезекииля упомянут и вполне земной город с очень похожим названием — «Еден». Обращаясь к Тиру, пророк восклицает: «Дупцы из Сабы и Раемы торговали с тобою всякими лучшими благовониями и всякими дорогими камнями, и золотом платили за товары твои. Харан и Хане, и Еден, купцы сабейские,¹ Ассур и Хилмад торговали с тобой» (27:22—23). Здесь перечислены не имена, как можно подумать, купцов, а топонимы. Интересующий нас Еден А. П. Лопухин в своих комментариях на книгу Иезекииля предположительно локализует на Евфрате.² Однако, судя по номенклатуре перечисленных товаров и упоминанию сабейских купцов, искать его, скорее, следует в Аравии. И памятуя о совпадении имен демонов в «Страстях Варфоломея» с пантеоном доисламского Йемена, можно даже предположить, что это южноаравийский город Аден — нынешняя столица Йемена. Он был хорошо известен в античном мире как важнейший перевалочный пункт на морском пути к Индостану. Плиний Старший называет его «Атана» (Athana),³ а Страбон подробно рассказывает о местах и способах добычи в тех краях самоцветов — смарагдов, бериллов, сапфиров.⁴ Иными словами, складывается впечатление, что и «Страстях Варфоломея, и армянской Гомилиарии речь идет об одном и том же регионе. Однако почему же Аден-Атана оказалась «сопредельна» индийцам, ведь, согласно тогдашним представлениям, этот город был столицей одной из «Индий»? Чтобы разобраться в этих «неувязках», обратимся снова к «Географии» Страбона.

¹ В синодальной транскрипции: «Сава», «савейские».

² См.: Лопухин А. П. Толковая Библия. Репринтное издание: Стокгольм, 1987. Т. VI. С. 388.

³ Плиний Старший. Естественная история, VI, 28.

⁴ Страбон. География. XVI, 4, 20.

Вслед за рассказом о южноаравийских царствах, он описывает область Счастливой Аравии, граничащую с Сирией и населенную в его время племенами набатеев и сабеев. «Главный город набатеев, — пишет Страбон, — называется Петра, так как он расположен на гладком и ровном месте, но защищенном со всех сторон скалой»; и далее отмечает наличие в Петре каких-то особых источников, вода которых была хороша «как для домашнего употребления, так и для поливки садов».¹ Во всей его «аравийской» книге подобных указаний мы больше не встречаем, а значит источники эти и впрямь составляли славу города.

¹ Там же. XVI, 4, 21.

Итак, город пограничный, окружен скалами и знаменит необыкновенно пригодными для полива растений источниками. Не туда ли, согласно Гомилиарию, пришел апостол, ведь совпадает все, кроме названия?

Туда! Ибо «Петрой» (Скалой) город называли греки и римляне, а ближневосточным народам на протяжении почти тысячи лет он был известен как столица государства Эдом! На рубеже III-II вв. до н. э. Петра-Эдом стала столицей арабского государства, созданного племенами набатеев и переживавшего расцвет как раз в 30-40-е гг. I в. н. э., то есть именно в то время, когда туда мог прийти с проповедью один из учеников Христа. Набатеи долго не имели

своей письменности, и хотя говорили по-арабски, при письме, подобно населению южноаравийских царств, пользовались арамейским языком и графикой.¹

¹ См.: *Kennedy A. Petra, its History and Monuments. London. 1925.*

Однако в какой именно из этих двух аравийских «Индий» побывал Варфоломей? Можно допустить, что в обеих. И все же указание армянского Гомилиария на Северную Аравию выглядит во многих отношениях более правдоподобным. Миссионерские маршруты апостола в этом случае оказываются объединены внутренней логикой, так как вытягиваются в одну линию, пролегающую вдоль границ Сирии. В этих районах арамейский язык, на котором, скорее всего, проповедовал Варфоломей, должны были понимать очень многие,² тогда как в южноаравийских царствах его знала лишь небольшая часть придворных. Чтобы добраться в Петру из Александрии, философу Пантену должно было понадобиться не более полутора недель, поездка же на юг Аравии была бы значительно более продолжительной. И, наконец, есть все основания думать, что географические утверждения «Страстей Варфоломея» представляют собой сознательную литературную мистификацию. Их автор, уверяя, что его герой пришел в Индию, которая «край света собою являет», на самом деле прекрасно знал, о какой «Индии» он пишет, и собирал в доступных ему источниках сведения об Аравии, ибо пролог к «Страстям» представляет собой ни что иное, как парафраз из уже упомянутых нами «Комментариев» римского грамматика IV в. Сервия Мавра к «Энеиде»: *«Есть три Аравии — Нижняя, Каменистая и Счастливая...»* Это пренебрежение историческими и географическими реалиями, очевидно, было намеренным. Автор сознательно подбирал и описывал такие реалии, которые больше соответствовали одной из главных задач его сочинения — борьбе с трудноискоренимой в христианских массах верой в целительную способность демонов, почитавшихся прежде «как боги». В «Страстях» она разоблачается трижды — устами автора, устами апостола и, наконец, устами самого демона Астарота. Это сочинение было, конечно, предназначено для латино- и грекоязычных христиан, грешивших иной раз (особенно в случаях смертельных недугов) обращениями за целительной помощью к своим «бывшим» богам. Поэтому адресованная им аллюзия требовала изображения таких культов, для которых был характерен сложный церемониал жертвоприношений и запросы оракулов, где были храмы, украшенные живописью и скульптурными изваяниями. Религиозный обиход южноаравийских царств вполне подходил для этой цели, примитивные же культы набатеев дорийской Петры — нет. Да и знали о них в латиноязычных областях Империи, где создавался этот памятник, значительно меньше, чем о культах и верованиях часто посещавшейся Атаны. Нельзя исключать, кстати говоря, и того, что имена Полимии и Псевстий были придуманы самим автором для усиления все той же аллюзии.

² На протяжении почти трех веков Армения, Сирия, Эдом входили в состав державы Ахеменидов, языком государственной канцелярии которой был арамейский.

Память о том, что Варфоломей проповедовал в Счастливой Аравии, сохранялась и в средние века, но средневековые авторы уже не связывали этот факт с утверждением древнейшей церковной традиции о проповеди апостола «в Индии» и трактовали аравийское и «индийское» хождения апостола как две разных проповеднических миссии, совершенно забыв, что в античности Индией называли и Счастливую Аравию. Византийский историк IX в. Никита Пафлагон в панегирике, посвященном Варфоломею, говорит: «Ходил сей блаженный муж к арабам, которые "счастливыми" именуется, да и не только к ним, но и к индийцам, а потом восточным эфиопам Христа возвестил».¹ Что же касается средневековых легенд о Варфоломее, то здесь главную роль уже играли не путаница и забывчивость, а законы фольклора и полет фантазии, до неузнаваемости преобразившие любые эпизоды древних сказаний. Так, сцена крещения Варфоломеем трибуна Терентина, с которого, «словно кора с дуба», соскочила пораженная проказой кожа, трансформировалась в легенды о том, как кожу заживо содрали с самого апостола. И если в преданиях античного времени мы еще вправе искать следы реальных судеб учеников Иисуса, то найти их в средневековых легендах-сказках надежды нет. Они, конечно, тоже представляют собой источник исторической информации, но касается эта информация процесса развития христианской ментальности уже в следующий исторический период.

¹ Цит. по: *Vita et martyrium... P. VII.*

ЕВАНГЕЛИЯ ДЕТСТВА

В первые десятилетия христианской истории внимание тех, кто уверовал в Мессию Иисуса, было сосредоточено, главным образом, на его проповеди, крестной смерти и воскресении. Как явствует из канонических Евангелий, рождение и детские годы Христа до конца I века не привлекали к себе особого интереса. Только в двух Евангелиях — от Матфея и от Луки — содержится описание рождения Спасителя,¹ только второе из них повествует о принесении младенца Иисуса в Иерусалимский храм.² Ни в одном каноническом тексте ни слова не сказано о том, как долго и где именно проживало Святое Семейство в Египте, да и о его бегстве туда упоминает лишь евангелист Матфей.³ Рассказ Евангелия от Луки об одном из эпизодов отрочества Иисуса уникален для всего Нового Завета, апокрифические евангелия детства использовали любую возможность, чтобы подчеркнуть связь своего повествования с этим эпизодом. Поведав о возвращении Св. Семейства в Галилею, «в город свой Назарет», евангелист продолжает: «Младенец же возрастал и укреплялся духом, исполняясь мудрости, и благодать Божья была на Нем. Каждый год родители Его ходили в Иерусалим на праздник Пасхи. И когда Он был двенадцати лет, пришли они также по обычаю в Иерусалим на праздник. Когда же по окончании дней праздника возвращались, остался Отрок Иисус в Иерусалиме; и не заметили того Иосиф и Матерь Его, но думали, что Он идет с другими. Пройдя же дневной путь, стали искать Его между родственниками и знакомыми и, не найдя Его, возвратились в Иерусалим, ища Его. Через три дня нашли Его в Храме, сидящего посреди учителей, слушающего их и спрашивающего их; все, слушавшие Его, дивились разуму и ответам Его. И, увидев Его, удивились; И Матерь Его сказала Ему: Чадо! что Ты сделал с нами? Вот отец Твой и Я с великою скорбью искали Тебя. Он сказал им: зачем вам было искать Меня? или вы не знали, что должно быть в том, что принадлежит Отцу Моему? Но они не поняли сказанных Им слов. И Он пошел с ними и пришел в Назарет; и был в повиновении у них. И Матерь Его сохраняла все слова сии в сердце Своем».⁴

¹ Мф. 2:1; Лк. 2:1-7.

² Лк. 2:22-38.

³ Мф. 2:13-15, 19.

⁴ Лк. 2:40-51.

Описанное Лукой происшествие отделяет от хронологически следующих за ним евангельских событий не менее чем семнадцатилетняя лакуна. Судя по всему, Святое Семейство продолжало все это время жить в Назарете, Иосиф зарабатывал на жизнь ремеслом плотника, а у Иисуса появилось четыре брата — Иаков, Иосия, Симон, Иуда и несколько сестер.¹ Узнать какие-либо подробности об этом периоде из Евангелий, ставших впоследствии каноническими, верующие не могли, а замечание Луки о том, что все это время Иисус «преуспевал в премудрости и возрасте и в любви у Бога и человеков»,² едва ли было способно удовлетворить их естественное любопытство.

¹ См.: Мф. 13:55-56; Мк. 3:31-32; 6:3. Церковные экзегеты утверждают, что все они доводились Иисусу двоюродной родней, однако текст Священного Писания не дает для такого толкования ни малейшего повода. Напротив, Евангелия подчеркивают, что Иисус был *первенцем* Марии (Мф. 1:25; Лк. 2:7) и, следовательно, — не единственным ее ребенком.

² Лк. 2:52.

Между тем к концу I-началу II в. в христианской среде усилился интерес к детским годам Иисуса, его предкам и родственникам. Этому способствовал целый ряд обстоятельств. Вместе с ослаблением напряженности эсхатологических ожиданий религиозные интересы христиан становились разнообразнее и шире. Внимание к детству Иисуса возрастало и в связи с увеличением в еkkлeсиях удельного веса вчерашних язычников, привыкших к рассказам о детстве богов, полубогов и героев. Немалую роль сыграли и доктринальные проблемы. Главная из них возникла в ходе споров между христианами и иудеями об истинности или самозванстве Христа. Согласно древним пророчествам, обетованный народу Израиля Мессия должен был принадлежать к потомкам царя Давида. Хотя в новозаветных текстах давидическое родословие Иисуса неоднократно декларировалось и даже тщательно прослеживалось по линии Иосифа,¹ возведенная евангелистами идея непорочного зачатия Марией от Духа Святого² делала такую генеалогию абсурдной. Отсутствие же в древнейших Евангелиях каких-либо упоминаний о родителях Марии давало повод противникам христиан заявлять о ее «низком» происхождении и

отрицать на этом основании подлинность мессии Иисуса.³ Кроме того, среди христиан постепенно утверждались представления о приснодевстве Марии, что создавало необходимость тем или иным образом объяснить наличие у Иисуса братьев и сестер.

¹ Мф. 1:1; Лк. 3:23-31; Рим. 1:3; 2 Тим. 2:8; Деян. 2:30; 13:23 и др.

² Мф. 1:23; Лк. 1:34-35.

³ См.: *Тертуллиан*, Против иудеев, 9. См. также стих 5 апокрифического «Третьего послания Павла к Коринфянам» (см. настоящее издание).

Все это вместе взятое обусловило появление сперва многочисленных устных, а затем и письменных повествований, уцелевшую часть которых принято называть «евангелиями детства».

Современные антологии новозаветных апокрифов относят к их числу «Историю Иакова о рождении Марии» (первая пол. II в.), «Евангелие Фомы» (II в.), «Книгу Иосифа Плотника» (конец IV или начало V в.), «Арабское евангелие детства Спасителя» (V или VI в.), «Евангелие Псевдо-Матфея» (в датировках разброс от V до IX в.),¹ «Армянское евангелие детства» (не ранее VIII в.) и так называемый «Арундель 404» (сохранился в манускрипте XIV в.). К ним примыкают некоторые коптские и гностические тексты, содержащие эпизоды, связанные с детством Иисуса.

¹ О. Гуллманн датирует этот апокриф VIII-IX вв. (См.: Hennecke-3, I, 406). Дж. Эллиот как будто принимает эту датировку, но в то же время осторожно высказывает версию о значительно более раннем (до VI в.) появлении «Евангелия Псевдо-Матфея» (См.: *Elliott J.* — 93. P. 86).

«Декрет папы Геласия» упоминает три книги, которые могут считаться «евангелиями детства» (№№ 9, 15, 17), однако понять, какие именно сочинения он подразумевает, не представляется возможным. Многочисленные попытки их идентификации пока не дали сколько-нибудь определенного результата.²

² Подробнее о них см.: *Elliott J.* — 93. P. 86, 108.

ПРОТОЕВАНГЕЛИЕ

Древнейшим из дошедших до нас евангелий детства считается «История Иакова о рождении Марии», которую часто называют «Первоевангелием» или «Протоевангелием».¹ Этот памятник возник не позднее середины II в. в среде языко-христиан где-то за пределами Палестины. Как показали специальные исследования,² он был создан рукой одного автора, который, однако, использовал не только устные, но и письменные рассказы о детстве Иисуса, причем некоторые из них уже имели довольно изысканную художественную форму.

¹ Перевод и обстоятельный анализ этого памятника (И. С. Свенцицкой) см. в кн.: Апокрифы древних христиан. М., 1989. С. 101-129, 159.

² См.: *Findlay A.* *Byways in Early Christian Literature. Studies in the Uncanonical Gospels and Acts.* Edinburg. 1923. P. 150-151.

Хотя его автором был языко-христианин, не очень хорошо знавший обычаи и праздники иудеев, это сочинение предназначалось в первую очередь иудео-христианам, поскольку обоснованное им по линии Марии давидическое родословие Мессии Иисуса было актуально именно для этой среды.

Повествование начинается с рассказа об унижениях и насмешках, которые приходилось выносить будущим родителям Девы Марии — Иоакиму и Анне — из-за своей бездетности. Пеня на нее, Иоакиму не позволили принести в Храме жертвы, а над Анной издевалась даже ее собственная служанка, вернувшая ей подарок — головную повязку, «несущую знаки царственности». (Это упоминание о царственных знаках — тонкий психологический ход автора. Недоумевающий и заинтересованный читатель тем самым уже подготовлен к сообщению о давидическом происхождении владельцев повязки и воспримет его (в гл. 10) как подтверждение своей догадки.)

Не выдержав насмешек, Иоаким удалился в пустыню и постился там сорок дней. В это время горящей Анне явился ангел и возвестил ей, что она зачнет и родит, и о потомстве ее

«будут говорить во всем мире». Обрадованная женщина дала обет посвятить свое будущее дитя Богу. Через девять месяцев после возвращения Иоакима у супругов родилась дочь, названная ими Марией. Когда девочке исполнилось три года, родители отнесли ее в Храм, где она оставалась до двенадцатилетнего возраста. Затем по приказу ангела жрецы собрали вдовцов, чтобы определить, кому из них Мария, сохраняя девичество, станет женою. Божественный выбор пал на престарелого и уже имевшего сыновей Иосифа. В его доме Мария получает благовещение (сначала у колодца, а затем в своей келье) о том, что она зачнет от Бога Живого. Иосиф, вернувшийся домой с плотницких работ, застал ее уже на шестом месяце беременности. Вскоре об этом стало известно и первосвященнику. Но, представ перед судом, Иосиф и Мария были оправданы, так как испытание водой показало, что «на них нет греха».

Во время переписи населения Иосиф с Марией и сыновьями от первого брака отправился в свой родной город Вифлеем, и по пути туда Мария разрешилась от бремени в какой-то придорожной пещере. В этой части повествования некоторые эпизоды переданы от лица Иосифа, причем на смену довольно сухому и лаконичному языку предыдущих глав приходит удивительная поэтическая образность. Поразительно по своей силе описание мира, оцепеневшего перед рождением Спасителя: *«И вот я, Иосиф, шел и не двигался. И посмотрел на воздух, и увидел, что воздух неподвижен, посмотрел на небесный свод и увидел, что он остановился, и птицы небесные в полете остановились, (...) и вкушающие не вкушали, и берущие не брали (...), и лица всех были обращены к небу. И увидел овец, которых, гнали, но которые стояли. И пастух, поднял руку, чтобы гнать их, но рука осталась поднятой. И посмотрел [я] на течение реки и увидел, как козлы прикасались к воде, но не пили, и все в этот миг остановилось»*.¹

¹ История Иакова о рождестве Марии, гл. 18. В древнейшем (III в.) манускрипте, сохранившем фрагменты этого памятника и озаглавленном «Рождество Марии: Откровение Иакова» (Папирус Бодмера V) этот монолог отсутствует.

Чужеродная стилистика этого фрагмента говорит о существовании в древности каких-то не дошедших до нас евангелий детства, использованных Псевдо-Иаковом.

Согласно «Протоевангелию», при рождении Иисуса присутствовала повитуха Саломея, о чем нет упоминаний в канонических Евангелиях, однако поклонение волхвов описано в нем почти дословно по Евангелию от Матфея.

Завершается «История Иакова о рождестве Марии» рассказом о чудесном спасении родственницы Марии Елизаветы вместе с младенцем Иоанном от преследований Ирода и историей убиения первосвященника Захарии. Эти главы тоже воспринимаются как чужеродный элемент для сюжета и композиции апокрифа.

«История Иакова о рождестве Марии» распространялась, главным образом, в восточных областях Римской империи. На Западе, под влиянием Иеронима Блаженного, отвергшего идею первого брака Иосифа, а вместе с ней — и само «Протоевангелие», это сочинение очень рано подверглось осуждению и запрету. Однако его знали и там — реминисценции «Протоевангелия» присутствуют уже в стихах латиноязычных христианских поэтов IV-V вв. На исходе античности и в эпоху средневековья его многочисленные версии и переработки, в которых о первом браке Иосифа не упоминалось, распространялись в Западной Европе под другими названиями.

Роль «Протоевангелия» в формировании христианской ментальности была очень значительной. С опорой на него (и его западноевропейские варианты) происходило становление культа Богородицы в позднеантичную эпоху и средние века. Однако нет смысла и преувеличивать его значение.¹ Оно явилось не столько импульсом, сколько выражением той тенденции религиозного развития, которая была связана с потребностью в почитании доброй богини-матери и которую так явно обнаруживала массовая религиозность народов Средиземноморья в последние века язычества.

¹ В западной литературе неоднократно высказывались, хотя и не получили поддержки, гипотезы, согласно которым «Протоевангелие» послужило источником для канонических Евангелий от Матфея и Луки. Подробнее см.: *Elliott J.* — 93. P. 48-57.

ЕВАНГЕЛИЕ ФОМЫ

Другое древнейшее повествование о детстве Иисуса — «Евангелие Фомы».¹ Это название

условно, в сохранившихся манускриптах памятник озаглавлен по-разному: «сказание», «речение», «повесть», «трактат» израильского философа Фомы о детстве Христа, (иногда — «Господа» или «Иисуса»). Очевидно, отказ от слова «евангелие» в данном случае был намеренным — тем самым как бы подчеркивалось, что цель книги — не подменить, а лишь дополнить «настоящие» Евангелия.

¹ Не следует путать его с гностическим текстом из Наг-Хаммади, представляющим собой оформленный в виде беседы с учениками сборник речений Иисуса. Перевод и анализ (М. К. Трофимовой) см.: Апокрифы древних христиан. М., 1989. С. 219-262.

Этот сравнительно небольшой памятник дошел до нас на нескольких языках (греческом, латинском, сирийском, эфиопском, армянском и грузинском). Все многообразие его вариантов сводится к трем основным версиям, условно называемым «греческая А» (19 глав), «греческая Б» (11 глав) и латинская (15 глав).¹ Первая рассказывает о событиях жизни Христа от пяти до двенадцати лет, вторая — от пяти до восьми. Место действия в пространной версии не уточняется, в краткой обозначено как Назарет. В трех первых главах латинской версии содержится рассказ о пребывании Святого Семейства в Египте.

¹ Эти версии были опубликованы в 1853 г. К. Тишендорфом, с тех пор все тексты «Евангелия Фомы», независимо от их языка, классифицируют указывая на идентичность или близость с одной из них. Перевод «греческой А» версии на русский и общий анализ «Евангелия Фомы» (И. С. Свенцицкой) см.: Апокрифы древних христиан. М., 1989. С. 130-150, 159-160.

Композиция «Евангелия Фомы» очень проста: каждая глава повествует о каком-нибудь случае из жизни маленького Иисуса. Сюжетно эпизоды друг с другом не связаны, их роднит только наличие в каждом из них чуда, совершаемого отроком Иисусом: он оживляет вылепленных из глины воробьев, его проклятие приводит к немедленной смерти проклятого, по его слову тотчас исцеляются тяжелораненые и оживают умершие.

Несмотря на неприязнительность формы, этот апокриф несет вполне определенный идейный заряд. Суть его в том, чтобы представить Христа всемогущим уже в младенческие годы, подчеркнуть его особую природу. Как отмечает И. С. Свенцицкая, это евангелие «отразило ту эволюцию, которую претерпел в умах верующих образ основателя христианства: от бедного и доброжелательного человека иудео-христиан до грозного божества, карающего и милующего по своему произволу».²

² Там же. С. 141.

Упомянутое вскользь в Евангелии от Матфея бегство в Египет будило естественное любопытство верующих и порождало всевозможные домыслы о пребывании там Святого Семейства. Судя по сохранившимся фрагментам коптских писаний, легенд на эту тему существовало великое множество. Из дошедших до нас апокрифов наиболее полно их отразило «Арабское евангелие детства», однако египетский рассказ присутствует, как сказано выше, и в латинском варианте «Евангелия Фомы». По этой версии, Иисусу к моменту бегства в Египет уже исполнилось два года. Иосиф в собственно египетских эпизодах не фигурирует (он упомянут только в начале и в конце повествования), — ангел, возвестивший о смерти тех, «кто искал убить Мальчика», явился не Иосифу, а Марии. Святое Семейство, оказавшись в Египте, в течение года пользовалось гостеприимством некой молодой вдовы. Когда Иисусу исполнилось три года, Он стал творить чудеса: бросал в таз с водой засоленных и высушенных рыбешек (аллегория мумий), которые по Его приказу выпускали из себя соль, оживали и плавали. Случайно увидевшие эту забаву соседи рассказали о ней домохозяйке-вдове, и та, очевидно, решив, что ее постояльцы — чародеи, поспешно выгнала Марию с Сыном из дома.

Как и большинство чудес в сказаниях о детстве Иисуса, «египетские» чудеса латинской версии «Евангелия Фомы» знаменуют грядущие свершения Христа, а в данном случае — воскрешение тех, кто уже давно умер. Менее прозрачна аллегория другого египетского эпизода. Прогуливаясь по городской площади, трехлетний Иисус заметил учителя, занимавшегося со своими учениками. Показав двенадцати сидевшим на стене воробьям горсть зерна и рассыпав его, младенец вызвал этим ссору между ними, — бросившись делить рассыпанное зерно, они свалились в карман учителя. Вероятно, здесь следует видеть намек на распри среди апостолов, предания о которых существовали не только в устной, но и в письменной форме.¹ В литературе, посвященной «Евангелию Фомы», часто отмечается присутствие в нем «гностического налета»,

проявившегося в том, что Иисус-школьник обнаруживает некие сокровенные знания, чем поражает всех учителей (главы VI, VII, XIV, XV греческой версии А). Вероятно, именно так его воспринимали гностики, по-своему истолковывавшие даже те писания, которые вошли в новозаветный канон. Возможно, именно в гностических кругах возник и архетип апокрифа. Однако ортодоксальные христиане, охотно читавшие «Евангелие Фомы», скорее всего, видели здесь не столько намеки на тайное знание гностиков, сколько указание на предвечность существования самого Христа: в упомянутых эпизодах окружающих удивляет обширность и глубина знаний отрока — постичь столько невозможно даже прожив нескольких человеческих жизней. Идея вневременного бытия Христа хотя и возникла под влиянием гностицизма, по своей сути была уже очень далека от гностических учений, и потому широкое распространение «Евангелия Фомы» совсем не обязательно свидетельствует о жизнестойкости гностических идей.

¹ См.: *Budge E. A. W. Gadla Hāwaryāt, The Contendings of the apostles (Ethiopic versions of the lives and death of the apostles). London, 1899.*

КНИГА ИОСИФА ПЛОТНИКА

Складывание культа святых обусловило появление и таких рассказов о детстве Иисуса, центром которых оказался обручник Марии Иосиф. На рубеже IV—V вв. в Египте на их основе была составлена так называемая «Книга Иосифа Плотника», сохранившаяся на двух диалектах коптского и арабском языке. Высказывались предположения, что оригинальный текст был сирийским¹ или греческим.² Однако зафиксированные в апокрифе представления о посмертных скитаниях души и преодолении ею опасностей загробного мира отразили специфику религиозных воззрений египетских христиан.

¹ *Robinson F. Coptic Apocryphal Gospels. Cambridge, 1896. P. xvi.*

² *Morenz S. Die Geschichte von Joseph dem Zimmermann aus dem Bohairischen und Sohdischen übersetzt, erläutert und durchsucht. Berlin, 1951. S. CXX.*

Повествование о жизни Иосифа ведется в этом сочинении от лица самого Иисуса, беседующего с учениками на Масличной горе в Иерусалиме. Дважды (гл. 30, 32) прямая речь Христа прерывается ремарками «Тогда мы, апостолы, сказали...» Это дает основание думать, что архетип памятника имел иное вступление, в котором авторство приписывалось одному из апостолов, а начальная фраза сохранившейся версии «Во имя Бога, единого в Своей сущности и троичного в лицах» была вставлена уже позднее. Появиться она могла не ранее 80-х гг. IV в. — после II Вселенского собора, принявшего уточненную формулу Символа веры.

В «Книге» говорится, что Иосиф женился в сорокалетнем возрасте и прожил со своей женой сорок пять лет. Через год после ее смерти в его дом была введена Мария, а спустя два года родился Иисус. Такая «арифметика» подразумевала, что почти девятилетний Иосиф вряд ли мог быть отцом Иисуса по плоти. Более того, в апокрифе подчеркивалось, что старшие сыновья Иосифа — Юст и Симеон — уже были женаты и жили отдельно, «оставались же в доме Иуда и Иаков Младший, и мать Моя Дева» (гл. 11).

В целом «Книга Иосифа Плотника» оставляет впечатление, что одной из главных ее целей было внести некую упорядоченность в противоречивые устные легенды о жизни Св. Семейства. Показателен в этом отношении эпизод его бегства в Египет: «Но благочестивый старец Иосиф, — рассказывал Иисус, — взял Марию, мать Мою, и она унесла Меня на руках. И Саломея присоединилась к ним, чтобы сопровождать их в пути» (гл. 8). Хотя Саломея до этого ни разу в апокрифе не упоминалась, автор не считает нужным объяснять, кто она такая. Предполагается, что читателю и без того это известно.

Арабский текст «Книги Иосифа Плотника» был переведен на латынь и издан в Лейпциге в 1722 г. Этот перевод публиковался затем в большинстве антологий новозаветных апокрифов, в том числе — и в классическом издании К. Тишендорфа.¹ В последней четверти XIX в. в научный оборот были введены коптские версии памятника,² а его перевод с латинского на русский был выполнен В. В. Гейманом и опубликован в 1914 г.³ К сожалению, в этом переводе есть довольно существенные пропуски и искажения текста.

¹ *Evangelia Apocrypha. Lipsiae, 1853. P. 122-139.*

² *Revillout E. Apocryphes coptes du Nouveau Testament. I. Paris, 1876. P. 28-71; Robinson F.*

Op. cit. P. 130-159.

³ Апокрифические сказания о Христе. III. Книга Иосифа Плотника. СПб., 1914. Современное переиздание с предисловием и комментариями И. С. Свенцицкой см.: Апокрифические сказания об Иисусе, Святом Семействе и свидетелях Христовых. М., 1999. С. 43-64.

АРАБСКОЕ ЕВАНГЕЛИЕ

На арабском языке сохранилось и еще одно евангелие детства (так называемое — Арабское), являющееся по целому ряду признаков памятником V – первой половины VI в. Неоднократно высказывались предположения, что языком его оригинала был сирийский, однако бесспорных доказательств этого до сих пор приведено не было.

Композиция памятника сложна и вместе с тем незамысловата. В основу ее положены узловы́е события жизни Святого Семейства: рождение Иисуса — поклонение Ему пастухов и магов — обрезание — сретение — бегство в Египет — возвращение в Палестину — учеба отрока Иисуса в школе — посещение им Храма.

Все повествование распадается на четыре самостоятельных цикла: 1) гл. 1-8 — от приезда Иосифа и Марии в Вифлеем до их бегства в Египет; 2) гл. 9-26 — пребывание Святого Семейства в Египте; 3) гл. 27-34 — Мария, живя в пещере близ Вифлеема, совершает исцеления; 4) гл. 35-55 — главным действующим лицом становится отрок Иисус. При этом памятник объединяет несколько апокрифов: главы 1-26 явно имели письменную форму еще до включения в «Арабское евангелие», их финальный колофон — *«Воистину удивительно, что родился так и скитался повсюду Повелитель всего!»* — воспринимается и оправдан только как общее завершение целого сочинения. Кроме того, между 26-й и 27-34 главами имеется логическая рассогласованность: в 26-й главе говорится, что Иосиф получил приказание свыше идти в Назарет, из дальнейшего же явствует что Св. Семейство живет не в Назарете, а в Вифлееме. Главы 27-34 вполне самостоятельны как по отношению к предыдущему, так и следующему за ними тексту.

С середины прошлого века в предисловиях и комментариях к изданиям «Арабского евангелия детства» традиционно сообщается, что оно восходит к более древним сочинениям о детстве Спасителя и что первые его девять (или даже десять) глав компилируют соответствующие им в сюжетном отношении фрагменты «Протоевангелия», а последние двадцать целиком основаны на «Евангелии Фомы».¹ Между тем зависимость «Арабского евангелия» от этих апокрифов отнюдь не очевидна. Первые девять его глав действительно обнаруживают некоторое сюжетное сходство с главами 17-22 «Протоевангелия», однако внутренняя драматургия, состав действующих лиц и поэтика этих отрывков совершенно различны. В «Протоевангелии» психологическая напряженность сосредоточена на переживаниях Иосифа по поводу необъяснимой беременности Марии. К этой теме автор возвращается постоянно — перед отъездом Св. Семейства в Вифлеем: *«И сказал Иосиф: сыновей своих запишу. Но что делать мне с этой девой? Кем записать ее? Женою? Мне стыдно. Дочерью? Но все сыны Израиля знают, что она мне не дочь»*,² во время путешествия: *«И обернулся Иосиф и увидел, что она печальна, и подумал, что находящийся в ней плод печалит ее»*; и далее: *«И снял он ее с осла и сказал ей: куда мне отвести тебя и скрыть позор твой?»*; в разговоре с повитухой: *«Она же сказала: А кто такая, кто рождает в пещере? Я отвечал: Она обручена со мной. И она сказала: Она не жена тебе? Тогда ответил я: Это Мария, которая выросла в храме Господнем, и я по жребию получил ее в жены, но она не жена мне, а зачала от Духа Святого. И сказала ему бабка: Правда ли это?»* От этой «заземленной» рефлексии Иосифа в «Арабском евангелии» нет и следа.

¹ См., напр.: ANChL, v. XVI. P. X. Еще более решительно в наши дни эту точку зрения высказывает Дж. Эллиотт, см.: *ElliottJ.* — 93. P. 100.

² «Протоевангелие Иакова» цит. по переводу И. С. Свенцицкой: Апокрифы древних христиан. С. 123—126.

В «Протоевангелии» взору Марии, еще не разрешившейся от бремени, предстает видение о двух народах — плачущем и веселящемся. Заключение в нем аллегория довольно прозрачна, но в «Арабском евангелии» этого эпизода нет, и объяснить его отсутствие доктринальными или композиционными соображениями невозможно.

Отсутствует в нем также и монолог Иосифа об оцепеневшем мире.

Можно было бы допустить, что составитель «Арабского евангелия» переработал

соответствующий текст «Истории Иакова о рождении Марии», отбросив излишние, как могло ему показаться, драматизм и поэтическую вычурность. Однако тяга к художественной образности присутствует и в «Арабском евангелии» (см. описание пещеры и сцену поклонения пастухов — гл. 3-4).

Немало и чисто сюжетных расхождений между сравниваемыми фрагментами двух апокрифов. В «Протоевангелии», например, Иисус рождается в присутствии Иосифа и повитухи, в Арабском же евангелии они находят его уже родившимся. Совсем не упоминается в нем Саломея — главное действующее лицо одного из самых колоритных эпизодов Протоевангелия. (Не поверив, что Мария сохранила после родов девственность, она решила удостовериться в этом, но ее протянутая рука была немедленно парализована.) Но если образ Саломеи отчасти «поглощен» в более позднем апокрифе образом повитухи, то Елизавета (родственница Марии, мать Иоанна Крестителя, бежавшая, согласно «Протоевангелию», накануне избиения младенцев в горы и укрытая вместе с сыном расступившейся скалой) не упоминается в нем совсем.

С другой стороны, в «Протоевангелии» отсутствуют рассказы о поклонении пастухов, об обрезании, сретении и возвращении магов «в свою страну» (главы 5, 6 и 8 «Арабского евангелия»). Посвятив обрезанию, о котором практически ничего не сказано и в канонических текстах,¹ целую главу, где упомянут сын повитухи — торговец благовониями и предрекается будущая покупка у него Марией Магдалиной флакона с крайней плотью Иисуса, «Арабское евангелие», безусловно, не зависит в этой части ни от канонических текстов, ни от «Протоевангелия» и, следовательно, опирается на какую-то совсем иную традицию. Совершенно иная (нежели в «Протоевангелии») традиция лежит в основе рассказа «Арабского евангелия» о поклонении магов.

¹ См.: Лк. 2:21.

Наконец, общепринятая точка зрения о вторичности глав 2-9 «Арабского евангелия» по отношению к главам 17-22 «Протоевангелия» не объясняет, почему столь склонный к нагромождению чудес компилятор проигнорировал шесть весьма эффектных чудес своего «источника».

Из сравнения этих близких по содержанию фрагментов явствует, что: 1) в действительности их сюжетное сходство не столь велико, как принято считать; 2) автор (а вернее, компилятор) «Арабского евангелия» в этой части своего повествования был независим от «Протоевангелия» и мог даже не знать его совсем; 3) сравниваемые апокрифы по-разному заимствуют из канонических Евангелий; 4) в трактовке большинства эпизодов они следуют разной, хотя и близкой устной традиции.

Сходство последних двадцати глав «Арабского евангелия детства» с «Евангелием Фомы» значительно больше. Они близки и по композиционным принципам, и по тональности, и по характеру описываемых чудес. Значительно их совпадение и в сюжетах. Однако из восемнадцати эпизодов жизни юного Иисуса, описанных Псевдо-Фомой, в «Арабском евангелии» повторяются только одиннадцать: опущен рассказ о наказании Иисуса Иосифом (гл. V); нет параллелей содержанию глав VIII (исцеление тех, кто пострадал от слов ребенка-мессии); X (исцеление юноши, поранившего ногу топором); XII (сев и жатва Иисусом одного пшеничного зерна); XVII (воскрешение умершего мальчика-соседа); XVIII (воскрешение человека, погибшего при строительстве дома). Вместо них в «Арабское евангелие» введены другие пять сюжетов: «Красильщик Салем» (гл. 37); «Испорченный трон» (гл. 39); «Козлята» (гл. 40); «Коронование Иисуса детьми» (гл. 41); «Мальчик, укушенный змеей» (гл. 42). Усмотреть в этой замене какую-либо теологическую тенденцию трудно: как «недостающие», так и оригинальные эпизоды представляют собой притчи-предзнаменования будущих свершений взрослого Мессии, описанных в канонических Евангелиях.

В разной последовательности расположены и совпадающие главы-эпизоды сравниваемых памятников. Наиболее близки друг другу апокрифы в разработке трех сюжетов: «мальчик, упавший с крыши», «чудо с разлитой и собранной водой», «Иаков, укушенный гадюкой», в них встречаются даже дословные совпадения. Но при этом версии «Арабского евангелия» несколько пространнее и, пожалуй, интереснее. В нем, например, сообщается, что отрок Иисус «увязался» (*adiunxerat se illi*) в горы со старшим братом; а мальчик, упавший с крыши и воскрешенный Иисусом, рассказывает, что столкнул его оттуда «ο δεινῶ», т. е. тот, кого не следует называть по имени.

Одни и те же сюжеты насыщены в «Арабском евангелии» и у Псевдо-Фомы разными бытовыми деталями и подробностями, при описании одних и тех же сцен указывается разный

возраст Иисуса. Некоторые сцены переданы короче и проще в «Евангелии Фомы», тогда как другие — в «Арабском евангелии детства». Первый апокриф рассказывает об учебе Иисуса у трех учителей, второй же — только у двух; эпизод в Храме иерусалимском почти дословно пересказан Псевдо-Фомой по евангелисту Луке, Арабское же евангелие уделяет ему целых четыре главы и довольно подробно «передает» содержание бесед Иисуса с учеными книжниками.

Очевидно, отмеченных расхождений достаточно, чтобы сделать следующий вывод: компилятор «Арабского евангелия детства» был независим от известных нам редакций «Евангелия Фомы» и, возможно, опирался в этой части своего сочинения на какую-то другую, не дошедшую до нас его версию. Однако не менее вероятно и то, что при составлении «Арабского евангелия» была использована усвоившая и преобразившая древний апокриф устная традиция или непосредственно те предания, которые лежали в его основе, а также рассказы, циркулировавшие самостоятельно. К числу последних можно, например, отнести новеллу «Красильщик Салем», которая встречается в составе некоторых коптских апокрифов.¹

¹ См.: *Elliott J.* — 93. P. 68. Расшифровке содержащейся в ней аллегории помогает глава 43 гностического «Евангелия Филиппа», в которой говорится: «Бог — красильщик. Как хорошие краски, которые называют истинными, умирают вместе с тем, что окрашено ими, так и то, что окрасил Бог. Ибо бессмертны краски его, они становятся бессмертными благодаря его цветам. Итак, Бог крестит тех, кого он крестит в воде». (Цит. по переводу М. К. Трофимовой.)

«Арабское евангелие детства Спасителя» — памятник чрезвычайно многослойный. Это касается и его языка (интерполяции греческих и латинских слов, оставленных без перевода), и сюжета (переплетение душещипательного восточного сказания с насмешливой греческой сказкой), и культурно-бытовых реалий (еврейских, греческих, арабских, сирийских, коптских). Но при этом теология апокрифа вполне однородна. Хотя на первый взгляд христологические воззрения автора кажутся размытыми, в действительности они хорошо укладываются в систему несторианских представлений об Иисусе Христе и его матери Марии. Показательно, что автора совершенно не волнует проблема братьев Иисуса, а Иосиф на протяжении всего повествования представляется его реальным земным отцом. Мария при всем пиетете к ней ни разу не названа Богородицей, апокриф не содержит ни малейшего намека на ее приснодевство.

Особой популярностью «Арабское евангелие» пользовалось среди египетских христиан-коптов и арабов-кочевников. Его устные переложения, по всей видимости, были известны Мухаммеду и нашли отражение в нескольких сурах Корана. Есть основания полагать, что и в средневековой Европе с ним познакомились достаточно рано: в конце XIX в. английским исследователем Е. А. Баджем был обнаружен манускрипт XIII-XIV вв., содержащий большую часть этого апокрифа.¹ Явные заимствования из него присутствуют и в так называемом «Арунделе» (см. ниже).

¹ *Budge E. A. W.* The History of the Blessed Virgin Mary and the History of the Likeness of Christ. London, 1899. (Репринт: New York, 1976.)

ЕВАНГЕЛИЕ ПСЕВДО-МАТФЕЯ

Формирование в народном сознании культа Богородицы продолжалось и в эпоху раннего средневековья. На основе древних апокрифов складывались легенды, «углублявшие» родословие Девы Марии и пытавшиеся согласовать постулат о ее приснодевстве с наличием у Иисуса братьев и сестер. (Сам факт множественности таких попыток говорит о том, что церковная экзегеза, объявлявшая эту родню «двоюродной», не выглядела в глазах христианской массы достаточно убедительной.) Какая-то часть раннесредневековых народных легенд была использована при создании «Евангелия Псевдо-Матфея», появившегося в Западной Европе на латинском языке в VIII или IX в. Заглавие этого апокрифа варьировалось, чаще всего он назывался «*Historia de nativitate Mariae et de infantia Salvatoris*» (История о рождении Марии и о детстве Спасителя) или же «*Liber de infantia Beatae Mariae et Salvatoris*» (Книга о детстве Блаженной Марии и Спасителя). «Евангелие Псевдо-Матфея» пользовалось необычайной популярностью и сохранилось более чем в 130 латинских манускриптах XI-XV вв., имеющих множество разночтений. В 1832 г. была опубликована первая часть этого памятника,¹ а в 1853 г. К. Тишендорф издал его целиком, причем сразу по четырем разным манускриптам, взяв за основу Ватиканский кодекс XIV в.,² в котором текст разделен на 42 главы. Главы 1-17 этой

версии полностью повторяют сюжетную канву «Протоевангелия» и, вероятно, основаны на каких-то поздних его переработках. Однако Псевдо-Матфей дополняет «Протоевангелие» множеством подробностей; у него, например, мы впервые встречаем имя отца Анны — Акхара,³ явление Иоакиму ангела, описания которого нет в «Протоевангелии» (о нем лишь сообщают Анне вестники), Псевдо-Матфей превращает в целую повесть, причем ангел является Иоакиму дважды — один раз наяву, другой — во сне. Если в «Протоевангелии» Анна встречает своего супруга стоя у дверей, по всей видимости, своего дома,⁴ то в «Евангелии Псевдо-Матфея» она ждет его у Золотых ворот (Иерусалимского храма). Пребывание Марии в Храме, скупо описанное в «Протоевангелии» одной единственной фразой («Находилась же Мария в Храме Господнем как голубка и пищу принимала из рук ангела»), Псевдо-Матфей развертывает на несколько страниц, детально описывая даже распорядок дня Марии. Ангелы уже не только кормят Марию, но и «повинуются ей с великим почтением», а сама она без всяких усилий творит чудеса — прикосновение к ее одеждам исцеляет любую болезнь. Если в «Протоевангелии» по имени названа только одна из двух женщин, побывавших в пещере сразу после рождения Иисуса, то Псевдо-Матфей называет по имени и вторую.

¹ Thilo J. C. Apocrypha Novi Testamenti. Lipsiae, 1832. P. 339-400.

² Evangelia Apocrypha. Ed. C. Tischendorf. Lipsiae, 1853. P. 51-112. На основе этого издания выполнен и русский перевод (В. В. Геймана). См.: Апокрифические сказания о Христе. I. Книга Марии Девы. СПб., 1912. С. 57-145. Переиздания: Апокрифические сказания об Иисусе, Святом Семействе и свидетелях Христовых. М., 1999. С. 6-42; Иисус Христос в документах истории. СПб., 1999. С. 228-260.

³ В манускриптах, опубликованных К. Тишендорфом, есть несколько вариантов этого имени: *Achar, Agar, Aquar, Ysa-char*.

⁴ «καὶ ἔστη Ἄννα πρὸς τὴν πύλην».

Вместе с тем в «Евангелии Псевдо-Матфея» отсутствует ряд эпизодов и сюжетных линий «Протоевангелия» (например, о Елизавете и младенце Иоанне-Крестителе, об убийстве Захарии). Возможно, в этом проявилось стремление сконцентрировать повествование на личности самой Девы Марии, не отвлекаясь на эпизоды, не имеющие прямого отношения к ней. Вероятно, как дополнительное подтверждение ее приснодевства должны были восприниматься слова Иосифа о том, что у него уже есть не только сыновья, но и внуки, которые по возрасту старше Марии.¹

¹ «*Senex sum et filios habeo, ut quid mihi infantulam istam traditis, cuius etiam aetas minor est nepotibus meis?*» В переводе В. В. Геймана конец этой фразы по непонятным причинам отсутствует.

Отражая новый этап в развитии христианской религиозности, апокриф насыщает древние сказания о детстве Иисуса псевдоисторическими уточнениями, касающимися, главным образом, имен и топонимов, но одновременно усиливает и сказочные элементы. (Очевидно, эти две тенденции каким-то образом дополняли и уравновешивали друг друга.) На пути в Египет Святое Семейство встречает кровожадных драконов, которые, однако, не причиняют вреда путникам и даже воздают почести Божественному Младенцу (гл. 18). По слову Иисуса высокая пальма склоняется и насыщает Деву Марию своими плодами (гл. 20). Дорогу через пустыню беглецам указывают львы и леопарды (гл. 19). Эпизод с поклонением маленькому Иисусу диких львов есть и в той части «Евангелия Псевдо-Матфея», где описывается жизнь Святого Семейства в Галилее после возвращения из Египта (гл. 25-26). Вообще же характер чудес в этом апокрифе заметно изменился по сравнению с более древними евангелиями детства. В большинстве своем они уже не предполагают разгадывания или толкования и рассчитаны преимущественно на то, чтобы удивить и восхитить.

Поскольку в трактовке доктринальных вопросов (в частности — вопроса о братьях Иисуса как детях Иосифа от первого брака) Псевдо-Матфей следовал за «Протоевангелием»,¹ ему потребовалась псевдоэпиграфическая «легализация» сочинения. С этой целью основному тексту апокрифа была предпослана подложная, хотя и правдоподобная, переписка Иеронима Блаженного с епископами Гелиодором и Хромацием, интересовавшимися подлинностью этого писания. Иероним будто бы отвечал, что книга действительно написана евангелистом Матфеем на арамейском языке, и сообщал о своем решении перевести ее на латынь.

¹ В некоторых редакциях «Евангелия Псевдо-Матфея» дается иное решение вопроса о братьях: мать Девы Марии Анна после смерти Иоакима дважды выходит замуж и в каждом

браке имеет детей, в результате не только упомянутые в канонических книгах Иаков, Иосия, Иуда и Симон, но и большинство апостолов оказываются кузенами Иисуса.

АРМЯНСКОЕ ЕВАНГЕЛИЕ ДЕТСТВА

Художественные обработки древних апокрифов, появившиеся в эпоху раннего средневековья, свидетельствуют о сходстве основных тенденций развития народной религиозности во всем христианском мире. Не только на Западе, но и на Востоке продолжал усиливаться интерес к детским годам Иисуса, стихийно разрастался культ Богородицы, древние легенды насыщались подробностями и псевдоисторическими уточнениями. Своеобразным восточным аналогом «Евангелия Псевдо-Матфея» в этом смысле является «Армянское евангелие детства». Основанное на материалах, известных нам по «Протоевангелию», «Евангелию Фомы» и «Арабскому евангелию детства», оно более чем в пять раз превосходит их совокупный объем за счет обилия художественных описаний и подробностей. Например, маги, пришедшие поклониться новорожденному Иисусу, не только названы в нем по именам (Мелкой, Валтасар и Гаспар), но и объявлены царственными братьями, правившими соответственно в Персии, Индии и Аравии.

Считается, что архетип этого евангелия был написан по-сирийски.¹ На русский язык оно никогда не переводилось.

¹ Peeters P. Évangiles apocryphes, v. II, Paris, 1912. P. XXXIX-L.

«АРУНДЕЛЬ»

Это евангелие детства дошло до нас в рукописи XIV в., хранящейся в Британской библиотеке под шифром «Aundel 404», — отсюда его условное название, которое используют в научной литературе, чтобы избежать путаницы. Настоящее заглавие апокрифа — «Liber de infantia Salvatoris» (Книга о детстве Спасителя). Хотя в тексте этого сочинения авторство приписывается Матфею,¹ отличия «Арунделя» от «Евангелия Псевдо-Матфея» столь значительны, что, по общему признанию, он представляет собой не одну из его версий, а самостоятельное евангелие детства.

¹ Очень сходная с «Арундедем» версия детского евангелия содержится в рукописи, принадлежащей библиотеке Херефордского собора (Англия). За ней закрепилось название «Херефордский манускрипт». Авторство в этом тексте приписывается не Матфею, как в «Арундеде», а Иакову.

Первый издатель «Арунделя» М. Джеймс полагал, что в «Декрете папы Геласия» именно этот памятник назван «Книгой о рождестве [или детстве] Спасителя и о Марии, и о повитухе»,² относя, таким образом, время его создания к позднеантичной эпохе. Однако вопрос о датировке до сих пор считается не решенным.

² См. Приложение I и II [№ 17]; James M. R. Latin Infancy Gospels. Cambridge, 1927. P. XIII.

«Арундедь» имеет много общего с «Протоевангелием»: он содержит историю убиения Захарии; есть в нем и монолог «об оцепеневшем мире» (гл. 73), правда, звучит он совсем иначе, чем в «Протоевангелии», и «произносит» его не Иосиф, а повитуха, от имени которой описано и само рождение Иисуса. Так же как и в некоторых редакциях «Евангелия Псевдо-Матфея», основному повествованию в «Арундеде» предпослана подложная переписка епископов Гелиодора и Хромация с Иеронимом Блаженным. Вместе с тем в этом апокрифе присутствуют и такие части, которые не встречаются в других евангелиях детства. По всей видимости, они отражают докетические воззрения II-III вв. Особенно показательны в этом смысле главы 73 и 74, содержащие рассказ о рождении Иисуса: Мария разрешается от бремени не младенцем, а бесплотным светом, который постепенно принимает облик новорожденного ребенка, но облик — лишь кажущийся, в чем повитуха убеждается, взяв младенца на руки. *«Истаяла я там, — говорит она, — пораженная и изумленная, и охватил меня страх, ибо видела я, как сияет ярко тот свет рожденный. Но убывая мало-помалу, превращался тот свет в дитя, и*

*сделалось дитя, наконец, таким, какими дети всегда рождаются. И осмелев, склонилась я и коснулась Его, и с великим трепетом взяла Его к себе на руки, и охватил меня ужас, ибо не имел Он веса, как имеют дети новорожденные. И взглянула я на Него, и не было на Нем скверны, но сияло все тело Его, легкое и лучистое, словно было [омыто] оно в слезах Бога Всевышнего. И пока я держала Его, в личико Ему глядя, и пока удивлялась, что не кричит Он, как все дети новорожденные, улыбался Он мне улыбкой сладчайшей, и, открыв глаза, пристально смотрел на меня».*¹

¹ Цит. по: *James M. R. Op. cit.* P. 70.

В эпоху зрелого Средневековья легенды о рождении и детстве Иисуса Христа и Девы Марии расцвечивались самыми причудливыми подробностями. Хотя католическая Церковь время от времени развертывала борьбу с этими проявлениями народной фантазии (по распоряжению папы Пия V из богослужбников даже было изъято имя Иоакима и значительно сокращен текст о введении Богородицы во Храм), апокрифы детства оказали на искусство средневековой Европы влияние, пожалуй, не меньшее, чем сама Библия. Именно они почему-то настойчиво притягивали к себе внимание средневековых гимнографов и живописцев. Традиция обращения к ним не прервалась и в эпоху Возрождения.

Любопытно, что подобные апокрифы создавались и находили доверчивых читателей еще и в XX в. Большинство таких подделок было смонтировано из фрагментов древних евангелий детства, однако появлялись порой и вполне оригинальные произведения. В 1910 г. в Германии было опубликовано так называемое Письмо Бенана. Издатель утверждал, что основой для немецкого перевода послужила древняя коптская рукопись, а языком оригинала был греческий. В этом послании, написанном якобы египетским врачом Бенаном во времена императора Домициана, «друг детства» Иисуса Христа «вспоминал» о воспитании и обучении будущего Мессии неким египетским астрономом и о его последующем посвящении в секреты тайной терапии. (Очевидно, автор этой подделки находился под сильным впечатлением 51 и 52 глав «Арабского евангелия».) Эта публикация вызвала горячие и длительные дискуссии в научных кругах. Только спустя десять лет подложность «Письма Бенана» была доказана крупнейшим знатоком коптских текстов К. Шмидтом. Об одном из удивительных открытий этого замечательного ученого речь у нас впереди.

АПОКРИФИЧЕСКИЕ ДЕЯНИЯ АПОСТОЛА ПАВЛА

ПРЕДИСЛОВИЕ

В самом конце II в. знаменитый христианский апологет, карфагенец Тертуллиан, обсуждая в своем трактате «О крещении» вопрос о том, может ли крестить женщина, рассказал историю появления на свет апокрифических деяний апостола Павла. По его словам, эта книга, в которой среди прочих бредней идет речь о св. Фекле, якобы получившей от апостола власть проповедовать и крестить, была написана неким малоазийским пресвитером; будучи уличен, он сознался, что написал ее «из любви к Павлу».¹ В той или иной связи эту книгу упоминали многие церковные авторы III-V вв., среди них — Ипполит Римский, Ориген, Евсевий Кесарийский, Иероним, римский папа Геласий, а позднее, уже в средние века, — Константинопольский патриарх Никифор, отметивший, что она содержит 3600 строк, т. е. — почти на треть больше, чем каноническая книга «Деяний» (2800 строк).

¹ De baptismo, 17.

В церковной науке издавна установилась точка зрения, согласно которой история, рассказанная Тертуллианом, подразумевала хорошо известные и сохранившиеся во многих манускриптах «Деяния Павла и Феклы». Однако с середины XIX в., когда раннехристианская литература стала объектом пристального и тщательного изучения, исследователей все больше и больше смущало то обстоятельство, что учителя и отцы Церкви, говоря о «Деяниях Павла», упоминали наряду с историей Феклы и такие эпизоды, которые в этом сочинении отсутствовали. Не было их и в других известных к тому времени памятниках апокрифики, связанных с именем апостола Павла — его «Мученичестве», «Апокалипсисе», так называемом «Третьем послании к Коринфянам» и «Послании к Лаодикийцам». Кое-кто высказывал

подозрение, что «Фекла», апокрифическая переписка с коринфянами и «Мученичество» представляют собой осколки некогда существовавшего единого повествования, о котором как раз и говорил Тертуллиан.¹ Однако это была всего лишь гипотеза.

¹ Эта догадка принадлежала немецкому библеисту Теодору Зану. См.: *Zahn Th. Geschichte der Neutestamentlichen Kanons*, II, Leipzig, 1892. S. 592, 606.

Но вот в 1896 г. в библиотеке старейшего в Германии университетского города Гейдельберга профессор Карл Шмидт обнаружил груды рассыпавшихся от времени папирусных обрывков, покрытых коптскими письменами. Судя по их начертанию, рукопись относилась к V-VI вв. н. э. Заинтересовавшись находкой, молодой ученый решил реставрировать манускрипт, едва ли в то время предполагая, что посвятит его изучению более сорока лет жизни. Впрочем, первые результаты были получены уже через год — в 1897 г. на страницах «Нового Гейдельбергского ежегодника» К. Шмидт уведомил научную общественность, что им найдено около двух тысяч разрозненных фрагментов коптской рукописи, содержащих отрывки «Деяний Павла и Феклы», апокрифической переписки апостола с коринфянами и его мученичества в Риме. Однако для восстановления и дешифровки уцелевших частей текста потребовалось почти семь лет напряженного труда. В процессе этой работы выяснилось, что Гейдельбергский манускрипт, кроме упомянутых писаний, сохранил еще семь ранее неизвестных эпизодов, повествующих о пребывании Павла в Дамаске, Антиохии, Мирах Ликийских, Сидоне, Тире, Коринфе и его путешествии в Италию. Отсюда следовало, что «Павел и Фекла», «Третье послание к Коринфянам» и «Мученичество» — лишь фрагменты того самого памятника раннехристианской апокрифики, о котором упоминали древние авторы. Гейдельбергский папирус добавлял к ним новые, доселе неизвестные науке отрывки, сохранившие проповеди и молитвенные формулы христиан середины II века — эпохи, которая считалась в то время историками «загадочной» и «молчаливой». В 1904 г. Шмидт опубликовал результаты своих исследований, сопроводив их факсимильным воспроизведением коптского папируса.¹ Интерес к его открытиям оказался столь велик, что уже в следующем году издание пришлось повторить. И почти сразу же появились пересказы и переводы вновь найденных фрагментов на английский и французский языки. Изучением Гейдельбергского папируса и перепроверкой выводов К. Шмидта занялись многие специалисты в Германии, Франции, Англии и США,² в музеях и книгохранилищах Старого и Нового Света развернулись целенаправленные поиски утраченных частей памятника. Вскоре его фрагменты были обнаружены в двух уже опубликованных к тому времени оксиринских папирусах, коптском папирусе из Библиотеки Дж. Райлендза, а также в берлинском и мичиганском собраниях древних манускриптов.³ Правда, все они лишь повторяли те или иные части реконструированного Шмидтом текста. Но в 1927 г. среди рукописей библиотеки Гамбургского университета были обнаружены одиннадцать папирусных листов, вызвавшие новую сенсацию в научном мире. Мало того, что они позволяли восстановить многие лакуны Гейдельбергского манускрипта, — они дополняли его еще одним большим и сравнительно хорошо сохранившимся эпизодом — деяниями Павла в Эфесе. Самое же главное заключалось в том, что Гамбургский папирус сохранил не коптский перевод, а оригинальный греческий текст «Деяний Павла» и был создан не позднее 300 года. Подтвердив многие догадки исследователей, эта находка заставила их (и в первую очередь — самого К. Шмидта) отказаться от некоторых ошибочных конъектур и умозаключений.⁴ Опираясь на новые данные, К. Шмидт подготовил и совместно с профессором В. Шубартом издал в 1936 новую реконструкцию «Деяний».⁵ Как показали открытия и исследования шестидесяти последующих лет, в целом она дает верное представление о памятнике. И все же новые находки, продолжающиеся до самого последнего времени то в песках Египта, то в музейных и библиотечных фондах,⁶ потребовали пересмотра или уточнения многих ее положений. Развернулись споры об авторстве и композиции памятника, о его отношении к каноническим новозаветным текстам, о правомерности некоторых конъектур К. Шмидта и других исследователей. Это породило многоязыкую литературу,⁷ благодаря которой «Деяния Павла» к настоящему времени изучены лучше, чем любой другой памятник раннехристианской апокрифики. Тем не менее, многие текстологические проблемы до сих пор остаются нерешенными: не найдено (если верить «Стихometру» Никифора) более трети памятника, все еще не определено место ряда фрагментов Гейдельбергского папируса, не все манускрипты, содержащие отрывки апокрифа, дешифрованы и опубликованы.

¹ *Schmidt C. Acta Pauli aus der Heidelberg Koptischen Papyrushandschrift Nr 1. Leipzig, 1904.*

² *Clemen C. Miscellen zu den Paulusakten// ZNW, 5 (1904). S. 228-47; Corssen P. Der Schluss*

der Paulusakten // ZNW, 6 (1905). S. 317-38; *James M. R.* A note on the Acta Paul // JTS, 6 (1905). P. 244-246; *Deeleman C. F.* «Acta Pauli» / Teologische Studien, 26 (1908). S. 1-44; *Pick B.* The Apocryphal Acts of Paul, Peter, John, Andrew and Thomas. Chicago, 1909. P. 1-50; *Vouaux L.* Les Actes de Paul et ses Lettres apocryphes. Paris, 1913. P. 146-228; *Rolffs E.* Das Problem der Paulusakten. // Harnack-Ehrung. Leipzig, 1921. S. 135-148; *Findlay A.F.* Byways of Early Christian Literature. Studies in uncanonical Gospels and Acts. Edinburg, 1923. P. 238-272; *Souter A.* The «Acta Pauli» etc. in Tertullian / FTS № 25 (1924); *Baumstark A.* Besprechungen... Acta Pauli... herausgegeben von Carl Schmidt // OrChr N. 34, 1937. S. 122-126.

³ *Grefell B. A., Hunt A. S.* The Oxyrhynchos Papyri. London, 1898 Vol. I, p. 9f; Voi. 111, p. 23; *Schmidt C.* «Εἰη neues Fragment der Heidelberg Acta Pauli» // SPAW, 1909, S. 216-20; *Crum W. E.* New Coptic Manuscript in the John Rylands Library // BJRL, 5 (1920). P. 497-503; *Schmidt C.* 'Ein Berliner Fragment der alten Praxeis Paulou' // SPAW, 1931. S. 37-40; *Sanders H.A.* Fragment of Acta Pauli in the Michigan Collection // HTR, №: 31, 1938. P. 73-90. В курсе этих открытий была и русская церковно-историческая наука; в XI т. «Православной богословской энциклопедии» (СПб., 1911) в статье «Книги апокрифические Нового Завета» указана довольно полная на тот момент библиография на немецком, французском и английском языках (с. 460-61), но, как ни странно, из текста самой статьи невозможно получить сколько-нибудь верное представление о существе и значении открытий К. Шмидта.

⁴ *Schmidt C.* Die alten Paulusacten in neuer Beleuchtung // Forschungen und Fortschritte 5 (1929). S. 266-68; *Idem.* «Acta Pauli» // Forschungen und Fortschritte 12 (1936). S. 352-54.

⁵ *Schmidt C.* Praxeis Pauloi: Acta Pauli nah dem Papyrus der Hamburger Staats- und Universitätsbibliothek, unter Mjtarbeit von W. Schubart. Hamburg, 1936 (далее — PP).

⁶ В 1950 г. в греческом папирусе, датируемом III веком, было обнаружено Третье послание Павла Коринфянам. В настоящее время этот папирус является древнейшим манускриптом, сохранившим фрагменты «Деяний Павла».

⁷ В порядке хронологии укажем лишь наиболее важные публикации: *Kurffess A.* Zu dem Hamburger Papyrus der Praxeis Pauloi // ZNW № 38 (1939). S. 164-70; *Metzger B. M.* St. Paul and the Baptised Lion // Princeton Seminary Bulletin № 39 (1945). P. 11-21; *Kilpatrick G. D., Roberts C. H.* The Acta Pauli, a New Fragment // JTS № 47 (1946). P. 196-99; *McHardy W. D.* A Papyrus Fragment of the Acta Pauli // ExpT № 58 (1947). P. 279 f.; *Peterson E.* 'Einige Bemerkungen zum Hamburger Papyrus-Fragment der Acta Pauli' // VC № 3 (1949). S. 142-62; *Roberts C. H.* The Antinopolis Papiiri // Egypt Exploration Society, 1. 13 (1950). P. 26-28; *Alfonsi L.* Echi protrettici di un passo del papiro amburgese delle Praxeis Pauloi // Aegyptus, 30 (1950). P. 67-71; *Testuz M.* Papyrus Bodmer X-XII. Cologne-Geneva, 1959; *Kasser R.* Acta Pauli 1959 // RHPR №40, (1960). P. 45-57; *Klijn A. F.* The Apocryphal Correspondence between Paul and the Corinthians // Vch, XVII (1963). P. 2-23; *Schneemelcher W.* Die Acta Pauli: Neune Fund und neu-ne Aufgaben (Новые находки и проблемы) // Thlz № 89, (1964). S. 241-54; *Schneemeicher W.* Die Paulusacten // Hennecke E. u. a. Die neutestamentlichen Apocryphen. Tubingen, Bd. 2, 1964. S. 221-70. В нашем распоряжении было английское издание этой работы: Philadelphia, 1965. P. 322-90; *Howe M.* Interpretations of Paul in the Acts of Paul and Thecla // Pauline Studies / Exeter, 1980. P. 33-49; *MacDonald D. R.* The Legend and the Apostle. The Battle for Paul in Story and Canon. Philadelphia, 1983; *Rodroff W.* Waswissen wir uber Plan und Absicht der Paulusacten? // Oecumenicaet Patristica. Geneva, 1989. P. 71-82; *Elliott J. K.* The Apocrypha! New Testament. New-York, 1993. P. 350-89 (ранее и далее: *Elliott J.* — 93); *Elliott J. K.* The Apocryphal Jesus. Legends of the Early Church. New York, 1996 (далее: *Elliott J.* — 96).

В настоящее время «Деяния Павла» реконструируются по следующим манускриптам: (см. с. 167)

Кроме того, для их реконструкции привлекают греческий текст «Деяний Тита», которые, как считается, в некоторых своих частях восходят к «Деяниям Павла».

Хотя при существующем состоянии источников проблема композиции или, проще говоря, последовательности эпизодов «Деяний Павла» едва ли может быть решена,¹ маршрут путешествия апостола условно реконструируется следующим образом: Дамаск — (крещение льва) — Иерусалим — Антиохия Сирийская — Иконий (первая встреча с Феклой) — Антиохия Писидийская — Миры (последняя встреча с Феклой) — Сидон — Тир — (Иерусалим?) — Смирна — Эфес — Филиппы (переписка с коринфянами) — Коринф — морское путешествие в Италию (Путеолы?) — Рим.

¹ К такому выводу в последнее время склоняются многие исследователи памятника. См., напр.: *Elliott J.* — 93. P. 355. К тому же есть основания думать, что уже в древности

распространялись списки этого апокрифа, в которых эпизоды располагались по-разному.

Манускрипт	Язык	Датировка
Гамбургский папирус	греческий	ок. 300 г.
Папирус Бодмера X	греческий	III в.
Берлинский 13893	греческий	IV в.
Мичиганский 1317	греческий	IV в.
Мичиганский 3788	греческий	
Папирус Крума	коптский	IV в.
Оксиринхский 6	греческий	
Оксиринхский 1602	греческий	IV-V вв.
Антинопольский пап.	греческий	
Гейдельбергский пап.	коптский	V-VI вв.

Очевидно, действие развертывалось также и в каких-то других местах. Лишь сравнительно недавно был найден фрагмент коптского папируса, который начинается фразой: «И сказав это, отбыл Павел из Смирны в Эфес», тогда как в прежних реконструкциях о Смирне даже не упоминалось. Вполне возможны и «переадресовки» отдельных событий с одного города на другой, так как привязка многих фрагментов текста к конкретному месту действия остается весьма условной.

К сожалению, современная отечественная наука совершенно не знакома с этими открытиями и исследованиями¹ — неоднократно издававшиеся у нас в последние пятнадцать лет «Деяния Павла и Феклы» сопровождается комментарием, который был бы уместен в конце XIX, но никак не XX столетия. Между тем даже беглого знакомства с текстом апокрифа достаточно, чтобы понять, сколь велика его ценность для реконструкции христологических воззрений и стереотипов мышления, свойственных низовым христианским массам II в.

¹ Беглое упоминание о них встречается лишь в книге Е. Н. Мещерской «Апокрифические деяния апостолов» М., 1997. С. 413.

В основу настоящей публикации были положены реконструкции В. Шнимельхера и Дж. Эллиота, хотя в отдельных случаях предпочтение отдавалось версиям других исследователей — К. Шмидта, Б. Пика, Дж. Кларка, Е. Петерсона, Р. Касье. Там, где от значительных участков текста сохранились лишь обрывки слов и фраз, но смысл происходящего достаточно ясен, переводу был предпочтен пересказ. Косыми скобками отмечены лакуны в тексте оригинала и конъектуры его реставраторов, слова в квадратных скобках добавлены при переводе на русский язык.

ДЕЯНИЯ АПОСТОЛА ПАВЛА

Самое начало памятника не сохранилось. В папирусе Крума уцелело несколько строк, из которых явствует, что повествование начиналось рассказом о предыдущей жизни Савла. Первые уцелевшие фрагменты Гейдельбергского папируса относятся к эпизоду его обращения. Павел получает приказ свыше следовать в Дамаск, а оттуда в Иерусалим. Дамасскую общину христиан он застаёт «постящейся» и, по-видимому, произносит речь, обращённую к иудеям и получает первые наставления в вере от Иуды Праведного — брата Христова, а затем идет в Иерусалим, держа поначалу путь к Иерихону. По дороге туда апостол встречает огромного льва и крестит его в водах протекавшей поблизости реки, о чем он позднее красочно расскажет христианам Эфеса. Какие-то сцены разыгрываются «в виду Иерусалима», причем в них фигурирует и апостол Петр. Кто-то обращается к Павлу, называя его Савлом:

— Но поскольку верую я во Господе, что желаешь ты <...>, Савл, <...>.¹

¹ К. Шмидт в своей реконструкции помещал фрагменты, связанные с Иерусалимом, значительно ниже — после истории Феклы и пребывания Павла в Мирах и Сидоне, считая, что они связаны с его участием в апостольском соборе 49/50 гг.

АНТИОХИЯ (Сирийская?)

Антиохийский эпизод сохранился почти столь же фрагментарно, как и предыдущие.

Павел воскрешает там умершего мальчика — сына Анхара и Пилы,² проповедует Христа как Бога, за что, видимо, подвергается преследованию со стороны местных иудеев. Он покидает город, но жители требуют вернуть его назад. Сохранились обрывки чьей-то речи:

² Согласно более поздним греческим «Деяниям Тита» — сына Панхара и Пилы звали Варнавой.

—... Я < верую также >, < братья > мои, < что > нет другого Бога, кроме < Иисуса > Христа, Сына Того, Кто Благословен и Коему слава < вовеки веков >. Аминь

Но когда < увидели > они, что не вернется он к ним, погнались они за Павлом и схватили его, и привели его в город обратно, обращаясь с ним дурно, швыряли в него камнями, [а потом] изгнали его из города своего и из страны своей.¹ Но не мог Анхар воздавать злом за зло.

¹ Сравн.: Деян. 14:19.

Далее помещают «Историю Павла и Феклы».

ПАВЕЛ И ФЕКЛА

Эта часть «Деяний Павла» дошла до нас более чем в пятидесяти древних манускриптах на пяти разных языках.² В последние пятнадцать лет она была по меньшей мере трижды опубликована в переводе С. С. Аверинцева с греческого,³ а также в переводе Е. Н. Мещерской с сирийского,⁴ однако, чтобы сохранить цельность повествования, приведем здесь ее краткий пересказ.

² Elliott J. — 93, 353.

³ См.: От берегов Босфора до берегов Евфрата. М., 1987. С. 128-42; То же: М., 1994. С. 120-33; Многоценная жемчужина. М., 1994. С. 153-71.

⁴ См.: Мещерская Е. Н. Апокрифические деяния апостолов. С. 415-432.

Бежавший из Антиохии Павел вместе с Димасом и Гермогеном пришел в Иконий. Под впечатлением его проповеди некая Фекла, дочь Феоклеи, решила до конца дней оставаться девой и отвергла жениха, с которым была обручена. Раздосадованный юноша обратился к городским властям, обвиняя Павла в волшебстве, и те заключили апостола в темницу. Ночью, подкупив собственного привратника и тюремную стражу, Фекла проникла к Павлу и «слушала, сидя у ног его, о дивных делах Божьих». Обнаружив ее исчезновение, домочадцы начинают поиски и под утро находят девушку в узилище вместе с чужестранцем. Решением иконийского игемона Павел был подвергнут бичеванию и затем изгнан из города, Феклу же по требованию ее матери приговорили к сожжению заживо на сцене городского театра. Но огонь не причинил ей вреда, а внезапно разразившаяся гроза погасила костер. Оказавшись каким-то образом на свободе и розыскав апостола в пустующем придорожном склепе, девушка попросила его совершить над ней обряд крещения.

— Потерпи, Фекла, — отвечал Павел, — будет тебе скоро купель (гл. 1-25).

Затем они вместе приходят в Антиохию, где благосклонности Феклы стал настойчиво домогаться некий знатный сириец Александр. Не добившись успеха, он решил действовать через Павла, улещая его подарками и деньгами. Однако Павел сделал вид, будто незнаком с Феклой. Тогда, подкараулив девушку на улице, Александр попытался совершить над ней насилие. Она же, сорвав у него с головы венок и раздрав ему хламиду, криками призывала на помощь куда-то запропастившегося апостола. Сделавшись посмешищем сограждан, Александр начинает мстить. По его доносу Феклу обрекают на растерзание хищным зверям в ближайшие игры. Неправедный суд возмутил всех женщин Антиохии, и, чтобы охранить девушку от надругательств тюремной стражи, принадлежащая к царскому роду антиохийка Трифена поселяет ее в своем доме. Когда же наступило время игр и Феклу привели на арену, огромная львица вместо того, чтобы разорвать ее, стала ласкаться к девушке и до последнего дыхания обороняла ее от других зверей. Лишившись своей защитницы, Фекла, призывая имя Христово, бросилась в устроенный на арене и кишасий тюленями водоем, но, к изумлению зрителей, те тотчас же всплыли замертво. Не причинили Фекле вреда и запущенные в водоем другие, более страшные звери. Не удалось и разорвать ее надвое, привязав к быкам — от раскаленных прутьев, которыми понукали животных, загорелись веревки. В тот момент с царственной Трифеной случился обморок, и игемон в страхе за ее жизнь остановил ристания и освободил

«звероборицу» (гл. 26-38). Явленные на арене чудеса заставили Трифену уверовать во Христа. Забрав к себе Феклу, она отписала ей все имущество, но, тоскуя по Павлу, девушка провела в ее доме лишь восемь дней и вновь отправилась на поиски апостола. Повстречав его в Мирах и помолвившись вместе с ним, она ушла в родной Иконий, где наставила в слове Божиим свою мать Феоклею. А затем, «отойдя в Селевкию и просвятив там многих, сном добрым опочила» (гл. 39—43).

МИРЫ

Описание событий в Мирах сохранилось только в Гейдельбергском манускрипте. Ввиду его плохой сохранности ряд сцен поддается реконструкции лишь в самых общих чертах.

Когда учил Павел слову Божию в Мирах, был там некий муж именем Гермократ, водянойкой страдавший. И стоя как-то на виду у всех, говорит он Павлу:

— Нет ничего невозможного для Бога, но особенно для того, Коего проповедуешь ты, ибо когда пришел Он, исцелил многих, ты же — слуга Его. Вот и припадаем мы к стопам твоим — и я, и жена, и дети мои <...>, дабы уверовать мне так же, как ты, в Бога Живого.

Говорит ему <Павел>:

— Дам я тебе <...> безвозмездно, но именем Христа Иисуса исцелишься ты у всех на глазах.¹

<... и открылось чрево его, и вытекло из него много воды, и упал он как мертвый, и даже>² сказал кто-то:

¹ Ср.: Деян. 3:6.

² <... и открылось чрево его ... и даже> — реконструкция Дж. Эллиота (См.: Elliott J. — 93. P. 375).

— Лучше было б умереть ему, чем мучиться так. Но, успокоив толпу, взял его за руку Павел, поднял и спросил у него:

— Гермократ, <...> хочется ли тебе чего?

И отвечал тот:

— Есть хочу.

Взял Павел хлеб и дал есть ему, и сделался он здоров тотчас, и принял благодать крещения Господня — и он, и жена его.

Сын же его Гермипп, осердившись на Павла, искал случая вместе со сверстниками своими, как бы напасть на Павла и погубить его. Ибо не исцеления отца своего он жаждал, но смерти, чтобы стать ему поскорее хозяином владений его. Дион же, брат его младший, внимал Павлу охотно.

Из-за больших повреждений Гейдельбергского папируса следующие несколько сцен восстанавливаются лишь в общих чертах: Гермипп со своими друзьями совещается, как им погубить Павла, а в это время, видимо, откуда-то падает и умирает его младший брат Дион. Гермократ безутешен, так как младшего сына он любил больше всего на свете, но сидя у ног Павла и внимая его проповеди, он словно забывает о смерти Диона.

Когда же мертв был Дион, мать его Нимфа пришла, разорвав одежды свои, к Павлу и села пред Павлом и мужем своим Гермократом. Удивился Павел, узрев ее, и спросил:

— Зачем <ты сделала> это, Нимфа? Она же сказала ему:

— Дион мертв!

И все, кто толпился там, рыдали, на нее глядя. Взглянул на горящую толпу Павел и, призвав юношей, так им сказал:

— Ступайте и ко мне сюда его принесите.

С тем и пошли они, но Гермипп <отнял> на улице тело и закричал... <утрата листа>

Недостающий фрагмент, вероятно, содержал рассказ о драматическом столкновении Гермиппа и Павла над телом Диона, о возвращении мальчика к жизни и подготовке друзьями Гермиппа покушения на жизнь апостола. Следующий фрагмент сохранившегося текста начинается с явления Павлу ангела.

... Но сказал ему ночью ангел Господень:

— Предстоит тебе нынче, Павел, постоять за тело свое, но <защитит и поддержит> тебя Бог, <Отец> Сына Своего Христа Иисуса.

И поднявшись, пошел Павел к братьям и остался <.....>, сказав:

— Что ж видение сие значит?

И, размышляя об этом, увидал он вдруг входящего Гермиппа с обнаженным мечом в руке, а за ним множество юнцов с кольями. И <воскликнул> Павел:

— Не разбойник и не убийца я!¹ Бог всего сущего, Отец Христа обратит вспять руки ваши и ввергнет меч в ножны его, и обернется слабостью ваша сила. Ибо я слуга Божий и одинок, и мал, и чужой здесь для всех. Воззри ж, о Господи, на их замысел злобный и не дай мне погублену ими быть.

¹ Сравн.: Мк. 14:48.

Едва Гермипп замахнулся мечом, свет померк в его глазах. Но вместе с телесным ослеплением к нему тотчас приходят раскаяние и духовное прозрение. Взывая к друзьям, ко всем жителям Мир, к мудрым и глупым, он старается убедить их в ничтожности земных богатств, сетует, что высмеивал и поносил чужестранца, который исцелил его отца и воскресил брата, просит, чтобы они умолили Павла исцелить и его самого. Поскольку речь Гермиппа важна в плане анализа всего произведения, приводим ее сохранившиеся фрагменты.

Когда <...> свой меч <...> на Павла <...>, перестал он вдруг видеть, и оттого <...> кричал громко:

— <...> товарищи, <...> о Гермиппе не забывайте. Ибо я уже <...>, Павел, <...> преследовал я <...> кровь. <...>, о вы, несмышленные, и вы — умудренные, <сколь сей> мир мало значит, <сколь мало> золото <значит> и имущество всякое. Пресыщался я всем, что приятного [в мире] есть, < а теперь> жалок я и с мольбою к вам обращаюсь: Слушайте ж, друзья мои приятели, и все, кто в Мирах живет. Насмехался я над человеком, <спасшим> отца моего, <насмехался над тем> я, кто брата моего поднял, <насмехался> над тем, кто <никакого зла> мне не сделал <...>¹

¹ <Насмехался> над тем, кто <никакого зла> мне не сделал <...> — реконструкция К. Шмидта. Дж. Эллиот от нее отказывается (*Elliott J.* — 93. P. 375), В. Шнимельхер приводит с оговоркой (*Schneemelcher W.* Op. cit. P. 366).

И стоял там Павел, рыдая — и к Богу помыслы устремив, и к людям, ибо тотчас услышал Бог молитву его, человек же, что прежде надменным был, каялся ныне. И, повернувшись, ушел он...

Из-за плохой сохранности оригинала финал этой истории восстанавливается лишь в общих чертах. Через некоторое время изменившийся до неузнаваемости Гермипп оказался у дверей отчего дома. Припадая к ногам прохожих, он умоляет, чтобы те помогли ему вновь обрести зрение. Признав в нем сына, Гермократ и Нимфа заливаются слезами.

И узрели они сына <своего> Гермиппа в <.....> обличье, припадал он к ногам всех [прохожих] и к ногам родителей [собственных], умоляя, будто чужеземный странник, чтоб помогли они исцелиться ему. Опечалившись, плакали родители его перед всеми, кто проходил там, и спрашивали их <иные>:

— Что ж вы плачете, ведь воскрес Дион?

Гермократ распродает свое имущество и оделяет щедрой милостыней вдов и нищих. Молитвы несчастный родителей наконец услышаны, и внутреннему зрению слепого юноши было явлено, как к нему подошел Павел (согласно реконструкции К. Шмидта — Христос в облике Павла) и, возложив на него руку, вернул ему зрение. Прозревший тотчас Гермипп рассказывает об этом видении своей матери Нимфе.

«И взяла она за руку его и отвела к вдовам и Павлу».

Далее текст сильно поврежден. Судя по сохранившимся фрагментам, Павел произносит большую проповедь, за которой следует фраза:

«И когда укрепил Павел в вере братьев, которые в Мирах были, отправился он в Сидон».

ПУТЬ В СИДОН

Когда же Павел покинул Миры и собирался в Сидон идти, великая скорбь была среди братьев, в Писидии и Памфилии пребывавших, ибо жаждали они слова и присутствия его святого. И потому последовали за Павлом из Пергии¹ Тразимах и Клеон с женами Алиной и Хризой, женой Клеоновой.

¹ Пергия — город в Памфилии. Согласно канонической книге «Деяний апостолов», именно там Павлом и Варнавой была основана первая христианская община Малой Азии (см.: Деян. 13:13-14-14:25).

Далее в Гейдельбергском папирусе по меньшей мере два листа полностью утрачены, а сохранившийся текст фрагментарен. Описываемые события восстанавливаются приблизительно. Во время путешествия путники, присев отдохнуть под каким-то деревом, замечают языческий алтарь; между Павлом и неким старцем завязывается спор о языческих алтарях. Старик утверждает, что боги жестоко карают тех, кто ими пренебрегает, и приводит много примеров, когда принятие христианства влекло за собой смерть неопита.² Ответ Павла утрачен, но вероятнее всего, автор вложил в его уста обычную для раннехристианской литературы подборку цитат из ветхозаветных текстов, обличающих нелепость поклонения языческим кумирам.

² Так восстанавливают событийную канву Б. Пик (*Pick B. The Apostrophal Acts. P. 6*) и В. Шнимельхер (Op. cit. P. 335). В реконструкции Дж. Эллиота этот эпизод отсутствует.

СИДОН

Сохранившаяся часть сидонского эпизода начинается с обрывка речи, в которой апостол укоряет горожан в злонравии и напоминает им о каре, постигшей Содом и Гоморру.

<Они же>, не слушая его, схватили их и потащили в <храм Апол>лона, чтобы там взаперти до <утра> держать, пока не соберется город<ской?.....>. В изобилии изысканную пищу им предлагали, но Павел, постивший третий день,¹ молился всю ночь напролет и бил по лицу себя, восклицая с печалью в сердце:

— Возри, о Боже, на угрозы их² и не допусти гибели нашей, и не дай супостату повергнуть нас, но избави нас [от него], осенив нас ныне милостью благодости Своей...

¹ Согласно реконструкциям К. Шмидта и Б. Пика, Павел постился три дня, в течение которых он и его спутники оставались в заточении.

² Сравн.: Деян. 4:29.

Далее текст сильно поврежден, однако ясно, что вследствие молитвы Павла рухнула находившаяся в святилище статуя Аполлона и вместе с ней — половина храма. Павел же и его спутники, очевидно, были схвачены стражей и куда-то привязаны или прикованы.

Ушли они³ и объявили в городе: «Рухнул Аполлон, бог сидонцев, и полхрама с ним». И сбежались все жители к храму и увидели Павла и спутников его рыдавшими, что пришлось им стать позорищем для всех. И завопила толпа: «Ташите их в театр!»

³ По всей видимости, стражники.

Дальнейшее восстанавливается лишь приблизительно: для расправы над пленниками в театр вызывают городских магистратов, но (согласно реконструкции

В. Шнимельхера) Павел в ответ на обвинения произносит страстную речь, настолько изменившую настроение толпы, что какой-то сидонец даже просит немедленно совершить над ним обряд крещения. Затем апостол отбывает в Тир.⁴

⁴ См.: *Schneemelcher W.* Op. cit. P. 336.

ТИР

Из-за плохой сохранности текстов события, развернувшиеся после прибытия Павла в Тир, вырисовываются очень смутно. Предложенная Шмидтом реконструкция слишком гипотетична и вызывает у современных исследователей большие сомнения.¹ С уверенностью о них можно сказать лишь следующее: прибывшего в Тир апостола встречает враждебно настроенная к нему толпа иудеев. Чем заканчивается эта сцена, неясно. Во всяком случае, Павел остается на свободе, проповедует Христа, исцеляет больных и изгоняет демонов. В уцелевшем фрагменте его тирской проповеди (Гейдельбергский папирус) есть такая фраза:

«...ибо не Законом человек оправдывается, но делами праведными».

¹ См.: *Schneemelcher W.* Op. cit. P. 337.

Споры о том, каковы были следующие после Тира пункты маршрута Павла, пока не дали определенного результата; возможно, он посетил Иерусалим² и наверняка побывал в Смирне, однако о том, что он там делал, при наличном состоянии источников сказать ничего нельзя, поэтому современные реконструкции сразу же вслед за тирским эпизодом помещают события в Эфесе.

² Из Тира в Иерусалим Павел направляется согласно реконструкциям К. Шмидта (PP. P. 119) и Б. Пика (*Pick B.* The Apocryphal Acts. P. 6).

ЭФЕС

Описание эфесских событий сохранилось в Гамбургском папирусе. Их существенно дополняет исследованный Р. Касье, но еще не опубликованный целиком коптский манускрипт.¹

¹ *Kasser R.* Acta Pauli 1959// RHPR 40, (1960). P. 45-57. См. также: *Hennecke Ed.* New Testament Apocrypha, vol. II, Philadelphia, 1965. P. 387-390.

И когда сказал это Павел, отправился он из Смирны в Эфес. И пришел он в дом Аквилы и Присциллы, радуясь, что видит братьев своих возлюбленных. А те молились и ликовали, ибо найдены достойными были, чтоб направил стопы свои в дом их Павел. И были там радость и ликованье великое. Провели они ночь в молитвенном бдении, взыскав <милости² Божией>, дабы укрепились сердца <их>, и молились они в созвучии стройном.

² «милости» — конъектура наша. Касье реконструирует: «воли».

И явился в дом Аквилы ангел Господень и предстал пред всеми. Трепетали они, пока говорил он с Павлом, ибо открыт был взорам стоявших, слов же, которые говорил он Павлу, никто не слышал. И когда завершил он речь свою к Павлу, смущенные и объятые страхом молчали они. Взглянув на братьев, сказал им Павел:

— Мужи, братия, видели все вы, что приходил ко мне ангел Господень, и сказал он мне: «На Пятидесятницу грядет тебе горе великое, <но возложи на Бога и Христа Его надежды свои, будут Они опорой тебе в испытании том...>³

³ Условность данной конъектуры Р. Касье оговаривает особо.

Но не мог печалиться Павел, Пятидесятницу ожидая, ибо истинный праздник она для

всех, кто верит в Христа, для оглашенных и верных.⁴ И была у них радость великая и любви избыток, и псалмопение и прославление Христово, дабы укрепились [в вере своей] все слышавшие. Молвил им Павел:

⁴ «...ибо истинный праздник она...» Уже в 40-е гг. I в. в христианской среде возникла проблема отношения к запретам, предписаниям и праздникам иудеев — какие из них следует соблюдать, а от каких необходимо отказаться (См.: Деян. 15:1-20, 28-29; Галат. 15:1-20, 28-29). «Большие» «Страсти Петра и Павла» (гл. 1) сохранили сетования римских иудеев по поводу того, что апостолы «дни праздников пустыми буднями сделали». В иудаизме Пятидесятница — второй из трех главных праздников, первоначально отмечалась как день жатвы, позднее — как память о даровании Закона. Христианами она была переосмыслена как праздник сошествия Святого Духа на апостолов в пятидесятый день после Пасхи (см.: Деян. 2:1-4).

— Внемлите, мужи, братья, что приключилось со мной, когда был я в Дамаске и преследовал в те времена веру Божию. Дух, что <на меня> от Отца сошел, проповедал мне Евангелие Сына Его, дабы мог я жить по нему. И нет, воистину, жизни, кроме как жизнь во Христе. Вступил я в церковь великую с Благословенным Иудою [во главе], братом Господним,¹ который первым преподавал мне благуя любовь веры [нашей].

¹ Иуда Благословенный, или Иуда Праведный, — один из братьев Иисуса Христа; согласно церковной традиции, возглавлял христианскую общину Дамаска.

Покорствовал радостно я благому пророку и <.....> откровение Христа, Который рожден был прежде <всех> веков. И в то время, как проповедали они Христа, ликовал я во Господе, питаемый словами Его. Когда же способен я стал говорить, нашли меня достойным того. И говорил я с братьями — самим Иудой к тому побуждаемый, — и полюбился я тем, кто слушал меня.

Когда же вечер настал, покинул агапу я, которую вдова Лемма и дочь ее Аммия устроили.¹ Шел я ночью, думая в Финикии к Иерихону выйти, и большой уже путь проделал. Когда же утро настало, оказалось: идут позади меня Лемма с Аммией, кои агапу устроили, ибо дорог я (?) был <сердцам их?>, так что невдалеке от меня они были (?).² И вышел вдруг из кладбищенской долины огромный и свирепый лев. Молились мы, и благодаря молитве этой не столкнулись со зверем Лемма с Аммией. А когда завершил я молитву свою, припал к ногам моим зверь. Набравшись духу, взглянул на него я, и говорю:

¹ Агапы — совместные трапезы первых христиан. Имя Аммии в некоторых реконструкциях передано как «Амния».

² В переводе этой фразы мы следуем конъектурам Р. Касье, галантно заполнившим лакуну манускрипта женскими сердцами (правда, трижды поставившим в своей реконструкции знак ?). Возможно, более осмысленным было бы все же другое чтение: «*ибо столь дорог я был для <них, что не пожелали> они со мной расстаться*» или буквально: *быть вдалеке от меня*.

— Лев, ты чего хочешь?

А он отвечает:

— Желая окреститься!

И восславил я Бога, даровавшего зверю речь и спасение слуге своему. Протекала как раз в том месте река большая. Спустился я к ней, и последовал он за мной. Лемма же с Аммией, словно испуганные орлами голубки, кои за спасением к дому летят, продолжали смиренно молиться, пока [не услышали, как] вознес я Богу хвалу. Да и сам был я в страхе и изумлении, что приходится мне льва, словно вола, вести и крестить водою его. И стоял я на берегу, мужи, братья,¹ восклицая и говоря: «Ты, пребывающий в высях, призритель убогих и страждущих утешитель, затворивший львиные пасти пред Даниилом, Господа нашего Иисуса Христа мне пославший, дай избегнуть нам лютости зверя, дабы исполнил я предначертанное Тобой». И помолвившись так, взял я этого льва за гриву и с именем Иисуса Христа погрузил его трижды в воду. Когда же вышел на берег он, отряхнулся и сказал мне: «Да пребудет с тобою милость Его!». И отвечивал я ему: «И с тобою тоже!»

¹ Фрагмент текста, начиная от слов «Спустился я...» и до «...мужи, братья», Р. Касье в своей реконструкции опускает, ссылаясь на большие повреждения оригинала. Приводим его по реконструкции Дж. К. Эллиота (*Elliott J.* — 96. P. 140-141).

Убежал радостный лев в пустыню, и явлено было мне в сердце моем, что встретила львица его, но не отдался он ей, а... прочь пустился

Вот и вы, Аквила с Присциллой, уверовавшие в живого Бога и услышавшие <....> проповедуйте <....>

Когда же рассказал это Павел, примкнуло к вере великое множество [народа], и потому возревновали архонты, и <весь дом > Аммии искал смерти Павла.¹ И была в том городе некая жена, сделавшая много добра эфесянам. Звали ее Прокла. Крестил он ее со всеми домочадцами вместе.

¹ Из-за утрат в тексте можно лишь гадать, та ли это Аммия, о которой рассказывал Павел, и, если та, то каким образом она оказалась в Эфесе? Тем более не ясно, что именно вызвало столь сильное неудовольствие ее родственников.

Далее текст поврежден. Судя по сохранившимся фрагментам, речь идет об успехе проповеди Павла и росте числа эфесских христиан, но с приближением Пятидесятницы над апостолом стали сгущаться тучи.

... и пошел по городу ропот: «Человек этот богов сокрушает и говорит: «Еще узрите вы, как сторгят они все в огне!» <....>

Когда же вышел Павел, схватили его люди, принадлежавшие городу, прямо¹ у пританея² и, отведя его в городской театр, послали за игемоном, чтоб пришел тот. И явившись, спросил он Павла:

¹ «Люди, принадлежавшие городу». Р. Кассье переводит этот эпитет с коптского буквально, выражая, однако, свое недоумение. (См.: *Kasser R. Op. cit. P. 389.*)

² *Пританей* — помещение, в котором пребывали пританы, исполнявшие в течение одного дня обязанности председателя городского совета.

— Почему проповедуешь то, что базилевсами осуждается? И мир этот... <....> разрушили они <....> римлян Скажи-ка, о чем говорил ты, когда эту толпу соблазнял!

Но отвечивал ему Павел:

— Делай, что угодно, проконсул, <...>¹ ибо нету тебя <.....> иной власти, <кроме как> над телом моим, душу же мою убить ты не можешь. Но послушай, какой стезею надлежит спастись тебе, и каждое <слово мое> сердцем прими <...>² и земля и звезды, и господства и <власти>³, и все на свете вещи благие, ради <.....> созданные <...> людьми в заблуждение вводят и порабощают <....> из золота, серебра и камней драгоценных <....> прелюбодейство и пьянство <...>, которые к обману ведут через то, о чем помянуто было <...> пошли и убиты были.⁴ И поскольку хочет Господь, чтобы жили мы в Боге, а не умирали бы во грехе из-за соблазнов мира, спасает Он <....>, который проповедал, что раскаяться и уверовать вы можете. <... и один только Бог> и один Христос Иисус, и нет другого. Ибо боги ваши из <металла>, камня и дерева, и не могут они ни пищу вкушать, ни внимать, ни видеть, да и стоять-то не могут. Примите решение доброе и спаситесь, дабы не разгневался Бог и пламенем не спалил вас неугасимым и чтоб не исчезла память о вас.

¹ Отсюда и до конца эфесского эпизода текст восстанавливается исключительно по Гамбургскому папирусу.

² От этой проповеди уцелели лишь обрывки слов и фраз, несмотря на бессвязность которых, мы даем их в переводе, а не в пересказе, поскольку в них содержится данные о христологических воззрениях середины II в., тем более, что сохранились они в древнейшем из доселе обнаруженных манускриптов с «Деяниями Павла» — Гамбургском папирусе.

³ Конъектура — наша.

⁴ Сравн.: Рим. 13:13; Гал. 5:20 сл.

И когда услышал правитель эти <...> в театре с народом, сказал он:

— О граждане эфесские, хорошо знаком я со всем, о чем говорил человек этот, и знаю также, что недосуг вам в словах его разбираться. Но все ж теперь и сами решайте, каково желание ваше.

И говорили одни, что сжечь его должно, но златоковцы кричали: «К зверям его!» И так как в народе большое волнение начиналось, приговорил Павла Иероним зверям бросить,

подвергнув бичеванию перед тем.

А поскольку Пятидесятница была тогда, не скорбели братья и не преклоняли колен, но ликовали и молились <стоя>. А через шесть дней устроил Иероним <смотреть зверям>, и все, кто видел это, поражался величине их <...>. И хоть связан был Павел, принялся он молиться, заслышав грохот повозок <...>, на которых зверей везли <...>¹

¹ Эта фраза в реконструкции В. Шнимельхера отсутствует.

А когда в боковые ворота цирка, где заточен он был, льва ввозили, столь оглушительный рев тот издал, что все <... изумленно:> «Вот это лев!» И так яростно он ревел и грозно, что даже Павел в страхе молитву свою прервал.

Был там некий Диофант, отпущенник Иеронима, чья жена, послушницей Павла став, сидела подле него день и ночь, <...> приревновал ее Диофант и стремился к ссоре. <...>. Пожелала и Артемилла, жена Иеронимова, послушать молитвы Павла и сказала Евбуле, жене Диофантовой:

— <...> услышать этого звероборца молитву.

И пошла та, и сказала Павлу, и ответил, исполнившись радости, Павел:

— Приведи ее.

Облеклась Артемилла в одежды невзрачные и пришла к нему с Евбулой вместе. Но едва увидел Павел ее, вздохнул тяжело он и молвил:

— О женщина, княгиня мира сего, многого злата владычица, в роскоши великой живущая, сияющая в одеждах своих, сядь-ка на пол да позабуди о богатстве своем и красоте, и нарядах, ибо не будет тебе пользы от них, коли не молишься Богу, для Которого все, что здесь ценно, — лишь сор никчемный. Одаряет зато Он тем милосердно, что там дивного есть. Ржавеет золото, богатства расточимы, ветшают платья,¹ красота стареет и города великие друг другу идут на смену, в огне за беззакония людские развеян будет мир. Один лишь Бог вечен и усыновленное Им,² усыновление же через Того дается, в Ком людям спастись надлежит.³ И потому, Артемилла, на Бога надейся, и освободит Он тебя. На Христа надейся, и даст прощение Он грехам твоим и наградит венцом свободы тебя, дабы не служила ты впредь идолам и дыму жертвенному, а служила Богу живому, Отцу Христа, Коего слава вовек пребудет. Аминь!

¹ Сравн.: «Богатство ваше сгнило и одежды ваши изъедены молью. Золото ваше и серебро изоржавело...» (Иак. 5:2-3). См. также: Мф. 6:19-21.

² Сравн.: «Так как Он избрал нас в Нем..., предопределив усыновить нас через Иисуса Христа...» Еф. 1:4-5. См. также: Рим. 8:15, 23; 9:4; Гал. 4:5.

³ Сравн.: Деян. 4:12.

И когда услышала Артемилла это, стала с Евбулой умолять она Павла, чтоб немедля крестил он в Боге ее. А на завтрашний день уж звероборство назначено было. Иероним, [между тем], услышав от Диофанта, что женщины денно и ночью сидят с Павлом, не на шутку разгневался на Артемиллу и отпущенницу Евбулу и, отобедав, удалился [спать] пораньше, чтобы [утром] звероборство без отлагательств начать.¹

¹ Исследователей памятника крайне озадачивает данная ситуация: Иероним спешит отобедать и удалиться, чтобы начать звероборство в то самое время, как Павел среди ночи обращает его супругу в христианство. В. Шнимельхер видит здесь поразительный пример сюжетной рассогласованности и строит на этой основе гипотезы о совмещении автором двух разных традиций в передаче эфесского эпизода (см.: *Schneemelcher W. Op. cit. P. 339*). Думается, однако, что предложенная в квадратных скобках смысловая нюансировка этой фразы помогает восстановить логическую связность текста. Кроме того, можно было бы допустить, что по вине переписчика фраза оказалась не на своем месте и относится уже к утру следующего — воскресного — дня, но вряд ли Иероним обедал на заре.

А женщины говорили [тем временем] Павлу:

— Хочешь, замочника мы приведем, дабы в море ты нас крестил, как человек свободный?

Но ответил им Павел:

— Не желаю я этого, ибо в [Такого] Бога я верую, Который весь мир от оков избавил.

И воззвал Павел к Богу в субботу, ибо совсем был уж близок день Господний,² тот самый день, когда предстояло ему со зверьем сразиться. И говорил он:

² В обиходе древних христиан «Господний день» — воскресенье, но иногда так называли Судный день, т. е. день Страшного суда.

— Бог мой Иисус Христос, от столь многих зол меня искупивший,³ даруй мне милость твою, дабы на глазах Артемиллы и Евбулы, кои Твои уже, низверглись оковы с рук моих.

³ Сравн.: 2 Тим. 3:11.

И когда помолился так Павел, вошел юноша, светом благодати сиявший, и освободил от оков он Павла, и улыбался при этом. И исчез он тотчас. Возликовал Павел видению, кое ниспослано ему было, и чудесному знаменью об оковах его, и перестал печалиться он о своем звероборстве, и запрыгал, точно в раю. И забрав Артемиллу, ушел Павел из тесной <...>, где узники содержались.

Сцена крещения Артемиллы почти целиком утрачена. Восстановленная Шмидтом ее событийная канва без возражений принимается авторами современных реконструкций: во время крещения в море с Артемиллой случается какое-то несчастье, и Павел взывает к Богу над ее бездыханным телом:

— О Податель света сияющего, приди мне на помощь, дабы не сказали язычники, будто, убив Артемиллу, сбежал Павел-узник.

<...> И опять улыбался юноша, и вновь задышала матрона. Очнулась она и домой направилась, ибо уже заря приближалась.

Спали стражники, когда входил Павел. Разломил он хлеб и воды принес, и, дав испить ей от Слова, отослал ее к мужу Иерониму, сам же молиться стал.¹

¹ В. Шнимельхер видит здесь еще один пример сюжетной рассогласованности: автор, отмечает он, говорит, что Артемилла пошла домой, но при этом евхаристия происходит в узилище Павла (См.: *Op. cit.* P. 338). Между тем в темницу к Павлу Артемилла могла заглянуть и *по пути* домой. Кроме того, нигде не сказано, что евхаристия совершалась в узилище Павла, стражники же могли стоять и перед домом игемона.

А на заре раздался клич горожан: «Все на зрелище! Идемте смотреть, как сражается со зверьем тот человек Божий!» Присоединился к ним сам Иероним — отчасти из-за подозрений к жене своей, отчасти же потому, что не сбежал Павел. Приказал он Диофанту и другим рабам выводить его на арену.

Безмолвствовал Павел, когда вели его, лишь согнулся низко и стенал, ибо праздновал город свой триумф над ним. Но, будучи выведен, немедля же на арену он устремился, так что разозлены были все тем, как держится он достойно.

А поскольку из-за неминуемой гибели Павла Артемилла с Евбулой захворали весьма опасно, Иероним [в цирке] был без жены, удрученный всерьез нездоровьем своей супруги и раздраженный к тому же ползшим уже по городу слухом. И когда занял он свое место <...>, велел, чтоб выпустили на Павла отменно свирепого льва, лишь накануне пойманного.

Следующий участок текста сильно поврежден. По мнению исследователей¹, он содержит молитву льва и его обращение к Павлу. Пораженные зрители на трибунах кричат:

¹ *Schneemelcher W. Op. cit. P. 372; Elliott J. — 93. P. 378.*

— Смерть чародею! Смерть <волшебнику!> Взглянул <лев> на Павла, а Павел — на <льва>, и признал тут в нем Павел того льва, что креститься к нему приходил. <И> движимый верой спросил его:

— Лев, а не тебя ль я крестил?

И сказал лев Павлу в ответ:

— Да!

И спросил его снова Павел:

— Да как же поймали-то тебя?

Отвечал ему <[человечьим]> голосом лев:

— Так же, как и тебя, Павел.

Выпустил тогда Иероним многих зверей, дабы умертвить Павла, и послал лучников против льва, чтобы и тот убит был, но грянула вдруг с небес небывалой силы гроза с градом, хоть небо безоблачным оставалось; многие тут конец свой нашли, прочие же бежать пустились. Но не коснулся град ни Павла, ни льва, другие же звери раздавлены градом были, и столь силен он был, что рассек ухо Иерониму и оторвал его напрочь. И кричал бегущий народ: «Спаси нас, Боже! Спаси нас, Бог мужа того, что со зверем сражался!» Простился Павел со львом без слов и ушел из цирка, и, спустившись в гавань, сел на корабль, в Македонию отплывавший, ибо много было таких, кто торопился отплыть, словно предстояло погибнуть городу. И поднялся на борт Павел, будто один из бегущих. Лев же, как и должно ему, в горы ушел.

Завершается эфесский эпизод своеобразным и, к сожалению, сильно поврежденным эпилогом: Артемилле и Евбуле, ничего не знавшим о судьбе апостола, ночью был явлен ангел (согласно Шмидту, — Иисус в образе прекрасного отрока), оповестивший их о чудесном спасении Павла. Иерониму же посланец небес посоветовал, натерев рану медом, помолиться Христу Иисусу.

ФИЛИППЫ

В Гамбургском папирусе филиппийский эпизод пропущен, в Гейдельбергском эта часть (особенно ее начало) повреждена настолько, что не поддается прочтению. Некоторые штрихи к филиппийским событиям добавляет включенная в деяния апокрифическая переписка Павла с коринфянами.

В целом ясно, что в Филиппах из-за некоей Стратоники, жены Аполлофана, видимо, обратившейся в христианство, Павел оказался в заточении¹ и даже перед угрозой гибели, так как отец некоей Фронтинны, тоже, вероятно, обращенной Павлом в христианство, потребовал куда-то сбросить его² вместе с (или вслед за) Фронтинной.

¹ Это следует из 2-го послания Павла коринфянам (см. ст. 2).

² Б. Пик полагал, что — со скалы (Op. cit. P. 7).

И были коринфяне в <великой> скорби о Павле, коему предстояло покинуть сей мир безвременно. Ибо объявились в Коринфе люди, Симон и Клеобий, говорившие, будто нет воскресения плоти, но только духа, и будто тело человека — не Божье творенье; и [говорили они] о мире, что отнюдь не Бог его создал и что не ведает Бог о мире; и что не Иисус Христос распят был, но только двойник Его, и будто не был Он Марией рожден и не от семени Он Давидова. Словом, много чему учили они в Коринфе, морочая <...>¹ Когда же прослышали коринфяне, что Павел в Филиппах, отправили они в Македонию с Евтихием и Трептом <...> И было послание <таково>.

¹ Косыми скобками отмечены лакуны в тексте Гейдельбергского папируса и фрагменты, восстановленные по другим манускриптам.

ПОСЛАНИЯ КОРИНФЯН К ПАВЛУ

I.

1. Стефан и пресвитеры с ним — Дафний, Эвбул, Феофил и Ксенон приветствуют Павла, <брата своего>² во Господе.

² В одном из манускриптов, сохранивших апокрифическую переписку, Павел назван «*владыкой во Господе*».

2. Объявились в Коринфе два человека, именем Симон и Клеобий, извращают они веру многих словесами пагубными,

3. о коих сам ты рассудишь.

4. Никогда прежде слов таких не слышали мы ни от тебя, ни от других апостолов,

5. но держимся крепко того, что от тебя и от них получили.

6. И поскольку являет пока нам Господь милость Свою и во плоти ты все еще пребываешь,¹ и можем все это мы вновь от тебя услышать,

¹ Ср.: Флп. 1:21-25.

7. то отпиши нам или сам к нам приди.

8. Ибо верим мы в то, что Феону явлено было: вызволил тебя Господь из рук беззаконных.

9. Говорят же и учат они вот о чем:

10. Не должно нам, говорят они, обращаться к пророкам,

11. и [говорят], что Бог не всемогущ,

12. и что нет воскресения плоти,

13. и что человек — не творенье Божье,

14. и что не являлся Господь во плоти, и Марией рожден Он не был,

15. и что мир — не Божий, но ангелов.

16. И потому поспеши, брате, сколь можешь скорее, сюда прийти, дабы непоруганной оставалась церковь коринфская и обнаружилась глупость людей этих. Да пребудет с тобой благодать Господня!

II.

1. Дьяконы Трепт и Евтихий доставили послание это в Филиппы,

2. и вручили Павлу его, который из-за Стратоники, жены Аполлофановой, в узилище находился; и восскорбел он, и много слез пролил, и сетовал громко:

3. «Лучше бы умереть мне было и с Господом пребывать, чем оставаться во плоти и слышать это, ведь одна за одной скорби идут ко мне,

4. и вынося такое созерцать, скованным будучи, как бесчинства лукавого совершаются.

5. И в глубокой печали писал так Павел:

ПОСЛАНИЕ ПАВЛА КОРИНФЯНАМ¹

¹ В Папирусе Бодмера X (III в.) добавлено: «о плоти».

1. Павел, узник Иисуса Христа, приветствует братьев в Коринфе!

2. Так как во многих бедах я пребываю, не удивляюсь тому, что ученье лукавого столь быстро множится.

3. Потому и придет вскоре Господь <мой> Иисус Христос, что отвергнут Он теми, кто извращает слова Его.

4. Передавал же я изначально вам то, что от апостолов получил, кои прежде меня были и все время с Господом Иисусом Христом пребывали,

5. что был Господь наш Иисус Христос Марией рожден от семени Давидова, когда ниспослан был в нее Отцом с небес Дух Святой,

6. дабы мог Он прийти в сей мир и всякую плоть искупить плотью Своей и во плоти нас из мертвых поднять, и явил Он Собою пример нам в том.

7. И поскольку был человек Отцом Его сотворен,

8. пропавшим будучи, найден он был, дабы через усыновление воскреснуть.

9. И потому послал сперва Всемогущий Бог, сотворивший небо и землю, пророков евреям, дабы избавились те от грехов своих;

10. и потому положил Он спасти Дом Израилев, что посылал Он частицу Духа Христова пророкам, кои во многие времена возвещали безупречное почитание Бога.

11. Но поскольку возжелал князь несправедный сам Богом быть, налагал он руки на них и истреблял пророков, и потому страстями опутана всякая плоть людская.

12. Но справедлив Бог Всемогущий, не отрекается Он от творений своих,

13. и послал <в огне>¹ Он Духа <Святого> в Марию Галилеянку,

¹ Добавление Папируса Бодмера.

14. веровавшую всем сердцем своим, и приняла она Духа Святого во чреве своем, дабы Иисусу в сей мир явиться

15. с тем, чтобы сокрушен был лукавый тою же плотью, через которую власть он обрел, и убедился, что не Бог он вовсе.

16. И потому собственным телом Своим спас Иисус Христос всякую плоть <и привел через веру ее в жизнь вечную >,

17. дабы храм праведности мог явить Он телом Своим,

18. коим искуплены мы.

19. Так что не праведности они дети, но дети злобы, отрицающие <истине вопреки> промысел Божий, говоря, будто земля и небо и все, что в них, не Отцом созданы.

20. Самые что ни есть они дети злобы, ибо исповедуют они проклятую веру змея.

21. Отвернитесь от них и учения их бегите!

<22. Ведь не строптивости вы сыны, но сыны Церкви возлюбленной.

23. И сего-то ради возвещаются воскресения сроки>.²

² Стихи 22-23 отсутствуют во всех манускриптах, содержащих «Деяния Павла и Феклы», однако они есть в двух латинских и армянской древних рукописях.

24. А что до тех, кто говорит вам, будто нет воскресенья во плоти,

25. то для них-то и нет воскресенья, ибо в Того не верят, Кто воскрес уже.

26. И, воистину, неведомо им, о мужи коринфские, как пшеницу сеют иль семена иные, [неведомо им,] что бросают их голыми в землю, и когда уж истлеют в ней, поднимаются вновь они волею Божьей, тело и одеяния обретая.

27. И не только в том поднимаются теле, кое в землю брошено было, но преумноженные изобильно.

28. А коли не должно нам с одним лишь зерном равняться, то <и большее>

29. ведомо вам — что Иона, Аматии сын, не пожелал в Ниневии учить (но сбежав), был китом проглочен,

30. а через три дня и три ночи услышал из глубин преисподней молитву Ионы Бог, и не повредился ни единый член его, даже волос или ресница.

31. Чего же еще, маловеры, вам, ведь воскресит Он вас, уверовавших¹ во Христа Иисуса, подобно тому, как и Сам Он воскрес?

32. И коли труп ожил, детьми Израиля на кости пророка Элишы² сброшенный,

¹ Перевод этой части стиха сделан по реконструкции, принимаемой В. Шнимельхером. Дж. Эллиотт предлагает читать: **Куда больше хочет Он вас воскресить, уверовавших...**

² Элиша — в русской синодальной транскрипции — Елисей. См.: 4 Цар. 13:21.

33. то вы куда больше воскреснете, ибо брошены вы на тело и кости, и Дух Господни, и восстанете в сей же день целыми во плоти своей.

34. А ежели принимаете вы и иное что-то, то уж не тяготите меня.

35. Ведь для того оковы на руках моих, чтобы мог я Христа достичь; и для того язвы Его на теле моем, дабы обрести я мог воскресенье из мертвых.

36. И всяк, кто по заповедям живет, кои получил он от блаженных пророков и Святого Евангелия, получит награду <и, восстав из мертвых, обретет жизнь вечную>.

37. Тот же, кто отступает от них, пусть горит в огне, с теми вместе, кто его такой дорогой ведет,

38. потому что безбожные они люди и ехиднино порождение.

39. Отвернитесь от них к силе Господней,

40. и да пребудет с вами мир <и любовь, и милость>. Аминь.

От заключительной части филиппийского эпизода в Гейдельбергском папирусе уцелел лишь небольшой фрагмент, который начинается, как считают, завершением речи Лонгина, отца воскресенной Павлом Фронтини.

... ничего доброго не бывает в доме моем.

<И> советовал он, чтобы <те>, кто <должен был сбросить>¹ вниз дочь его Фронтину, сбросили бы <с> ней и Павла заживо. Знал Павел об <этом>, но с великой бодростью трудился он и постился два <дня> вместе с узниками, А на третий день <приказали> они, <...> вынести Фронтину. Но <.....> следовал за ней. <Сокрушались> и Фирмила с Лонгином, и воины. Узники же смертное ложе несли.² И когда узрел Павел великую скорбь...

¹ Перевод сделан по реконструкциям, принимаемым В. Шнимельхером и Дж. Эллиотом, но, возможно, события выглядели бы более согласованно, если принять конъектуры <сбросили> и <вслед за ней>.

² Не совсем ясно, выносят ли уже тело мертвой Фронтинины или же, как полагал Б. Пик (*Pick B. Op. cit. P. 7*), только несут ее к месту казни.

<лакуна в 8 строк>

... Павла живого <с> дочерью. Когда же Павел <взял> на руки <их>¹ дочь, то видя горе Фирмиллы, воззвал он со стоном к Господу Иисусу Христу, и бросившись на колени в грязь, <...> и за Фронтину и за <нее> единой молитвою помолился. И в <тот же> час воскресла Фронтинина. Была напугана вся <толпа> и бежала. Павел <же, взяв > за руку дочь, <...> шел по городу к дому Лонгина. И восклицала вся что ни есть <толпа> в один голос: Один Бог, сотворивший небо и землю, даровавший жизнь дочери <.....> Павла. <...>

¹ Конъектура — наша. В. Шнимельхер полагает <свои>.

КОРИНФ

Коринфский эпизод сохранился в Гейдельбергском и Гамбургском папирусах.

Когда пришел Павел из Филипп в Коринф, в дом Епифания, была там радость великая: ликовали все наши люди, однако ж и плакали, когда рассказывал им Павел о том, что претерпел он в Филиппах, в эргастуле¹ и в других местах и каково досталось ему, так что и у самого на глаза навернулись слезы <...>, и возносили все они непрестанно молитву за Павла, и почитал он благословенным себя оттого, что единодушно и ежедневно вдохновлялись они делами его на молитву Господу. И потому была ни с чем несравненна радость, и воспаряла из-за усердия братьев душа Павлова, так что сорок дней проповедал он слово стойкости, повествуя о том, что и в каких местах приключилось с ним и какие дела великие дадены ему были. Прославлял он тем всякий раз Всемогущего Бога и Христа Иисуса, который был к нему милостив повсеместно. <Когда же> закончились эти дни и подошло время Павлу в Рим уезжать, опечалились братья, [не зная], когда предстоит им снова его увидеть. И сказал, исполняя Духа Святого, Павел:

¹ Эргастул. Здесь — каторжная тюрьма.

— Радейте, братия, о <...>¹ и любви. Ибо ухожу я в пещь огненную <...> и не силен я помимо Господа <...> мне силу. Ведь и впрямь играл для Саула Давид <...>, ибо пребывал с ним <...> Иисус Христос. Пребудет <милосердие> Господне со мной, дабы <...> предназначенное с твердостью я <исполнить > мог.

¹ К. Шмидт на месте этой лакуны реконструировал <юношество> (См.: *Schmidt C. Praxeis Pauloi... P. 45*); В. Шнимельхер — <ноcte> (См.: *Schneemelcher W. Op. cit. P. 379*); Дж. Эллиот оставляет многозначие.

Но горевали и постились они. Тогда Клеобий, исполняя Духа [Святого], сказал:

— Братия, должен ныне исполнить Павел все предначертанное ему и отправиться в <...> смерти <...> в великом наставлении и знании, и сеянии слова, и, претерпев зависть, сей мир покинуть.

Как услышали <это> братья и Павел, возопили они:

— О Боже, <...> Отец Христов, побереги Ты Павла, слугу Своего, дабы мог он покуда с нами остаться, ради слабости нашей.

Но так как был Павел <сердцем> обрезан и не постился более с ними, когда совершалась им жертва [бескровная]²...

² Т. е. евхаристия.

Оба манускрипта, по которым реконструируется коринфский эпизод, в этом месте повреждены и не поддаются прочтению. Из дальнейшего следует, что во время евхаристии коринфской общине было явлено какое-то знамение. Р. Касье

считал, что оно было дано при помощи миртовой ветви, В. Шнимельхер же видит здесь женское имя «Мирта».¹

¹ См.: *Kasser R. Acta Pauli. P. 52; Schneemelcher W. Op. cit. P. 343, 379.* Реконструкция В. Шнимельхера принимается и Дж. Эллиотом (см.: *Elliott J. — 93. P. 383*). Довольно-таки многословное пророчество и впрямь легче ассоциируется с женщиной, чем с растением.

Но снизошел Дух на Мирту, и говорила она:

— Братия, почему <встревожились вы, узрев знаменье это?> Спасет Павел, слуга Господень, многих в Риме, и столь многие вскормлены словом будут, что нет числа, чтоб их перечесть, и станет он превыше всех верных, и <...придет > к нему всеконечно слава, и наступит в Риме великая благодать.

И едва умолк тот Дух, пребывавший в Мирте, взял каждый хлеба и угощался, согласно обычаю <...>, посреди пенья псалмов Давидовых и гимнов. И Павел тоже повеселел.

А на следующий день, после того как всю ночь они провели угождая Богу, сказал Павел:

— Соберусь я, братия, в сей день и в Рим отплыву, дабы не откладывать то, что суждено мне и на меня возложено, ибо к этому предназначен я.

Опечалены они были весьма, услышав это. И сложились все братья — по возможности своей каждый — дабы не заботило Павла ничто, кроме расставанья с братьями.

ИЗ КОРИНФА В ИТАЛИЮ

Этот фрагмент «Деяний» восстановлен по Гамбургскому, Берлинскому, Оксиринхскому 1602 и Мичиганскому папирусам.

И когда поднимался он на борт, молились все они в это время, и капитан корабля Артемон там был, окрещенный уже Петром, и <...> Павел столь на него полагался <...>¹ Господь поднимался на борт. Когда же отчалил корабль, пошел Артемон вместе с Павлом, чтоб восславить Господа Иисуса Христа в благодати Божьей, ибо предначертано уже было [Господом] служение Павлово. А когда в открытом море они оказались и спокойным было оно, задремал изнуренный постом и ночными бденьями с братией Павел. Пришел тут к нему Господь, по морю шествуя. И коснулся его Он, и сказал Павлу:

¹ Смысл утраченной части фразы предположительно восстанавливается следующим образом: Артемон приветствовал Павла так, словно сам Господь вступал на корабль. См.: *Schneemelcher W. Op. cit. P. 380.*

— Встань и смотри! Пробудился тот и воскликнул:

— Ты — Господь мой Иисус Христос, царь <...>, но отчего ж удручен и печален Ты, Господи? А коли Ты <...> Господи, ибо горько мне видеть Тебя таким.

Отвечал Господь:

— Предстоит мне, Павел, вновь распяту быть.

И воскликнул Павел:

— Не допустит Бог, Господи, чтобы узрел я сие!

Но сказал Павлу Господь:

— Вставай, Павел, отправляйся в Рим, увещай братьев, дабы, именуя Отца,² тверды они были.

² «...именуя Отца, тверды они были...» Т. е. тверды в вере.

И <...> шествуя по морю, шел Он пред ними <..., путь> указуя. Когда ж завершилось плаванье, вышел Павел <...> в великой печали и <узрел он> стоящего на пристани мужа, который капитана Артемона ждал, и завидев его, приветствовал <...>³ и сказал он ему:

³ После этой лакуны следует речь капитана Артемона.

— Смотри, Клавдий, это возлюбленный Господа Павел со мною.

<...>¹ обнял Клавдий Павла и приветствовал. Отнесли они с Артемоном в дом его с корабля поклажу не мешкая. И ликуя, известил он братьев о Павле, и наполнился тотчас дом

Клавдиев радостью и благодарением, ибо узрели они, что, оставив печаль свою, учит слову истины Павел, говоря:

¹ Начинается фрагмент, сохранившийся в Берлинском папирусе.

— Братия и воины Христовы,² внимайте! Сколько раз избавлял Бог от рук незаконных Израиль! И пока Божьего они держались, не покидал Он их. Ведь спас Он их от рук фараона незаконного и от безбожнейшего царя Ога,³ и от Адара,⁴ и от чужеземных народов. И пока Божьего они держались, давал Он им плод чресел,³ а потом обещал страну ханаанцев им [дать], и подчинил Он им народ иноземный. И после всего, что в пустыне Он им доставил и в стране безводной, послал Он им еще и пророков, чтоб провозвестить Господа Иисуса Христа,⁶ и получали те один за другим часть и долю Духа Христова и, претерпев много, убиты были народом этим. Отвергли они, прихоти своей повинуюсь, Бога Живого и вечное наследие потеряли.

² Сравн.: 2 Тим. 2:3.

³ См.: Чис. 21:33-35.

⁴ Книги Священного Писания неоднократно упоминают город Арад, бывший резиденцией ханаанского царя (см., напр.: Чис. 21:1-3; Нав. 12:14), тогда как адар — двенадцатый месяц еврейского календаря. В данном случае произошло обычное для фольклора смешение близких по звучанию, но различных по смыслу слов.

⁵ Иначе говоря — потомство, т. е. народ численно не сокращался.

⁶ Сравн.: Деян. 7:52.

Великое предстоит нам теперь испытание, братия. Коли устоим мы, будет нам доступ к Господу, и обретем мы щит и убежище в милосердии Иисуса Христа, Который отдал Себя за нас, раз уж приемлете вы слово сие таким, каково оно есть.¹ Ибо ниспослал Бог в сии времена последние, по слову пророчества и ради спасения нашего, дух Силы во плоть, то есть — в Марию Галилеянку. Зачат Он был и носим как плод чрева ею, пока не разрешилась она от бремени и не родила <Иисуса> Христа, царя нашего, из Вифлеема Иудейского принесенного в Назарет. И пошел Он в Иерусалим и учил всю Иудею: «Приблизилось Царство Небесное! Оставьте потемки, примите свет!² Вы, живущие во мраке смерти, воссиял свет для вас!» Великие и дивные дела совершал Он, избрав из двенадцати колен двенадцать мужей, кои за одно с Ним были и в вере, и в разуме, когда мертвого Он воскресил, исцелял расслабленных, очищал прокаженных, излечил слепого,³ калек невредимыми делал, паралитиков поднимал, очищал тех, кем демоны овладели <.....>⁴

¹ «...раз уж приемлете вы слово сие таким, каково оно есть». Исследователи (См., напр.: *Schneemelcher W. Op. cit. P. 382*) отмечают смысловую неясность этой фразы, сохранившейся, тем не менее, в двух разных манускриптах. Возможно, несколько более осмысленной она покажется, если учесть, что значительную часть слушателей Павла, скорее всего, составляли иудеохристиане.

² Сравн.: Мф. 4:16; Исайя 9:2.

³ Сравн.: Мф. 4:24; 10:8; 11:5.

⁴ В этом месте обрывается сравнительно хорошо сохранившийся Мичиганский папирус 1317. В Берлинском папирусе, содержащем этот эпизод, имеются еще 23 строки, которые, однако, не поддаются имеющему смысл прочтению. Большинство исследователей принимают предложение Р. Джеймса помещать далее 79/80 листы Гейдельбергского папируса и Мичиганский 3788, хотя полной уверенности в их принадлежности к этому эпизоду нет.

...были удивлены они <весьма и смущены> сердцем. <И сказал Он им>:

— Почему ж удивляетесь вы, <что Я> мертвого <воскресил> и что <заставил хромого> ходить, и что <прокаженного> Я очистил, и что <расслабленного> Я поднял и исцелил паралитика и тех, кем демоны овладели? И что, разделив малый хлеб, насытил Я многих, и что по морю Я ходил, или же тому, что повелевал Я ветрами? Велики вы, коль верите этому и <убеждены [в этом]>. Ибо истинно <говорю> вам, если скажете вы <горе>, не сомневаясь в сердце своем: сдвинься и в <море> низвергнись, будет вам это.¹

<.....> когда <...который больше всех из>² них убежден был, имя коего было Симон, и который сказал:

¹ Сравн.: Мк. 11:23.

² Данная конъектура представляется более подходящей по смыслу, чем предложенная В. Шнимельхером: <один из> (см.: Schneemelcher W. Op. cit. P. 383), иначе получается, что среди ближайших учеников Христа верил Ему только один Петр.

— Господи, воистину велики дела, кои Ты совершаешь. Ведь не слышали мы никогда и <никогда мы> не видели <чтобы человек> воскресил <мертвого>, — только <Ты один.>

<Отвечал Господь ему:>

— Ты <.....>,³ которые Я сам,<.....>. А иные дела

³ Конъектура В. Шнимельхера <молиться станешь за те дела> (Schneemelcher W. Op. cit. P. 383), представляется недостаточно убедительной.

Я совершу теперь же. Ибо Я делаю их <ради> временного освобождения, покуда пребывают они в местах сих, дабы уверовать им в Того, Кто послал Меня.

Сказал Ему Симон:

— Господи, вели говорить мне.

Отвечал ему Он:

— Говори, Петр. — ибо звал Он их с этого дня по имени.

И сказал тот:

— <Каковы ж> деяния больше этих, <ведь сумел Ты>¹ и мертвого воскресить, и такую толпу <насытить>?

¹ Конъектура наша. В. Шнимельхер читает: «<помимо> воскрешения мертвого и <насыщения> толпы» (Schneemelcher W. Op. cit. P. 383).

Отвечал ему Господь:

— Есть нечто <больше сего>, и благословенны те, кто уверовал всем сердцем своим.

Филипп же вскричал возмущенно:

— Да каковы ж те вещи, коим учить Ты нас будешь?

И сказал Он ему:

— Ты <...>

РИМ

Этот эпизод сохранился в Гамбургском и Гейдельбергском папирусах, с которыми во многом совпадают греческие копии, неоднократно публиковавшиеся еще до находок К.Шмидта.¹ В Гамбургском папирусе содержится вариация на тему знаменитого эпизода «Quo vadis», однако ввиду того, что она явно противоречит контексту, ее считают более поздней вставкой, заимствованной из «Деяний Петра с Симоном».

¹ См., напр.: Acta apostolorum apocrypha, v. I, Lipsiae 1891. P. 104-117.

Перевод этой части «Деяний» на русский язык сделан исключительно по реконструкции Дж. Эллиота, опиравшегося только на два древних манускрипта, тогда как в основу реконструкции В. Шнимельхера была положена более поздняя версия.

1. Ожидали Павла в Риме Лука, который из Галлии прибыл, и Тит, что пришел из Далмации.¹ Возрадовался, увидев их, Павел и нанял он близ Рима амбар, где вместе с этими братьями учил слову истины. Сделался он знаменит, и приникали к Господу многие души, и пошла по Риму молва [о нем], и даже из дома Цезаря весьма многие приходили к нему,² и была там великая радость.

¹ Сравн.: 2 Тим. 4:10.

² Сравн.: Флп. 4:22.

Опоздал [как-то] в этот амбар некий Патрокл, виночерпий Цезаря, и не сумев из-за людской толчеи пробраться к Павлу, сел на высоком окне и слушал, как учит тот слову Божьему. Но Сатана по злобе своей возревновал к любви братской, и упал Патрокл с того окна вниз и умер,³ о чем вскоре Нерону должно было. Павел же, узнав об этом чрез Духа Святого, сказал:

¹ Сравн.: Деян. 20:9-12.

— Братия, нашел способ лукавый испытать вас. Ступайте наружу и найдете вы мальчика, который упал вниз и мертв теперь. Поднимите его и сюда принесите.

Так и сделали они. И поскольку испуганы были люди, когда мальчика увидели, сказал им Павел:

— Явите ж ныне, братия, веру свою. Давайте ж восплачем ко Господу нашему Иисусу Христу, чтобы воскрес сей мальчик, да и нам отнюдь вреда не случилось.

И когда зарыдали все, стал дышать мальчик. Посадили его тогда на какую-то животину и отправили живехонького с теми, кто из дома Цезаря был.

2. А Нерон, услышав о смерти Патрокла, опечалился очень и, возвращаясь из бани своей, велел, чтоб виночерпием был другой назначен. Но сказали слуги ему:

— Цезарь, жив Патрокл и стоит у стола винного. Услышав, что Патрокл ожил, испугался Нерон и не хотел входить, но все ж войдя и узрев Патрокла, воскликнул:

— Патрокл, ты... живой?

Отвечал тот:

— Живой я, Цезарь.

А тот ему:

— Кто ж таков, ожививший тебя?

И сказал вдохновленный верою мальчик:

— Христос Иисус, царь веков!¹

¹ Сравн.: 1 Тим. 1:17.

Говорит император, смутясь:

— Раз он царь веков, значит, он все царства разрушит?

Отвечает ему Патрокл:

— Да, разрушает Он все царства под небесами и один лишь Он пребудет в вечности, и не найдется такого царства, чтоб его избежало.

Ударил тут его по лицу Нерон и вскричал:

— Ты тоже, Патрокл, в воинстве того царя состоишь?

Отвечал тот:

— Да, господин мой и Цезарь, ибо он из мертвых меня поднял.

А Варнава Юст, плоскостопый, и Урион Каппадокиец, и Фест Галат — приближенные Нерона говорят:

— Да и мы в воинстве² того царя состоим — царя веков.

² Сравн.: 1 Тим. 1:18; 2 Тим. 2:24.

И подвергнув пыткам этих людей, которых любил он прежде, бросил Нерон их в тюрьму и повелел разыскивать воинов того великого царя³ и издал эдикт, чтобы казнили всех христиан и Христовых воинов, которые найдены будут.

³ Сравн.: 2 Тим. 2:3.

3. Был среди многих также и Павел закованный приведен. А так как союзники его были к нему почтительны, заметил император, что начальник он воинам тем, и сказал ему:

— Что подвигло тебя, человеке царя великого, а ныне узника моего, тайно прийти в Империю Римскую и в моих пределах воинов набирать?

Павел же, исполняя Духа Святого, отвечал при всех:

— Не только в твоих, Цезарь, пределах набираем мы воинов, но во всех краях земли. Ибо приказано нам не отвергать никого, кто сражаться хочет за царя моего. Коли благом тебе это кажется, служи Ему, ибо не спасут тебя ни богатства, ни роскошь жизни этой. Но коли Ему покоришься и Его умолишь, спасен будешь. Ведь в единый день разрушит он мир сей.¹

¹ Сравн.: «Ибо Он назначил день, в который будет праведно судить вселенную, посредством предопределенного Им Мужа, подав удостоверение всем, воскресив Его из мертвых» (Деян. 17:31).

Услышав это, приказал Нерон, чтоб все узники были в огне сожжены, но чтоб Павел по закону римлян был обезглавлен. Но не умолкал Павел и возвещал слово Лонгу-префекту и Цесту-центуриону. А Нерон, подстрекаемый лукавым, свирепствовал в Риме и многих христиан казнил без суда. И потому, у дворца стоя, кричали римляне: «Хватит, Цезарь! Ведь это наши люди! Сокрушаешь ты силу римлян!» И принужденный прекратить [казни], повелел он впредь никого из христиан не трогать, пока дело его исследовано не будет.

4. И когда уже издан этот эдикт был, привели к нему Павла, и настаивал император, чтоб казнили его. Но сказал Павел:

— Цезарь, отнюдь не на краткий срок жив¹ я для царя моего, и коли казнишь ты меня, вот как я сделаю: восстану вновь и тебе явлюсь, ибо не мертв буду, но жив для <царя>² моего, Христа Иисуса, который приидет сей мир судить.

¹ Сравн.: Рим: 18.

² «Царя» — реконструкция Дж. Эллиотта (*Elliott J.* — 93. P. 387). Шнимельхер переводит: «Господа» (*Schneemelcher W.* Op. cit. P. 385).

А Лонг и Цест говорят Павлу:

— Откуда у вас этот царь, в которого верите вы неизменно до самой смерти?

Говорит им Павел в ответ:

— О мужи, пребывающие ныне в неведеньи и заблужденьи, одумайтесь и спасены будете от огня, что на весь мир грядет. Ведь сражаемся мы не за земного, как вам мнится, царя, а за небесного. Он Бог живой, грядущий как судия в сей мир из-за беззаконий, что в нем творятся. Блажен, кто уверует в Него, и вовеки жив будет, когда придет Он с огнем, дабы сей мир очистить.

Просили они его, говоря:

— Молим тебя, помоги нам, и тебя мы отпустим. Но отвечал он:

— Не отступник я от Христа, но верный воин Бога Живого. И коли знал бы я, что умереть должен, то и тогда бы сделал сие. Но поскольку для Бога я жив, Лонг с Цестом, и себя люблю, то иду сам я с радостью к Господу, дабы с Ним воротиться мог во славе Отца Его.

Они же сказали:

— Как же жить-то мы сможем, когда тебя обезглавят?

5. И в то время, как они говорили, послал Нерон Парфения некоего и Фериту посмотреть, обезглавлен ли Павел? И нашли они, что все еще жив он. Подозвал их Павел к себе и молвил:

— Мужи, уверуйте в Бога Живого, Который и меня из мертвых поднимет, и всех, кто верит в Него.

Но отвечали те:

— Ныне к Нерону пойдем, когда же умрешь и воскреснешь — поверим в твое божество.

Лонг же с Цестом о спасении продолжали просить. И сказал он им:

— Поспешите ранней зарей к могиле моей и найдете двух мужей на молитве — Тита и Луку; дадут они вам печать во Господе.

И повернувшись к востоку, воздел Павел руки свои к небу и помолился усердно. И на еврейском с отцами в молитве поговорив,¹ склонил он шею свою, ничего не промолвив больше. Когда ж отрубил палач ему голову, хлынуло молоко на тунику воина. И воин тот, и все, стоявшие подле, поразились, узрев это, и восславили они Бога, удостоившего Павла сей чести. А удалившись оттуда, известили они Цезаря обо всем.

¹ Гамбургский папирус содержит в этом месте прямую речь, отсутствующую в других манускриптах: «Отче, предаю <Тебе> дух мой, прими же его».

6. И когда услышал он об этом, изумился и не знал, что сказать. Когда ж собрались к нему философы многие и центурионы, вошел около девятого часа Павел и молвил пред всеми:

— Смотри, Цезарь, я — Павел, воин Божий. Не мертв я, но жив в Боге моем. А к тебе, несчастный, многие беды грядут и великие кары, ибо пролил ты несколько дней назад² кровь праведников беззаконно.

² «Несколько дней назад» — реконструкция Дж. Эллиотта (*Elliott J.* — 93. P. 388). Шнимельхер переводит: «через несколько дней», относя это, таким образом, к предстоящим Нерону бедам (*Schneemelcher W.* Op. cit. P. 386).

И, сказав так, покинул его Павел. Как услышал это Нерон, приказал отпустить узников — Патрокла, а так же Варнаву и друзей его.

7. Лонг же и Цест, центурион, как и велел им Павел, пришли со страхом ранней зарей к могиле Павла. И приблизясь, нашли они двух мужей на молитве и Павла с ними. Устрашились они, узрев чудо сие неожиданное. Тит же и Лука, испугавшись при виде Лонга с Цветом, бежать бросились.

Но устремились за ними те и кричали:

— Не для того, чтобы умертвить вас, как считаете вы, о блаженные мужи Божьи, следуем мы за вами, но дабы могли мы с помощью вашей жить, как обещал нам Павел. Видели мы его только что подле вас молящимся.

И услышав это от них, дали им с радостью Тит и Лука печать Господню, прославляя Бога и Отца Господа нашего Иисуса Христа, Коему во веки веков слава. Аминь.

МУЧЕНИЧЕСТВО АПОСТОЛА ПАВЛА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Обстоятельства смерти «апостола язычников» — один из самых загадочных эпизодов раннехристианской истории. Автор канонических «Деяний», проследив шаг за шагом миссионерские странствия Павла и еще более подробно описав его плавание «в узах» из Палестины в Италию,¹ по каким-то причинам ничего не говорит о времени и Месте его кончины. Возможно, сообщения о гибели благовестников противоречили концептуальным установкам «деписателя», стремившегося представить распространение проповеди Христа как торжество жизни над смертью и потому завершившего свой труд на оптимистической ноте.² Однако не только Лука, но и другие христианские авторы конца I - начала II вв. избегали углубляться в эту тему. О Павле с большим пиететом писали и даже мельком упоминали о его гибели Климент Римский (90-е гг. I в.)³, Игнатий Антиохийский (ок. 110 г.)⁴ и Поликарп Смирнский (ок. 130 г.),⁵ но рассказывать об обстоятельствах ухода из жизни самого выдающегося деятеля ранней Церкви почему-то никто из них не счел возможным. Это тем более странно, что главным содержанием посланий Игнатия и Поликарпа были мученичество и смерть за веру.

¹ О степени подробности дает представление следующий отрывок: «Через три месяца мы отплыли на александрийском корабле, именуемом "Диоскуры", зимовавшем на том острове, и, приплывши в Сиракузы, пробыли там три дня; оттуда отплыв, прибыли в Ригию; и как через день подул южный ветер, прибыли на второй день в Путеол, где нашли братьев и были упрошены пробыть у них семь дней, а потом пошли в Рим. Тамошние братья, услышав о нас, вышли нам навстречу до Аппиевой площади и трех гостиниц» (Деян. 28:11-15).

² «И жил Павел целых два года на своем иждивении и принимал всех приходивших к нему, проповедуя Царствие Божие и уча о Господе Иисусе Христе со всяким дерзновением невозбранно» (Деян. 28:30—31).

³ 1 Послание Коринфянам, 5.

⁴ Послание Ефессянам, 12.

⁵ Послание Филиппинцам, 9.

Для христианской литературы первых двух столетий сочинение малоазийского Пресвитера в этом отношении уникально. Хотя его «римские» эпизоды имеют признаки фольклорного происхождения, не исключено, что народное предание сохранило в данном случае какие-то отголоски реально случившихся событий. К их числу в первую очередь могут быть отнесены сообщения о пребывании Павла в Риме и его казни там. Что же касается описания сопутствующих этому обстоятельств — обращения к праведной жизни воскресенного им «любимца цезаря»¹ и троекратного прямого столкновения Павла с Нероном, — то они, вне всякого сомнения, представляют собой продукт народной фантазии. Первое едва ли не дословно повторяет известный эпизод канонических «Деяний»², а второе попросту не реально. Хотя принципы уже со времени Августа считались высшими апелляционными судьями, исполнение

такого рода обязанностей они передоверяли специально назначаемым официалам; личное участие императоров в пересмотре судебных решений имело место лишь в исключительных случаях — когда дело касалось лиц, принадлежащих к сенаторскому сословию, или затрагивало государственную безопасность. Нерон же, по свидетельству Тацита³, более других императоров избегал присутствовать в судебных заседаниях.

¹ В одной из сирийских версий «Мученичества» юноша назван не Патроклом, а Патрицием.

² См.: Деян. 20:9-12.

³ Анналы 13, 4.

Ортодоксальная церковная литература очень долго не принимала версию апокрифической легенды. Первое иносказательное упоминание о казни Павла в Риме через отсечение головы встречается в апологетике лишь на рубеже II-III вв.: Тертуллиан, называя Римскую церковь «счастливой», мотивировал это тем, что «там учили и пролили свою кровь апостолы: Петр, претерпевший подобно Господу, и Павел, увенчанный смертью Иоанна»¹. В начале IV в. об этом уже без всяких иносказаний говорит Петр Александрийский: «Павел... и сам был в том же городе обезглавлен».² А Евсевий Кесарийский — ок. 325 г. — однозначно приписывает убийство апостола Нерону.³ К концу IV в. церковная традиция усваивает и большинство деталей версии апокрифического предания. В 395 г. Иоанн Златоуст писал о Павле: «Предстал он перед Нероном и спасся, но потом, обратив [в христианство] Неронова виночерпия, был обезглавлен».⁴ Немного позднее (в 410 г.) Макарий Великий упоминает о молоке, хлынувшем из обезглавленного тела апостола.⁵ В V в. сообщения о казни Павла в Риме по приказу Нерона становятся общим местом ортодоксальной христианской литературы. Таким образом, церковной традиции для усвоения апокрифического предания потребовалось около двух с половиной столетий, в течение которых она упорно избегала сколько-нибудь конкретных разговоров на эту тему. Причины здесь могли быть двоякого рода. Во-первых — полное отсутствие каких-либо сведений на этот счет. Однако подобное допущение маловероятно — слишком значительной и яркой фигурой был Павел, чтобы христианское сообщество не заметило его ухода из жизни. Скорее следует предполагать, что Церковь хранила такую информацию о его гибели, которую она предпочитала не предавать гласности. Например — в целях сохранения внутрицерковного единства.

¹ De prescriptione haereticorum, 36 (PL, 2. Col. 60): «...ubi Petrus passioni Dominicae adaequatur, ubi Paulus Iohannis exitu coronatur». Имеется в виду Иоанн Креститель.

² De poenitentia: epistola canonica, 9//PG, 18. Col. 485.

³ Церковная история, 2, 25, 5; 3, 1.

⁴ Беседа на 2 послание Тимофею 10, 2.

⁵ Aporiticus 4, 14.

Древнейшие христианские документы содержат явные указания на связь гибели апостола с распрями и борьбой за лидерство внутри римской общины. Климент Римский в 90-е годы I в. писал, что «Павел удостоился награды (т. е. мученического венца. — А. С.) из-за зависти и соперничества»¹. О кознях против него со стороны какой-то части римских христиан упоминается и в послании самого апостола к Филиппийцам: «Некоторые, правда, — пишет Павел, — по зависти и любопрению ...проповедуют Христа. Одни по любопрению проповедуют Христа не чисто, думая увеличить тяжесть уз моих».²

¹ Климент Римский. Первое послание Коринфянам, 5 (В латинских версиях: «propter zelum et invidiam/propter zelum et contentionem»)

² Флп. 1:15-16.

Есть основания думать, что одна из сторон этих внутрехристианских трений использовала в своих интересах особенности характера царствовавшего императора. Опираясь, видимо, на устную традицию, Константинопольский патриарх Иоанн Златоуст в начале V в. говорил: «И получилось так, что в Риме среди тех, кто боролся с Павлом, были некие, проповедовавшие то же самое учение. Задумав разъярить Нерона, который был уже зол на Павла, принялись они и сами проповедовать, с тем чтобы Слово дальше распространялось и число учеников возрастало, дабы гнев тирана разгорелся сильнее и стало чудовище еще свирепее».¹ По сути дела, Златоуст сообщает о тщательно спланированной провокации против

Павла, однако предпочитает умолчать (три с половиной века спустя!) о том, кем она была осуществлена.

¹ De Laudibus S. Pauli apostoli, 4 // PG, 50. Col. 493.

Поскольку Церковь не предлагала внятной трактовки обстоятельств смерти одного из самых почитаемых святых, широкое распространение апокрифической версии было неизбежным. По всей видимости, уже в середине III в. наряду с давно циркулировавшими списками «Мученичества Павла» стали появляться его сокращенные и дополненные варианты — на греческом, сирийском, армянском, коптском и латинском языках. В посленикеевскую эпоху «Мученичество», как и многие другие христианские легенды, стало предметом более глубоких композиционно-художественной переработок, целью которых было придать ему форму, удовлетворяющую запросам взыскательного греко-латинского читателя. Трудно сказать, когда именно была проделана основная часть этой работы, однако выполнена она была с большим мастерством и вкусом. Оставив неприкосновенной фабулу и почти ничего не меняя в последовательности повествования, автор сумел радикально преобразить фольклорную архитектуру древней легенды. Превратив одну из реплик апостола в пространную проповедь, построенную по правилам римского ораторского искусства, он сделал ее идейным и композиционным центром всего произведения. Два эпизода с Патроклом в первой части апокрифа были «уравновешены» добавлением в заключительную его часть двух эпизодов с Плавтиллою. Каждая из трех встреч Павла с Нероном получила свою собственную интонационную и психологическую окрашенность. Если первая из них протекает спокойно и не выходит за рамки сдержанного обмена колкостями, то вторая развивается крещендо. Начинается она с антитезы: «завопил Нерон» — «молвил Павел», но затем повышает голос и апостол, в его ответном монологе появляется та же страстность, что и в канонических посланиях, которую еще больше оттеняет нарочито спокойная тональность следующей главы. Жутковатый оттенок третьей встречи апостола с императором усилен добавлением детали, характерной для греко-римских представлений о потусторонних силах, — обезглавленный Павел входит к Нерону «сквозь запертую дверь». Кроме того, автор снимает некоторые логические несогласованности фольклорного повествования, заменяет его монотонность сложнейшим ритмическим узором, в котором плавные и взрывные ритмы точно соответствуют драматургии каждого эпизода.

Публикуемая версия «Мученичества» была создана на латыни. Помимо лингвистических данных,¹ такой вывод подтверждается и прекрасным знанием автора римской литературы: в его сочинении присутствуют явные и скрытые цитаты произведений римских писателей и поэтов I в. н.э. — эпохи описываемых событий; используются характерные для нее формально-стилистические приемы, например чередование возвышенно-эпического стиля и реалистического бытописания. Автор не в силах удержаться даже от элементов иронии и довольно непристойных двусмысленностей в духе Петрония, в общем-то мало уместных в таком жанре, как мученичество. Значительно хуже он ориентируется в мире христианских преданий и потому в своем сочинении воспроизводит ошибку какой-то более ранней версии, превратившей римского офицера Варнаву Юста, принужденного, согласно легенде, выпить яд за свои христианские убеждения, в двух человек — Варнаву и Юста.²

¹ Р. Липсий не обнаружил в латинском тексте «Мученичества» гречизмов (следов перевода с греческого) и в то же время констатировал явную зависимость словоупотребления греческой версии от латыни. — AAA, I. P. XIX.

² Это «раздвоение» встречается уже в сирийской версии «Мученичества», созданной в III или первой половине IV в.

Вероятнее всего, публикуемая редакция «Мученичества» получила окончательное оформление на рубеже IV-V в. Поскольку христологическая и мариологическая проблематика осталась совершенно незатронутой в проповеди Павла (гл. 10—11), можно думать, что к моменту ее написания она еще не стала актуальной. В то же время трактовка тринитарной проблемы дается апостолом с учетом богословских аргументов, выдвинутых «великими каппадокийцами» в третьей четверти IV в. На тот же хронологический рубеж указывает упоминание (в гл. 1) апокрифической переписки Павла и Сенеки.¹ Вместе с тем, автор «Мученичества» располагал и какими-то более ранними литературными обработками. Следы их использования заметны в той части проповеди Павла, где довольно неожиданно возникает тема гражданской войны, звучат сетования о появлении множества «не божественно-величавых, а

жалких и уродливых» кумиров, упоминается о желании многих стать принцепсами. Наиболее вероятным временем появления таких инсталляций в тексте древнего апокрифа могла быть середина III в.

² Этот псевдоэпиграф еще не был известен Лактанцию (ум. после 330 г.), однако Иероним Блаженный уже упоминает его в своей книге «De viris illustribus» (392 г.).

Местом создания этой версии «Мученичества» наверняка не был Рим, так как автор не проявляет признаков знакомства с топографией Вечного города. В противном случае он обязательно бы указал, у каких именно ворот апостол встретил Плавтиллу, назвал бы место, где состоялась казнь. Маловероятно появление на рубеже IV—V в. подобного сочинения в Италии или Галлии, где тенденция к возвеличиванию роли Петра и принижению личности Павла проявилась в это время уже в полной мере. Отсутствие в тексте каких-либо ссылок на испанское путешествие Павла, которое упоминается в целом ряде апокрифов, заставляет отказаться от мысли, что оно могло быть написано в Испании. Таким образом, наиболее вероятным местом создания памятника оказывается Северная Африка, точнее Карфаген или его округа, где пылкое почитание апостола имело давние корни, а его апокрифические «Деяния» хорошо знали и, судя по сообщению Тертуллиана, с удовольствием читали уже во II в.

Литературно-художественным достоинствам этого сочинения отдавали должное на протяжении многих веков — только в крупнейших библиотеках Западной Европы Р. Липсий обнаружил 78 манускриптов, содержащих этот памятник.¹

¹ V. I. Prolegomena. P. XXVI.

Перевод выполнен по изданию: Acta Apostolorum Apocrypha. V. I. Lipsiae, 1891. P. 23-44. Важнейшие разночтения (приведенные Р. Липсием по 28 манускриптам) оговариваются в подстрочнике.

МУЧЕНИЧЕСТВО СЯТОГО АПОСТОЛА ПАВЛА

1. После того как Лука пришел в Рим из Галатии, а Тит из Далмации, ожидали они в городе Павла. Когда же Павел, придя, узрел их, весьма обрадован был и нанял себе он за городом амбар простой, где с этими и другими братьями беседовал о Слове Живом. И стал он собирать, меж тем, большую паству, и были с помощью Божьей обращены им к вере многие души, так что на весь город зазвучал голос проповеди и благовестил его, и пошла молва о нем по всей округе. И доподлинно уж стало известно римскому миру о чудесах и знаменьях, и учении великом, равно как и об удивительном благочестии. И даже из дома Цезаря¹ случались к нему большие паломничества уверовавших в Господа Иисуса Христа, и возрастали день ото дня великая радость и ликование верных. Да и наставник Цезаря² до того дружески к нему привязался, узрев в нем божественное знание, что едва способен бывал оторваться от бесед с ним, а уж если сам побеседовать не мог, наслаждался радостью дружеского общения и пользовался его советами, непрестанно посылая ему и получая от него письма. И промыслом Духа Святого проповедь Павла так утвердилась и воссияла, что уже учил он открыто, и многие ему с большой охотой внимали. А поскольку спорил он с языческими философами и побеждал их, к учению его потянулись еще больше. И даже какие-то сочинения Павла читал Цезарю его воспитатель и приходил от них в восхищение. Сенат же о нем отнюдь не ведал.

¹ К середине I в. имя «Цезарь» уже воспринималось как императорский титул, от которого позднее произошли «царь», «кесарь», «кайзер».

² Подразумевается философ-стоик Луций Сенека (4 до н. э.-65 н. э.). В христианской среде долго циркулировала легенда о его дружбе с апостолом Павлом, а к концу IV в. была создана даже их апокрифическая переписка. Исследования показали, что никаких исторических свидетельств о знакомстве Павла и Сенеки не существует (См.: *Seuenerster J. N. Paul and Seneca. Leiden, 1961*). Согласно каноническим «Деяниям», апостол встречался с родным братом философа, проконсулом Ахайи Юнием Аннеем Галлионом (Деян. 18:12).

2. И вот однажды под вечер, когда Павел у себя наверху, спешествуя вере, проповедовал собравшимся о возвышенном, некий Патрокл, любимец и виночерпий царя, дабы услышать заветы жизни вечной, пришел, скрываясь от взоров, в амбар, где обитал Павел.

Приглашен же туда и духовно наставлен был он сотоварищами своими, любимцами Цезаря, которые [спасаясь] от присущего тому разврата, усердно посещали проповеди Павла. Когда же из-за многолюдства войти к нему он не смог, залез к окну, что повыше, и уселся там кое-как, дабы слово Божие мог лучше слышать. И придя в трепет от проповеди Павла, возжаждал исправиться. Но так как Павел речь продолжал долго, юношу стало клонить ко сну, и зависть злобного дьявола, скорбя, что пытливый отрок познал любовь слова Божьего и апостольского, принудила юношу слегка вздремнуть и, упав с окна столь высокого, он дух испустил.

Когда об этом сообщили только что вернувшемуся из бань Нерону, который в многолюдном собрании юного любимца к себе потребовал, опечалился царь смертью Патрокла до глубины души и назначил другого вместо него виночерпием, чтобы тот ему чашу подавал.¹

¹ Ср.: *Петроний Арбитр*. Сатирикон, гл. 24. См. также примечание 51 (Б. И. Ярхо) к изданию «Сатирикона». М.; Л., 1924 (репринт 1990 г.). С. 70.

3. Павел же, тотчас чрез Духа [Святого] прознав о случившемся, сказал народу:

— Мужи, братия, улучил момент злой дух испытать вас. Но Господь Иисус Христос по всегдашнему обыкновению козни его ко славе Своей обратит. Ступайте ж наружу и узнаете вы, что юный любимец Цезаря упал сверху и лежит теперь уж бездыханный. Подняв его, ко мне сюда принести потрудитесь.

И те, двинувшись поспешным шагом, вскоре принесли мертвого юношу.

Меж тем дивились люди, что Павел, никем не будучи извещен, сразу же узнал о случившемся. И сказал тогда Павел им:

— Ныне проявится вера ваша в Господа Иисуса Христа. Ибо настало время, чтоб семя жизни вечной, в добрую землю упав, сторичные всходы дало.¹ Так обратитесь же со всею верою к Господу Богу нашему и давайте помолимся Ему, чтобы в это юное тело возвратилась душа его, и да будет оно живее прежнего.

¹ Ср.: «*А иное /семя/ упало на добрую землю и, взойдя, принесло плод старинный*» (Лк. 8:8).

И когда зарыдали все, склонившись в молитве, возгласил Павел:

— Отроче Патрокл, встань и говори, что повелит тебе Бог!

На сей зов Патрокл тотчас словно ото сна восстал и принялся славить Бога, который явил людям такое могущество.² И отослал его Павел с прочими, кои из дома Цезаря были, и расходились все, веселясь и обретая радость в Господе, который исполняет желания боящихся Его и внимает мольбам их.

² Ср.: «*Народ же, видев это, удивился и прославил Бога, давшего такую власть человекам*» (Мф. 9:8).

4. И вот, когда Нерон, погрузившись в безмерную печаль, оплакивал смерть Патрокла, сказали Цезарю приближенные:

— Пусть, государь, великодушие ваше¹ не тяготится скорбью из-за смерти отрока, ибо жив он и стоит у дверей.

¹ Вариант: «*твое*».

Цезарь же, услышав, что Патрокл, которого он только что считал мертвым, жив, содрогнулся в душе и запретил тому входить и показываться на глаза. Однако, уступив настойчивым просьбам друзей, повелел ему войти. И увидев, что тот бодр и свеж и никаких отметин смерти не имеет, изумился и спросил его:

— Впрямь ли ты жив, Патрокл?

Отвечал тот:

— Жив я, Цезарь.

Говорит Нерон:

— Кто ж вернул тебе жизнь?

Сердечно радуясь и горя пламенем веры, ему Патрокл отвечает:

— Господь Иисус Христос, царь всех времен.

Нерон, вздрогнув при имени истинного Бога, спросил юношу:

— Значит, дано ему царить в веках и разрушить все царства мира?

Отвечал Патрокл:

— Да, Цезарь, разрушит Он все сущие под небом царства, и всё, под небом сущее, покорится Ему, ибо Он царь царей и повелитель повелевающих.

Дал тут ему пощечину Нерон и сказал:

— Так, вот, значит, какому царю ты служишь! И, вскипев, воскликнул Патрокл:

— Да! Ибо Он из мертвых меня поднял.

5. Тогда Варнава и Юст¹, и некий Павел, и Арион Каппадокиец, и Фест Галат, которые были в охране Цезаря и постоянно при нем находились, говорят Нерону:

¹ Автор этой литературной версии превращает Варнаву Юста Плоскостопого древних легенд в двух человек — Варнаву и Юста, чем обнаруживает свое не слишком хорошее знание мира христианских преданий.

— За что бьешь, Цезарь, столь разумного юношу, отвечавшего тебе честно и вразумительно. Ведь и мы служим этому царю непобедимому, Иисусу Христу, Господу нашему.

И когда услышал Нерон, как они единодушно и в один голос называют Иисуса непобедимым царем, отправил он их в тюрьму, ибо тех терзал всего более, кого прежде неумеренно любил.

И приказал он разыскивать повсеместно прислужников того великого царя и издал эдикт, чтоб всех воинов Христовых, где б ни были они найдены, не допрашивая, предавать всякого рода мучительным казням.

Оттого-то служители государства и доброты, злобой исполненные, великим розыском искали и находили рабов Божьих и приводили в присутствие Цезаря.

6. Среди них и Павел закованный был приведен, влача во имя Христа привычные для себя вериги. Все, вместе с ним скованные, столь к нему были почтительны, что без чьей-либо подсказки легко сумел Нерон понять, кто возглавляет воинство великого царя. И догадавшись, что он вождь и учитель рабов Христовых, обратился так к Павлу:

— Ну, человек, великого царя раб и мой узник, что это тебе надумалось тайно прийти в царство римлян и у меня сманивать, а тому [царю] вербовать воинов войска моего императорского?

Павел же, исполненный Духа Святого, без смущения, и всеми, кто там присутствовать мог, слышимый, отвечал Цезарю:

— Не только из твоей берлоги, Нерон, набираем мы воинов, но со всего круга земель.¹ И предписано мне, дабы не отверг я ни единого из всех, кто пожелает служить царю вечности моему. Ибо и впрямь может Владыка Всего рукою щедрой всем и по заслугам каждому дары обильные раздавать. Коли и тебе надумается в Него уверовать и честно Ему покориться, помилует тебя Он. И притом не рассчитывай, что богатства земные, величие или слава смогут спасти тебя. Если же Ему покоришься, навеки спасен будешь. Когда же придет Он судить живых и мертвых, испепелит в огне зримый мир, а воинов своих щедро одарит еще до сотворения мира приготовленными и от века сокровенными дарами, кои никогда не истратятся и всякую нужду изгонят.

¹ «Кругом земель» в античности называли страны, расположенные вокруг Средиземного моря.

7. Услышав это, Нерон исполнился гнева, а поскольку сказал Павел, что зримому миру надлежит быть в огне развевану, велел он всех воинов Христовых в огне спалить, Павла же, по совету сената, якобы за оскорбление величества, — лишить, согласно Римским законам, головы. И поручил он Лонгину и Мегисту, префектам, а также Акесту, центуриону, дабы, выведя Павла из города и устроив народу из его казни зрелище, поспешили б они его обезглавить. Павел же беспрестанно слово спасения им проповедовал.

И спешно разослал Нерон, дьяволом подстрекаемый, по всему городу и царству служителей и писцов, дабы те со всем усердием выявляли тайных христиан и заодно с явными истребляли.

И было тогда такое множество христиан перебито, что народ римский бесстрашно во дворец ворвался и кричал, готовый поднять восстание против Цезаря:

— Положи, Цезарь, предел правлению незаконному! Уйми ярость безумную! Хватит лютости, всякую меру жестокосердия превзошедшей. Ведь наши люди те, кого губишь, Государство Римское на них держится. Изводишь ты, Цезарь, Римскую доблесть, которая на страх всему миру множество великих воинов воспитала.

Тогда Нерон, устрешенный воплями народа, издал другой эдикт, дабы никто не смел христиан трогать и какой-либо вред им чинить, пока о тщательнейшей проверке обвинений каждого Цезарю доложено не будет.

8. Потому-то Павел вновь предстал пред глазами его. Нерон же, едва лишь Павла увидел, завопил оглушительно:

— Уберите, уберите злодея! Обезглавьте обманщика! Не оставляйте в живых чародея! Сокрушите умов иступителя! Сотрите с лица земли повредителя рассудков!

Молвил ему Павел:

— Не так уж долго, Нерон, предстоит мне мучиться, зато всегда жив буду у Бога моего и царя вечного Господа Иисуса Христа, который придет судить круг земли в испепеляющем огне.

Говорит тогда Нерон Лонгину, Мегисту и Акесту:

— Снимите скорей с него голову, и коли он льстит себя надеждой на жизнь вечную, пусть считает меня царем непобедимым, ибо я заковал его и сразил насмерть.

И воскликнул Павел:

— Знай, Нерон, мне после усечения головы предстоит вечно жить у царя моего непобедимого, ты же, хоть ныне и мнишь себя победителем, побежден будешь. Когда голову мне снесут, живым явлюсь тебе, и поймешь тогда, что жизнь и смерть подвластны Господу моему Иисусу Христу, Которому принадлежит всякое царство, и даст Он его кому пожелает, и всякая победа — от Него, и кого хочет победить, — с великим триумфом побеждает, и только Сам Он царь вовеки непобедимый.

И с теми словами уведен был Павел на казнь.

9. А когда вели его, говорят ему Лонгин, Мегист и Акест:

— Скажи нам, Павел, где ж тот царь, и где являлся он вам, и как узнали вы его, и что хорошего он дал или обещал дать вам, дабы вы, христиане, так горячо его любили и ни при каких условиях не хотели б религии нашей принять и жить, наслаждаясь радостями этой жизни, но, словно к прелестнейшей утехе, стремились бы мученически умереть за него? Великое нам в том видится заблуждение: веселье и самая жизнь ненавидя, жаждать всем сердцем казни и смерти.

10. Ответствовал Павел:

— О мужи рассудительные, здравого смысла исполненные, оставьте потемки невежества и заблуждений, туманом которых омрачена ясность рассудка вашего, отчего истину, в вас сокрытую, узреть не можете, и обратите очи разума к вечному и истинному свету, дабы могли вы сперва самих себя познать и уж затем с радостью приступить к познанию царя того, а также спастись от огня, коим охвачен будет мир, и невредимыми остаться.

Мы же отнюдь не какому-нибудь земному, как считаете вы, царю служим, но Богу Живому, Царю небес и всех веков, который придет как судия и станет чрез огонь судить этот мир за происходящие в нем беззакония. Счастлив будет всяк, уверовавший в него, ибо обретет жизнь вечную и жив будет во веки веков. И несчастен тот, и несчастнее его нет, кто, презрев щедроты милосердия и великодушия Его, не обратится к Нему, ибо сгинет навеки.

Потому-то и сошел с небес на землю Тот, Кто небо и землю сотворил, и для того создан человек Тем, Кто создал его, дабы, оставив беззакония свои, отвернувшись от бессловесных и бесполезных статуй, которым он так нечестиво вместо Бога поклоняется, служил бы Тому, Кто создал его, перед Кем трепещут ангелы, и Кому все силы небесные поклоняются.

Когда же свершится сие, сделает Бог того истинного молителя и почитателя Своего ровней и товарищем ангелов своих — духов, как известно, святых и блаженных. И не случайно, ибо дух есть Бог, и того, кто в духе и истине Ему поклоняется и Его почитает,¹ сделает Он сотоварищем святых духов; того же, кто уверовать в Него откажется, оставит на вечную погибель и муку огненную сообщником и соучастником гнусных демонов: в тот огонь неугасимый бросит Он отступника, в тот самый огонь грядущий, в коем Бог судить станет мир.

¹ Ср.: «Бог есть Дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине» (Иоанн 4:24).

11. И потому, мужи разумные, рассудите-ка собственной головой: кто мир создал, ведь не без творца ж он возник! Подумайте, кто человека создал, ведь, как свидетельствуют святые пророчества, не сам он себя создал!

Остерегитесь, ибо пустые статуи не Бога, но людей творенье и демонов, в этих статуях спрятанных. И хотя показаться может, будто в сердечном согласии они пребывают, ибо и впрямь все как один жаждут погибели рода людского, однако ж враждуют они меж собой непрестанно. «Ибо нет мира для нечестивых» — речет Господь.² Причина же, почему они людей

погубить стремятся и тем товарищей себе в мучениях обрести, та, что знают они: будут допущены люди милостью Божьей в обитель небесную, которой из-за собственной гордости они лишились.

² Исая 48:22.

Уразумейте, мужи любезные, что имя божества на многие отнюдь не делится,¹ ибо один Бог, от Которого всё, и один Господь Иисус Христос, чрез Которого всё,² и один Дух Святой, в Коем совокупность всего существует, и повинуется Ему все воистину истинное, и нет разделения в Божестве, ибо не имеет Оно множественности.

¹ Хотя эта фраза именно в таком виде повторяется во всех манускриптах, есть основания думать, что она возникла в результате порчи текста, т. к. следующий за ней пассаж полностью противоречит содержащемуся в ней утверждению. Куда осмысление читается не «*deitatis potes*» — имя божества, а «*deitatis nu.me.no*» — божественная воля. Постулат о нераздельности божественной воли (между тремя ипостасями) был введен в богословский обиход в середине IV в. Василием Великим и широко использовался в ходе тринитарных споров.

² Ср.: «*Но у нас один Бог Отец из Которого все, и мы для Него, и один Господь Иисус Христос, Которым все, и мы Им*» (1 Кор. 8:6).

Оглянитесь, граждане римские, откуда раздор пошел и вокруг чего так долго, скрытно и злобно разгорался, и почему такое множество не божественно-величавых, но жалких и уродливых кумиров явилось. А потому, разумеется, что многие возжелали стать принцепсами, тиранами и господами не над пороками своими, но над людьми, себе подобными; и тогда пучиной невежества поглощенный и в бездну гордыни своей низринутый, собственного могущества своего ради, всяк присмотрел себе, а не то и выдумал бога. Не зря же оно говорится: «страх первородный в мире создал богов».³

³ Цитата из поэмы «Фиваида» (III, 661) римского поэта Публия Стация (40-96 гг.). Ср. также: *Петроний Арбитр*. Сатирикон, гл. 27.

До такого безрассудства дошли жалкие люди, что богами себе поставили людей наименее достойных и подражают им, дабы лютой смерти избежать.¹ А поскольку никто из них о Боге и понятия иметь не хотел, предоставлены были они своим похотям, дабы такие дела делать, за которые Законы Римские наказуют с проклятьем. И исполнилось в них то, о чем сказано словами священными: «Да уподобятся им те, — речено, — кто делает их». Сотворив же себе богов жалких, люди сами жалкими стали и до такого безумства дошли, что древесному пню говорят: «ты бог наш», а камню — «помоги нам», и молятся оструганному бревну, греясь пламенем его стружек.

¹ Варианты: «*На которых сами походить не хотят*»; «*захотели на них похожими стать*».

12. И вскричала в ответ большая толпа слушавших это:

— Заблуждались мы и грешили, поступали мы нечестиво! О учитель истины и спасения, указующий путь к жизни вечной, смилуйся над нами, дабы, избавившись от сетей греха, могли б избежать огня мы, в коем сгорит мир и мучим будет всяк неверный и недостойный.

Ответствовал тогда Павел:

— О мужи, братия, чьих сердец Бог духом Своим коснулся, будьте стойки в вере, ибо придут слуги вечного спасения, коими вы крещены будете, и, возлюбив крепко Господа нашего Иисуса Христа, спасены будете навеки.

Лонгин же и Мегист с Акестом, тихо посоветовавшись, сказали апостолу:

— Просим тебя, господине, вели записать нас в воинство царя вечного, дабы могли мы грядущего огня избежать и сопричастными стать царству бесконечному. Освобождаем тебя мы, и, куда б ты направиться ни соизволил, всюду будем спутниками тебе и послушны останемся до самой смерти.

Говорит им Павел:

— Братья мои, не отступник я, но верный воин царя моего. И знай я даже, что умру и смертью этой славы и жизни вечной отнюдь не достигну, и тогда б не только все сделал, о чем просите, но сам бы на том настоял. Теперь же не напрасно терплю и не впустую вынес многие

страсти,¹ ибо ждет меня венец справедливости,² коим наградит меня Тот, в Кого уверовал я и благодаря Кому стою неколебимо, ведь к Нему шествую и вместе с Ним явлюсь во славе Его и Отца и ангелов святых судить круг земель. И потому эту смерть презираю, а просьбу вашу, дабы скрылся я, отвергаю и не исполню.

¹ Ср.: «Я не тщетно подвизался и не тщетно трудился» (Флп. 2:16).

² Ср.: «А теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь, праведный Судия» (2 Тим. 4:8).

Они же, рыдая, сказали ему:

— Что же делать нам? Казнив тебя, как дальше жить будем и как тогда прийти сможем к Тому, в Кого уверовать нас побуждаешь?

13. И пока они так меж собой под крики толпы говорили, прислал Нерон Парфения некоего и Фериту, дабы те посмотрели, казнен ли Павел. И придя, нашли они, что доселе жив он и давно уже пред толпами речь держит. Подозвав их к себе, молвил Павел:

— Мужи, уверуйте в Бога Живого, который и меня, и всех верящих в Него из мертвых поднимет.

Но сказали они в ответ:

— К Цезарю прежде пойдем мы с докладом, когда же исполнено будет то, зачем посланы мы, и когда ты умрешь и воскреснешь, тогда мы поверим царю твоему. Ты же оставь промедленья, с помощью коих приказ нарушаешь, ступай в судное место, и да подвергнешься там справедливо назначенной казни.

Павел же говорил им:

— Коли хотите уверовать, в промедлении моем сами нуждаетесь больше, нежели я, грядущий через смерть к жизни. Впрочем, поспешим же, веселясь, во имя Господа нашего Иисуса Христа.

14. И пока двигались они к месту казни, следовали за ними бесчисленные толпы народа. И подойдя к городским воротам, встретил там Павел знатнейшую матрону по имени Плавтилла,¹ пылкую почитательницу апостолов и веры Божией радательницу. Принялась она, рыдая, молиться о нем.

¹ Тацит, рассказывая о событиях 57 года, упоминает о суде над женой Авла Плавтия, «приверженной к чужеземной ереси». Она, как говорит Тацит, впоследствии не носила иных одежд, кроме траурных, а душа ее не знала иного чувства, кроме печали. Хотя родовое имя этой матроны было Помпония Грецина, в среде римских христиан ее, вероятно, помнили как жену победителя британцев Плавтия и производили ее имя от имени мужа.

Окликнул ее Павел:

— Здравствуй, Плавтилла, дочь вечного спасения! Одолжи мне плат, коим голову покрываешь, а сама пройди за ограду для народа и жди там, покуда не вернусь к тебе и подаяние твое не верну. Завяжу себе я глаза им вместо платка и, направляясь к Христу, оставлю оный залогом любви твоей к благоговению моему пред именем Его.

Она же поспешно накидку ему протянула и все исполнила, как велел апостол. Парфений же и Ферита смеялись над ней, говоря:

— Что ты веришь обманщику и магу? Чего ради губишь накидку превосходную? Вовек от него ее не получишь.

Павел же говорил ей:

— Смотри же, дочь, ожидай здесь появления моего и доставлю тебе знаки смерти моей на платке, когда жив во Христе буду.

15. Меж тем Лонгин, Мегист и Акест, настойчиво моля о спасении своем и допытываясь, как же смогут они достичь жизни вечной, услышали в ответ от блаженного апостола:

— Братья и дети мои, сразу, как только буду я обезглавлен, а вы вместе с прочими вершителями казни моей покинете место, в коем Господь меня призвать к себе соизволит, унесут тело мое и похоронят верные люди. Вы же приметьте место погребения моего и завтра, едва светать начнет, идите туда и найдете там двух мужей молящихся — Тита и Луку, коим расскажете, зачем я прислал вас; и дадут они вам знак спасения Господня. Исполните без колебаний, что велено вам, и, уверовав, тотчас в священном источнике крещены будете и приобщитесь животворящих тайн Божиих, и очищены будете от всяких уз греховных, и станете белее снега, и будете в ряды воинов Христовых зачислены, и унаследуете царствие небесное.

16. И с теми словами пришел он к месту казни, где, оборотясь к востоку и воздев к небу

руки, долго по-еврейски молился со слезами и благодарил Бога. Когда же молитву на родном языке закончил, прощаясь с братьями, благословил их и, завязав себе глаза накидкой Плавиллы, уперся коленями оземь и шею вытянул. Палач же, высоко размахнувшись, с силой ударил и отрубил ему голову. И та, от тела уже отделенная, имя Господа Иисуса Христа по-еврейски звучным голосом восславил. И тотчас из тела его струя молока на одежду воина хлынула, а затем уж кровь потекла.

Когда же хотели взять накидку, которой он перед казнью себе глаза завязал, не оказалось ее. В самый же момент отсечения головы его хлынули с неба такая света безмерность и запаха сладость, что глаза смертных сияния того перенести, а язык человеческий благоухания того описать не в силах.

И все бывшие там, узрев Божью милость к блаженному апостолу, потрясены были и долго хвалили и славил Господа Иисуса Христа, вечного и непобедимого царя, Коего проповедовал великий учитель и пастырь народов.

17. Те же, кто послан был ускорить убийство его, возвращаясь, пришли к городским воротам, где нашли Плавтиллу, восхвалявшую и прославлявшую Господа за все, что услышала она и увидела благодаря Его святому апостолу. И спросили они ее с насмешкой, почему главу свою она омафором тем не покрыла, который Павлу своему отдала. Та же, пылая жаром веры, с воодушевлением отвечала:

— О, пустые и жалкие, в то поверить не способные, что глазами видите и руками трогаете! Подлинно, у меня теперь тот самый плат, который тогда ему отдала. Драгоценен он, ибо залит его славной кровью. Ведь явившись в земном обличье с небес, бесчисленным белым воинством¹ окруженный, принес он и впрямь мне его и, благодать за доброе дело даря, сказал: «Ты, Плавтилла, почтила меня на земле, вскоре и я тебя, грядущую в царствие небесное, благоговейнейше почту. Да и теперь ради тебя я вернулся, дабы явить тебе славу Царя Непобедимого».

¹ В латинском тексте «candidati», т. е. «одетые в белое»

И вынув из складок одежды плат, пропитанный алой кровью, Плавтилла им его показала. Они же, объятые ужасом, поспешно известили Цезаря обо всем, что видели и слышали.

18. А когда тот услышал, страшно изумился, и смущенный безмерно, принялся обсуждать с философами, друзьями и советниками, а также с теми, кого из сената найти смог, то, о чем сообщили ему, и речь на совете держал со страхом и в смятении рассудка. И пока они все это меж собой обсуждали, изумляясь поочередно, вошел около часа девятого сквозь запертые двери Павел, и стал перед Цезарем, и молвил:

— Цезарь, се я, Павел, воин непобедимого царя вечности. Уверуй хоть теперь, ибо не мертв я, но жив благодаря Богу моему. А тебя, жалкий, ждут в скором времени несказанные беды и уготована тебе погибель вечная, за то, что средь прочих позорнейших дел ты кровь многих праведников неправедно пролил. — И, молвив так, тотчас исчез.

Услышав это, Нерон до того был страхом объят, что и сказать невозможно, и, словно обезумев, не знал, что делать. Все ж, по совету друзей, приказал он Патрокла и Варнаву, и тех, кто вместе с ними был скован, отпустить, куда бы ни пожелалось им.

19. А Лонгин, Мегист и Акист, придя, как велел им Павел, ранней зарей к его могиле, увидели двух мужей молящихся и стоящего меж ними Павла. Устрашенные чудесным видением, оробели они и приблизиться не решились. Тит же и Лука, прервав восторженную молитву свою, и узрев, что спешат к ним префекты с центурионом, бывшие пособниками убийства Павла, обратились в бегство, смертным страхом объятые. И исчез тотчас из глаз их Павел. Пришедшие же кричали им вслед:

— Нет, праведники Божий, не для того мы пришли, чтобы смертью вас покарать, но дабы нас, верующих, отправили вы по воде крещения в жизнь вечную, как обещал нам благой учитель Павел, коего мы только что видели стоящим средь вас и молящимся.

Услышав это от них, остановились Тит и Лука в великой радости и веселье духа и возложили тотчас руки на них, и дали им знак вечного спасения.

И попостившись до вечера, были те крещены во имя Господа нашего Иисуса Христа, Которому вместе с Отцом и Духом Святым честь и слава, сила и власть во веки веков. Аминь.

СТРАСТИ АПОСТОЛОВ ПЕТРА И ПАВЛА ПРЕДИСЛОВИЕ

Противоборство апостолов с Симоном Магом — один из древнейших сюжетов христианской литературы. Уже в канонической книге «Деяний» говорится о том, как самаритянин Симон, «волхвовавший и изумлявший народ самарийский, выдавая себя за кого-то великого», был крещен Филиппом и затем попросил апостолов продать ему за деньги секрет их необычайной духовной силы, но получил от Петра резкую отповедь.¹ В дальнейшем, подобно многим другим эпизодам новозаветной истории, этот сюжет стал постепенно разрастаться во времени и пространстве — борьба апостолов с самаритянским шарлатаном растянулась на десятилетия, а местом их столкновений оказались крупнейшие города Средиземноморья: Антиохия, Коринф, Рим. Однако случай с Симоном Магом не совсем обычный, ибо главный его персонаж был не только реальным, но и активно действовавшим историческим лицом, основавшим ересь и секту симониан, с которыми христианские ересиологи и апологеты вынуждены были бороться в течение нескольких столетий: в трудах Иустина Философа, Иринея, Тертуллиана, Ипполита Римского содержатся очень интересные и вполне правдоподобные сообщения о жизни, смерти и учении Симона. Повышенный интерес к нему проявлял и христианский фольклор, всегда тяготевший к чудесному и волшебному. Легенды о самаритянском чародее появились, вероятно, уже в I в., а во II некоторые из них были даже записаны, и хотя эти записи до нас не дошли, в реальности их существования убеждает то, что древнейшее из сохранившихся сочинений о Симоне Маге уже имеет прекрасную литературную форму. Создано оно было в самом конце II или начале III века² на греческом языке,³ а в историю христианской литературы вошло под названием «Деяния Петра» или «Деяния Петра с Симоном». Именно в этом сочинении впервые встречается знаменитый эпизод «Quo vadis», ставший основой для многих книг, кинофильмов и даже опер.

¹ Деян. 8:9-23.

² В. Шнимельхер относит время его появления к 180-190 гг., однако не приводит убедительных аргументов в поддержку такой датировки. См.: Hennecke-3, II. P. 275.

³ Сохранились лишь фрагменты греческого оригинала. Полностью текст дошел до нас на латыни в манускрипте VII в., обнаруженном в библиотеке итальянского города Верчелли, в связи с чем этот памятник часто называют «Верчеллианскими деяниями».

Поскольку «Деяния Петра» послужили главным сюжетным источником публикуемых ниже «Страстей Петра и Павла», нам придется остановиться на них подробнее. В этом апокрифе уже присутствуют все главные действующие лица «страстей» — апостолы Павел и Петр, Симон Маг, Нерон. Правда, Павел действует лишь в первых трех главах, а затем отправляется с проповедью в Испанию, император же возникает в самом конце повествования, да и то «за сценой».

Через несколько дней после отъезда Павла, говорится в этом сочинении, в Рим из Ариции¹ явился Симон Маг, перелетев на глазах у толпы через городские ворота. Многие при виде этого поверили, что он и есть тот Христос, которого проповедал Павел. Постепенно Симон настолько подчинил своему влиянию римскую общину, что кое-кто даже стал называть отсутствующего Павла колдуном. Обману не поддались лишь семь человек. И тогда по велению Бога из Иерусалима в Рим прибыл апостол Петр. Призвав братьев «не верить в иного Спасителя, кроме распятого назарянина», он направился к дому сенатора Марцелла, у которого поселился Симон, но привратник отказался вызвать к нему мага. Тогда Петр, заметив сидевшего на цепи большого пса, отвязал его и послал сказать Симону, чтобы тот вышел наружу. Пес одним прыжком влетел в дом, встал на задние лапы и, возвысив голос, передал Симону слова апостола, отчего маг на полуслове лишился речи, а все прочие застыли от изумления. Присутствия духа не потерял только сенатор Марцелл. Выбжав к Петру, он стал жаловаться на Симона, пересказывая попутно все гадости, которые тот говорил про него. Пес тем временем, оставаясь в доме, выступил от себя «сверх порученного» перед Симоном и его окружением с пространной и довольно злобной диатрибой, обвиняя мага во всех тяжких.² Между тем, толпа, стоявшая у входа, стала просить Петра, чтобы он показал еще какое-нибудь чудо, и тот, сняв с веревки сушеную рыбу, бросил ее в находившийся рядом прудик и велел ей ожить и плавать.³ Рыбка повиновалась и не только плавала, но и к общему веселью поедала крошки хлеба, который ей бросали зрители. Под впечатлением этого чуда толпа уверовала, а Марцелл изгнал из своего дома Симона, нещадно избитого при этом домочадцами сенатора.

¹ Город в 125 стадиях (ок. 20 км.) от Рима по Аппиевой дороге.

² Создается впечатление, что эта «говорящая собачка» явилась одним из прототипов двух разных «героев» М. А. Булгакова, который, без сомнения, был хорошо знаком с изданием

Липсия-Бонне и неоднократно использовал в своем творчестве образы и идеи опубликованных там апокрифов.

³ Напомним, что подобное чудо совершает в латинской версии «Евангелия Псевдо-Фомы» трехлетний Иисус. Но если в контексте египетского рассказа возвращение к жизни вяленых (=мумифицированных) рыбешек воспринимается как вполне уместная и довольно прозрачная аллегория, то в «Верчеллианских деяниях» оно выглядит всего лишь забавным фокусом, исполненным Петром «по просьбе зрителей». Таким образом, логично думать, что источником этого сюжета послужило «Евангелие Псевдо-Фомы», а не наоборот.

Центральным событием «Деяний Петра с Симоном» стали публичные прения между апостолом и магом на римском Форуме, в ходе которых был поставлен эксперимент по умерщвлению (Симоном) и оживлению (Петром) отрока из свиты префекта. Однако непосредственное отношение к «Страстям» имеет не этот, а следующий эпизод, в котором маг и апостол поочередно пытаются воскресить юного сенатора Никострата. Когда мать умершего доставила в сопровождении большой свиты его тело на римский Форум, «потребовав тишины, молвил громким голосом Петр: "Римляне! Пусть же справедлив будет суд между мною и Симоном и пусть установит, кто из нас в Бога Живого верует — он или я. Если воскресит этот труп Симон, считайте тогда его ангелом Божиим. Но если не воскресит, призову я своего Бога и верну живым матери сына"». После некоторого колебания Симон тоже выставил условие, потребовав в случае воскрешения им Никострата немедленного изгнания Петра из города. Дальнейшее развивается по сценарию, весьма сходному со сценарием «Страстей Петра и Павла», с той лишь разницей, что представителем высшей власти в «Деяниях Петра» выступает префект Агриппа, а его расправа над апостолом объясняется гневом на Петра, обратившего в христианство сразу четырех любовниц градоначальника.

III в. стал временем широкого распространения этой легенды и ее усвоения христианскими писаниями самых разных жанров, в том числе и христианской поэзией. Около 250 г. «оставивший языческие заблуждения» поэт Коммодиан вводит в свою «Апологетическую песнь» эпизод с говорящей собакой, посланной Петром с поручением к Симону Магу.¹ Немного позже Арнобий в трактате «Против язычников» рассказывает о том, как Симон рухнул по слову Петра с небес «вместе со своей огненной колесницей».² В христианском приключенческом романе ужасов «Деяния Ксантиппы и Поликсены», построенном по модели сочинений Гелиодора, корабль похитителей Поликсены встречает в открытом море судно, на котором плывет апостол Петр, вызванный ночным видением в Рим для борьбы с Симоном Магом, «разорившим после ухода Павла в Испанию основанную им церковь».³ В апокрифе III в. «Апостольские дидакалии» сам Петр рассказывает апостолам о проделках Симона в Риме: «Выйдя однажды, увидел я, как дурачит он [Симон Маг] народ на рынке. И заспорили мы с ним о Воскресении, о жизни и о смерти. И будучи побежден, заявил он, что улетает, и стал знаки своим прислужникам делать, чтоб подняли они его. И когда уж на большую высоту он был поднят, встал я и сказал ему: Властью Христова имени лишаю я тебя сил твоих, дабы отступились они от тебя. И тотчас отступились от него демоны, и рухнув, треснул от [головы до] пят он и умер».⁴

¹ *Commodian. Carmen apologeticum, versus 623-626.*

² *Arnobius. Adversus nationes, II, 12.*

³ *Acta Xanthippis et Polyxenaе, XXIV.*

⁴ *Didascalia apostolorum, cap. XXIV.*

В тесной связи с «Деяниями Петра» находятся и так называемые «Клементины», о которых мы уже говорили ранее, однако вопрос о хронологической последовательности создания этих памятников остается пока не решенным.

В IV в. продолжали появляться новые апокрифы, разрабатывавшие и дополнявшие отдельные эпизоды «Деяний Петра с Симоном». В их числе — так называемые «Апостольские установления», «Деяния Неря и Ахиллеса», книга «Исход из Иерусалима». Одновременно началось усвоение элементов легенды церковным преданием. И если в начале столетия Евсевий Кесарийский еще избегал пересказывать их от собственного имени, то на рубеже IV—V вв. Иоанн Златоуст уже делает это без колебаний.

Результатом развития легенды стало появление на исходе античности и в эпоху раннего средневековья целой группы очень похожих друг на друга апокрифов, сохранившихся на латинском, греческом и армянском языках под названиями «Страсти», «Мученичества» или

«Деяния» апостолов Петра и Павла. Поскольку публикуемые ниже версии почти одноименны, первую из них, во избежание путаницы, мы будем называть «малыми» Страстями, а вторую «большими».¹

¹ В издании Р. Липсия (AAA, v. I) они озаглавлены: «Passio apostolorum Petri et Pauli brevior» и «Passio sanctorum apostolorum Petri et Pauli». Иногда их также называют «Псевдо-Хегесиппом» и «Псевдо-Марцеллом».

«Малые» Страсти дошли до нас только на латыни, причем в единственной редакции: лондонский и флорентийский манускрипты (IX и XI вв.), на основе которых Р. Липсий опубликовал этот памятник, имеют минимальные разночтения, вполне объяснимые описками копиистов.

«Большие» Страсти существуют в латинской (66 глав) и греческой (67 глав) версиях и кроме того входят в состав раннесредневекового апокрифа — так называемых «Деяний Святых апостолов Петра и Павла» (88 глав), которые сохранились на греческом и армянском языках. В «Деяниях» «Страстям» аналогичны главы 22-88, причем в одних случаях они ближе к греческой версии, в других — к латинской. Предшествующая часть «Деяний» (гл. 1-21) описывает путешествие апостола Павла с о. Мальта в Рим.

Пользовавшиеся неизменным читательским успехом истории о длительном противоборстве чародея и чудотворцев стали в посленикейский период средством внедрения в массовое сознание желательных для Церкви идей и воззрений. Идеологическая заданность таких литературных обработок могла при этом диктоваться не только богословскими, но и политическими соображениями. Несмотря на подчеркнуто развлекательный, а порой и комедийный характер публикуемых «Страстей», в них настойчиво проводится мысль: Империя и Церковь никогда не были противниками, в истории их отношений имели место лишь досадные недоразумения, когда обманщики и маги направляли властей предрержащих по ложному пути, побуждая их преследовать носителей истинной веры. Именно так подается история казни Христа в письме Понтия Пилата Клавдию (главы 19-22 «больших» Страстей), сходным образом объясняется расправа Нерона над апостолами. Та же идея проиллюстрирована в «больших» Страстях и примером из ветхозаветной истории: убеждая Нерона не слушать речи Симона, Петр вспоминает о египетских магах Иамнии и Мамрии, подтолкнувших фараона к преследованию народа Божьего, предводительствуемого Моисеем и Аароном, что привело к гибели и царя, и войска.

Если в «Мученичестве Павла», архетип которого складывался в эпоху острого антагонизма Империи и Церкви,¹ Нерон представлен воплощением зла, главным противником веры Христовой, иначе говоря — антихристом,² то в «Страстях Петра и Павла» ему отводится иная роль: он не умен, взбалмошен, порочен, но у него нет предубежденности против христиан и самодовлеющего желания преследовать их, он честно пытается разобраться, на чьей же стороне истина. Беда императора в том, что он позволил одурачить себя Симону Магу. Антихристом, т. е. антиподом Христа, в «Страстях» оказывается не верховный носитель имперской власти, а «исполненный демонизма Симон», о чем прямо заявляет апостол Петр. «Во Христе, — говорит он, — явлено полное единство Бога и человека, и осеняет Его та сила, которой через человеческую природу надлежало на помощь людям прийти. И в Симоне тоже две сущности — человека и дьявола, алчущего с помощью человека людей в сети завлечь».

¹ Этот антагонизм преобладал в их отношениях на протяжении всего доникейского периода, несмотря на стремление большинства христианских авторов II—III вв. подчеркивать лояльность «нового Израиля» Империи. Характерно, что христианские высказывания об императорах отличались двойным стандартом: в книгах, обращенных к язычникам, о них говорилось с подчеркнутым уважением, в литературе же, предназначенной «для внутреннего пользования», всем им без исключения предрекались «рыдания в безднах ада». Сравни, напр., «Апологию» Тертуллиана (гл. 30-35, 39) с его же трактатом «О зрелищах» (гл. 30).

² Согласно одному из толкований, получившему распространение уже в I-II вв. и поддержанному Иринеем Лионским, под «числом зверя» (шестьсот шестьдесят шесть) в Апокалипсисе Иоанна Богослова (13:18) скрыты слова «Нерон Кесарь». Подробнее см.: *Козаржевский А. Ч.* Источниковедческие проблемы раннехристианской литературы. М., 1985. С. 86-87. В III в. Нерона открыто называли Антихристом и церковные писатели, и апокрифическая литература. Ипполит Римский в трактате «О Христе и антихристе» (ок. 200 г.) называет Римскую империю «скверной блудницей», а носителя ее верховной власти прямо отождествляет с антихристом (гл. 29, 49, 58).

Кроме того, и в «больших», и в «малых» Страстях присутствует идейная подоплека, связанная с внутрицерковной полемикой. После перенесения столицы Империи в Константинополь перед Римской кафедрой открылась реальная перспектива утраты первенствующего положения в христианском мире. Не желая признавать постановлений II Вселенского собора (381г.) о равном достоинстве Римского и Константинопольского епископов, Римская церковь наряду с традиционным для нее возвеличиванием апостола Петра стала исподволь предпринимать шаги к умалению личности и заслуг другого «первоверховного» апостола, на авторитет которого стремился опереться соперничающий с Римом Константинополь. И потому Павлу отводится в «Страстях» роль почти что безмолвствующего статиста, он выглядит фигурой настолько бесцветной и безынициативной, что Нерон даже делает предположение о его слабоумии. И если в пространной версии Павел самостоятельно действует хотя бы в первых главах, то в «малых» Страстях нет и этого. Петр же представлен в обоих апокрифах безусловным лидером, который принимает решения, дает Павлу указания и проносит самые ответственные монологи. На особое избранничество Петра откровенно намекает и его способность творить чудеса, подобные тем, какие совершал сам Христос, — изгонять бесов, возвращать слепым зрение и воскрешать мертвых, в то время как роль Павла сводится лишь к проповеди Слова Божия. Устами Павла автор «больших» Страстей декларирует первенство старейшего из апостолов и особую его близость к Христу (гл. 52). Петр представлен в них как глава Вселенской церкви, к которому пишут «всех городов епископы» (гл. 39).

В «Страстях Петра и Павла» «экспериментально» и «наглядно» решается проблема, чрезвычайно волновавшая древних христиан: каковы различия между чудом и волшебством, чародейством и чудотворчеством? Судя по этим апокрифам, на западе христианского мира в позднеантичную эпоху сохранялись практически те же представления о «технологии» чародейства, которые были свойственны греко-римской языческой ментальности. Во всяком случае, набор магических действий Симона Мага и техника их осуществления аналогичны описанным в сочинениях Лукиана, Апулея и Гелиодора.¹ Неожиданно появляющиеся в VII главе «малых» и в 27 главе «больших» Страстей псы-призраки тоже представляют собой «реалии» языческих верований. Эти «собачки» считались постоянными спутниками богини колдовства Гекаты во время ее ночной охоты среди могил и мертвецов. Геката же выступала ночным коррелятом Артемиды-Дианы,² святилище которой вплоть до V в. н.э. существовало в Ариции, откуда, согласно «Деяниям Петра» (гл. IV), в Рим прибыл Симон Маг и куда по версии «малых» Страстей после гибели отправили его тело.

¹ Хотя в произведениях Лукиана и Апулея вера в магию беспощадно высмеивалась, описанные этими авторами суеверия были реальной чертой современного им общества. Судя по «Любителю лжи» (13) и «Метаморфозам» (II, 1), наиболее расхожим представлением о магии была вера в умение чародеев заставлять статуи и картины ходить и смеяться, а также переносить по воздуху то, что естественным образом не летает. Важной сферой деятельности магов считалась также некромантия (см.: *Гелиодор*. Эфиопика, VI; *Апулей*. Метаморфозы, II, 25-27). Чародейство, по общему убеждению, требовало укромного темного места, освещенного не более чем одним светильником (см.: *Апулей*. Апология, или Речь в защиту самого себя от обвинений в магии, 42, 47; Метаморфозы, III, 21; сравн.: «малые» Страсти, гл. II), а сами магические заклятья следовало произносить шепотом или очень тихим голосом. Апулей рассказывает, что даже молитва, обращенная к богам прилюдно, в обычном храме, но произнесенная слишком тихо, могла повлечь за собой обвинение в магии (Апология, 47, 54). Большая роль в магических действиях отводилась специальным снадобьям. Считалось, например, что кровь убитого или казненного обладает огромной вредоносной силой (см.: Метаморфозы, III, 17; сравн.: «малые» Страсти, гл. II).

² Мифы народов мира, М., 1987. Т. I. С. 269. См. также: Лукиан. «Любитель лжи», 22-24.

Вместе с тем, из текста обеих версий явствует, что христианская трактовка магических действий принципиально отличалась от языческой. В языческом понимании волшебство было своего рода «незаконным» чудом, совершаемым с нарушением освященных обычаев правил, по прихоти мага и вопреки воле богов, вынужденных подчиниться его «страшным заклятьям».¹ При этом результаты магических действий мыслились как вполне реальные и стабильные. Если тазовыми признавались неурожай, болезнь или смерть, маг подлежал самому суровому уголовному наказанию.² Христианское сознание переосмыслило принцип «незаконности» как обращение за сверхъестественной помощью не к Богу, а к дьяволу и, судя по публикуемым памятникам, подвергло сомнению стабильность результатов колдовства или даже их

реальность. Большинство сверхъестественных свершений Симона — это *лже*чудеса, автор трактует их либо как тривиальный обман (история с обезглавленным бараном), либо как мираж, когда в действительности ничего не происходит, но есть некая «кажимость» происходящего: «*показалось*, будто двигает головою мертвец»; «*привиделись* псы огромные». Однако некоторые из лжечудес преподносятся в качестве событий вполне реальных: «Бывало — велит себя закопать и тотчас парящим в воздухе появлялся», — говорит о Симоне автор «больших» Страстей. Каменные и медные статуи, по его словам, действительно ходили и смеялись (гл. 11). «Ложность» чудес в этом случае, очевидно, обусловлена их «незаконностью». Но главное в авторском понимании чародейства состоит в том, что его результаты мимолетны или недолговечны и потому мало чем отличаются от наваждения. («Волею Божьей ничего от волхований его кроме неистовства не остается»; «Если и совершил он что, то лишь в мороке наваждений и на краткий миг».)³

¹ См.: *Апулей*. Апология, 61-64; *Метаморфозы*, III, 15, 18; IX, 29. О принуждении чародеями богов говорит также Флавий Филострат в «Жизнеописании Аполлония Тианского», см., напр.: VIII, 7.

² См.: *Апулей*. Апология, 47.

³ Очевидно, такой взгляд на чародейство был характерен не только для автора этого апокрифа. В «Деянии Петра с Синомом» (гл. 31) о лжечудесах Мага сказано: «И казалось, что мертвых он возвращает к жизни, и на мгновение пробуждались они».

Истинное же чудо совершается вследствие обращенной к Богу молитвы и не по прихоти чудотворца, а Божьим соизволением.¹ Оно не требует никакого дополнительного «оборудования», и результат его долговечен.

¹ Петр после воскрешения отрока подчеркивает, что воскрес тот по воле Иисуса Христа. Апостолы говорят Нерону: «*Не мы изблещим Симона, но Бог наш Иисус Христос*».

Такое понимание христианского чуда господствует в публикуемых апокрифах. Но наряду с ним в обеих версиях присутствует и иное его понимание, сохранившее сильный оттенок языческих представлений о чародействе. Приказывая демонам, несущим в небе Симона, немедленно бросить его, Петр действует по собственной воле, а сверхъестественные силы (демоны) повинуются ему, будучи не в состоянии противиться страшному для них заклятью. Ситуация, таким образом, довольно точно воспроизводит языческую модель чародейства, и смертный приговор, вынесенный Петру как магу, чьи заклинания привели к гибели человека, абсолютно справедлив с точки зрения римского законодательства.

При всей фантастичности сюжета «Страсти Петра и Павла» отразили реальные обстоятельства распространения христианства в Риме, и в частности — острые столкновения между иудео- и языко-христианами. По некоторым данным, численность столичной общины иудеев достигала уже при Тиберии десяти тысяч человек,¹ что благоприятствовало раннему проникновению туда христианства, но одновременно создавало большие сложности для принятия тамошними неопитами линии на решительный разрыв с религиозно-бытовыми предписаниями Закона, наиболее активным проводником которой был Павел. Не случайно пространная версия начинается сценой его объяснения с римскими иудеями, упрекающими апостола язычников в том, что он, «будучи сам обрезан, веру обрезания отвергает». Впрочем, приводимые автором упреки и аргументы иудео-христианской полемики отличаются деликатностью и, вероятно, сконструированы им самим.² Из сочинений раннехристианских писателей (Иустина, Ириней, Оригена) известно, что в действительности такие споры носили куда более острый характер, а обвинения, звучавшие с обеих сторон, были весьма болезненны и оскорбительны для оппонентов.³ Хотя в текст «больших» Страстей включено апокрифическое послание Пилата, где вина за казнь Христа возлагается на иудеев, автор отнюдь не склонен нагнетать антииудейские настроения. Более того, подстрекателем и глашатаем антииудаизма в его сочинении представлен лжец и совратитель душ Симон.

¹ См.: *Shotwell J. T., Loomis L. R.* The See of Peter. N.-Y., 1991. P. 126, not. 23. Такая оценка вполне согласуется со свидетельством Евсевия Кесарийского о восьмидесяти тысячной иудейской общине Рима при Октавиане Августе.

² В «Деянии Петра с Синомом» о спорах между Павлом и учителями Закона упомянуто лишь вскользь: «Часто, бывало, спорил Павел с учителями иудеев и побеждал их, ибо Христос, на которого их отцы руки наложили, отменил субботу, праздники и обрезание...»

³ Об антииудейских выпадах христиан дает представление обличительная речь Ханании в карфагенской синагоге (см. «Историю Филиппа», гл. 6). Иудеи, со своей стороны, «награждали» Христа следующими эпитетами: «сын плотника и блудницы», «осквернитель субботы», «одержимый бесом самаритянин, чье тело выкрали ученики, чтобы пошел слух, будто он воскрес, и которого огородник оттащил подалеже, чтобы толпы посетителей не вытоптали его грядки с салатом» (см.: *Тертуллиан. О зрелищах*, 30).

По всей видимости, публикуемые апокрифы адресовались самым разным социокультурным слоям. Многочисленные элементы комизма должны были обеспечить им популярность и в кругах интеллектуалов, и среди полуграмотного плебса. И все же у каждого из них имелся свой собственный социальный адресат. Хотя в основе обеих версий лежит один и тот же сюжет, уровень и способы его художественно-стилистической разработки далеко не одинаковы. Пространная версия — произведение изощренно литературное, построенное по принципу сатуры — одного из сложнейших жанров римской словесности. Сатура¹ предполагала соединение стилистических приемов разных литературных форм, и в частности — чередование высокого стиля философско-моралистического увещания (или обличения) и просторечной словесной перепалки. В соответствии с ее требованиями господствующий в первых главах апокрифа эпически-возвышенный тон вскоре исчезает, и вместо него все отчетливее начинают звучать комические нотки, которые порой, заглушая все прочие интонации, придают действию оттенок буффонады. Их «разноголосие» внезапно прерывается высокопарным монологом, за которым опять следует стремительная словесная перепалка.

¹ «Satura» (лат.) буквально — «смесь», «всякая всячина».

Местами апокриф невозможно воспринимать иначе, чем сценарий, предназначенный для ателланы — древнеримского народного театра с четырьмя постоянными типажными-масками: пройдохи Макка, злюки-сластолюбца Буккона, старика Паппа и учителя Доцеина. При этом первые две маски предназначаются Симону Магу и императору Нерону, а две другие — Петру и Павлу. Старейшина апостолов Петр — это Папп, имя которого образовано от латинского слова *pappus* — дедушка, а проповеднику и «учителю народов» Павлу отведена роль Доцеина (от лат. *docens* — обучающий, проповедующий). С ателланой Страсти сближает и нерасчлененность в них комического и трагического. Все это подводит к выводу, что оригинал «Страстей Петра и Павла», по всей видимости, был написан на латыни, а сохранившая их греческая версия является всего лишь переводом-парафразом.¹

¹ К тому же в латинском тексте этих апокрифов нет тех специфических конструкций (типа *Genetivus absolutus*), которые обычно служат признаком перевода текста с греческого. Существующий еще с XIX в. (см., напр.: *Shotwell J. T., Loomis L. R., Op. cit. P. 174, not. 115*) взгляд, согласно которому греческий был языком оригинала, до сих пор остается практически не аргументированным.

Подражание ателлане присутствует и в «малых» Страстях, во многих других отношениях заметно отличающихся от «больших». В научной литературе высказывалось мнение, что они представляют собой сокращенную переработку пространной версии. Если это и так, то следует подчеркнуть ее творческий характер. Автор краткой версии, по существу, написал новое сочинение на тот же сюжет. Оно значительно менее идеологизировано и в доктринальном, и в политическом отношении, в нем почти отсутствуют вероучительные инсталляции, а развлекательное начало господствует. Приемы и способы смехообразования в нем тоже иные. Если в «больших» Страстях комическая ситуация чаще всего возникает в результате сопряжения напыщенных и нелепых заявлений Симона с хлесткими ответными репликами Нерона и апостолов, то автор «малых», как правило, старается рассмешить читателя грубоватой двусмысленностью. По-разному расставлены в апокрифах смысловые и назидательные акценты. В пространной версии Нерон вплоть до полета Симона не поддерживает ни одну из спорящих сторон, но в конце концов все же оказывается жертвой обмана, из-за того что поверил лжечудесам мага. В «малых» Страстях Симон почти с самого начала оболещает императора, воспользовавшись его порочностью. Заложена здесь мораль: пороки людей — путь к овладению антихристом их телами и душами, в пространной версии отсутствует. (Примечательно, что ни в том, ни в другом апокрифе расправа над апостолами уже не мотивируется утратой властителями любимых женщин вследствие их обращения в

христианство, хотя само упоминание об этом факте в пространной версии сохранилось. Этот, столь обычный для греческих апокрифов (вспомним «Деяния Павла»), мотив почему-то исчезает в латиноязычных.)

Стилистика «малых» Страстей проще, словарь беднее, шутки и скабрзные намеки автора явно рассчитаны на не слишком взыскательные вкусы, и потому мы вправе думать, что их адресатом было в первую очередь простонародье.

Нужно сказать, что вторичность «малых» Страстей по отношению к «большим» совсем не очевидна. По некоторым признакам они создавались независимо от пространной версии, хотя и позже нее.¹ В главе XI «малых» Страстей упоминается город Ариция, куда после гибели Симона отвезли его тело. Согласно древним «Деяниям Петра», именно из Ариции Симон Маг прибыл в Рим. В тексте же «больших» Страстей этот город ни разу не упомянут. Кроме того, в главе X «малых» Страстей Симон жалуется Нерону на то, что «его избили галилеяне». В пространной версии об этом ничего не сказано, зато в «Деянии Петра» побои Симона описаны обстоятельно и колоритно. Наконец, в главах VIII—IX «малых» Страстей рассказывается о воскрешении Петром мертвого юноши. В этой сцене есть дословные совпадения с аналогичным эпизодом «Деяний Петра». Из полутора десятков манускриптов, которые были использованы Р. Липсием для публикации «больших» Страстей, такой сюжет имеется лишь в одном, причем далеко не самом древнем, что позволяет видеть в нем позднейшую вставку. Иначе говоря, автор краткой версии в качестве источника должен был использовать либо сами «Деяния Петра», либо какую-то их обработку.

¹ Последовательность, в которой публикуются эти памятники, продиктована тем, что читателю, уже знакомому с пространной версией, вряд ли была бы интересна краткая.

Поскольку ателлана была излюбленным зрелищем римского простонародья, правомерно предполагать, что автор предназначал свое сочинение жителям Рима и учитывал при этом их вкусы. Подтверждением в данном случае может служить целый ряд топографических указаний, подразумевающих хорошее знание Вечного города и его округи. В апокрифе, например, говорится, что Павел был обезглавлен близ Белых Вод у третьего милевого столба по дороге Остию. В «Мученичестве Павла», как мы помним, подобные указания отсутствуют.

Судя по христологии памятников, зафиксировавшей халкидонский догмат,¹ они могли быть созданы не ранее второй половины V в. Отсутствие же в них каких-либо упоминаний о Деве Марии заставляет отнести их появление к тому времени, когда мариологические споры уже утратили актуальность и отошли в прошлое. Хорошая, порой даже изысканная, латынь «больших» Страстей дает основание думать, что едва ли они были созданы позднее середины, в крайнем случае второй половины VI в. Примерно в тех же хронологических рамках могли быть написаны и «малые» Страсти.

¹ Наиболее показательна в этом отношении глава 22 «больших» Страстей.

Перевод с латинского выполнен по изданию Липсия-Бонне: Acta Apostolorum Apostolica, v. I, p. 119-177; 223 -234.

СТРАСТИ АПОСТОЛОВ ПЕТРА И ПАВЛА (КРАТКИЕ)

I. В те дни, когда пришли в Рим блаженный Петр и Павел, ученики Господа нашего Иисуса Христа, принимали их волею Божией разные [люди] надежные, искренне во Христа уверовавшие. И бывали часто они в доме некоего родича Понтия Пилата, с которым познакомились, когда Пилат был наместником в Иудее.

А вскоре после того, как императором стал Нерон, привели к нему человека именем Симон. Был сей маг не слишком учен, однако ж весьма искусен во всяком выверте своего ремесла. И узнав об этом, приказал Нерон император, чтобы воины стерегли покрепче его; но, владея искусством наваждений, все же исчез он куда-то. Диву дался император Нерон, услышав, что Симон, которого он велел под стражей держать, уж исчез куда-то. А через несколько дней, когда направлялся Нерон приносить жертвы своим богам, глядь: возник вдруг перед ним Симон маг и говорит:

— Уж не струсил ли чего, государь император, коль ищешь ты меня? Вот он я, Симон, которого приказал ты на днях воинам стеречь. Не считай меня беглецом и, найдя, казнить не

вели, сам я тебе предаюсь.

Говорит ему Нерон император:

— Нечего тебе бояться. Разгуливай на свободе и во дворце у меня почаще бывай.

II. Обрадовался тут Симон и от Нерона уж не отходил. И, беседа с ним, спросил император:

— Скажи мне на милость, что за человек ты и откуда родом будешь?

Отвечал Симон:

— Родом я из Финикии, послан с востока Высшей Силой, дабы поверили иудеи в то, что говорил я им. Они же не только верить не пожелали, но и к кресту меня пригвоздили, а я через три дня воскрес из мертвых. И дабы убедился ты, что говорю я тебе правду, вели прийти одному из стражников и на твоих глазах снести мне голову, тогда узнаешь, на что я способен.

Не поверил отнюдь Нерон словам этим, однако настаивал тот и горячо убеждал и потому пришел стражник. Говорит ему Нерон император:

— Ступай отруби ему голову и посмотрим, точно ль он Высшей Силой послан.

Говорит тут Симон Нерону:

— Вели сделать это в темном и отменно чистом месте, чтобы никто не надругался над кровью моей и вам какого-нибудь зла или несчастья не причинил.

И пошел стражник в темницу, куда принесли горящий светильник, чтоб мечем голову Симона отрубить.¹ А Нерон, призвав постельничего своего, говорит:

¹ Вариант: «*пошел...и ...отрубил*».

— Положите в корзину ту голову и заплетите сверху, я ее перстнем своим опечатаю и в спальне поставлю.

Так и было сделано.

А на другой день говорит Нерон постельничему своему:

— Давай-ка осмотрим голову человека этого. Должно быть, наврал он нам со страха и решил с достоинством умереть, потому что не в силах был доказать, будто он и есть тот знаменитый Христос.

Принес постельничий корзину; нашел и опознал император Нерон печать свою, а открыв, обнаружил голову баранью, которая по волшебству вдруг куда-то исчезла.² Принялся тут Нерон восхищаться и велел сенату собраться, и рассказал всем о случившемся, и многие тоже восхищались.

² Латинское слово *arietinus* одновременно означало и «бараний», и «двусмысленный, кажущийся обманной». Возможно, эпизод с бараном навеян упоминанием в «Деяниях Петра» города Ариции, откуда Симон прибыл в Рим и где существовало святилище Дианы, ставшее в IV—V вв. центром языческой оппозиции христианству. Прилагательное, образованное от этого топонима, на слух практически не отличалось от слова «бараний — обманной», что, вероятно, давало повод для шуток и постоянно обыгрывалось в христианской среде.

III. А на третий день, когда входили в курию Нерон и сенат, появился вдруг среди них Симон и, поклонясь императору, сказал звонким голосом:

— Я тот, кого третьего дня ты велел обезглавить; смотри же: воскрес я!

Пуще прежнего стал восхищаться Нерон и все, кто с ним там был. И повелел он воздвигнуть Симону статую за сей подвиг.

Говорит тут Симон:

— Много чего я вам теперь покажу, дабы поняли вы, что Высшей Силой я послан.

Отвечал Нерон император:

— Дозволяется ничего не делать тебе, ибо и так уж я верю, что способен ты все совершить, чего пожелаешь.

И еще много чего сказав, удалился потом Нерон к себе во дворец, повелев, чтоб и Симон с ним шел. А когда внутри они оказались, вошли в спальню поукромнее; и уж не знаю, что за странные и волшебные наставления Симон Нерону делал, но показал ему все, на что горазд и в чем ловок был.

IV. А на другой день взял за руку Симона Нерон и проследовали вместе они в курию. Усевшись же, сказал так сенату Нерон:

— Отцы сенаторы, великого человека бог отчизне нашей послал. Это тот, кого бичевали

иудеи и смерти предали.

И поскольку все изумились, сказал Симон:

— Если кто из вас хочет узреть родича своего или кого-нибудь из друзей своих, которых лишился давно, пусть мне скажет, и явятся тотчас.

Меж тем присутствовал там один из родственников Пилата, живший в Иудее, когда Понтий Пилат там службу нес. И поняв, что не Христос это вовсе, молвил он так:

— Превосходнейший император, хоть и знаком хорошо я с делом, которое в Иудее случилось, однако ж, этого человека не знаю. Положим, в словах его кое-что и похоже на правду, но позволь допросить мне его публично о том, что известно мне, и распознаю, в самом ли деле Христос он или же нет.

Отвечал император Нерон:

— Допроси его, коли мерещится тебе что-то.

Говорит тогда Симону Пилатов родич:

— Как зовут тебя?

А тот в ответ:

— Аз есмь Христос, коего, бив плетьюми, иудеи распятью предали.

И убедившись, что не Христос это вовсе, а Симон Маг, молвил тот:

— Лжешь! Ты ведь Симон Маг. Теперь-то тебя я вполне признал. Прежде ты закона христианского держался, но посрамленный Петром, который и впрямь был учеником Христовым, ушел ты из Иудеи. Всем можешь врать, да только не мне, ибо все, что случилось там, прекрасно я знаю.

И затем к императору повернувшись, молвил он так:

— Прошу тебя, государь император, поскольку обретаются здесь, в городе вашем, Петр с Павлом — ученики Христа этого, прикажи им прийти, чтобы они с ним друг друга опознали.

А смущенный Симон зашептал императору:

— Вели, пусть придут, и если точно это Петр с Павлом, признают они меня.

Говорит Нерон император:

— Отыщите их и велите назавтра к нам явиться.

V. А выйдя из курии, вдруг увидал император, что собралась перед ней толпа большая, и спросил — что случилось? Отвечали ему:

— Да ведь тот, кто внутри перед вами речи держал, так же и к народу здесь речи держит, и те же слова, что говорил перед вами, народу теперь говорит.

Изумился император Нерон, и весь сенат с ним: как это Симон одновременно в чертоге пред императором находился и снаружи к народу речь держал. И воздавая Высшей Премудрости, повелел Нерон, чтобы и вторую Симону статую воздвигли — о двух лицах: одно к сенату обращенное, другое — к народу.

VI. Вошел на следующий день Симон в опочивальню Нерона, ибо сделался наилюбезнейшим для него, и молвил:

— Здесь уж те двое, которых родич Пилатов великими почитает. Но, послушай-ка, император, не должно им больше жить, ибо взбудоражили они всю Иудею. Да и не те это вовсе Петр с Павлом.

Велел все же Нерон, чтоб сенат собрался, и чтоб Петра с Павлом туда привели. И спросил он их:

— Как зовут вас?

Отвечали те:

— Петр и Павел, ученики мы господина Иисуса Христа.

Нерон же, на Симона им показав, спросил:

— Этого человека знаете?

Отвечали они:

— Еще как знаем мага порочного!

И, ухмыльнувшись, спросил Нерон:

— Ну и как же зовут его? Отвечали те:

— Симон. Приходил он к нам и, крестившись, хотел за деньги благодать Божию обрести,¹ но проклятый за это и порицаемый ушел он от нас на свою погибель. Ибо не тот Христос, кто Христом себя называет! И если других он своими каверзами оболъщает, уж нас-то никак обмануть не сможет.

¹ См.: Деян. 8:19 сл.

Говорит Нерон император:

— А что это за Христос, чьими учениками себя вы назвали?

Отвечали ему Петр с Павлом:

— Коли хочешь узнать о том, прочитай обо всех его деяниях добрых и учении, и о подлинных и преславных чудесах его, и откроешь тогда [истинного] Христа. Этот же — зол и лукав.

VII. Говорит Нерон император:

— Да и этот при мне много чудесного совершил и все, что хотел я, тотчас показывал мне.

Говорят Петр и Павел:

— Если и совершил он что, то лишь в мороке наваждений и на краткий миг, а чего-либо путного он и прежде не делал и не сделает никогда.

Говорит тут Симон:

— Ну-ка скажи Петру, что сейчас я сделать задумал. Петр же молча взял хлеб и, в рукаве его спрятав, сказал Симону:

— Делай, что замышляешь, дабы узнали все, что любое деяние твое — мнимость.

Тогда, быстро подняв руку, потрянул пальцами Симон, и внезапно привиделись словно бы псы огромные и ринулись на Петра и Павла, так что все отпрянули в ужасе. Но едва бросил Петр хлеб наземь, сгнули тотчас куда-то псы-призраки. И сказал Симону Петр:

— Коли сотворил ты истинное, почему же хлеб нетронут остался в руке твоей¹ и, не сожрав его, исчезли они?

¹ Явные сюжетные неувязки в тексте апокрифа, скорее всего, являются следствием соединения переписчиком нескольких его версий или редакций. Можно предположить, что в какой-то из них Симон приманивал хлебом псов-призраков из потустороннего мира. См. комментарий к гл. 27 «больших» «Страстей».

А император Симону Магу так сказал:

— Видно, побеждены мы.

Говорит тут Симон:

— Послушай-ка, император превосходный, они ведь потому знают, что однажды уж показал я им это.

Обернулся тут к Павлу Нерон и говорит ему:

— Что скажешь, Павел?

Отвечал ему тот:

— Коли не избавишься ты поскорей от этого человека, великая беда в твоём отечестве разразится.

VIII. И случилось так, что умер в то время некий знатный отрок, родственник Цезаря самого. Многие о нем в городе горевали, а большинство просило об испытании — любопытствуя, сможет ли Петр воскресить мертвого юношу, ибо, хоть и с трудом верили ему язычники, однако в таких делах и у них он слыл большой знаменитостью. Иные же говорили, что Симона надо позвать, пусть воскрешает он, если сможет. В конце концов, туда, где тело лежало, привели обоих. И обратясь к собравшимся там сенаторам, которые перед тем у Нерона были и желали знать, сможет ли кто из них двоих юношу воскресить, сказал Петр так:

— Пусть первым пробует тот, кто твердит, будто он сильнее, и с помощью той силы, о которой говорит, воскрешает мертвого.

Тут и Симон условие выставил: если сам он мертвого воскресит, пусть немедленно будет казнен Петр, если же одолеет Петр, приговор на Симона обратится. Ничего не ответил на это апостол.

И подойдя к ложу усопшего, стал выкрикивать и бормотать Симон заклятья ужасные, и по прошествии долгого времени показалось, будто двигает головою мертвец. И тотчас раздался громкий вопль всех, кто был там — мол, воскрес уж отрок. А потом все к Петру бросились, негодуя и гневаясь, как посмел он тягаться с таким могуществом.

IX. Тогда святой Петр апостол, попросив тишины, молвил:

— Если покойный жив, пусть откликнется. И уж коль воскресили его, пусть встает, ходит и говорит. Не реальность это, а наваждение. Померещилось вам, будто головою он двигал.

А потом еще говорит Петр:

— Удалите-ка от ложа Симона, и поглядим тогда, сможет ли еще раз шевельнуться мертвый.

Когда же сделали так, оставалось безжизненным тело, как прежде было. Отступил тут Петр подалее от ложа и, сотворив про себя слезную молитву, громким голосом произнес:

— Встань, отрок! Да исцелит тебя господь Иисус Христос!

И тотчас встал отрок, и говорил, и ходил, и пищу вкушал. И передал его матери Петр. Когда ж попросили Петра, чтобы не покидал он отрока, молвил апостол:

— Не тревожьтесь, не будет он Тем покинут, Кто велел подняться ему.¹

¹ Вариант: *«Не будет он Богом покинут, Который велел подняться ему, мы же всего лишь рабы Его. Будь спокойна за сына, мать, и не тревожься. Есть страж у него!»*

Ринулся тогда весь народ на Симона, чтоб камнями его побить, но сказал Петр:

— Пощадите! Уж и того не мало ему, что знает теперь, сколь бессильно его искусство. Пусть живет в магах и видит, как прирастает царство Христово, и терзается завистью день изо дня.

Х. А тот, прибежав к Нерону, сказал, что не может больше в городе оставаться, ибо побит уже был галилеянами и потому собирается улететь, и будто б на небо вознесется, и просил императора, чтоб построили башню ему деревянную и на Капитолийском холме поставили.

И вот, в назначенный день собрался народ весь от мала до велика смотреть, как обещанное Симон исполнит. И велел Нерон, чтобы не уходили Петр с Павлом, но приведены на это зрелище были. И сказал он им:

— Что-то грандиозное готовится совершить тут Симон. И хоть верю теперь я, что все делать он будет с помощью трюков обманых, однако ж и вашу хочу силу видеть, дабы разобратся, с небес ли она исходит.

Говорят ему Петр и Павел:

— Люди мы, и нет у нас иной силы, кроме Бога нашего, который также и на глазах всего народа посрамить Симона может.

И обернувшись к Павлу, сказал Петр:

— Помолимся, став на колени, Господу нашему.

И стали они так молиться, и молвил Павел Петру:

— Крепись, ибо близок исход наш из юдоли сей.

Услышав это, говорит Нерон:

— И куда ж это вы из-под власти моей уйти собрались?

Отвечал Павел:

— Не ведаем мы воли Господа и того, куда велит Он идти нам. Знаем только, что скоро уйдем.

Говорит тут Симон:

— Превосходнейший император, дабы знал ты, что обманщики они, ныне докажу тебе это.

А Нерон ему:

— Исполни-ка то, что затеял, и сделаю с ними все, что захочешь.

XI. И вот, забрался Симон на башню и, раскинув руки, ввысь полетел. И увидев это, завопил неистово весь народ. Говорит тут Нерон Петру с Павлом:

— Видите, ведь и впрямь Высшей Силой послан тот, кого вы магом считали. Уж скорей сами вы [душ] людских обольстите.

Молвил Петр:

— Знаем, что немного — еще и у Христа мы будем.

Говорит им Нерон:

— Все в пустословии своем усердствуете? Я смотрю: он уж неба почти достиг, вы же доселе твердите, будто обманщик он.

Говорит Павел Петру:

— Устреми очи свои и помыслы к Богу и молись. Когда же, обливаясь слезами, поднял голову Петр и увидел, сколь восхищен Нерон парящим в воздухе Синомом, молвил ему Павел:

— Ну что, Петр, слуга Христов? Погубит сегодня нас нечестивец сей, коли Симона власть и впрямь одолеет.

Услышав это, засмеялся над ними Нерон и сказал:

— Да уж они обезумели!

Отвечал ему с великой твердостью Петр:

— Скоро убедишься, император, что в своем мы уме.

Говорит Павел Петру:

— Моли усерднее Бога Всемогущего, дабы явил он власть свою и козни врага разрушил.

И опять обратив лик свой к небу и воздев руки, воскликнул Петр:

— Богом Отцом всемогущим и Сыном Его Иисусом Христом заклинаю вас, демоны, несущие Симона, немедля бросить его! А не то подумают все, будто он мира сего спаситель.

И едва он это сказал, рухнул Симон с небес на землю и пополам треснул. Но дух испустил не сразу, дабы паденье и гибель свои осознал, и, хоть тело его искалечено и разбито было, отнесли его в местечко Ариция. А немного спустя низверглась душа его вместе с дьяволом в геенну.

ХII. Когда уразумел Нерон, что обманут он и покинут, скорбел и в грудь себя бил, сокрушаясь о падении друга этакого — мужа, и государству нужного, и для него самого пригожего. И, негодуя, стал он поводов для казни Петра искать.

А так как пришло время святым апостолам к Господу своему призываться и уже дано повеление было схватить их, просили многие христиане Петра, чтоб перебрался он в другое место. Он же противился им, говоря, что не настолько он вовсе страхом смерти напуган, дабы бежать вознамерился; и что счастье это — претерпеть за Христа, который Себя за всех в жертву принес. И непрестанно учил он, что смерть за Христа — не смерть, но бессмертье, и жизнь вечную еще настойчивей проповедал. И многое другое говорил Петр тем, кто ему бежать предлагал. Однако люди к этому его побуждали, дабы не оказался он среди неистовств бури языческой. Наконец, растроганный общим плачем, уступил Петр и обещал, что уйдет из города.

И вот, в ближайшую ночь, простившись со всеми на многолюдном молебствии и оставив всю паству с Павлом, отправился он в одиночестве. Но, едва у городских ворот оказался, видит: навстречу ему Христос. И с великой радостью почтив его, спросил Петр:

— Куда шествуешь, Господи?

Отвечает ему Иисус:

— Иду, чтобы снова распяту быть.

И понял тут Петр, что о его собственных страстях это сказано и что Христос, который в каждом мученике своем узнаваем, ныне в его лице претерпеть должен.

И возвратясь в город, пришел он туда, где обретался прежде, и на следующий день схвачен был сыщиками вместе с сотоварищем своим Павлом.

ХIII. А Нерон, меж тем, все тело Симона караулил, думая, что, как и в прошлый раз, воскреснуть он сможет.

Но когда узнал, что уже гниением и зловонием он охвачен, повелел зарыть части тела его. И распалась великим гневом на Петра с Павлом, сказал префекту Рима Клименту:

— Отец Климент, распоследние безбожники эти люди. Если мы и дальше их терпеть в живых будем, могут они религию нашу совсем погубить. Вот бы заставить их, чтоб взяли они крючья железные да и растерзали друг друга!¹

¹ Как явствует из гл. 58 «больших» Страстей, замысел Нерона заключался в том, чтобы сделать Петра и Павла участниками потешного (для зрителей) морского сражения — разновидности гладиаторских боев.

А префект Климент говорит:

— Превосходнейший император, поскольку Павел не таким уж безбожником кажется, пусть и погибнет иначе.

Говорит Нерон император:

— Пусть так погибнут они, как ты желаешь.

Вынес тут приговор свой префект Рима Климент, сказав:

— Да будет противник законов империи Римской Павел лишен головы; Петра же, чьи заклятья причиной убийства стали, распять следует.

Упросил Петр, чтобы распяли его вверх ногами, ибо считал, что не достоин он быть распятым так же, как Господь и учитель его Иисус Христос, Сын Божий, распят был. И приняли они муки в третий день июльских календ, в консульство Пизона и второе Нероново. И были они на небо взяты, а Симон в преисподнюю низвергнут.

И воистину, те, кто во Христа верит, всегда живы пребудут с Ним во славе непреходящей во веки веков. Аминь!

СТРАСТИ СВ. АПОСТОЛОВ ПЕТРА И ПАВЛА (БОЛЬШИЕ)

1

Когда пришел Павел в Рим,¹ собралось к нему все [тамошние] иудеи и говорили:

¹ В греческой версии добавлено: *«из Испании»*.

— Защити веру нашу, в коей и сам ты рожден. Ведь нелепо это, что, евреем будучи, из евреев придя, объявляешь ты себя учителем язычников и, хоть сам ты обрезан, веру обрезания отвергаешь. А как увидишь Петра, восстань на учение его, ибо отринул он всякое почитание закона нашего, перестал субботу и новолуние соблюдать и законные праздники пустыми буднями сделал.

2

Отвечал им Павел:

— В том, что я иудей и иудей истинный, убедиться вы сможете, когда и субботу будете соблюдать, и обрезание вернуть сумеете, ведь в субботний день даже Бог от всех трудов отдыхал. Есть у нас праотцы и патриархи, и Закон. Что же такое проповедует Петр в царстве язычников? А коли захотел он вдруг новое какое-то ученье ввести, пошлите за ним без волнений, без злобы, без шума, дабы свиделись мы, и на ваших глазах изобличу я его. Но если станется вдруг, что подкреплено ученье его Заветом и книгами иудеев, надлежит нам всем ему подчиниться.

3

И услышав от Павла это и подобное этому, отправились иудеи к Петру и сказали:

— Пришел из евреев Павел, и просит тебя он прийти к нему, ибо те, кто привел его, говорят, что, покуда Цезарю его не представят, не может он сам отлучаться к тому, кого видеть желал бы.

Услышав это, обрадовался великой радостью Петр и, поднявшись, отправился тотчас к Павлу. И увидевшись, зарыдали они от радости и, заливаясь слезами, долго удерживали друг друга в объятьях.

4

Когда же изложил Павел канву своих злключений и как тяжело ему в невзгодах плавания приходилось,¹ поведал и Петр Павлу, какие он козни от Симона Мага вытерпел. Удалился только под вечер Петр, собираясь утром другого дня вновь вернуться.

¹ См.: Деян. 27:14-44.

5

И вот когда аврора дню начала дала, придя, нашел Петр у дверей Павловых множество иудеев. А меж иудеями-христианами и язычниками² нескончаемая распря шла. Говорили так иудеи:

² Из дальнейшего ясно, что «язычниками» здесь названы языко-христиане, т. е. те, кто уверовал в Мессию Иисуса, не будучи прежде иудеем.

— Мы — народ царственный, народ избранный, народ друзей божьих — Авраама, Исаака и Иакова и всех пророков, с коими Бог говорил и коим явил чудеса великие и тайны Свои открыл. Вы же отроду ничего великого в семени своем не имели, только в идолах да в скульптуре порочность гнусную свою показали.

6

Иудеям, это и подобное этому говорившим, отвечали так язычники:

— Едва истину мы слышали, оставили тотчас заблуждения наши и за ней последовали. Вы же и отчие истины знали, и пророков знаменья видели, и Закон получили, и море не замочив ног перешли, и врагов своих потопленными узрели, и столп облачный являлся вам в небе днем и огонь в ночи, и манна с небес вам дана была, и вода из камня для вас струилась,¹ и после всего

того вы, тельца себе изваяв, идолу поклонились! Мы ж, и чудес никаких не видав, веруем в того Бога, Коего вы, не поверив Ему, отвергли.

¹ Имеются в виду эпизоды ветхозаветной истории.

7

Так и подобным образом препиравшимся сказал апостол Павел, что не должно им эти споры между собой затевать, но о том бы им печься поболее, чтоб исполнил Бог обетованья Свои, кои дал Он Аврааму, отцу нашему, что де «в семени его станут сонаследниками все народы»,¹ «ибо нет лицепрятия у Бога».² Ведь всяк, имея Закон, согрешил, по Закону судим будет, а кто, не имея Закона, преступничал, и без Закона гибнет.³ И что есть в понятиях человеческих от природы такая благодать, чтобы доброе одобрять и порицать дурное.⁴

¹ См.: Быт. 22:18: «...и благословятся в семени твоём все народы земли»; Гал. 3:8.

² Рим. 2:11.

³ Рим. 2:12.

⁴ Рим. 2:15.

8

И когда сказано Павлом было это и подобное этому, успокоились как иудеи, так и язычники. Лишь старейшины иудеев упорствовать продолжали. Петр же тем, кто его обвинял, что закрыл он их синагоги,¹ сказал:

¹ Ни о каком закрытии синагог христианами в доникейскую эпоху речи быть не могло. В действительности в течение долгого времени христиане и иудеи вместе собирались в синагогах и вели споры об истинности или самозванстве Мессии Иисуса. Памятник в данном случае отражает реалии своей эпохи, при этом обоснование закрытию синагог создается ложной ссылкой на авторитет апостолов.

— Внемлите, братия, Святому Духу, обещающему патриарху Давиду, что от плода чрева его поставит Он на престоле Своем.¹ И вот Того, Кому рек Отец с небес: «Ты Сын Мой, родил Я ныне Тебя»,² распяли из зависти первосвященники. Но дабы совершил искупление Он, потребное небу,³ заставил Себя Он вытерпеть все это, дабы подобно тому, как из ребра Адама была Ева создана, так же из бока на кресте повешенного Христа возникла б Церковь, которая, ни пятна не имела бы, ни изъяна.

¹ Ср.: Пс. 131:11: «Клялся Господь Давиду в истине и не отречется ее: от плода чрева твоего посажу на престоле твоём». Это обетование в Новом Завете отнесено к Иисусу Христу. См., напр., Деян. 2:30: «Бог с клятвою обещал ему от плода чресл его воздвигнуть Христа во плоти и посадить на престоле его». Здесь, как и в других канонических текстах, подразумевается престол царя Давида, именно так (со строчной буквы) передают это все переводы. В апокрифе же в результате замены «*super sedem ejus*» Вульгаты на «*super sedem suam*» речь идет уже о престоле Всевышнего.

² В канонических Евангелиях этот возглас передан несколько иначе: Мф. 3:17: «Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое Благоволение», Мк. 1:11: «Ты Сын... благоволение»; Лк. 3:22: «Ты Сын... в Тебе Мое благоволение». В апокрифе же возглас, обращенный к Христу, контаминирован с обращением Бога к Давиду: «Ты Сын Мой; Я ныне родил Тебя» (Пс. 2:7).

³ «искупление ...небу». В греческом тексте: «...спасение мира».

9

Открыл Сей Бог путь¹ всем сынам Авраама, Исаака и Иакова, дабы пребывали они в вере Церкви, а не в безверии синагоги.² Так опомнитесь и внидите в радость Авраама, отца вашего, ибо то, что обещал ему Бог, исполнил. Потому и возвещает пророк:³ «Клялся Господь и не оставит его обманутым: ты священник навек по чину Мелхиседека».⁴ Священник же на кресте оказался, когда во искупление всех веков принес в жертву тело и кровь свои.

¹ Варианты: «Через Него (т. е. через Христа) открыл Бог путь сыновьям»; «Ныне Бог открыл путь»; «Сей Бог открыл путь жизни».

² В греческом тексте добавлено: «и обрели жизнь и спасение в имени Его».

³ В греческом тексте добавлено: «Давид».

⁴ Это ветхозаветное пророчество (см. Пс. 109:4) христианская экзегеза связывала с Христом — потомком Давида (см. Евр. 7:17, 21). В греческом тексте апокрифа: «Клялся Господь *Давиду...*» Таким образом, следующая фраза о священнике, оказавшемся на кресте, относится к Иисусу Христу.

10

И когда сказали все это и другое многое Петр с Павлом, поверила им большая часть народа, и совсем немного таких было, кто не поверил, да и те притворились, будто тоже убеждены, ибо не могли открыто пренебречь наставлениями и увещаниями апостолов. Но, углядев для себя в их проповеди конец неизбежный, позаботились старосты синагог и жрецы язычников, чтобы речь апостолов кривотолки в народе вызвала; потому-то и вышло так, что Нерону Симона Мага хвалили, а их ругали.

И все ж бесчисленно народу проповедью Петра в ту пору к Господу обратилось. И до того дело дошло, что супруга Нерона Ливия и жена префекта Агриппы именем Агриппина так уверовали в Него, что от близости с мужьями своими отказались напрочь. А через проповедь Павла многие, приникая к Богу, военную службу бросали. Приходили к нему, случалось, аж из покоев царских и, христианами став, не хотели уж возвращаться ни на службу, ни во дворец.

11

Когда же поднялся потом в народе мятежный ропот, стал охваченный завистью Симон на все лады поносить Петра, утверждая, что бунтарь он и чародей. И поверили ему те, кто восхищался его чудесами, ибо заставлял он медного змея двигаться, каменные и медные статуи ходить и смеяться; а бывало — велит себя закопать и тотчас парящим в воздухе появлялся.

12

Иное — Петр: единым словом расслабленных исцелял, молитвой слепых зрячими делал, приказом в бегство демонов обращал, а случалось, — и мертвых он воскрешал и говорил людям, чтоб не только бежали они от соблазна Симонова, но и разоблачали его, дабы не показалось, будто и они дьяволу соумышляют.

13

И в конце концов прокляли все мужи благонравные Симона Мага и злодеем его объявили. Но приверженцы Симона, во всем заодно с ним будучи, ложно ручались и утверждали, будто маг — Петр. Дошел этот спор до Нерона Цезаря, и повелел тот, чтоб Симон к нему явился.

14

Явившись, предстал перед ним Симон и тут же начал обличьем меняться: сделался вдруг мальчиком, потом — старцем и тотчас — цветущим юношей; менялся лицом и фигурой, пол свой менял и возраст, словом, на все лады, услужая дьяволу, неистовствовал.

Как увидел это Нерон, решил, что и впрямь он Сын Божий. Апостол же Петр говорил,¹ что он вор и обманщик, маг, урод, злодей, подлец и во всех заповедях Божьих истины извратитель, и что волею Божьей ничего [от волхваний его] кроме неистовства не остаётся, дабы стало оно для всех очевидным.

¹ Внезапное вмешательство отсутствовавшего Петра, скорее всего, является следствием неудачного соединения разных редакций.

15

Тогда, придя к Нерону, сказал Симон:

— Послушай меня, славный император. Я сын Божий, с неба спустился.² Доселе терпел я одного лишь Петра, твердящего, что апостол он. Ныне же удвоилось зло. Говорят, проповедует вместе с ним еще и Павел теперь, который и учит тому же, и против меня злоумышляет. В общем, коли не позаботишься ты о том, чтоб погибли они, не сможет власть твоя устоять.

² «С неба спустился» — эта фраза была для слуха римлян двусмысленной. Помимо основного значения она имела смысл, близкий к нашей поговорке «с неба свалиться», т. е. спянуть, нести околесицу.

16

Охватила тут тревога Нерона, и приказал он, чтоб спешно их к нему привели. И на другой день, когда пришли к Нерону Симон Маг и Христовы апостолы Петр с Павлом, сказал Симон:

— Мало им того, что из племени они иудейского, еще и Назарянина этого ученики.

Говорит Нерон:

— Что за Назарянин?

Отвечал Симон:

— Есть в Иудее город, который всегда наперекор нам¹ действует; Назаретом он называется. Вот оттуда как раз их учитель.

¹ Вариант: «вам»

17

Говорит Нерон:

— У Бога для всякого человека внимание и любовь, почему же ты преследуешь их?

Отвечал Симон:

— Это такого сорта люди, что настроили они всю Иудею не верить мне.

Говорит Нерон Петру:

— Почему столь коварны вы, иль таков уж народ ваш?²

² Варианты: «Или таков народ ваш?», «вы и народ ваш», «даже по сравнению с народом вашим», «народ ваш или вы?»

Говорит тут Симону Петр:

— Сумел ты всех провести, но не меня отнюдь; а тех, кого ты прежде уже обманул, вывел из заблуждений через меня Господь. И поскольку уж известно тебе, что не в силах ты меня победить, удивляюсь, зачем на глазах у царя ты так на рожон лезешь, будто думаешь колдовским искусством своим учеников Христа одолеть?

18

Говорит Нерон:

— Что это за Христос такой?

Отвечал Петр:

— Это тот, за кого Симон маг себя выдает, хотя сам он беспутнейший человек и дела его дьявольские. А коли желаешь ты знать, славный император, что Христом в Иудее *совершенно было, возьми письмо Понтия Пилата*, Клавдию посланное, тогда все узнаешь.

Приказал тут Нерон, чтобы найдено это письмо было и лично ему представлено. Копия письма:¹

¹ Апокрифическое Письмо Понтия Пилата Клавдию (иногда — Тиберию) сохранилось в нескольких, существенно отличающихся друг от друга вариантах. Хождение в христианской среде таких подделок зафиксировано уже в первой половине II в., об одной из них упоминается в Первой Апологии Иустина Мученика (гл. 35). О письме Пилата императору Тиберию знал и Тертуллиан (Апология, 5; 21).

19

Понтий Пилат приветствует своего Клавдия!

То, что недавно случилось, исследовано мною лично. Из зависти наказали себя и потомков своих иудеи жестокой карой. Обещано было отцам их, что пошлет с неба им бог своего святого, который по праву их царем наречется, и обещал он, что через деву его на землю пошлет.

20

И вот, когда во время службы моей в Иудее пришел этот бог евреев, и увидели они, как слепым возвращал он зрение, очищал прокаженных, паралитиков исцелял, демонов из людей изгонял, воскрешал мертвых, ветрами повелевал, по морским волнам, не замочив ног, ходил и много других совершил чудес, и когда заговорил весь народ иудейский, что сын он божий, объята завистью были к нему первосвященники и, схватив его, мне передали и наперебой мне лгали о нем, будто маг он и вопреки Закону их поступает.

21

Я же, поверив, что так и есть оно, бичеванию его предал, как им хотелось. Они же распяли его и стражей к гробу приставили. Мои воины его сторожили, но на третий день он воскрес. Бесстыдство же иудеев дошло до того,¹ что дали воинам они деньги, сказав: «Объявите, что тело его же ученики похитили». Но те, хоть деньги и взяли, о том, что случилось, умолчать не смогли и свидетельствовали, что впрямь он воскрес и что видели они [всё] сами, и что взяли деньги от иудеев. И для того доношу я об этом, чтобы никто иного ложно не утверждал и чтобы ты не думал, будто выдумкам иудеев следует верить.

¹ «Бесстыдство же иудеев дошло до того...» Вариант: «и до того злы на него иудеи были...».

22

Когда же письмо прочитано было, сказал Нерон:

— Ответь мне, Петр, было ли все это совершено им?

Молвил Петр:

— Да, все так, славный император, не лгу я тебе! А Симон этот исполнен лжи и в обмане погряз, и хоть мнит он себя чуть ли не богом, — человек всего-навсего.

Во Христе же единство полное Бога и человека² явлено, и осеняет Его та сила непостижимая, которой через человеческую природу надлежало на помощь людям прийти. Однако ж и в Симоне этом тоже две сущности — человека и дьявола, алчущего с помощью человека людей в сети завлечь.

² Варианты: «двух природ»; «двух сущностей».

23

СИМОН:

— Удивляюсь я, славный император, что внимаешь ты речам неуча этого, рыбака-завиралы, ни красноречием, ни обликом благородным и ничем другим не приметного. Но не намерен я больше терпеть этого супостата. Сей же час прикажу моим ангелам, чтоб сюда явились и меня от него избавили.

ПЕТР:

— Не боюсь твоих ангелов. Скорей они меня устроятся из-за силы Христовой и доверия ко мне Господа моего, за которого ты себя выдаешь.

24

НЕРОН:

— Неужто, Петр, ты Симона не боишься, который божественность свою делами доказывает?

ПЕТР:

— Тот божественной сущностью наделен, для кого тайные помыслы открыты. Вот пусть и скажет он мне теперь, о чем я думаю и что затеваю. А каков замысел мой, твоим ушам я доверю до того, как говорить он начнет, дабы врать ему не повадно было.

НЕРОН:

— Подойди-ка сюда и скажи мне, что ты замыслил.

ПЕТР [подойдя]:

— Вели принести и тайно вручить мне хлеб ячменный. И когда приказано было, чтоб принесли его и тайно

Петру вручили, молвил Петр:

— Вот теперь пусть и скажет Симон, что задумано, что сказано и что сделано было.

25

НЕРОН:

— Уж не хочешь ли ты, чтоб поверил я, будто не знает этого Симон, который и мертвого поднял, и, сам обезглавлен будучи, через три дня восстал, и все, что ни обещал совершить, совершил?

ПЕТР:

— Однако ж не в моем присутствии совершил!

НЕРОН:

— Зато в моем! И приказал он даже, чтоб пришли к нему ангелы. И пришли!...

ПЕТР:

— Ну, коль великое уже совершил, почему б не сделать и малого? Пусть-ка скажет, что я задумал и что сделал.

НЕРОН:

— Ну же, Симон?! У меня от вас уж голова кругом идет!¹

¹ В оригинале: *«Ego me inter uos non conuenio»*.

СИМОН:

— Это пусть Петр скажет, что я задумал и что сделать собрался.

ПЕТР:

— Что затея мне Симона ведома, докажу, когда то исполню, что сам я задумал.

26

СИМОН:

— Следовало б знать тебе, славный император, что людские помыслы никому, кроме Бога, не ведомы. В общем, врет Петр.

ПЕТР:

— Ты ж себя сыном Божиим называешь, вот и скажи, что я замыслил, и объяви, коли можешь, что тайно сделаю я сейчас. — И благословив хлеб ячменный, что вручен ему был, разломил его Петр и в правый да левый рукав спрятал.

27

Досадуя, что не в силах он тайну апостола разгадать, закричал тут Симон:

— Пусть же явятся псы огромные и сожрут его на глазах у Цезаря!

И возникли тотчас невероятного роста псы и на Петра бросились.

Петр же, воздев руки в молитве, показал им хлеб, который благословил перед тем. И, едва завидев его, вдруг куда-то сгинули псы.¹

¹ Ячменный хлеб в греко-римских поверьях обладал большой магической властью над inferнальными силами. В «Метаморфозах» Апулея ячменные лепешки служат Психее пропуском в подземный мир и охраной во время ее пребывания там. «Не думай, что потерять эти ячменные лепешки — пустое, ничтожное дело, — говорит ей башня, — если хотя бы одну утратишь, света белого больше не увидишь» (VI, 19).

Говорит тогда Петр Нерону:

— Видишь, не словом, но делом доказал я тебе, что ведомы мне затеи Симоновы. А ведь сулил он ангелов выставить против меня, напустил же псов. И оказалось, что не Божьи ангелы у него, а собачьи.

28

Говорит тогда Нерон Симону:

— Так что ж, Симон? Видно, побеждены мы?

СИМОН:

— И в Иудее, и по всей Палестине, и в Кесарии вот так он меня и преследовал. Часто споры со мной затевая,² вынуждал мои против них приемы, чтобы знать, как спастись от меня; помыслы же людские никому, кроме бога, не ведомы.

² Здесь явно подразумеваются так называемые «Клементины», главы: II, III, VI, XVI, XX.

ПЕТР СИМОНУ:

— Так ведь за бога как раз себя выдаешь, отчего же помыслы каждого тебе не открыты?

29

Говорит тут, обернувшись к Павлу, Нерон:

— А ты чего, Павел, молчишь?

Отвечал Павел:

— Да будет ведомо тебе, Цезарь, что беда большая родине твоей предстоит, коли потакать этому магу станешь, и низвергнута будет власть твоя, и лишится твоя держава величия своего.

Говорит Нерон Симону:

— А ты, Симон, что скажешь?

СИМОН:

— Если не объявлю открыто, что я — бог, никто почитать меня как должно не будет.

НЕРОН:

— Так что ж медлишь? Докажи, что ты бог, мы и казним их.

30*

СИМОН:

— Вели построить для меня высокую башню из дерева, призову я, поднявшись на нее, ангелов моих и велю, чтоб у всех на глазах отнесли они меня к отцу моему на небо. Эти же двое совершить такого не смогут, вот и убедись, что невежды они.

Говорит тогда Нерон Петру:

— Ты слышал, Петр, что сказал Симон? Вот и посмотрим, какова его сила и какова сила бога твоего.

ПЕТР:

— Славный император, будь на то твоя воля, знал бы ты уж давно, что демонизма исполнен Симон.

НЕРОН:

— Что вы мне тут словесный плетень устроили! Завтрашний день вас рассудит!

* В одном из манускриптов в этом месте имеется вставка, почти дословно воспроизводящая текст VIII и IX глав «малых» «Страстей Петра и Павла».

31

СИМОН:

— Неужто веришь ты, славный император, будто я, побывавший среди мертвых и вновь воскресший, маг всего-навсего?

И, прибегнув к обычному своему коварству, говорит лукавый Симон Нерону:

— Вели обезглавить меня в каком-нибудь темном месте и там же мертвого бросить. Коли на третий день не воскресну, считай, что магом я был, но уж коли воскресну, почитай меня сыном божьим.

32

И когда повелел Нерон, чтоб сделано это было, подстроил с помощью магии Симон так, что в темноте барану голову отрубили, и покуда не был тот баран обезглавлен, казался Симоном.¹ Когда же во мраке лишился он головы, обшарил его палач, и поднеся голову к лампе, увидел, что она баранья. Однако царю об этом рассказывать не захотел, дабы не выдать себя, что нарушил приказ он свершить казнь сокровенно.

¹ См. комментарий к гл. II «малых» Страстей.

А Симон, суливший воскреснуть на третий день, унес оттуда и голову, и тушу баранью, так что в том месте лишь засохшая кровь осталась. Сам же явился на третий день к Нерону и говорит:

— Вели-ка пролитую мною кровь вымыть, и видишь: хоть обезглавлен я был, воскрес, как и обещал тебе я, на третий день.

33

Ответил ему Нерон:

— Завтрашний день вас рассудит.

И, повернувшись к Павлу, молвил:

— А что ж ты, Павел, ничего не расскажешь — ни о том, кто тебя учил, ни кто наставником твоим был, ни о том, как сам ты во многих краях проповедал, и что из-за проповеди твоей приключалось. Сдается мне, нет ума у тебя вовсе и на что-либо дельное ты не способен.

Отвечал ему Павел:

— Неужели думаешь ты, что препираться я должен с распоследним лжецом и магом зловредным, с тем, кто душу свою смерти обрек и чей конец близок, и погибель уже грядет? С тем, кто выдает себя за другого и людей чародейством к погибели увлекает?

34

А коли речи слушать его ты захочешь и его обласкаешь, погубишь и душу свою, и державу, ибо наиподлейший он человек. И подобно египетским магам Иамнию и Мамрию,¹ направившим в западню фараона и войско его, дабы в море они утонули, обольщает людей он по наущению отца своего, дьявола; и много зла некромантией совершает, использует все он, что только дурного есть в людях, и совращает тем многих беспечных на горе и погубление державы твоей.

¹ В обычном написании — Ианний и Иамврий. Эти египетские чародеи безымянно упоминаются в книге «Исход» (7:11-22; 8:7-19; 9:11) как противники Аарона и Моисея, но в комментариях на «Исход» Талмуда и таргума Ионафана они названы по имени. В новозаветных текстах их имена встречаются только у апостола Павла (2 Тим. 3:7): *«Как Ианний и Иамврий противились Моисею, так и сии противятся истине, люди, развращенные умом, невежды в вере»*. Любопытно отметить, что вину за гибель фараона и его войска апокриф возлагает на противников Моисея.

35

И вижу я, как исторгается слово дьявола из уст сего человека, и в сокрушении сердца взываю со стоном к Духу Святому, дабы скорее открылось, кто он таков. И чем больше он на небо вознестись помышляет, тем вернее в глубинах ада сгинет, где плач стоит и скрежет зубовный.

36

Что же до веры Учителя моего, о которой спросил ты меня, то лишь те постичь ее могут, кто в помыслах своих чист. Но всюду, где согласие ныне и мир, проповедовал я ее и нес повсеместно слово мира от Иерусалима до Иллирика.¹

¹ Ср.: Рим. 15:19.

37

Учил я, чтобы возлюбили люди друг друга;
Учил, чтоб в почтительности они друг друга предупреждали;²
Учил я богатых и знатных, дабы не заносились они и на богатство неверное не уповали, но возложили б надежды свои на Бога;³
Учил неимущих довольствоваться одеждой и пищей;⁴

² Ср.: Рим. 12:10.

³ Ср.: 1 Тим. 6:17.

⁴ Ср.: 1 Тим. 6:8.

Учил бедных, чтоб и в нужде своей радостны оставались;
Учил отцов, дабы детей растили они своих в назидании страха Божьего;¹
Учил детей благим советам внимать и родителей слушаться;²
Учил имущих исправно налоги платить;
Учил торговцев платить подати служителям государства³ и обманных мер не использовать;

¹ Ср.: Еф. 6:4.

² Ср.: Еф. 6:1-3.

³ Ср.: Рим. 13:6-7.

Учил я жен, чтобы любили они мужей своих и как владык своих почитали;
Учил мужей хранить верность супружескую, словно веру Божию, если хотят они сохранить свою честь пред всеми. Ибо, как наказует муж жену блудную, так же и мужа блудного Бог Отец и Создатель сущего наказует;
Учил я господ, дабы милосерднее обходились с рабами своими; учил рабов, чтобы верно, будто Господу Самому, они своим господам служили;¹

¹ Ср.: Кол. 3:18-22.

Учил я Церкви наши, дабы они Единого и Всемогущего, Незримого и Непостижимого Бога чтили.

38

Учение же сие не от людей мне дано, и не человеком вовсе, но Иисусом Христом,¹ Отцом Славы, с небес со мной говорившим. И, посылая проповедать меня, сказал мне Господь мой Иисус Христос: «Иди, и буду в тебе духом жизни Я для всех, кто в Меня уверовал. И все, что ни скажешь и что ни сделаешь, благословлю.

¹ Ср.: Гал. 1:1.

39

Поражен был Нерон, услышав это, и, обернувшись к Петру, спросил:

— А ты что скажешь?

И молвил Петр:

— Все, что поведал Павел, — истина, ибо долгие годы изо всех уголков римского мира получал я письма от епископов¹ наших, и писали мне о делах и словах его чуть ли не всех городов епископы. Когда же был он еще гонителем веры Христовой, воззвал к нему голос с небес и наставил в истине, ибо не из зависти был он врагом веры нашей, но по незнанию. Окружали же нас лжехристиане, вроде Симона этого, явились и лжеапостолы и лжепророки. Отринув святость Писания, тщились они истину сокрушить. И надобно было, чтоб воспротивился им муж сей, с младости своей ни к чему иному влечения не имевший, кроме познания тайн Закона Божьего, через кои постиг он, как защитником истины ему стать и лжи гонителем. Поскольку ж гонительство его не от вражды, но от любви к Закону возникло, Сама Истина, воззвав с небес к нему, рекла: «Я есмь Истина, Кою ты защищаешь, так не гони же меня, ведь та самая Истина Я, за которую с врагами ее ты сразиться жаждешь».² И когда уразумел он, что значит сие, отринул он то, что утверждал раньше, и стал на защиту гонимой им прежде тропы Христовой — дороги тех, кто не заблудится никогда, истины тех, кто ошибаться не будет, тем же, кто верует — жизни вечной.³

¹ Здесь автор апокрифа допускает явный анахронизм, т.к. во время описываемых событий (середина I в.) еще не сложился институт епископов как полновластных предстоятелей христианских общин.

² Ср.: Деян. 9:5.

³ Ср.: Иоанн 14:6.

40

СИМОН: Смотри, славный император, сговорилась эта парочка против меня. Я — истина, а они на меня посягают!

ПЕТР: Никакая ты не истина. Ради одного обмана говоришь ты все и делаешь.

41

НЕРОН: Павел, а ты что скажешь?

ПАВЕЛ: Тому, что от Петра услышал и что мною говорено, верь! Заодно мыслим. Потому как один Господь Иисус Христос у нас.

СИМОН: Диспут что ли, по-твоему, славный император, у меня тут с ними? Ведь устроили они заговор против меня! — и повернувшись к апостолам божьим, — Слушайте, — говорит, — Петр с Павлом, раз я здесь ничего вам не могу сделать, пойдем туда, где разберусь я как должно с вами.

ПАВЕЛ: Смотри, славный император, как он зубы-то нам скалит!

ПЕТР: Неужто не смешон тебе одураченный демонами пустомеля этот с головой набекрень, возмнивший, будто разоблачить его невозможно?

42

СИМОН: Целы вы, пока я силу свою не явил!

ПАВЕЛ: Как бы тебе самому отсюда целу уйти!

ПЕТР: Вот уж увидит силу Господа нашего Иисуса Христа Симон и разуверится, что сам-то он Бог!

СИМОН: Не верь ты им, божественный император, ведь и сами они обрезаны, и других обрезают...

ПАВЕЛ: Обрезания плоти держались мы прежде — покуда истину не узнали, а как истина-то нам открылась, обрезанием сердца и себя, и других теперь обрезаем.

ПЕТР: Коли обрезание скверно, почему ж ты сам-то, Симон, обрезан?

43

НЕРОН: Как? И Симон обрезан?

ПЕТР: Не мог бы иначе он улавливать души, если б себя за иудея не выдавал и не прикидывался, будто учит Закону Божьему.

НЕРОН: Ты, Симон, как вижу, завистью одержим, потому и преследуешь их. Видно, у тебя с Христом ихним вражда великая. Боюсь, как бы не пришлось тебе худо и не оказаться б тебе промеж жерновов.

СИМОН: Ошибаешься, император!

НЕРОН: Что значит «ошибаешься»? Что вижу, то и говорю. Ясно ж, что враг ты и Петра, и Павла, и Учителя их.

44

СИМОН: Павлу-то Христос учителем не был.

ПАВЕЛ: Кто Петра, воплотившись, учил, Сам же и меня через откровение наставил. А чем нас обрезанием попрекать, пусть-ка лучше скажет Симон, почему сам он обрезан?

СИМОН: Что вы от меня о том допытываетесь?

ПАВЕЛ: Стало быть, есть нам резон допытываться!

НЕРОН: Что ж ответить-то им боишься?

СИМОН: Да ведь в ту пору, когда я обрезание принял, оно Богом предписывалось. Потому и обрезан.

45

ПАВЕЛ: Слышал, славный император, что сказал Симон? Но, коль обрезание — благо, почему ж ты обрезанных предал и настоял в сенате, чтоб спешно их истребили?¹

¹ В манускриптах, сохранивших этот текст, последняя фраза читается по-разному и обращена в одних случаях к Симону (при этом купюруются слова «в *сенате*»), в других — к Нерону. Второй вариант выглядит более логичным.

НЕРОН: Да и я о вас мнения невысокого.

ПЕТР с ПАВЛОМ: Хорошо или плохо о нас ты думаешь, к делу не относится. Одно нам важно: чтоб исполнилось то, что Учитель наш обещал.

НЕРОН: А вдруг я этого не захочу?

ПЕТР: Не о том речь, чего тебе хочется, а о том, что Он нам сулил.

46

СИМОН: Видишь, славный император, что за люди они! Кротостью твоею воспользовавшись, тебя же и повязали!

НЕРОН: Ну, покуда и ты мне доверия не внушаешь.

СИМОН: Уж я столько тебе чудес и подвигов совершил, что удивляюсь даже, как ты во мне до сих пор сомневаться можешь.

НЕРОН: Ни сомнения, ни сочувствия ни один из вас у меня не вызвал. Но ответь мне все же на вопрос мой.

47

СИМОН: Ничего тебе больше не отвечу!

НЕРОН: А все потому, что заврался вконец! Видно, даже я с тобой совладать не в силах, зато Бог всемогущ, Он справится.

СИМОН: Не буду я тебе отвечать.

НЕРОН: Ну и ты для меня место пустое! Как погляжу, лжив ты насквозь. Однако ж, хватит! Все трое необузданность нрава своего показали и во всем меня сомневаться заставили, так что и не знаю теперь, кому верить можно.

48

ПЕТР: Проповедую я единого Бога Отца во Христе Спасителе со Духом Святым, Творца всего сущего, сотворившего небо и землю, и море, и все, что в них; истинный царь Он, и

царству его конца не будет.

НЕРОН: Что это за царь-государь?

ПАВЕЛ: Всех народов Спаситель.

СИМОН: Тот, о ком речь идет — как раз я! И имейте ввиду, Петр с Павлом, не будет вам того, о чем мечтаете — не удостою я вас мученического венца!

ПЕТР с ПАВЛОМ: Чтоб тебе, злобный маг, вовек пусто было!

49

СИМОН: Слушай, Цезарь Нерон, дабы убедился ты, что они обманщики, а я с небес послан, завтра ж на небо отправлюсь, и тех, кто мне верит, одарю блаженством, а на тех, кто отвергать меня смеет, гнев свой обрушу.

ПЕТР и ПАВЕЛ: Призвал нас некогда Бог ко славе своей, тебя же дьявол на мучение призывает. Поспешай!

50

СИМОН: Слушай, Цезарь Нерон, не вяжись ты с этими безумцами, дабы мог я милостив к тебе быть, когда приду на небо к отцу моему.

НЕРОН: Да откуда ж нам знать, придешь ли ты еще на небо?

СИМОН: Прикажи, чтоб построили из досок больших и брусьев высокую башню, дабы мог я, на нее поднявшись, ангелов своих призвать. В воздухе-то они ко мне явятся, а на земле среди грешников появиться невмочь им.

НЕРОН: Вот бы взглянуть, как это ты сделаешь!

СИМОН: Вели, чтоб башню построили, и увидишь.

51

Приказал тогда Нерон воздвигнуть на Марсовом поле высокую башню и повелел, чтобы весь народ и вся знать явились на это зрелище. А на другой день, когда все собрались, велел, чтобы были там и Петр с Павлом. Привели их тотчас к нему. И сказал он им так:

— Надлежит истине сегодня открыться. Отвечали Петр с Павлом:

— Воистину! Но не мы изобличим его, а Бог наш Иисус Христос, Сын Божий, о котором лгал Симон, будто сам он Им и является.

52

И обернувшись к Петру, сказал Павел:

— Мне лучше на колени встать и Бога молить, тебе же — едва заметишь, что приступил к делу Симон, — вымолить милость Господню, ведь ты первым был избран Господом.

И, став на колени, принялся молиться Павел. Петр же, на Симона глянув, молвил:

— Приступай к тому, что затеял, ибо разоблачение твое близко и близок наш из мира уход. Вижу уж я Христа моего, и зовет он к Себе меня с Павлом.

53

НЕРОН: Куда ж это вы против воли моей пойдете?

ПЕТР: Куда призовет нас Господь наш.

НЕРОН: Да кто ж господин-то ваш?

ПЕТР: Господь Иисус Христос, и вижу я, как Он нас к себе призывает.

НЕРОН: И эти, стало быть, на небо собрались...

ПЕТР: Куда угодно будет Ему, туда и призовет.

СИМОН: Дабы ты знал, император, что лгуны они, пришлю я к тебе, едва на небо приду, ангелов своих и позову тебя к себе в гости.

НЕРОН: Ну так делай же, как сказал.

54

И вот, залез у всех на глазах увенчанный лаврами Симон на башню, распростер руки и полетел. Как увидел это Нерон, говорит он Петру:

— Честный человек Симон, вы же с Павлом лгуны.

А Петр в ответ:

— Сейчас убедишься, что и впрямь мы ученики Христовы, он же не Христос вовсе, а маг и злодей.

НЕРОН: Доселе упорствуете? Гляньте: он на небо уж вступает.

55

Тогда Петр, взглянув на Павла, сказал:

— Подними голову и посмотри!

И, возведя полные слез глаза и узрев летящего Симона, молвил Павел:

— Что ж оцепенел ты, Петр? Исполни начатое, ибо уже призывает нас Господь наш Иисус Христос.

Услышав это, ухмыльнулся Нерон и говорит:

— Видят, что побеждены, вот и ополоумели.

А Петр ему:

— Сейчас убедишься, что в своем мы уме.

Павел же молвил Петру:

— Не отвлекайся.

И, устремив на Симона взор, сказал Петр:

— Заклинаю вас, ангелы Сатаны, возносящие его ввысь, чтоб обмануть сердца людей неверующих, заклиная Богом Творцом всего сущего Иисусом Христом, восставшим на третий день из мертвых, дабы не возносили вы Симона, но тотчас и бросили.

И тотчас, отпущенный, рухнул Симон в местности, которую называли Священной дорогой, и на четыре части разбившись, кровавыми брызгами четыре утеса омо-

57

Тогда приказал Нерон держать Петра и Павла в оковах. Тело же Симона велел бережно в течение трех дней сторожить, думая, что на третий день он воскреснет.

Говорит ему Петр:

— Теперь-то уж не воскреснет, ибо впрямь он мертв и обречен на вечные муки.

А Нерон ему:

— Да кто ж надоумил тебя этакое злодейство-то совершить?

ПЕТР: Коли хочешь знать, уж одних притязаний его довольно, чтобы сгинул он и подобной хулы на Бога к умножению мук своих не возводил больше.

НЕРОН: Смугили вы душу мою, и потому подвергну я вас в назидание прочим суровой казни.

ПЕТР: Не тому свершиться должно, чего ты хочешь, но тому, что обещано нам.

58

Говорит тут Нерон своему префекту Агриппе:

— Нечестивцев этих лютой смерти надо предать и потому велю я, чтоб железными крючьями их в Навмахии¹ разодрали и чтоб все подобные им были истреблены беспощадно.

¹ Навмахией назывался расположенный за Тибром цирк Калигулы, в котором для развлечения римлян часто устраивались потешные «морские сражения» с участием гладиаторов.

ПРЕФЕКТ АГРИППА: Божественный император, не вели их одинаковой казнью казнить.

НЕРОН: Почему?

АГРИППА: Потому что Павел виноват куда меньше, Петр же и в убийстве повинен, и нечестивец впридачу.

НЕРОН: Какой же тогда их казни подвергнуть?

ПРЕФЕКТ АГРИППА: Думаю я, нечестивцу Павлу в праве мы голову отрубить; Петра же, еще и убийство вдобавок к тому совершившего, вели на кресте распять.

НЕРОН: Прекрасно ты рассудил!

59

И тотчас увели Петра и Павла с глаз Нерона. И обезглавили Павла близ Белых Вод у третьего милевого столба по дороге Остию.

60

А когда Петра к кресту подвели, молвил он: — Был Господь мой Иисус Христос, с небес на землю сошедший, на кресте прямо повешен. Я же с земли на небо сподобился призываться, и потому крест мой должен голову мою к земле направлять, а ноги — к небу. А поскольку и недостойн к тому же я на кресте подобно Господу моему висеть, переверните мой крест!

И опрокинув крест, пригвоздили они ноги его вверху, а внизу — руки.

61

Между тем собралась огромная толпа, проклиная и понося Цезаря Нерона, и до того были люди гнева полны, что хотели тотчас Цезаря самого убить. Но удержал их Петр, сказав:

— Внемлите, детоньки, прошу я вас, и не делайте этого, но послушайте, что скажу я вам. Ведь, поддавшись несколько дней назад на уговоры братьев, ушел уж я было [из Рима], но повстречал на дороге меня у ворот городских Господь мой Иисус Христос. И, поклонясь ему, спросил я:

— Куда Ты шествуешь, Господи?

И сказал Он мне:

— Ступай за мною, Петр, ибо иду Я в Рим, дабы вновь распяли меня.

И когда последовал я за Ним и в Рим возвратился, молвил Он мне:

— Не бойся, ибо пребуду с тобой Я, пока не введу тебя в дом Отца Моего.

62

И потому-то, детоньки, не препятствуйте пути моему, ибо ступают уж ноги мои по стезе небесной. Не печальтесь, но возликуйте вместе со мной, ведь пожинаю я ныне плоды трудов своих.

И сказав так, рек еще Петр:

— Благодарю тебя, Пастырь Добрый, ибо сострадают мне овцы, коих вверил Ты мне. Уповаю на то, что разделят они со мной милость Твою. Тебе их вручаю, дабы не тосковали без пастыря те, у которых Ты есть, благодаря Кому сумел я взрастить стадо сие, — и, сказав так, дух испустил.

63

И явились тотчас туда святые мужи, коих прежде никто не видел и потом увидеть не мог. Говорили они, что пришли едва ль не из Иерусалима, и вместе с мужем славным Марцеллом, который, уверовав, покинул Симона, и последовал за Петром, унесли они тайно тело апостола¹ и положили под Терebinтом близ Навмахии, в местности, называемой Ватикан.

¹ Папа Григорий Великий (ок. 540-604) пишет о попытке восточных христиан «украсть тела блаженных апостолов». См.: *Epistolae*, IV, 30.

64

И говорили народу мужи эти, уверявшие, что из Иерусалима они пришли:

— Веселитесь и радуйтесь, ибо сподобились вы обрести великих заступников, друзей и святых апостолов Господа Иисуса Христа. И знайте, что сей царь прескверный Нерон власть удержать после убийства апостолов не сможет и будет скоро во прах повергнут, и достанется царство его другому.

65

А потом вышло так, что слилась воедино ненависть к Нерону и народа римского, и войска его. И решили они бичевать публично злодея, пока вина его вместе с духом выбита будет. Когда же слух о замысле этом Нерона достиг, напал страх на него, и трепет его объял нестерпимый, и бежал он, да так, что только его и видели. Были правда и те, кто говорил, будто гонимый лютым холодом и голодом скитался он до поры в лесах, покуда волки его не сожрали.

66

Когда же собрались греки везти тела святых апостолов на Восток, случилось землетрясение невероятной силы, и сбежался народ римский, и поспешил за ними, и настиг греков на третьей миле Аппиевой дороги, близ местности, что Катакомбой зовется. И хранились там их тела один год и семь месяцев, пока отделявались гробницы, в которых прежде тела святых апостолов обретались, куда и были они возвращены, восславляемые гимнами, и погребены были мощи Святого Петра в Ватикане близ Навмахии, а Святого Павла у второй мили Остийской дороги, где благодать молитв во веки веков пребудет. Аминь.

ДЕЯНИЯ АПОСТОЛА ВАРФОЛОМЕЯ**ПРЕДИСЛОВИЕ**

Публикуемые «Страсти апостола Варфоломея» кроме латинского сохранились на греческом, эфиопском и армянском языках. После их публикации в 1853 г. К. Тишендорфом,¹ среди ученых развернулись почти полувековые споры о языке оригинала. Сам К. Тишендорф считал более древним греческий текст, который он и опубликовал как основной, сопроводив его в подстрочнике латинской версией из сборника Псевдо-Абдия. Это мнение оставалось господствующим до конца XIX в. Тем не менее, в 1895 г. М. Боннэ удалось убедительно доказать, что оригинальной была все же не греческая, а латинская версия.² Изучив девять средневековых манускриптов VIII-XII вв. (восемь латинских и один греческий), которые, за вычетом небольших разночтений, вполне объяснимых описками копиистов, практически совпадали, М. Боннэ в 1898 г. предпринял новую публикацию «Страстей Варфоломея» с указанием всех вариантов сохранившегося текста.³ На основе этого издания, до сих пор являющегося непревзойденным, выполнен перевод апокрифа на русский язык. Указывая наиболее существенные и интересные разночтения в подстрочнике, я не считал необходимым отмечать, какому именно манускрипту принадлежит тот или иной вариант, поскольку информация такого рода может потребоваться лишь для специального исследования, предполагающего работу с текстами оригиналов.

¹ Acta apostolorum apocrypha. Ed. C. Tischendorf. Lipsiae, 1851. P. 243-260.

² См.: *Bonnet M. M. La Passion de S. Barthelemy en quelle langue a-t-elle ete ecrite?* // *Analecta Bollandiana*, t. XIV (Bruxelles, 1895). P. 353-366.

³ Acta apostolorum apocrypha. V. II, Lipsiae, 1898. P. 128-150. С этого издания был сделан и наш перевод на русский язык.

Вопрос о времени создания этого памятника до сих пор остается нерешенным. В современных антологиях новозаветных апокрифов датировка «Страстей Варфоломея» обычно ограничивается замечанием об их сравнительно позднем происхождении.¹ Думается, однако, есть возможность более точно обозначить хронологические рамки, в пределах которых они были созданы.

¹ См., напр.: *Hennecke* — 3; *Elliott* — 93.

Во-первых, мы располагаем косвенным внешним свидетельством, что в 90-е гг. IV в. этого апокрифа еще не существовало, во всяком случае, Иероним, касавшийся вопроса о местах проповеди Варфоломея в книге «*De viris illustribus*» (392 г.), его не упоминает. Будучи на редкость осведомленным в христианских и околохристианских писаниях, он в своей книге, как правило, называет сочинения, связанные с теми лицами, о которых идет речь.

Во-вторых, «Страсти Варфоломея» представляют собой авторское произведение,¹ нацеленное в первую очередь на то, чтобы внедрить в сознание читателей определенный набор вероутверждений. Будучи прекрасным стилистом, автор ради этой цели поступает даже художественной стороной своего сочинения и до надоедливости часто повторяет одни и те же истины веры. Но при этом одни вероутверждения звучат чаще и сопровождаются развернутой экзегезой, тогда как другие высказываются лишь мимоходом. Мы вправе думать, что основное внимание уделено именно тем богословским вопросам, которые были актуальны в период создания апокрифа. В число последних не попадает главнейший церковный догмат о триединстве Божию и полноте Божественности Иисуса Христа. Он упомянут дважды — в ночной проповеди Варфоломея (гл. 5) и его принародной молитве (гл. 7), — однако лишь декларативно, без каких-либо разъяснений и толкований. Внимание автора сосредоточено на другом догмате — о равном совершенстве Иисуса Христа в Божестве и в человечестве, который представляет собой тематическую ось проповеди, многократно в ней повторяется и тщательно растолковывается. Утвержденный в 451 г. на Халкидонском соборе, этот догмат вызвал раскол в христианском мире, и вторая половина V в. стала временем, когда ортодоксальная Церковь, преодолевая сопротивление, старалась внедрить его в сознание верующих как исповедальную норму.

¹ На это указывает отнюдь не фольклорный, богатый сложными оборотами язык апокрифа, нарочито литературное вступление, использование таких приемов, как рассказ в рассказе.

Автор «Страстей» уделяет повышенное внимание и еще одной богословской теме, а именно — сотериологической роли Девы Марии, причем развивает ее особенно настойчиво и

эмоционально. Как известно, мариологическая проблема возникла в ходе христологических споров первой половины V в., и ее наличие в памятнике указывает, таким образом, на те же временные его параметры.

СТРАСТИ АПОСТОЛА ВАРФОЛОМЕЯ

1. Есть, как утверждают историографы, три Индии. Первая Индия та, что ведет в Эфиопию, вторая — в Мидию, третья же край света собою являет, ибо с одной стороны у нее царство мрака, с другой — Море Океан. В эту-то Индию и пришел апостол Варфоломей и, вступив в храм идола Астарота, притворился там чужеземным странником.

А в идоле том обитал некий демон, утверждавший, будто исцеляет он немощных, но лишь тех исцелял, на кого сам же он порчу и навел. А так как не знали они Бога истинного, не избежать им было обмана от ложного бога. Обманывают же ложные боги тех, кто не имеет Бога истинного, вот какую хитростью: насылают на них страдания, немощи, увечья опасные и, давая оракулы, требуют жертв себе, благодаря которым якобы исцеляются немощные. И кажется глупцам, что лечат их демоны, но врачуют те, не исцеляя, а лишь порчу прервав. А поскольку вредить прекращают, кажется, будто и впрямь исцелили.

И вот с тех пор, как святой апостол Варфоломей появился там, не давал Астарот никаких оракулов и не мог помочь никому из тех, на кого он порчу навел. И хотя уж полон был храм недужных, ежедневно совершавших жертвоприношения, ни единого оракула не дал Астарот, а привлеченные из дальних стран немощные все прибывали. И когда ни жертвами, ни привычными для них самоистязаниями каждодневными ничего они не добились и по-прежнему не мог им демон ни единого оракула дать, потянулись они в другой город, где почитался иной демон, имя коего было Бейрет. И совершив там жертвоприношения, стали они допытываться, отчего их бог Астарот не дает им оракулов. Бейрет же в ответ сказал:

— Пленен бог ваш и столь крепко связан путами огненными, что с того часа, как пришел туда апостол Варфоломей, ни вздохнуть не смеет, ни слова вымолвить.

Говорят они ему:

— Да кто ж он, этот Варфоломей? Отвечал им демон:

— Друг он Бога всемогущего и для того пришел сюда, в страну эту, чтобы все кумиры низвергнуть, коим индийцы поклоняются.

Говорят ему идолопоклонники:

— Назови нам приметы его, ведь иначе средь многих тысяч людей опознать мы его не в силах.

2. И сказал демон в ответ:

— Волосы на голове черные и курчавые, тело светлое, глаза большие, нос ровный и прямой, уши локонами прикрыты, борода густая, с легкой проседью; фигурой строен, ростом не выделяется ни высоким, ни малым; одет в белый, подбитый пурпуром колобий, облачен в белый палий, в каждом углу которого гемма пурпурная имеется. Уже двадцать шесть лет не грязнятся и отнюдь не ветшают одежды его. Так же и сандалии, хоть и носит он их двадцать шесть лет, отнюдь не ветшают. Сто раз на дню и сто раз ночью молится на коленях он Богу. Голос его, словно труба, силен. Ходят с ним ангелы Божьи и чтобы голодал он или томился — не допускают. Облик и дух его всегда неизменны, все провидит, все знает, на любом языке любого народа говорит и мыслит. Вот и о том, что спросили вы и какой ответ на это я даю, уже знает он, ибо служат ему ангелы Божьи и обо всем его извещают. И когда станете вы искать его, коли пожелает — явит себя вам, а коли не захочет — узреть его не сможете. И заклинаю я вас: как найдете его, умолите, чтоб не приходил он сюда и чтоб ангелы, с ним обретающиеся, не делали со мною того, что сделали они с коллегой моим Астаротом.

И сказав так, демон умолк.

3. И вот, вернувшись, принялись осматривать они одежду и лица всех чужеземцев, но и за два дня не нашли его. А на третий день завопил вдруг какой-то бесноватый:

— Апостол Божий Варфоломей, опаляют меня речи твои!

Молвил тогда ему апостол Божий:

— Умолкни и вон из него изыди!

И тотчас обрел покой человек, долгие годы терзаемый демоном.

А так как у царя страны той, Полимия, была дочь падучей болезнью подвержена, известили его обо всем, что с бесноватым случилось. И послал за апостолом царь и просил его¹: «Гяжко мучается дочь моя. Умоляю помочь ей, как помог ты страдавшему долгие годы Псевстию».

¹ В некоторых манускриптах после слов «просил его» добавлено: «скажи ему».

И, поднявшись, шел за посланцем апостол, покуда не увидел царскую дочь. Была она путами стянута, ибо рвалась искушать всех. Тех же, кого ей схватить удавалось, загрызала насмерть, и никто не смел приблизиться к ней. Немедля приказал развязать ее апостол.

Говорят ему слуги:

— Да кто ж осмелится к ней рукой прикоснуться?!

А апостол им:

— Чего же бояться вам? Уж скован мною враг, который в ней обретался. Ступайте и развяжите ее, и искупайте, и дайте отдохнуть ей, а завтра утром приведите ее ко мне.

Пошли они и сделали все, как велел апостол, и не мог уж больше глумиться над нею демон.

Нагрузил тогда царь золотом, серебром, коврами и самоцветами верблюдов и принялся искать апостола, но нигде не нашел его. И вернулось все это в царский дворец.

4. А на исходе ночи, когда занималась уже заря грядущего дня, явился вдруг апостол один на один царю в опочивальне его, хоть и заперта дверь была, и сказал ему:

— Чего ради весь день искал ты меня с золотом и серебром, коврами да самоцветами? Надобны дары эти тем, кто земных богатств ищет. Я же ничего бrenного и земного не жажду, а хочу лишь только, чтобы знал ты: пожелал родиться, подобно человеку, из лона девы Сын Божий, дабы человек, в утробе девы зачинаемый, уже в сокровеннейших недрах ее сопричастен был Богу, который создал и небо, и землю, и море, и все, чем полны они. Родившись же подобно человеку из чрева девы, через рождение человеческое восприял начало Тот, Кто никогда начала не имел, но всегда Сам началом был и всему начало дал — творению видимому и невидимому. Дева же та, от замужества клятвенно отрекаясь, первая всемогущему Богу обет девственного служения принесла. И потому говорю я «первая», что от начала веков, с тех пор, как создан был человек, такого обета ни одна Богу не давала; эта же первой среди жен так душу свою возвысила, что сказала Богу: «Господи, Тебе приношу невинность свою» — и решила, что из любви к Богу непременно останется она девой, хоть и не учили ее тому ни человек, ни писание, и примеров для подражания она не имела.

И вот, сияя как солнце, появился внезапно, прямо в затворенной келье ее, архангел Гавриил. И так как была она испугана видением сим и охвачена трепетом, молвил ей ангел: «Не бойся, Мария, ибо сподобилась ты милости Божией и понесешь [во чреве своем]». Она же, одолев робость, спокойно молвила: «Как же случится сие, ведь не знала мужа я?» Отвечал ей ангел: «Сего ради сойдет на тебя Дух Святой и осенит тебя благодать Всевышнего, и потому рожденное тобой будет свято и Сыном Божиим наречется».¹

¹ Ср.: Лк. 1: 26-31.

И родившись, позволил Он искушить Себя тому дьяволу, который первого человека победил, склонив вкушать с древа, Богом заповеданного. И допустил Он, чтоб приблизился нечистый к Нему и, как некогда первому человеку Адаму устами жены сказал: «Ешь!», и съев, был тот из рая низринут и в сей мир изгнан и весь род людской породил, — так же бы и Ему сказал: «Вели камням этим, чтоб хлебами стали, и ешь, дабы не истощиться». Сам же ответил ему: «Не только хлебом жив человек, но всяческим словом Божиим». И дьявол, который вкушавшего человека некогда победил, лишен был плодов победы своей постыжась и воздержанным. И тому быть следовало, чтоб победивший некогда сына девы сыном же девы и побежден был».

5. Говорит ему царь:

— Но почему назвал ты девой ту, первую, которая вместе с Богом человека породила?

Отвечал апостол:

— Благодарю Бога, что со вниманием слушаешь ты. Так вот: первый человек, Адамом названный, создан был из земли. Земля же, из которой он создан был, девой тогда еще оставалась, ибо не была она ни кровью людскою осквернена, ни разъята для погребения тела. Потому-то и следовало, как уж сказал я, чтобы тот, кто некогда сына девы победил, сыном же девы и побежден был. А поскольку с помощью изощренного коварства добился дьявол, чтоб человек вопреки запрету Бога вкусил и был из рая изгнан и доступа в рай лишен, сделал так этот Сын девы, чтоб силе дьявольской позволено было к Нему подступиться. Была же она такова, что схватил нечистый Сына девы, словно коршун птицу, и бросил Его в пустыню к диким зверям и сорок дней не говорил Ему «ешь», ибо не видел, что Тот алчет. И решил про себя дьявол, что ежели по прошествии сорока дней не взалчет Он, значит наверняка это истинный

Бог. А Бог был истинным! Вернее — есть! Но, будучи также и человеком истинным, не открывался Он никому кроме тех, кто сердцем чист¹ и в добрых делах настойчив.

Когда же увидел Сатана, что по прошествии сорока дней взалкал Господь, и почти уверившись, что вовсе не Бог перед ним, сказал Ему: «Чего томишься? Делай камни хлебами и ешь!»

¹ Ср.: *«Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят»* (Мф. 5:8).

Отвечал ему Господь: «Слушай, дьяволе, ведь потому над людьми ты властвуешь, что прародитель людей Адам, презрев заветы, ему Богом данные, поддался уговорам твоим. Я же, завет Бога храня, вкушать не стану, дабы мне, человеку, одолеть тебя и лишиться той власти, кою обрел ты через падение Адамово».

Увидел дьявол, что отвергнут он, и, призвав себе в помощники другого ангела-отступника именем Маммона, явил безмерное множество золота, серебра и всю славу этого мира и сказал Господу: «Отдам тебе все это, если поклонись мне». Говорит ему Господь: «Ступай прочь, Сатана, ибо писано: "Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи"».

А еще было искушение гордостью, которое претерпел Он на вершине храмовой башни, дабы тот, кто человека, сына девы-земли, единожды победил, трижды побежден был Сыном Святой Девы.¹

¹ Искушение Христа дьяволом в канонических Евангелиях описано несколько иначе, см.: Мф. 4:1-11; Мк. 1:12-13; Лк. 4:1-13. Следуя главным образом за Лукой, автор апокрифа вводит в описание дополнительные детали, делает диалог Христа с дьяволом более пространным, у него появляется третье действующее лицо — демон алчности Маммона.

И как всякий победивший тирана посылает ближних своих, чтоб повсеместно, где тиран властвовал, утвердили они посланного их царя победителем и триумфатором, так и сей человек Иисус Христос, победив, послал нас во все страны, дабы изгоняли мы слуг дьявола, в статуях храмовых обитающих, а людей, кои им поклоняются, из-под ига деспота побежденного выводили. И потому серебра и золота мы не приемлем,¹ но подобно Ему, презиравшему их, презираем. Ибо богатыми только там быть желаем, где лишь Его власть царит, где нет места болезням и усталости, где смерть и печали неведомы, где вечное счастье и блаженство непрестанное, где беспредельна радость и ликование нескончаемо.

И вот с тех пор, как вступил я в храм сей, держу связанным демона, который, в идоле сидя, давал оракулы вам. И помогают мне в том ангелы Пославшего меня. Коли крестишься ты и прозрения удостоишься, дам узреть тебе его и узнать, от какой беды ты избавился. И послушай, из-за какой хитрости кажется, будто всех недужных, что лежат в храме, лечит тот дьявол, который, как уж не раз говорил я, первого человека победил и через ту победу страшную власть обрел, но при этом над одними — большую, над другими же — меньшую. Большую — над теми, кто больше грешит; меньшую — над теми, кто грешит меньше. Так вот, делает оный дьявол посредством ухищрений своих людей больными и понуждает их верить в идолов. А чтобы над душами их власть захватить, тотчас снимает с них порчу, едва скажут они камню, металлу или иному чему: «Ты бог мой». Потому-то и ходят они каждый день и говорят металлу: «Ты бог наш». Но так как держу в оковах я демона, который в сей статуе обретался, не может он приносящим жертвы и поклоняющимся ему ни единого оракула дать. Коли убедиться хочешь, что так и есть оно, прикажу я ему, и вернется он в статую эту, и заставлю признаться его, что скован и оракулы дать не в силах.

¹ См.: Мф. 10:9: *«Не берите с собою ни золота, ни серебра в поясы свои»*.

Говорит ему царь:

— Завтра в час дня собралась жрецы приносить ему жертвы. Появлюсь там и я, чтоб на дело это дивное поглядеть.

6. И вот, на другой день, в первом часу, завопил вдруг демон жертвователям своим:

— Прекратите, жалкие твари, приносить мне жертвы! Не больше страдаете вы, чем я, закованный в узы огненные ангелами Христа. Распяли Его иудеи, думая, что подвластен Он смерти. Он же саму царицу нашу Смерть полонил и жениха ее, владыку нашего, путами огненными связал. А победив Смерть и дьявола, на третий день воскрес и, вручив символ креста Своего апостолам Своим, по всему свету их разослал. Вот один-то из них меня в оковах и держит. Ох и прощу же я вас: умолите его, чтоб позволил он мне в другую страну уйти.

Говорит тут апостол Варфоломей:

— Признавайся-ка, гнусный демон, кем это порча наведена на всех, кто недугами тут разными мается?

Отвечал демон:

— Владыка над нами — дьявол, вот так же некогда скованный, он-то и подсылает нас к людям, дабы сперва губили мы только плоть их, ибо над душами, пока жертв они не приносят, не властны. Но едва принесут ради исцеления тел своих они нам жертвы, снимаем с них порчу, ибо теперь и над душами власть обрели. И оттого-то, что портить перестаем, кажется, будто лечим. И почитают нас словно богов, хотя мы, конечно, суть демоны, слуги того, кто был посрамлен на кресте распятым Сыном Девы Иисусом. С того дня, как пришел сюда ученик Его апостол Варфоломей, чяхну я, раскаленными цепями крепко скованный, и теперь лишь потому говорю, что приказал он мне. Иначе не посмел бы я говорить при нем, как не посмел бы и сам владыка наш. Говорит ему апостол:

— Почему ж не исцеляешь тех, кто собрался здесь?

Отвечал ему демон:

— Мы ведь тела губим, и, коли душу сгубить не успели, тело недуг одолеет.

Говорит ему апостол:

— А каким же образом души вы губите?

Отвечал демон:

— Едва поверят они, что мы-то и есть боги, и жертвы нам принесут, отвернется Бог от приносящих жертвы, и уж тут мы не раны телесные исцеляем, а пробираемся в душу.

Молвил тогда апостол народу:

— Вот кого вы богом считали! Вот кого вы считали целителем вашим! Внемлите ж отныне истинному Богу, Творцу вашему, на небесах существу, а камням бесполезным не верьте. И коли хотите, чтоб помолился я за вас и чтобы всяк, кто присутствует здесь, вновь здоровье обрел, низвергните идола этого и разбейте. А когда сделаете это, освящу я храм этот во имя Христово и вас в этом храме крещеньем благословлю.

Принесли тут все по приказу царя канаты и ворота, но не смогли изваяние опрокинуть. И сказал им апостол:

— Снимите путы с него!

И когда развязали их, говорит он сидевшему там демону:

— Коли не хочешь, чтоб повелел я тебе в бездну броситься, изыди из кумира этого и сокруши его. И ступай в пустыню безлюдную, где ни птица не летает, ни земледелец не пашет и голос человеческий не звучит никогда.

И выйдя тотчас наружу, стал крушить подряд демон все кумиры и не только главного идола уничтожил, но и всю украшавшую храм скульптуру.¹ А заодно и живопись всю истребил.

¹ Как свидетельствуют археологические данные, храмы Астара, или Астарота, были обильно украшены рельефными изображениями лани, копья, руки, дверей, лунного серпа с диском Венеры над ним.

7. И закричали тут все в один голос: «Один Бог Всемогущий, коего проповедует апостол Его Варфоломей».

Варфоломей же, воздев длани свои Богу, сказал:

— Бог Авраама и Бог Исаака, и Бог Иакова, Который ради нашего искупления послал Сына Своего единородного, Бога нашего и Господа, дабы всех нас, кои рабами греха были,¹ искупил Он кровью Своей и детьми Твоими сделал; истинный Бог Он, через Которого Ты познаешь, ибо всегда тот же Ты и неизменным пребываешь: един с Сыном Отец, как и един с Духом Святым, и воистину один Бог Отец нерожденный и один Сын Его единородный, Господь наш Иисус Христос, и один Дух Святой, от Отца исходящий, податель света и наставник душ наших, и есть Он в Отце и в Сыне Твоем, Господе нашем Иисусе Христе, Который дал нам от Себя эту власть, дабы исцеляли мы немощных, слепых наделяли зрением, очищали прокаженных, паралитиков излечивали, демонов обращали в бегство и мертвых воскрешали,² и сказал нам: «Истинно говорю вам, чего б ни попросили вы у Отца Моего во имя Моё, даст Он вам».³ И потому прошу я именем Его, чтобы исцелилась вся толпа сия, дабы узнали все, что один Ты Бог на небе и на земле, и в море, даровавший спасение нам в Господе нашем Иисусе Христе, через Которого Тебе, Богу Отцу, честь и слава со Духом Святым на вечные веки веков.

¹ Ср.: Рим. 6:17.

² Ср.: Мф. 10:1, 8.

¹ Ср.: Мф. 21:22; Иоанн 14:13.

И когда ответили все «аминь», появился сияющий, как солнце, крылатый ангел Господень и, облетев с четырех сторон храм, начертил перстом своим знак креста на ровных плитах и сказал:

— Вот что говорит пославший меня Господь: «очищены все вы от болезней ваших и очищен храм сей от всякой нечисти». И велел Он обитателя храма этого, которому приказал апостол Божий идти в место пустынное, прежде вам показать. Увидев его, не пугайтесь, но тем же знаком, что начертил я на камнях сих, осените перстами лбы свои, и бежит от вас всякое зло.

И явил тут он им огромного, чернее сажи египтянина, знойного ликом, с бороною длинной, космами до пят, глазами пылающими, будто железо раскаленное; изо рта его искры сыпались, из ноздрей вылетало пламя серное, и были крылья его пернатые, словно еж, колючи, и крепко связаны за спиною руки путами огненными.

И сказал ему ангел Господень:

— Коли внял ты слову апостола и очистил храм сей от всякого рода скверны, отпускаю тебя я, как и обещал апостол, дабы шел ты туда, где нет речи людской и быть не может, и останешься там вплоть до Судного дня.

И едва освободил его от пуг ангел, тот, издав мерзким голосом вопль отвратительный, улетел и уж впредь никогда не показывался. Ангел же Господень улетел, зримый всеми, на небо.

8. И крестился тогда царь вместе с женою своею и двумя дочерьми, и со всем войском своим, и со всем людом исцеленным, и со всем народом города своего и соседних городов, царству его сопредельных, и, сняв диадему и одежды пурпурные, неотступно стал следовать за апостолом.

Собрались меж тем жрецы всех храмов и, придя толпой к брату его старшему, царю Астригу, сказали:

— Сделался брат твой учеником чародея, который храмы наши захватывает и наших богов сокрушает.

И едва кончили они плакаться, тотчас из других городов жрецы о том же плакаться стали.

Послал тогда разгневанный царь Астриг со жрецами тысячу мужей вооруженных, дабы, разыскав где угодно апостола, привели они его в оковах к нему. И когда исполнено это было, обратился к апостолу царь Астриг:

— Не ты ли тот, кто в безумье поверг и разорил брата моего?

Отвечал ему апостол:

— Не разорил я его и не в безумье поверг, но одарил и образумил.

Говорит ему царь:

— Не ты ль призывал сокрушать богов наших?

Отвечал апостол:

— Дал я власть обитавшим в них демонам, чтобы сами они нелепых идолов истребили, дабы народ весь, оставив заблуждения, уверовал в Бога всемогущего, на небесах пребывающего.

Говорит ему царь:

— Заставил ты брата моего забыть бога собственного и в твоего Бога поверить, вот и я заставлю тебя твоего Бога забыть и, в моего поверив, жертвы ему приносить.

Говорит ему апостол:

— Бога, коему твой брат поклонялся, связанным явил я и закованным и приказал, чтобы сам изваяние свое он разрушил. Если в силах ты и с моим Богом то же сделать, сможешь и меня к жертвоприношениям принудить. А поскольку не в силах ты ничего повелеть Богу моему, сокрушу я всех богов твоих, ты же уверуешь в моего.

9. И лишь проговорил он это, известили царя, что низвергся бог его Ваалдат и в прах рассыпался. Разодрал тогда царь одежды пурпурные, в кои облачен был, и велел бить палками святого апостола Варфоломея и приказал, избив, обезглавить.

И пришли в бесчисленном числе жители двенадцати городов, уверовавшие вместе с царем Полимием благодаря апостолу, и унесли тело его со всеми почестями и пением гимнов, и построили базилику дивной величины, и положили в ней тело его.

А через тринадцать дней после погребения пришел к храму этому охваченный беснованием царь Астриг и все жрецы вместе с ним. И мучались там они, одержимые демонами, убеждаясь в апостольстве святого Варфоломея. Да так и сгинули.

И были все неверные поражены страхом и трепетом, и все до одного уверовали они, и были в свой черед крещены пресвитерами, поставленными еще апостолом Варфоломеем. А через Откровение, явленное всему народу и всему клиру, дан им был во епископы царь

Полимий. И стал он именем апостола чудеса творить. Продолжалось же епископство его двадцать лет. И наставив всех и умиротворив вполне, и вполне укрепив, отошел он к Господу, Которому честь и слава во веки веков! Аминь.

ДЕЯНИЯ АПОСТОЛА ФИЛИППА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Полемическая направленность и запальчивый тон «Истории Филиппа в Карфагене» заставляют предполагать, что ее основа восходит ко второй половине II в., когда между христианами и иудеями произошел окончательный разрыв, а их вековой спор перерос в ожесточенную ругань. Подобно большинству апокрифических сочинений, «История Филиппа» подвергалась позднейшей переработке и редактированию, но при этом сохранила черты, указывающие на ее гностическое происхождение. Наиболее отчетливо они проступают в обращенной к жителям Карфагена проповеди Филиппа (гл. 5), в которой апостол говорит о новом рождении Мессии Иисуса посредством некоего Знания. Очевидно, автор или редактор сохранившейся версии не был гностиком — пропагандируемое им вероучение вполне ортодоксально, он попросту не заметил гностического смысла этой фразы, приняв ее, вероятно, за парафраз из послания апостола Павла к колоссянам¹. О гностических корнях деяния свидетельствует кроме того и «переадресовка» резиденции Сатаны с Египта (который в представлении христиан античной эпохи был страной демонов) на Карфаген. Большинство гностиков Бог, сотворивший зримый мир, считался воплощением злого начала, и потому поклонение иудейскому Яхве казалось им равносильным служению Сатане. Карфаген же во II—V вв. представлял собой главный центр еврейской диаспоры Западного Средиземноморья, именно туда были переправлены священные сосуды Иерусалимского храма после захвата Рима вандалами.

¹ Кол. 3:9-10.

Обращает на себя внимание широкая начитанность создателя «Истории», ему хорошо известны не только ветхозаветные тексты и церковное предание — он обнаруживает знакомство с агадическими сказаниями и антииудейскими сочинениями греческих писателей дохристианского периода и зачастую предпочитает полагаться именно на них. Безусловно, знает он и повесть о борьбе апостола Петра с Симоном Магом в Риме. Некоторые ее сюжетно-композиционные конструкции были использованы им в «Истории Филиппа».

Подобно Петру, находившийся в Иерусалиме Филипп получает в видении приказ отправиться на Запад (Рим заменен Карфагеном) для борьбы с врагом Господа и, придя в Кесарию, находит там «готовый к отплытию корабль», причем его разговор с капитаном местами дословно повторяет беседу Петра с капитаном корабля, на котором апостол плывет в Италию. Необычному крещению Петром наварха (спустившегося в море по якорному канату) соответствует обращение и очень своеобразное «крещение» Филиппом Ханании на корабельной мачте. Из «Деяний Петра с Павлом» заимствуется также мотив штиля и появления после молитвы апостола попутного ветра. По прибытии «к месту назначения» оба апостола совершают воскрешение, а их противник улетает (делает попытку улететь) по воздуху. Образ «говорящей собаки» тоже не потерян, но сообразно системе символов той культурно-исторической среды, для которой предназначался апокриф, пес превращен в вола. Обыграна в «Истории Филиппа» (гл. 10.) и знаменитая реплика верчеллианских деяний «Quo vadis, Domine?»

Огромную роль в сочинении играет символика иносказаний. По сути дела, она образует второй повествовательный план, который, вполне согласуясь по идеологической (антииудейской) заданности с развитием сюжета, призван придать ему дополнительную убедительность. Продолжение полемики с иудеями средствами художественно-символических иносказаний представляет собой, например, эпизод обращения Ханании. Символика происходящего становится понятной, если вспомнить, что иудеи, не желавшие признавать богоизбранности Иисуса, цитировали слова Второзакония: «Проклят пред Богом всякий повешенный на дереве» (21; 23), из чего следовало, что распятый на древе Иисус ни в коем случае не мог быть Мессией. Парируя этот довод, христианские апологеты утверждали, что проклятье связано не с самой казнью, а с преступлением, которое ею наказывается, распятие же на древе Иисуса Христа явилось средством искупления и спасения. Ханания, будучи подвешен

на мачте корабля (ассоциировавшейся, по свидетельству Тертуллиана, с крестом), искупает страданиями свои грехи, кается и обретает истинную веру: тем самым «наглядно» подтверждается спасительная сила древа-креста и опровергаются аргументы иудеев. Но повешение на дереве богохульного грешника не может быть полностью уподоблено казни безгрешного Иисуса, поэтому Ханания висит на рее вниз головой. Это частичное, «со снижением», уподобление грешного Ханании безгрешному Иисусу проходит через весь апокриф. Подобно Христу, Ханания воскресает на третий день, однако автор и здесь избегает их полного уподобления, возвращая своего героя к жизни не в воскресенье, как можно было бы ожидать, а лишь на следующий день — в понедельник. Символическим смыслом наполнены и часто встречающиеся в тексте апокрифа «точные» указания дня недели или времени суток. В гл. 4, например, правитель-Сатана сообщает, что его полчища ежедневно рыщут по земле лишь до третьего часа. Такая пунктуальность нечистой силы вовсе не случайна: число 3 и третий час, по убеждению древних христиан, имели способность сковывать силы зла. Амвросий Медиоланский (вторая половина IV в.) даже написал гимн, названный им «Песнь на третий час»:

*Час третий, время дивное:
Христос на Крест подъяется.
.....
Вот час, в который древняя
Избытка скверна мерзости
И жало смерти вырвано,
И вины мира отняты.¹*

¹ Перевод С. С. Аверинцева.

В памятнике различимы два литературных пласта. Первый состоит из сюжетов и мотивов, заимствованных в многочисленных христианских сочинениях I-V вв. К более позднему авторскому пласту следует отнести тонко организованную символику структуры повествования, построенную на повторяющемся числе 9, т. е. — трижды Троицы (фольклорная в основе своей композиция упорядочена), стилистически виртуозные проповеди, обильные, хотя и не совсем точные, цитирование ветхозаветных текстов.

Специфические обороты речи и насыщенность апокрифа каббалистическими символами заставляют думать, что сирийская версия представляет собой не перевод с греческого, а оригинал. В научной литературе традиционно указывается, что «История Филиппа» — это сочинение позднего времени (V—VII вв.), однако такой взгляд нуждается в обосновании, поскольку теология апокрифа не обнаруживает знакомства с богословскими проблемами и вероопределениями посленикеевского периода.

Есть основания думать, что у одного из главных героев апокрифа — иудея Ханании был реальный исторический прототип. Известно, что полемика по вопросу об истинности Мессии Иисуса породила в христианской среде легенды, объявлявшие видных таллаев (иудейских законоучителей) явными или тайными последователями Христа.¹ Среди таллаев I - начала II вв. имя «Ханания» носили довольно многие,² но, кажется, только один из них мог послужить прообразом нашего героя. Мы имеем в виду знаменитого тайная «второго поколения»³ Иошуа бен Хананию, игравшего в первой четверти II в. видную роль в дипломатических отношениях между Синедрионом и имперской властью. Согласно Вавилонскому Талмуду и палестинским Мидрашам, этот Ханания много путешествовал по морю, побывал в Афинах, Александрии, неоднократно посещал Рим, где встречался с императором Адрианом. Как и Гамалиил, он никогда не принадлежал к последователям Иисуса и даже прославился искусством ведения споров с ними. Но еще более резко Иошуа б. Ханания выступал против фарисеев, потребовавших после разрушения Храма неукоснительного соблюдения любых, в том числе мельчайших, предписаний Закона. Считая исполнение обрядов без внутреннего чувства ненужным и даже губительным, Ханания говорил, что зависть и злоба губят людей, а счастливыми их делают любовь и умеренность.⁴ Такая позиция имела точки соприкосновения с проповедью Иисуса и могла восприниматься христианами как ее усвоение. Вдобавок к этому у бен Ханании сложились напряженные, даже враждебные отношения с верхушкой Синедриона, от которой он претерпел множество унижений,⁵ о чем, вероятно, было известно и в христианской среде. Таким образом, он должен был казаться христианам вполне подходящей фигурой для «посмертного» обращения в их веру и возведения в сан мученика, якобы погибшего от рук иудеев.

¹ Христианские апокрифы, например, утверждали, будто один из старейших членов Синедрона, «уважаемый всем народом» (Деян. 5:34) фарисей Гамалиил, находясь в Риме, принял христианство и был крещен апостолами Петром и Иоанном. Существовало даже псевдоэпиграфическое «Евангелие Га-малиила».

² См.: ЕЭ, XV, 539-541.

³ К первому поколению принято относить таннаев, действовавших в 10-80 гг., ко второму — в 80-120.

⁴ ЕЭ, VIII, 916.

⁵ См.: *Комэй Дж.* Кто есть кто в истории евреев. М., 1998. С. 237.

С именем Иошуи бен Ханании Агада связала множество легенд и преданий. Среди них есть рассказ о том, как благодаря астрономическим познаниям Иошуи морское плавание из Палестины в Рим было совершено в необычайно короткие сроки. В другом предании утверждается, что во время пребывания в Риме он сумел на основании Библии доказать воскрешение мертвых. В сюжетной канве и образной системе публикуемого апокрифа просматривается, на наш взгляд, христианская перелицовка этих легенд. Главная ее особенность в том, что «теоретическое» в созвучии со всем строем «Истории Филиппа» переведено в план образно-наглядного, а чудесное максимально усилено.

Думается, вполне определенная аллюзия скрыта и в образе карфагенского правителя-Сатаны. Рискнем предположить, что первоначально здесь подразумевался император римлян Элий Адриан (117-138). К такой догадке нас подводят следующие соображения:

1) Со времени правления Адриана и до конца античной эпохи отношение христиан к этому императору оставалось негативным. Они были убеждены, что «Адриан намеревался повсеместно искоренить христианскую веру и установил на месте страстей Господних изображения демонов»¹, и потому вполне могли объявить его сатанинским правителем;

¹ *Сутьниций Север.* Хроника, I, 31, 3.

2) Как уже говорилось, именно с Адрианом тайная Хананию связывают Талмуд и Мидраши, а в агадической традиции их словесные поединки описаны с претензией на стенографическую точность;

3) Содержание некоторых их диспутов перекликается с метафорами и, что особенно важно, — с сюжетными поворотами «Истории Филиппа». Такова, например, беседа о волках, овце и Пастыре,¹ имеющая прямую параллель с обращенными к Филиппу словами Христа (см. гл. 1). В этом совпадении можно, конечно, усмотреть расхожее клише христианской литературы, однако в «Истории Филиппа» есть сюжетная перекличка и с другой, куда менее известной агадической притчей — об Адриане, бен Ханании и бейилайском льве.

¹ Сравн.: Агада. Сказания, притчи, изречения Талмуда и Мидрашей. М., 1993. С. 239.

— Вашего Бога, — сказал Адриан Иошуе, — пророки сравнивают со львом. Велико ли, в таком случае, Его могущество? Ведь любой всадник может убить на охоте льва.

Обратился тогда Иошуа к небесам, и, поднявшись из своего логовища, зарычал лев, и обрушились стены Адриановой столицы. Приблизившись, зарычал он вторично. И выскочили тогда у людей зубы из десен, а императора сбросило с трона на землю.¹ В «Истории Филиппа» (гл. 4), едва апостол (на устах которого пребывает Бог) вошел в Карфаген и осенил себя крестом, правитель-Сатана «низвергся с трона тотчас и навзничь рухнул».

¹ Агада. М., 1993. С. 242.

Если принять версию, что император Адриан действительно был прототипом правителя-Сатаны, становятся понятны некоторые загадочные реплики этого колоритного персонажа, который, неизвестно почему, вдруг начинает оправдываться в том, что «не сидит в этом городе неотлучно», — Адриана часто упрекали в чрезмерной склонности к путешествиям и длительных отлучках из Рима. А Карфаген с его именем связывало название, так как в годы царствования Адриана он был переименован в Адрианополь.²

² *Scriptores Historiae Augustae. Aelius Spartianus. Hadrianus, XX,4.* В русском переводе: Властелины Рима. М., 1992. С. 17.

Этот памятник дошел до нас только в сирийской версии. Публикуемый ниже перевод подготовлен по изданию: *Apocryphal Acts of the Apostles, edited from Syriac manuscripts in the British Museum and other Libraries by W. Wright. V. II. P. 69-92, London, 1871.*¹

¹ Вариант перевода этого памятника на русский язык опубликован Е. Н. Мещерской в книге «Апокрифические деяния апостолов», с. 388-405. Выполненный задолго до ее появления, наш перевод с комментариями был в 1993 г. представлен для ознакомления профессорам А. И. Немировскому, И. С. Свенцицкой и Л. С. Ильинской, но пролежал в издательстве «Республика» более трех лет.

ИСТОРИЯ ФИЛИППА, АПОСТОЛА И ЕВАНГЕЛИСТА²

² Евангелие от Филиппа получило в начале II в. широкое распространение среди христианских общин Египта. О его почитании говорит в «Строматах» (III, 4, 25) Климент Александрийский.

Во имя несотворенной природы бессмертного Бога пишу я чудесную и удивительную историю славных деяний Филиппа, апостола и евангелиста. Да смилуется и поможет мне Господь наш! Аминь.

1. Явился в Иерусалиме апостолу Филиппу Господь наш Иисус Мессия и сказал ему в ночном видении:

— Встань и ступай в город Карфаген, что в Азоте,¹ и прогони оттуда правителя сатанинского, а то пирует он там подобно волку-губителю в стаде, лишенном пастыря. А как изгонишь его, проповедай там Царствие Небесное.

¹ Азотом (или Ашдотом) назывался один из главных филистимских городов Средиземноморского побережья Палестины, а иногда — и вся местность между Яффой и Аскалоном. Согласно книге «Деяний» (8:40), христианство там проповедовал некий Филипп (видимо, всё же дьякон, а не апостол), поэтому автор сделал попытку увязать свое повествование с этим топонимом. Однако маршрут, по которому следует Филипп, и названный им оптимальный срок плавания (10-20 дней — см. гл. 2) заставляют искать подразумеваемый в апокрифе Карфаген (букв. «новый город») не в Азоте, а в римской провинции Ливия. В пользу этого свидетельствует и замечание, что тамошние жители говорят на латыни и греческом, а с арамейским даже незнакомы.

Отвечал Филипп Господу нашему:

— Смилуйся надо мною, Всякой души Воскреситель. Ведомо Тебе, кто я, и что я палестинец, и ни латинского, ни греческого не знаю, а жителям Карфагена незнаком арамейский, как же пойду я проповедовать им Евангелие царствия Твоего?

Говорит Господь наш Филиппу:

— Кто создал Адама по образу Своему и подобию? Кто уста ему сотворил, и очи, и язык, чтобы говорить? Не Я ль, не Господь?

И сказал Филипп Господу нашему:

— Ты — Сын избранный, и сотворил Ты небо могуществом Своим и устроил мир мудростью Своею.

Говорит Господь наш Филиппу:

— Так ступай же во имя Мое и не сомневайся. Буду Я при устах твоих, и заговоришь ты на любом языке, на каком пожелаешь.

Отвечал Филипп Господу нашему:

— Иду, Господи, и да не покинет меня милость Твоя!

2. И отправился Филипп из Иерусалима в Самарию, а из Самарии в Кесарию Палестинскую, и спустился он в гавань, дабы подыскать корабль, направлявшийся в город Карфаген. И нашел он готовый к отплытию корабль, ожидавший лишь ветра попутного. И, подойдя к наварху,¹ завел с ним речь Филипп, чтоб дозволено ему было отправиться с ними в город Карфаген. И сказал Филиппу в ответ наварх:

¹ Наварх — капитан корабля.

— Умоляю, не докучай мне! Ведь вот уж двадцать дней ждем мы ветра попутного, чтоб поднять паруса, и все нет его. Впрочем же, ступай, возьми скарб свой и приходи — может статься, ради молитв твоих пошлет нам Бог желанный ветер, и продолжим тогда мы с миром плаванье наше, ибо вижу я: облик у тебя слуги Божьего.

Говорит наварху Филипп:

— И я, и скарб мой перед тобою. Нет у меня ничего в этом мире, кроме Иисуса Мессии, да и Того распяли. Однако же и в тебе всходы веры я вижу, и потому прикажи людям, кои намерены плыть с нами, чтоб на борт они поднялись и места свои на корабле заняли.

И приказал им наварх, и собрались они все на борту, и устроились там. Когда же вступили на борт наварх и апостол, молвил Филипп бывшим на корабле людям:

— Встанем же и помолимся, и попросим Мессию послать нам ветер попутный, дабы отправились с миром и радостью мы в плаванье наше.

И поднялись они все для молитвы, и говорил в молитве Филипп:

— Господь наш Иисус Мессия, приди на помощь нам. И взываю ныне к Тебе я, дабы уверились эти люди на корабле, что Тобою я послан.

И обернувшись потом он к западу и был укреплен Духом Святости и сказал громким голосом:

— К тебе обращаюсь я, Ангел мира, пекущийся о ветрах попутных. Во имя Господа нашего Иисуса Мессии пошли мне попутный ветер, могущий доставить меня в Карфаген не в пятьдесят и не в двадцать, и даже не в десять дней,¹ но чтобы сегодня мы там оказались, дабы знали все люди эти, что пославший меня Иисус — Сын Бога Живого.

¹ Равное по расстоянию, но сопровождаемое неблагоприятными ветрами, морское путешествие из Кесарии Палестинской до берегов Мальты, весьма реалистично описанное в книге Деяний (Деян. 27-28), заняло не менее двух месяцев.

3. И был на том корабле иудей именем Ханания, не молился он, но богохульствовал, говоря: «Ох уж воздаст тебе Адонай² и тому Мессии, коего выкликаешь, ведь уж при жизни твоей стал он пылью иерусалимской, ты же темных людей именем его все еще с пути сбиваешь».

² *Адонай* (общесемитск. — «господин») — одно из наиболее употребляемых в иудаизме имен Бога. В доэллинистическую эпоху слово «адонай» служило обращением к Богу и лишь с IV в. становится одним из имен Божиих.

И едва совершил молитву апостол, пришло дуновение и с ним некий ангел, и наполнился парус, и закрутился туда и сюда корабль от сильного ветра. Принялись тогда мореходы от причала канаты отвязывать. Поднялся было и иудей, чтоб помочь им паруса ставить, но подцепил его за большие пальцы ног Ангел Господень и подвесил на верхней рее вниз головой.

И летел корабль, и парил над водой, как орел в воздухе, и висел вниз головой иудей. И кричал, и взывал он:

— О Апостол Иисуса Мессии, ведомы тебе тайны людские!

Говорит ему Филипп:

— Нет, не спустишься ты вниз, клянусь жизнью друга твоего Амана,¹ доколь не покаешься в хулах на Иисуса Мессию и в помыслах своих злобных против ревнителей Его. Это Он подцепил тебя и вниз головою подвесил.

¹ В Библии фигурируют два Амана: 1) мельком упомянутый в книге Товит (14, 10) воспитанник Ахиахара и 2) приближенный персидского царя из книги «Эсфирь». Последний был единственным персонажем ветхозаветной истории, которого повесили на дереве. По всей видимости, именно его имеет в виду апостол, иронизируя над висящим на мачте Хананией.

И вскричал иудей:

— Каюсь, мой господин досточтимый. Когда, поднявшись, молились вы посреди корабля, не молился я, но богохульствовал в сердце своем и говорил о тебе: «Ох уж воздаст тебе Адонай и тому Мессии, коего выкликаешь, ведь при жизни твоей лег он пылью иерусалимской, ты ж все темных людей именем его с пути сбиваешь». И явился внезапно ветер и его ангел с ним, и наполнился парус, и закачался корабль туда и сюда от ветра. Принялись тогда мореходы канаты отвязывать, да паруса ставить, поднялся и я, чтоб помочь им. И подхватил меня тут

большими пальцами ног ангел Бога твоего и подвесил вниз головой, как видишь. И гляди: обнажен меч его, и стоит надо мною он и бичует меня плетью огненной. Но молю тебя, господин, прикажи ему отпустить меня, а не то ведь выскочит душа моя через ноздри мои.

Говорит иудею Филипп:

— Как теперь-то мнишь? Веруешь ли в Мессию, что Сын Он Божий? Да или нет?

И, рыдая, вскричал иудей громким голосом: — Да, господин, верую я в Мессию, Бога твоего, что Он Аз есмь Аз, Эль Шаддай, Адонай, Господь Саваоф, Сильный, Славный в святости Своей,¹ сотворивший небо и землю словом Своим; создал Адама Он по образу Своему и подобию; и жертву Авеля принял и отверг жертву убийцы-Каина,² и прибрал Еноха³ к Себе, не вкусившего смерти, и спас от потопа Ноя;⁴ говорил Он с другом Своим Авраамом;⁵ из опрокинутого [города] Лота спас,⁶ от ножа Исаака сберег;⁷ и открылся в Бет-Эль⁸ Он Иакову; и поведал тайны Свои Иосифу;⁹ Израиль из Египта вывел, говорил с Моисеем в кусте терновом,¹⁰ разомкнул Он море перед Народом, ниспослал манну с неба и перепелов с моря принес; фараона и войско его в море Суф уничтожил, Чермном море;¹¹ сохранил Йошуа, сына Нунова, в битвах;¹² Гедеону тайну свою открыл;¹³ укрепил в Израиле Дебору и Барака,¹⁴ говорил с Самуилом в покое храмовом,¹⁵ поверг Голиафа перед Давидом;¹⁶ дал Соломону мудрость; Илию на небо забрал;¹⁷ уберег Элишу от воинов;¹⁸ из рыбы Иону извлек;¹⁹ изо рва Даниила вызволил;²⁰ пред Ананией и сомучениками его укротил Он огонь палящий;²¹ Сусанне пришел на помощь, неправедно обвиненной;²² Эммануил²³ Он, Могущество Божие, и послушны тебе во имя Его море и суша, ветры и ангелы.

¹ По учению иудейских и христианских богословов, множество имен Бога свидетельствует о Его безграничном совершенстве. Ханания перечисляет лишь некоторые из эпитетов, прилагаемых к Богу ветхозаветной традицией, которая упоминает о 72 таких именах.

Аз есмь Аз — В книге «Исход» (3, 14) рассказано, как на вопрос Моисея, что сказать сынам Израилевым об имени Бога, Бог ответил: «Скажи им: "Аз есмь Аз"», т. е. — Я Тот, Кто Я есть, что можно понять и в смысле невыразимости Бога никакими привычными для людей понятиями, так и в смысле Его неизменного равенства Самому Себе. Русский синодальный перевод передаёт это как «Я есмь Сущий».

Эль Шаддай — один из древнейших эпитетов иудейского Бога, который обычно переводят: «Бог Всемогущий» (греч. — Теос Пантократор; лат. — Deus Omnipotens). Под этим именем, согласно книге «Исход» (6, 2-3), Бог открылся праотцам еврейского народа Аврааму, Исааку и Иакову.

Господь Саваоф — этот эпитет в древнейших книгах Библии не встречается, его стали широко использовать лишь в эпоху великих пророков, поэтому часть иудейских богословов не признаёт за ним сакрального значения. Считается, что он произведен от еврейского слова «цебаот» — сонм, воинство. Греческий и русский тексты Библии иногда передают его буквально, иногда же как «Бог сил», при этом подразумеваются «силы небесные».

² Земледелец Каин принес жертву Богу *«от плодов земли»*, а пастух Авель — *«от первородных стада своего и от тука их»* (Быт. 4, 3-5).

³ Енох — седьмой ветхозаветный патриарх, о котором в книге «Бытия» (5, 24) сказано: «И ходил Енох перед Богом, и не стало его, потому что Бог взял его». Эти слова дали повод дохристианским толкователям Пятикнижия утверждать, что Енох, подобно пророку Илие, вознесен на небо живым. Агада расцвечивала это событие красочными подробностями. Благодаря одному из посланий, приписываемых апостолу Павлу (Евр. 11:5), такой взгляд утвердился и в христианской экзегетике.

⁴ Историю потопа и спасения Ноя см. Бытие (гл. 6-8).

⁵ Авраам — родоначальник еврейского народа. Согласно одному из множества толкований этого имени, оно возникло как прозвище и первоначально звучало Га-ивра, т. е. «[прибывший] из-за Евфрата», Книга Бытия рассказывает, как Бог многократно являлся Аврааму и говорил с ним, а устами пророка Исаи даже называл его «Своим другом» (Ис. 41:8). Этот титул закрепился за Авраамом в иудейской, а затем и в христианской литературе.

⁶ История спасения Лота во время гибели распутных городов Гоморры и Содомы, названного здесь (как, между прочим, и в Коране) «опрокинутым», см.: Быт. 19.

⁷ Желая испытать веру Авраама, Бог повелел ему принести в жертву своего юного сына Исаака, но когда над отроком уже был занесен нож, посланный Богом ангел остановил руку Авраама (Быт. 22:1-18).

⁸ *Бет-Эль* (евр. «Дом Божий»), в традиционной транскрипции — Вефиль, ханаанский город, расположенный к востоку от среднего течения Иордана и первоначально называвшийся Лузом (Быт. 28:19). Согласно Книге Бытия, ночевавший близ Бет-Эля Иаков выдержал

рукопашную борьбу с Самим Богом и «видел Бога лицом к лицу», а потому вновь переименовал местность, назвав ее «Пенуэл», т. е. «Лицо Божие» (32:30).

⁹ Иосиф — один из сыновей патриарха Иакова, проданный братьями проезжим купцам и перепроданный теми в Египет. Благодаря Божественному наитию, Иосиф сумел истолковать фараону его вещие сны и получил за это титул Цафнаф-панеах (Быт. 41:45), т. е. «охранитель мира». Однако Иосиф Флавий, за которым, видимо, следует в данном случае автор апокрифа, «зывает другой титул — «Псофомфанех» и толкует его как «Открывающий тайное» (Древности, II; 6, 1).

¹⁰ Согласно книге «Исход» (3:1 — 10), пасшему овец Моисею Бог явился в виде языков пламени на терновом кусте.

¹¹ Перечисляемые Хананией случаи Божественной помощи еврейскому народу во время его бегства из Египта описаны в книгах «Исход» и «Числа». *Море Суф* (букв, тростниковое) — древнееврейское название Суэцкого залива. В Септуагинте переводчики использовали греческий топоним — Красное море, в русских же переводах его традиционно называют «Черным».

¹² Йошуа, сын Нунов (в синодальной транскрипции Иисус Навин) — помощник и преемник Моисея, завершивший после его смерти завоевание Ханаана. Видя в его имени пророческое предзнаменование имени Мессии (*Тертуллиан. Против иудей*, 9), раннехристианские писатели часто вспоминали об Иисусе Навине в полемике с иудеями.

¹³ История Гедеона изложена в Книге Судей (6-8). Бог не раз являл ему чудеса (6:21; 6:38-40 и др.), однако трудно сказать, какое из них автор называет «тайной». Возможно, здесь имеется в виду один из эпизодов многочисленных агадических сказаний, героем которых он являлся.

¹⁴ Согласно Книге Судей (4:4), пророчица и судия Дебора стала вдохновительницей борьбы израильского народа за свержение ига ханаанского царя Иавина, военачальник Барак был её ближайшим сподвижником.

¹⁵ Самуил — последний из судей израильских. Еще отроком был по обету родителей отдан для служения в Храм и однажды ночью услышал троекратный призыв Бога, а затем Его повеление передать престарелому священнику Илию, что его дом ждет возмездие за нечестивое поведение сыновей (1 Цар. 3:1-14).

¹⁶ Юный Давид одолел в поединке филистимского великана Голиафа, поразив его пущенным из пращи камнем (1 Цар. 17:49-50).

¹⁷ Согласно 4-й Книге Царств (2:11), пророк Илия был живым вознесен в огненной колеснице на небо.

¹⁸ Пророк Элиша (в традиционной русской транскрипции — Елисей) — ученик и преемник Илии, присутствовавший при его вознесении. В 4-й Книге Царств (6:12—23) рассказано, как Бог поразил слепотой сирийские войска, посланные, чтобы захватить Элишу.

¹⁹ Пророк Иона во время бури был сброшен с корабля и проглочен китом. Через три дня по велению Бога кит изверг живого Иону на сушу (Ион. 2).

²⁰ Пророк Даниил в числе других уведённых в плен евреев еще юношей попал в Вавилон, а позднее достиг высокого положения при дворе царя Дария. Из-за происков завистливых царедворцев он был брошен в львиный ров, но «Бог послал ангела Своего и заградил пасть львам» (Дан. 6).

²¹ Иудейский юноша Анания и его товарищи, служившие смотрителями дворцовых покоев царя Навуходоносора, были брошены в раскаленную печь за отказ поклоняться золотому идолу, но остались невредимы (Дан. 3).

²² Красавица Сусанна, отвергшая домогательства двух знатных старцев, была ложно обвинена ими в нарушении супружеской верности и осуждена на смерть, но благодаря вмешательству пророка Даниила, ведомого Святым Духом, оправдана и спасена (Дан. 13). Пример с Сусанной завершает тщательно подобранный ряд эпизодов ветхозаветной истории, в которых Бог выступает как Спаситель верных своих.

²³ *Еммануил* (евр. «с нами Бог») — в христианской литературе один из эпитетов младенца-Иисуса, впервые прозвучавший в Евангелии от Матфея (1:23). Поводом для этого послужило пророчество Исайи: «*Се Дева* (в еврейской Библии «жена») *приимет во чреве, и родит Сына, и нарекут имя ему Еммануил*» (Ис. 7:14). Иудеи, полемизируя с христианами, тоже опирались на это пророчество, указывая, что Иисуса никогда не называли Еммануилом и, следовательно, Он не Мессия. Те же иудеи, которые приняли христианство, наоборот, предпочитали, по свидетельству Тертуллиана, именовать Христа Еммануилом. Называя Иисуса Еммануилом, Ханания тем самым признаёт Его истинным Христом.

Обрадовался Филипп словам иудея, и, восславив Бога, сказал:

— Хвала Тебе, Господь наш Мессия, укрощающий умы мятежные и языки богохульные и в одно мгновение их обращающий в арфу, славу Тебе поющую. Прости ж и впрямь, Господи, уверовавшего в Тебя раба Твоего Хананию.

И в сей же час ангел Господень, от Ханании по правую руку стоявший, подхватил его и опустил его, и поставил его посреди корабля. Пал тут Ханания в ноги Филиппу и сказал, рыдая:

— Да пребудет, о апостол Мессии, милость твоя на мне! Отмоли меня у Всеспасителя, чтоб простил Он мои богохульства, коими хулил я тебя и богов (sic!) твоих.

Поднял апостол его и сказал ему:

— Коли извинил и простил тебя Мессия, кто ж осудит тебя? Встань и не бойся, удостоит тебя Иисус Мессия истинного крещения Своего.

И объял тут страх всех 495 человек, на корабле пребывавших.¹ Изумлялись они и говорили: «Никогда не бывало такого среди людей». И пока удивлялись они тому, что с иудеем этим случилось, и глаза свои горе возводили, глядь, и показался карфагенский маяк.

¹ «...495 человек, на корабле пребывавших». — Едва ли здесь следует видеть гиперболу. По сообщению Иосифа Флавия, на судах I в. н. э. порой находилось до шестисот пассажиров. Указание их точного числа — не исключение для раннехристианских текстов (ср., напр.: Деян. 27:37). Скорее, в данном случае нужно искать некий каббалистический смысл.

Зашептались тут они, говоря друг другу: «То ли виденье это, то ли сон, то ли демон нас морочит? Или же впрямь Бог истинный с человеком этим. Видел ли кто прежде подобное чудо? Слышал ли кто прежде о диве подобном? Покрыли мы за единый день семьдесят пять масьюн!»¹

¹ *Масьюна* (от лат. *mancio* — привал, ночлег) — сирийская мера пути. Если допустить, что она эквивалентна упомянутому в Книге Чисел (11:31) «дневному пути», равному 44,5 км. (ЕЭ, XI, 428), то указанное в апокрифе расстояние от Кесарии Палестинской до Карфагена будет весьма близким к реальности.

Но едва заметил Ханания, что зашептались они друг с другом, разорвал он края одежд своих и вскричал:

— О слепцы незрячие! Глупцы злобные и неверящие! Разве ж не видели вы, что со мной приключилось, когда богохульствовал я в сердце своем Мессию? Молчите ж и ничего на избранника этого не замышляйте, покуда не подвесили вас всех вниз головой. Не желаете, стало быть, вы в Бога праведника сего уверовать? Но ведь коль повелит он во имя Мессии этому городу, очутится в Гибтусане² тот со всеми жителями своими.

² Издателями сирийского текста «Истории Филиппа» была высказана догадка, что под словом «Гибтусан» автор подразумевал Египет.

И едва промолвил так иудей, глядь, стоит уж корабль в гавани карфагенской. Закричали тут разом все: «Слава Тебе, Бог мар¹ Филиппа! Послушны во имя Твое ему море и суша, ветры и ангелы».

¹ *Мар* (сирийск.) — почтенный господин, повелитель.

Благословил их Филипп во имя Господа и отпустил по домам с миром, сам же в гавани задержался, дабы укрепить наварха в вере Божией.

4. А в воскресенье сошел Филипп с корабля, чтоб вступить в Карфаген и изгнать оттуда, как ему было Господом велено, правителя сатанинского. И, входя в городские ворота, осенил он себя крестным знаменем и препоручил Мессии.

И узрел он сидящего на троне индийца:² обвивали два змея чресла его и вился на голове клубок гадючий; подобно углям глаза пылали, изо рта вылетал огонь гремучий и тянуло дымом смердящим от того места, где сидел он, а по левую и правую руку его полчища стояли темнокожие.

² Индийцами в раннехристианской литературе называли не только жителей Индостана, но также и население Южной Аравии, эфиопов, нубийцев — т. е. народы с очень смуглой или черной кожей. Считалось, что они, будучи порождением тьмы и зла, обитают в некоей южной

стране и чернокожи, как и сам владыка мрака Сатана и его прислужники, поэтому демонов раннехристианские сочинения довольно часто именуют «индийцами» или «египтянами». Называя правителя-Сатану «индийцем», автор апокрифа, возможно, имел в виду некую реальность — присутствие в Карфагене первых веков нашей эры наемного войска, состоящего из темнокожих африканцев.

И, едва увидев, как вошел в ворота апостол и крестом себя осенил, низвергся он с трона тотчас и навзничь рухнул, а за ним и войска его. Говорит тут апостол правителю:

— Не смей подниматься, исчадьё огненное! Отродье Геенны, от века проклятое! Горечь, ни единого дня своего сладости не дававшая! Ненавистник ты праведности и всякой истины враг! Искунитель Адама, на Еву и всех чад ее смерть навлекший!

Говорит правитель апостолу:

— Почто клянешь меня, избранник Всевышнего? Растолкуй же мне, что не по праву я сделал? Может, пред тобою в чем-нибудь виноват? Поноси, ибо не сижу в этом городе неотлучно и до третьего часа по всей земле рыщут легионы мои. Но ни к кому из учеников Иисусовых подступиться они не смеют, ибо предостерег я их и приказал им и повелел: «Где бы ни прозвучало имя Иисусово, не оставайтесь там, дабы не навлечь на меня кару безвременно».

Горе мне, если вдруг обманул кто из них меня и, запрет нарушив, некоего ученика Его потревожил. Да только, знать, прогневан мной Истребляющий следы наши, раз послал Он избранника этого вон из города меня выгнать!

Горе мне! Что со мною случилось?! Горе мне! Что со мною стряслось?

И что ж это за напасть такая? Что за судьба мне такая выпала? Вот ведь как меня зацепило! Вот ведь как меня прихватило! Куда ж идти мне, где голову приклонить? Куда бежать, куда спрятаться? Где ж укрыться мне, чтобы целу быть? Где ж затаиться мне, чтоб беду избыть? Но куда от Могушества этого скроюсь!? Куда убегу от Силы такой?! Хоть кричи, хоть молчи — всё в огне гореть! А в море брошусь — так потоплен буду. Уготовано пекло мне, муки всем моим полчищам! Ведь Он и с Неба сбросит и в Аду достанет!¹

¹ В причитаниях правителя-Сатаны слышны отзвуки пророчеств Амоса: «Хотя бы они зарылись в преисподнюю, и оттуда рука Моя возмет их; хотя бы они взошли на небо, и оттуда свергну их» (Амос 9:2).

Посрамлен был на востоке я звездою Его, вот и на западе Евангелие проповедают; чтут десницу Его уже на севере и на юге кресту поклоняются. Погубил Иисус меня смертью Своей, опорочил Своим возвышением, ос-меянью подверг Своим рубищем. Обманул Он меня Своим обликом, посрамил меня воскресеньем Своим. Он глаза мне отвел Своим убожеством, одурачил меня Своим смирением, в исступленье поверг прозорливостью.

Тенета мои порушил, силки мои обнаружил, сети мои на куски изорвал, с головы моей корону сорвал, трон сокрушил, власти меня лишил, славу мою другим отдал; под ноги убогих подстилкой бросил, калом младенцев неразумных сделал, посмешищем ребят малых, пугалом грешников ничтожных. Всё у меня отобрал, а взамен только дал мне и слугам моим лишь стенать да рыдать, да судьбу проклинать в беспросветной тоске.

Оцепенел весь город, слыша, что говорит правитель, но не видел его никто, только апостол один через Духа Святого. И сказал ему так Филипп:

— Именем Господа нашего Иисуса Мессии, Бога Сильного, меня против тебя пославшего, повелеваю тебе я: встань, забирай трон свой, собери легионы свои и ступайте вон все из этого города, ведь три тысячи семьсот девяносто пять лет веселились вы здесь и куражились.

И сейчас же вскочил правитель и, схватив трон свой, прочь увел свои полчища. И неслись они оттуда по воздуху, вопя на лету:

— Горе из-за тебя нам, правитель наш! Горе из-за тебя нам, царь наш!

Горе из-за тебя нам, владыка наш! И стонали они в пути непрерывно, пока не достигли города Вавилона¹, где и поставили трон правителя своего.

¹ Вавилон — этим иносказанием в раннехристианской литературе часто обозначали столицу Римской империи.

5. А Карфаген был страхом объят, и говорили все, прославляя Бога:

«Слава Тебе, Бог Филиппа Иисус Мессия! Не воздал Ты нам за нечестья наши и не поступил с нами по грехам нашим. Не знали Тебя мы, Господи, Ты же по милосердию Своему

послал избавителя нам. Слава милости Твоей, обильно на нас излившейся, во веки веков! Аминь».

И сказал Филипп народу карфагенскому:

— Слышали вы, братья мои, что кричал правитель, пылая и корчась пред силою Сына Божьего — Иисуса Мессии, ибо Сила Он и Мудрость Отца Своего, и создан Мудростью этой мир и всё обитающее в нем. А потому, братья мои, оставьте теперь же своё прежнее на идолов упование. Вымыслом живописцев и кумирами не обольщайтесь, ибо из камня и дерева, глины, олова и свинца, серебра или золота, железа и меди люди их делают. Есть глаза у них, но не видят; уши есть, но не слышат, и нет дыхания на устах их; не осязают их длани и ноги не ходят, не обоняют их ноздри и гортань безмолвна, а чтоб на куски не рассыпались, скреплены они гвоздями и скобами. Оттого-то и носят их, что сами ходить не могут. И стоят они, точно столбы оструганные, ибо говорить не могут.¹ Не страшитесь их — ни худого, ни доброго сделать они не в силах. И речено про них Богом, что уподобятся им делающие их и в них верящие. И потому обратитесь к Сыну Бога живого, в чьих руках души ваши и дух ваш. Ибо первый Он Бог и ни единого нет кроме.

¹ Эта часть проповеди апостола сконструирована из вольно переданных цитат ряда ветхозаветных текстов, сравн.: *«Есть уста у них, но не говорят...»* (См.: Пс. 134, 15-18); *«Они, как оструганный столп... их носят...»* (Иер. 10:3 сл.)

Отвергните Сатану, братья мои, и в Мессию уверуйте. Бегите мрака, ищите света небесного. Отриньте шуйцу губящую и примет вас десница несокрушимая. Спаситесь Геенны огненной — и обретете веселье в Саду Эдемском.

Сорвите одежды с древнего человека, похотью греховной растленного, и облачите в них человека нового — Иисуса Мессию, знанием вновь рожденного в облике Отца Своего. Бегите и сторонитесь прелести женской, подобно огню опаляет она и губит воспламененных ею. И в Бога поверив, в веселье пребудете.

Кто уверовал в Него и отринут Им был? Кто поверил Ему и был брошен Им? Кто воззвал к Нему и не ответил Он? Благ и милосерд Господь, и прощает грехи Он и зову внимлет исполняющих волю Его.

Уверуйте, дорогие мои, ибо простит Он прегрешения Ваши, когда обратитесь к Нему всем сердцем, и станет чист и от сомнений свободен будет рассудок ваш.

И едва сказал это горожанам апостол, закричали они:

— Славен Бог, избавителя нам пославший!

И, благословив их, отправился Филипп в гавань, где стоял корабль, из Кесарии Палестинской его доставивший.

6. А в субботний день собрались в синагогу свою иудеи, бывшие в Карфагене. И послали звать они еврея Хананию, поверившего в Мессию. И спросили иудеи его:

— Брат наш Ханания, неужто и впрямь сотворил такое с тобою на корабле Филипп-чародей?

Крестным знаменем себя осенив, отвечал им Ханания:

— Всё, что слышали вы обо мне, и впрямь было, ни к чему мне вовсе Господа отрицать, Иисуса Мессию.

Говорят ему иудеи:

— От Моисея не отрекайся, а в Мессию не верь, ибо самозванцем он был, ученики же его с чародейством спознались.

Радуясь вере своей, отвечал иудеям Ханания:

— Да пребудет на мне сей обман Мессии, и на жене и на детях моих, и да осенит чародейство, коему ученики Его предались, кости пращуров моих в Шеоле.¹

¹ Шеол — в представлении иудеев: место пребывания умерших.

А что до вас, так уж дал Исайя-пророк пророчество вам, ибо говорил ему Бог: «Пойди, скажи сему народу Израиля, что увидят знак они и не узреют, весть услышат и не поверят, ведь закрыли они очи свои и уши себе заткнули, так что не могут слышать они ушами и разуметь сердцами своими и сокрушаться, и не могу Я простить им прегрешения их».²

² Ср.: Исайя 6:9-10.

Властиители содомские, народ гоморрский, семя злое и едкое, поколение, крепости сердца лишенное, Бога души своей не признавшее; злодеяния дети, порока и зла отродье, грешников потомство, мыкать горе осужденное; лоза содомская, Гоморры побег; чада, глупые и неразумные, во зле умудренные, добра непознавшие; народ, с корнем вырванный, последней шкуры лишенный; серебро отверженное; просо рассыпанное; мехи порванные; хитон дырявый; полотно негодное; ветошь скверная; смоковница проклятая; виноградник зла, убийц плодящий; телица упрямая; водоем разбитый, воды не хранящий; деньги порченые купца окаянного; шерсть сухая, влагой своей язычников оросившая; сыны оглашенные, и с рабами несравнимые; корни горькие, николи сладости во дни свои не дававшие; Бога своего на тельца сменявшие; в жертву дьяволу сынов и дочерей своих приносящие; ненавистники Сына, враги Отца, Духа Святости гонители; солнцепоклонники, Таммузу жертвы несущие, Ваала слуги, идолов жрецы; Ахава дети, Иезавелью вскормленные; псы безгласые, лаять неспособные; жестоковыйные и сердцем необрезанные.¹

¹ Эта обличительная речь дает представление о «полюемических приемах», использовавшихся христианами в спорах с иудеями. Большинство эпитетов, которыми «награждает» их Ханания, заимствованы из ветхозаветных текстов.

«Властиители содомские, народ гоморрский» — ср. Исая 1:10: *«Слушайте слово Господне, князья содомские; внимай закону Бога нашего, народ гоморрский!»*

«лоза содомская, Гоморры побег» — ср.: Второзаконие 32:32: *«Ибо виноград их от виноградной лозы содомской и с полей гоморрских».*

«чада глупые...добра не познавшие» — ср.: Иеремия 4; 22: *«неразумные они дети, и нет у них смысла; они умны на зло, но добра делать не умеют».*

«серебро отверженное» — ср. Иеремия 6:30: *«Отверженным серебром назовут их, ибо Господь отверг их».*

«просо рассыпанное» — ср. Амос 9:9: *«Я повелю и рассыплю дом Израилев по всем народам, как рассыпают зерна в решете».*

«телица упрямая» — ср.: Осия 4:16: *«Ибо как упрямая телица упорен стал Израиль, посему будет ли теперь Господь пасти их, как агнцев на просторном пастбище?»*

«водоем разбитый» — ср.: Иеремия 2:13: *«Меня, источник воды живой, оставили и высекали себе водоемы разбитые, которые не могут держать воды».*

«псы безгласые» — ср.: Исая 56:10: *«все они немые псы, не могущие лаять».* Среди метафор, в Библии отсутствующих, представляет интерес упоминание о сухой шерсти, отразившее одну из особенностей быта древних обитателей маловодного Ханаана: стремясь восполнить недостаток воды, они расстилали на ночь под открытым небом сухую шерсть и, выжав ее утром, собирали росную влагу. (См.: Книга Судей, 6:36-38).

Таммуз — в Библии (Иезек. 8:14) — Фаммуз. Одно из древнейших божеств плодородия народов Передней Азии. В сиропалестинском регионе его культ существовал с III тысячелетия до н. э. по V в. н. э. и, согласно пророку Иезекиилю, соседствовал у иудеев с почитанием Яхве.

Ваал — древнесемитское божество, главный соперник единобожия Яхве, рецидивы его почитания имели место у евреев вплоть до их вавилонского пленения. Пророк Иеремия упоминает о детских жертвоприношениях Ваалу (Иер. 19:5). Царь Израиля Ахав и его жена царица Иезавель, покровительствуя культу Ваала, воздвигали ему храмы и алтари, одновременно разрушая алтари Яхве и преследуя Его пророков.

Коль никому вы из пророков не поверили, где уж поверить вам Ханании ничтожному?! Выводили Моисей с Аароном из Египта отцов ваших, так сколь часто побиваемы от вас камнями бывали?¹ Явился у вас Йошуа, сын Нунов, задумали погубить вы его отравой смертной.² Являлись Самсон,³ Гедеон и Барак, Иеффай⁴ и Дебора, изводили вы их всю жизнь, день изо дня. Священник ваш Илий явился, и был жадностью вашей от священства отринут.⁵ Пророк Самуил явился, вместе с Богом своим его вы отвергли.⁶ Явился Давид пророк — с позором его из Иерусалима изгнали,⁷ Царь Соломон явился, стал Астарте служить, богине сидонской.⁸ Явился Исаяя-пророк, распилили его вы пилой самшитной.⁹ Явился у вас Иезекиль-пророк, за ноги его волочили, покуда мозг не вытек.¹⁰ Иеремия-пророк явился, в яму грязную его вы бросили.¹¹ Явился Михей-пророк, по щекам, вы его, будто дитя, хлестали.¹² Явился Амос, помешали ему вы пророчествовать.¹³ Явился тогда Хабаккук-пророк, да через ваши грехи от пророчества своего уклонился.¹⁴ И явился потом пророк Захария, но как агнца прирезали вы его пред алтарем Господним.¹⁵ А потом Малахия пророк явился, вывели вы словесами своими из терпения Бога его.¹⁶ Явился Илия-пророк, вы принудили его на Хорив бежать.¹⁷ Элиша-пророк явился, возжаждали вы убить его.¹⁸ Свет сияющий — Иоанн Креститель явился, отрубили ему

вы голову и в темницу его упрятали, и возвещать он стал воскресенье из мертвых.¹⁹ В довершение же грехов ваших, злодейства дети, распяли вы Господа, пророка истины. А теперь вот тираните вы учеников Его, коим предстоит воссесть в Судный день на двенадцати тронах славы и судить двенадцать колен Иакова.²⁰

¹ Обвинение иудеев в жестокой расправе над собственными пророками было стандартным приемом ведения полемики их христианскими оппонентами. В начале III в. Тертуллиан писал: «Одних своих пророков иудеи побили камнями, других изгнали, третьих предали разного рода смерти». Автор апокрифа, настойчиво стремясь доказать этот тезис, готов опираться на любые источники, даже если их сообщения расходятся с ветхозаветной традицией.

«...побиваемы камнями бывали» — согласно Библии, во время исхода из Египта народ не раз роптал на Моисея, но только однажды, после возвращения разведчиков из земли ханаанской, дело едва не дошло до расправы над ним: «И роптали на Моисея и Аарона все сыны Израилевы... И сказало все общество: "побить их камнями!"» (Числа, 14; 2, 10). Однако версия о «частом побииении» великого законодателя его соплеменниками несет на себе отпечаток гротеска и, скорее всего, не принадлежит автору апокрифа. Еще до начала христианской эры вокруг этого пророка разгорелась острая греко-иудейская полемика, в результате которой к многочисленным народным и агадическим сказаниям о Моисее добавилась довольно значительная литература, включавшая истории, памфлеты и даже трагедии (как, например, драма трагика-эллиниста II в. до н. э. Иезекииля «Исход»). При этом иудеи всячески возвеличивали своего пророка, греки же, в противовес им, осыпали его насмешками. Бьющая не только по иудеям, но и по Моисею, реплика Ханании едва ли могла родиться в христианской среде и, вероятно, обязана своим происхождением какому-то греческому памфлетисту дохристианской эры.

² Ни еврейская, ни христианские Библии не содержат никаких намеков на чьи-либо попытки или замыслы отравить Иисуса Навина. Возможно, такой сюжет существовал в одном из посвященных ему агадических сказаний, изобиловавших не слишком правдоподобными и даже фантастическими эпизодами. (В дошедшей до нас Агаде сохранились рассказы о женитьбе Иисуса Навина на Рахабе из Иерихона, о его препирательствах с солнцем, о том, как он на 36 часов задержал наступление субботы.) Но не менее вероятна и умышленная «подгонка фактов» христианским автором под тезис о расправе иудеев над собственными пророками.

³ Самсон — знаменитый герой, прославившийся многими подвигами в борьбе с филистимлянами (См.: Книга Судей, 13-16). С его именем связана огромная апокрифическая литература.

⁴ Иеффай — предводитель разбойничьей шайки, возглавивший по просьбе старейшин армию Израиля и разгромивший аммонитян, в течение шести последующих лет был судьей Израиля (Суд. 11-12); отрицательный герой ряда агадических сказаний, но в представлении христиан — «великий муж древности» (См.: Евр. 11:32).

⁵ Первосвященника и судию израильского Илия сразил удар при известии о захвате ковчега завета филистимлянами, что явилось карой за недостойное поведение его сыновей-мздоимцев (1 Цар. 4:18). Ни в Библии, ни в Агаде нет сведений о лишении Илия сана первосвященника. Очевидно, автор ошибочно, а скорее — умышленно, относит к нему воспринятые церковным преданием (Афраат, Епифаний) агадические легенды о пророке Илие, в которых тот представлен первосвященником, принужденным оставить ковчег и скрываться в горах от преследований царицы Иезавели.

⁶ Очевидно, здесь имеется в виду обращенное к Самуилу требование израильского народа о замене власти первосвященника властью царя (См. 1 Цар. 11-12), обвинение же иудеев в якобы сопутствовавшем этому требованию отказе от собственного Бога продиктовано тенденциозностью автора.

⁷ Царь Давид покинул Иерусалим, получив известие о мятеже, поднятом его третьим сыном Авессаломом (2 Цар. 15).

⁸ «...стал Астарте служить, богине сидонской». — См.: 3 Цар. 11:5.

⁹ Сообщения о том, что пророк Исайя за свои обличения царя Манасии был распилен деревянной пилой, в Библии отсутствуют, но сохранились в агадической литературе. Согласно Талмуду, Исайя, спасаясь от преследований Менаше (Манасии), спрятался внутри кедра, впустившего его в свои недра, едва пророк произнес имя Бога, и тогда по приказу царя дерево было распилено вместе с укрывшемся в нем беглецом (Иеба-мот, 496; Иер. Сангедрин, X). В памятнике иудейской апокрифики «Вознесение Исайи» чудо с кедром не упомянуто, хотя описанию казни пророка посвящена целая глава, где сказано: «...и озлился Велиар на Исайю, и вселился он в сердце Манасии, и был Исайя пополам распилен пилой деревянной. А когда его

пополам пилили, стояли вокруг лжепророки и обвинитель его Вельхира, смеясь и злорадствуя над Исасей» (V:1-3). Вероятно, именно этот эпизод подразумевал ап. Павел в послании к евреям (11:37). Дополненное некоторыми интерполяциями, «Вознесение Исасей» получило во II в. широкое распространение среди христиан и было переведено на греческий, коптский, эфиопский и латинский языки, его влияние чувствуется в сочинениях таких церковных авторов, как Иустин Мученик («Диалог с Трифоном иудеем», гл. 120), Иероним Блаженный (Комментарии на послания апостола Павла, 11, 37). «Низовая» же христианская литература, интенсивно усваивая устную агадическую традицию, следовала за какой-то иной (хотя и близкой) версией гибели пророка. Отсюда и «уточнения» о самшитовой пиле, отпиливание одной только головы («Апокалипсис Павла», 49) и тому подобных обстоятельствах казни.

¹⁰ Иезекииль — великий пророк периода вавилонского пленения. В Библии ничего не говорится о последних годах жизни, а тем более — о насильственной смерти Иезекииля, однако сходное описание расправы над ним встречается и в других апокрифических сочинениях (См., напр., Апокалипсис Павла, гл. 49). Вероятно, оно входило в круг устных церковных преданий, которые в течение первых ста лет существования христианства интенсивно усваивали агадическую традицию.

¹¹ «в яму грязную его вы бросили». — См.: Иер. 38:6.

¹² «...будто дитя, хлестали». — См.: 3 Цар. 22:24.

¹³ *Амос* — один из 12 «малых» пророков. Пророчествовал в Бет-Эле, столице израильского царя Иеровоама, но был изгнан в Иудею по требованию бет-эльского священника Амасии (Амос 7:10).

¹⁴ *Хабаккук* (традиционная русская транскрипция — Аввакум) — один из 12 «малых» пророков. Сведения о времени, месте и обстоятельствах его жизни в Библии отсутствуют, но, как всегда бывает в таких случаях, пробелы в Священном Писании с лихвой восполняет легендарная традиция. Согласно одному из преданий, Хабаккук во время нашествия Навуходоносора на Иерусалим, предвидя падение города, удалился в пустыню.

¹⁵ Автор апокрифа вольно или невольно путает пророка Захарию с Захарией, сыном Варахиина, убитым, по словам Христа, «между храмом и жертвенником» (Мф. 23:35; Лк. 11:51). Впрочем, попытки отождествить этих двух Захарий делались и позднее.

¹⁶ *Малахия* — последний из 12 «малых» пророков описывает в своей книге пререкания иудейских священников с Богом (Мал. 1:6-7). Разгневавшись, Бог говорит иудеям: «Нет Моего благоволения к вам и приношение из рук ваших не благоугодно Мне» (Мал. 1:10).

¹⁷ «...на Хорив бежать». — См.: 3 Цар. 19.

¹⁸ В книгах Священного Писания не упоминается о чьих-либо замыслах убить пророка Элишу, но, возможно, в апокрифе отразилось одно из древнееврейских преданий.

¹⁹ Такова авторская последовательность изложения событий или же погрешность переписчика.

²⁰ «...на двенадцати тронах славы...Иаковлевых». — Ханания неточно цитирует слова Иисуса Христа, обращенные к ученикам: «...сядете и вы на двенадцати престолах судить двенадцать колен Израилевых» (Мф. 19:20).

И, взглянув на Хананию, увидели все иудеи, что подобен он ликом ангелу Господню, и заскрежетали зубами они, будто волки алчущие. И поднявшись, пнул один из священников ногой Хананию, да и умер тот.

Вырыли они яму у себя в синагоге и, схоронив его, поклялись друг другу, что не откроет в доме своем ни единый из них о содеянном ими.

7. И вот на следующий день стал в девятом часу Филипп посреди корабля на молитву, и горожане с ним.¹ Помянув в молитве своей Хананию, сказал апостол:

¹ Ковчег и корабль уже во II в. (если не ранее) символизировали у христиан храм и Церковь вообще. В знаковой системе древних христиан водная стихия символизировала приобщение к жизни вечной.

— Господь наш Иисус Мессия, сохрани от коварства иудейского раба Твоего Хананию и доставь его к нам, дабы возрадоваться мы могли, увидев его.

И услышал Бог молитву Филиппа, и повелел земле, и расступилась она, и вынесло Хананию словно трубой водоводной на дно морское, и подхватил и понес его Господом посланный дельфин большой.²

² Дельфин, часто изображавшийся на христианских надгробиях, означал новообращенного, которого ждет воскрешение во плоти.

Все еще молился на корабле апостол и, подняв глаза, взглянул он на воду и увидел вдруг скользящего по волнам дельфина, тело Ханании на себе несущего. Когда же увидели это люди, которые подле были, испугались они страхом великим, ибо решили, что явился им демон.

Говорит им на то апостол:

— Не пугайтесь, братья мои! Благодаря телу сему многим предстоит в Мессию уверовать.

А потом вскричал громким голосом:

— Слава Тебе, о Господь, Воскреситель жизни! Всяк, кто верит в Тебя, хотя б и умер уже, чрез Тебя жив будет, а всяк неверящий — пусть и жив, и по земле ходит — мертв пред Тобою! — А дельфину молвил Филипп: Именем Мессии, Господа тварей всех, повелеваю тебе: прежде, нежели в город приду и обличу открыто убийц Ханании-мученика, отнеси тело его в то место точно, откуда взял ты его.

И нырнул дельфин в море, и отнес в то место Хананию, откуда взял он его, и доставили его недра туда, где убит он был. Повелел Господь земле — и сомкнула она преграды свои, дабы не выплеснулись недра наружу и города не смели.

8. А на следующий день сошел апостол Филипп с корабля и отправился в город к судье, и сказал ему:

— Об одной услуге тебя прошу, благоволи оказать мне ее.

Отвечал ему судья:

— Приказывай, господин. Чего бы ни пожелал ты, сделаю для тебя.

Говорит Филипп судье:

— Вели всех иудеев, в этом городе находящихся, сюда собрать, ибо есть у меня, в чем обличить их перед тобой.

Послал немедля судья служителей своих и собрал к себе всех старейшин иудейских. И сказал тогда игемону¹ Филипп:

¹ Игемон (*греч.*) — так жители грекоязычных провинций Империи называли главу римской администрации данной области.

— Воссядь в городском совете в кресло судейское и разбери дело между ними и мной.

И когда занял царь (*sic!*) кресло свое судейское, говорит Филипп иудеям:

— Где Ханания, который из Кесарии Палестинской со мною на корабле прибыл и христианином Мессии сделался? Достоверно ведомо мне через Господа нашего Иисуса, что понуждали его вы исповедовать Моисея и Мессию отринуть.

Отвечали Филиппу иудеи:

— Разве стражи мы Ханании-отступнику?

Говорит иудеям Филипп:

— То-то назвал вас Господь сынами Каина! Ведь и Каин думал, убив брата своего Авеля, что не видел его ни один человек. И спросил Каина Бог: «Где же брат твой Авель?» Отпирался Каин, подобно вам, и говорил: «Не знаю, не страж я ему». И сказал Каину Бог: «Что наделал ты! Вот, взывает ко Мне с земли кровь брата твоего Авеля. Проклята из-за тебя земля. Скитальцем и странником быть тебе на земле, коя отверзла уста свои и приняла кровь брата твоего от рук твоих».¹

¹ Ср.: Быт. 4:9-12.

А теперь, убийцы, признавайтесь мне, где Ханания-мученик, и тогда попрошу я за вас Мессию, чтоб простил Он вам беззакония ваши.

Иудеи ему в ответ:

— Уж сказали тебе мы: не объявлялся у нас Ханания и не знаем мы вовсе, что случилось с ним.

Говорит Филипп иудеям:

— Скажите ж мне, где исповедник Мессии Ханания, жизнь за Учителя своего отдавший? И не лгите, и предо мною не отпирайтесь, ибо не мне лжете, но существу во мне Духу Святому.

Говорят ему иудеи:

— Если б пребывал с тобой Дух этот, было б ясно тебе, что не знаем мы ничего о Ханании. Но лжец и обманщик ты, и нет в тебе правды, оттого-то стоишь и поносишь нас.

Говорит им снова апостол:

— А, случись, нашелся б у вас Ханания, что бы сделать с вами тогда по заслугам следовало?

Отвечали иудеи Филиппу:

— Окажись он у нас, все мы смерти были б достойны перед Богом и цезарем.

Говорит им апостол:

— Коли так в правоте своей вы уверены, не велит ли вам совесть ваша признать, что на вас кровь Ханании-исповедника? Поклянитесь мне, и поступим мы с вами, как велит Параклет,¹ во мне пребывающий.

¹ Параклет (*греч.* «утешитель») — обычный для раннехристианской литературы эпитет Святого Духа.

Закричали тут иудеи:

— Нет же, Богом Авраама клянемся, говорившим с Моисеем в кусте терновом, — не объявлялся у нас Ханания, и не знаем мы, что приключилось с ним.

9. И тогда, Духом Святости укрепленный, сказал апостол собравшимся и стоявшим там:

— Посторонитесь немного.

А когда расступились те, поглядел вдаль апостол Божий и увидел селянина, в город вола больного ведущего, чтобы там его мясникам продать. Подозвал апостол его, да и говорит волу:

— К тебе обращаюсь я, вол, животное ты бессловесная! Повелеваю тебе именем Господа нашего Иисуса Мессии, при слове Которого всякая тварь трепещет, — соберись с силами и ступай в синагогу убийц этих, и завопи там в голос: «Ханания, Ханания! Призывает тебя Филипп, ученик Господа нашего. Встань! Иди! Посрами иудеев, убийц этих!»

Потащил тотчас вол хозяина своего и наземь его опрокинул, сам же бегом побежал, и, в иудейскую придя синагогу, словно человек, завопил:

— Ханания, Ханания! Призывает тебя Филипп, апостол Мессии. Встань! Иди! Посрами убийц своих, иудеев!

И поднялся по слову этому мертвый. Взял в десницу свою узду воловью, и поспешили вместе они к апостолу, а хозяин вола вслед за ними бежал. И придя, распростерлись все трое перед Филиппом.

10. Вскрикнул апостол и сказал Ханании:

— Отколе грядеши, друг мой?¹

¹ Трудно отказаться от мысли, что вопрос Филиппа подсказан знаменитой фразой другого апостола, обращенной к Христу — «Камо грядеши, Господи?» Если наша догадка верна, то это еще один пример сниженного («друг мой» вместо «Господи») и в определенном смысле инвертивного уподобления Ханании Иисусу.

Отвечал Ханания Филиппу:

— Из синагоги убийц моих, иудеев. Тех, что пред тобою стоят. Ведь убили они меня и в своей синагоге зарыли, ибо уверовал я в Господа Иисуса Мессию, жизнь мне давшего, и христианином стал. Ныне прошу тебя, господин, воздай за меня ты убийцам этим.

Говорит апостол Ханании:

— Послушай же, сын мой и друг Ханания! Писано нам: «Если сам за себя не воздашь, Аз воздам», — говорит Бог; и «Если голоден враг твой, дай есть ему, если жаждет, дай ему пить, и когда делаешь так — сыплешь угли горящие на главу его». А еще рек Он: «Не давайте злу одолеть вас, но добром зло одолевайте». И еще писано: «А коли завидует тебе человек или же ненавидит тебя, не вымаливай вреда ему, дабы не оскорбить очей Господа, чтоб не отвратил Он беды от него и не перенес ее на тебя и на дом твой». И повелел нам Податель Жизни: «Молитесь за врагов своих и благословляйте проклинающих вас, делайте добро ненавистникам и гонителям вашим, дабы быть вам детьми Отца вашего, на небесах сущего, Который солнцу Своему сиять позволяет и дурным и добрым, и даёт дождю Своему излиться на праведных и на злобных». И еще заповедал нам Господь наш: «Коли не прощаете вы обид людям, не простит и вам их Отец ваш Небесный; прощайте же обидчиков ваших». И еще рек Он: «Благословенны милостивые, ибо милость на них пребудет».¹ А теперь приблизься к убийцам твоим иудеям и, исполняясь

Духа Святого, говори с ними.

¹ Увещание апостола составлено из вольно цитируемых стихов ряда ветхо- и новозаветных текстов. «...*Аз воздам*». — Ср.: Рим. 12:19. «...*на главу его*». — Ср.: Притч. 22-23; Рим. 12:20. «...*добром зло одолевайте*». — Ср.: Рим. 12:21. «...*на дом твой*». — Ср.: Притч. 24:18. «...*на праведных и на злобных*». — Ср.: Мф. 5: 44-45. «...*обидчиков ваших*». — Ср.: Мф. 6:14-15. «...*милость на них*». — Ср.: Мф. 6:7.

И едва сказал это апостол Ханания, заговорил снова вол и молвил Филиппу:
— Прикажи мне, господин, повалить и рогами своими прибить тотчас убийц этих, врагов Мессии.

Говорит апостол волу:

— Не вреди человеку и ступай с хозяином своим, да служи ему. Исцелит и тебя Господь, и его таким целением, что никогда страдать тебе не придется.

Поклонились вол и хозяин апостолу Божьему и пошли в свое селение с миром.

11. И сказал апостолу игемон:

— Что ж, заслужили смерть иудеи эти.

Отвечал апостол:

— Не убивать послал меня Господь, а воскрешать и жизнь дарить тем, кто лишь с виду жив, но сражен Сатаной за грехи свои.

И стояли убийцы перед апостолом и судьей с пристыжёнными лицами и не знали, что отвечать им следует. Лишились речи они от чуда с волем, словно человек говорившим, и узрев, что Ханания убиенный стоит перед ними.

Подошел Ханания к убившим его иудеям и сказал им:

— Исполняется ныне над вами пророчество Иеремии. Говорил пророк: «Стыдом вора пойманного посрамлены дети Израиля: и они, и цари их, и князья и священники, кои дереву говорят: "Отец ты наш", а каменной скале — "мать ты наша"». ¹ Ныне пойдете с миром вы, дети убийцы Каина. Воздаст за меня и спросит за мою кровь невинную, руками вашими пролитую, Господь наш Иисус Мессия, в Коего уверовал я.

¹ Неточная цитата из книги пророка Иеремии. Ср.: Иер. 2:26-27

И сказал иудеям апостол:

— Слушайте же, вы, на ком вина крови невинной, что говорил Соломон, царь ваш: «Прибежит к избраннику знающий за собой вину крови человеческой, но не освободит [от греха] его тот». ¹ И писано в Законе вашем: «Всякий человекоубийца сам убит будет и не будет выкуплен, и не простится грех ему перед Богом, пока не прольется кровь пролившего кровь невинную». ² Но нам, христианам, за Мессией следовавшим ученикам Его, Иисус Мессия так повелел: «Сказано было древним: щеку за щеку, зуб за зуб; Я же говорю вам: не противьтесь злу, но если хлестнет тебя кто по правой щеке, и другую ему подставь». ³

¹ Ср.: Притч. 28:17.

² Ср.: Чис. 35:30-33.

³ Ср.: Мф. 5:38-39.

И хоть с жаром говорил апостол, не раскаялись они и не просили пощады. И сказал тогда апостол судье:

— Гони прочь их!

Отдал судья приказ молодцам своим, и прогнали они иудеев всем скопом с глаз долой.

12. Охватил тут страх всех как есть иудеев, в Карфагене живших. И восклицали они, прославляя Бога:

— Бог Филиппа-апостола — Бог сущий! Ветры и ангелы Ему покорны, поднимаются мертвые во славу Его, и восхваляют дельфины и звери величие Иисуса Мессии, Всевышнего Бога.

И стали учениками [Его] в тот день около трех тысяч душ из язычников, а из иудеев — пятнадцать сот, и приняли они крещение Мессии, и возвеселились в любви Иисусовой, Который удостоил их милости Своей.

Иудеи же, слову апостола не поверившие, ушли из города и поселились в других городах.

Но прежде, чем солнце село, поразил и убил ангел Господень пятьдесят священников иудейских, ибо пролили они кровь невинную справедливого и праведника.

А все, кто слышал и видел [это], исповедались и молились и кланялись низко, приговаривая:

— Истинный Бог и Суций Господь наш Иисус Мессия и с Ним Отец Его и Дух Его Святой. Честь Им и слава, хвала и почет от всех поколений всегда и навеки. Аминь и Аминь».

Здесь заканчивается история Филиппа, апостола и евангелиста.

ЕВАНГЕЛИЕ ДЕТСТВА СПАСИТЕЛЯ АРАБСКОЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Впервые «Арабское евангелие детства» (оригинальный текст с латинским переводом) было опубликовано кембриджским профессором Генрихом Сайком в 1697 г. на основе арабской рукописи, приобретенной незадолго перед тем в Лионе.¹ Этот манускрипт вскоре был утерян и никаких сведений о его возрасте и происхождении не сохранилось, однако аналогичный арабский текст позднее удалось обнаружить в книгохранилищах Флоренции (целиком), Рима и Парижа — во фрагментах.

На протяжении XVIII - первой трети XIX вв. латинский перевод Г. Сайка многократно переиздавался в Англии и Германии в составе различных антологий новозаветных апокрифов.² В 1832 г. Дж. Тило вновь опубликовал (по изданию Г. Сайка) утраченный арабский текст, сопроводив его исправленным латинским переводом,³ а спустя двадцать лет К. Тишендорф совместно с известным арабистом Г. Флейшером предпринял тщательную сверку латинской и арабской версий. Выявленные в результате ее разночтения (которых оказалось довольно много) он оговорил в подстрочнике своего издания апокрифических евангелий, ставшего впоследствии классическим.⁴ На его основе сделаны все известные нам переводы этого памятника на современные языки, в том числе и для антологий, появившихся в самые последние годы.⁵

¹ *Evangelium infantiae vel liber apocryphus de Infantiae Servatoris ex manuscripto edidit ac latina versione et notis illustravit Henricus Sike. (Utrecht, 1697).*

² Фабрицием в 1719 г. — в Гамбурге; Джонсом в 1726 г. — в Лондоне (переиздания в 1798 и 1827 в Оксфорде); Шмидтом в 1804 г. — в Вейсбадене.

³ *Codex apocryphus Novi Testamenti. V. I. P. 63-158. Lipsiae, 1832.*

⁴ *Evangelia Apocrypha. Ed. C. Tischendorf. Lipsiae, 1853.*

⁵ См., напр.: Henneke-5, v. I. Tübingen, 1987 (немецк.), Cambridge, 1991 (англ.); *Elliott J.* — 93; *Elliott J.* — 96.

Русский перевод «Арабского евангелия детства», впервые опубликованный в 1914 г.¹ был выполнен В. В. Гейманом по латинской версии Тило и повторял все ее неточности, исправленные за шестьдесят лет до этого Флейшером и Тишендорфом. Хотя отдельные главы переведены В. В. Гейманом безукоризненно, в целом его работа грешит большим количеством труднообъяснимых несоответствий латинскому тексту и, по справедливому замечанию Б. Г. Деревенского, порой «затушевывает» колоритные обороты оригинала блеклыми фразами, не имеющими ничего общего ни с латинской, ни с арабской версиями.² Нередки в нем и явные ошибки, приводящие к серьезному искажению или даже утрате смысла. Например, в главе 4-й фразу «*ибо славил и величали рождество Христово небесные уста и земные*», одинаково передаваемую всеми латинскими версиями как «*quoniam ora et coelestia et terrestria glorificabant et magnificabant...*», В. В. Гейман почему-то перевел: «*где властители небесные и земные воздавали славу и хвалу...*» Речь между тем идет о продрогших и нищих пастухах.

¹ Апокрифические сказания о Христе. IV. Книга младенчества. СПб., 1914.

² Иисус Христос в документах истории. СПб. 1999. С. 285, прим. 320.

Во вступительной статье к современному переизданию геймановского перевода говорится о сверке с арабским оригиналом,¹ но при этом, к сожалению, не уточняется, что именно, когда и кем сверялось. Никак не обозначены и результаты этой сверки. Нужно думать, они едва ли исчерпываются транслитерацией с арабского на русский нескольких имен и топонимов.

¹ Там же. С. 262.

Как ни странно, прямых переводов «Арабского евангелия» на европейские языки до сих пор не существует. Хочется, однако, надеяться, что в обозримом будущем мы получим русский перевод этого памятника, сделанный непосредственно с языка его оригинала. Для тех, кого может заинтересовать такая работа и кому она по силам, предоставляем информацию об изданиях арабского текста: 1. *Giles J. A. Codex Apocryphus Novi Testamenti: The Uncanonical Gospels and Other Writings*. London, 1852. V. I. P. 12-32; 2. *Studia Orientalia Christiana Collectanea*. V. 7(1962). P. 103-114.

Древнейший арабский манускрипт, содержащий это евангелие, хранится в Лаврентиевской библиотеке во Флоренции и до сих пор не опубликован. Он состоит из сорока семи листов и имеет в конце приписку (выполненную той же рукой, что и основной текст), из которой явствует, что копия с «Книги детства Господа нашего Иисуса Христа» была снята неким верным и смиренным рабом Господним Исааком (*Isaac, ben Abi alpharagii, ben Isaac, ben Presbyteri*), а работа над ней была завершена в четырнадцатый день месяца сциабата 1610 года Александровой эры (февраль 1299 г.). Манускрипт украшен большим количеством миниатюр, которые иллюстрируют практически все эпизоды «Арабского евангелия детства». Часть из них была опубликована Е. К. Рединым в VII т. Записок Императорского Русского Археологического общества¹ и воспроизводится в нашей книге.

Публикуемый ниже перевод выполнен по изданию: *Evangelia Apocrypha*. Ed. C. Tischendorf. Lipsiae, 1853. P. 171-202. Названия глав в арабском оригинале и латинских версиях отсутствуют, поэтому мы заключаем их в квадратные скобки.

ЕВАНГЕЛИЕ ДЕТСТВА СПАСИТЕЛЯ АРАБСКОЕ

Во имя Отца и Сына, и Святого Духа, Единого Бога.

С помощью и промыслием Всевышнего Бога начинаем писать мы в мире Господнем книгу о чудесах Владыки и Господа, и Спасителя нашего Иисуса Христа, Евангелием Детства именуемую.

1. Нашли мы [нижеследующее] в книге первосвященника Иосифа, жившего во времена Христовы, иные же называют его Каиафой.¹ Утверждает он, да и впрямь оно так, что заговорил Иисус еще в колыбели лежа,² и сказал Он матери своей Марии:

¹ Иосиф Флавий называет этого первосвященника Иосифом Каиафой (Древности, XVIII, 2, 2).

² Ср.: Коран 3:41: 5:109.

— Я — Иисус, сын Божий, о λόγος,³ коего родила ты, как и провозвестил тебе ангел Гавриил. И послал меня мой Отец для спасения мира.

³ ο λόγος — слово (*греч.*).

2 [Рождение Иисуса]

В триста же девятом году Александровой эры⁴ издал эдикт Август, чтобы прошел всякий и каждый перепись на родине у себя.⁵ И потому собрался Иосиф и, взяв обрученницу свою Марию, отправился на Иерусалим и пошел к Вифлеему, дабы вместе с семьею своею в родном городе записаться. И когда достигли они какой-то пещеры, сказала Мария Иосифу, что настает время родить ей и что не сможет она до города дотянуть. Давай, говорит, войдем в пещеру эту. Случилось же все уже на закате солнечном. Поспешно вышел Иосиф, чтобы [какую-нибудь] женщину к ней позвать, дабы помогла Марии она. Увидав в поисках ее старуху-еврейку из Иерусалима, говорит он: «Послушай, почтенная, соизволь сюда подойти и вступить в пещеру эту, в ней женщина рожать собралась».

⁴ Имеется в виду эра Селевкидов — династии сирийских царей, основанной одним из сподвижников Александра Македонского Селевком Никатором в 312 г. до н. э.

⁵ Ср.: Лк. 2:1-4.

3

И вот уж после захода солнца подошла старуха, а с ней и Иосиф, к пещере, и вступили они вместе в нее. Глядь: полна она чудного сиянья, и было прекрасней оно света лампад и солнечного блеска превосходней. Младенец спеленатый грудь матери своей Владычицы Марии сосал, в яслях лежа. Подивились оба они свету этому, и спросила старушка Владычицу Марию, не она ль родившемуся матерью будет? Когда же подтвердила это Мария, — «не похожа ты вовсе, — говорит, — на дочерей Евы». И сказала Владычица Мария:

— Как нет среди детей равного Сыну моему, так и ни одна среди жен не сравнится с родительницей Его.

А старуха ей:

— Госпожа моя, пришла ведь я платы ради, и уж давненько параличом маюсь.

Говорит ей госпожа наша Владычица Мария:

— Возложи на младенца руки свои.

И едва сделала так старуха, разом здорова стала. Вышла тогда она из пещеры, сказав:
— Буду отныне я служанкою и рабыней младенца этого во всякий день жизни моей.¹

¹ Ср.: Протоевангелие Иакова. Гл. 19-20.

4 [Пастыри]

А потом пришли пастухи.² И после того как разожгли огонь они и развеселились, явились им воинства небесные, слава и восхваляя Б[ога] В[семогущего]. Вторили пастыри им, и стала в тот миг пещера храму Вышняго мира подобна, ибо славили и величали рождество Христово небесные уста и земные. И когда увидала старуха-еврейка чудеса эти явные, возблагодарила Бога она, сказав:

² Ср.: Лк. 2:8-20.

— Благодарю Тебя, Бог, Бог Израиля, ибо видели очи мои рождество Спасителя мира.

5 [Обрезание]

Когда же время обрезания наступило, день, стало быть, восьмой, следовало по Закону обрезать мальчика.³ И совершили обрезание над ним в пещере. Забрала старуха эта еврейка крайнюю плоть (правда, говорят иные, будто пуповину она взяла) и поместила ее в сосуд с народным маслом древним. Сын же ее был продавцом благовоний, и, отдавая ему сосуд, сказала она:

³ Лк. 2:21.

— Остерегись продавать сей флакон благовонного нарда, даже если б и триста денариев тебе за него предложили.⁴

⁴ Предостережение старухи как бы предвосхищает попытку Иуды Искарюта продать это народное масло за триста денариев. См.: Иоанн 12:5.

Был же это тот самый сосуд, что купила Мария-грешница и вылила на главу и ступни Господа нашего Иисуса Христа, а потом их своими власами отерла.¹

¹ Здесь контаминированы два разных евангельских эпизода. Первый происходит в городе Наине почти сразу после крещения Иисуса Предтечей, а женщина, помазавшая Его ноги миром, названа «грешницей» (Лк. 7:37-38). Второй относится к последним дням земной жизни Христа, когда Он гостил в Вифании у воскресенного им Лазаря; Мария, умастившая Его ноги нардом, была сестрой Лазаря и Марфы (Иоанн 12:3).

А спустя десять дней перенесли в Иерусалим младенца, в сороковой же от рождения день доставили Его в Храм и перед Господом положили, совершив жертвоприношения за Него, как в Моисеевом законе предписано, то есть: всяк де мужского пола, ложесна разверзающий, посвящен будет Богу.²

² Последняя фраза этой главы представляет собой парафраз из Священного Писания. Впервые она встречается в книге «Исход»: *«И сказал Господь Моисею: Освяти Мне каждого первенца, разверзающего ложесна между сынами Израилевыми от человека до скота: Мои они»* (13:2). В Евангелии от Луки эта заповедь воспроизводится в следующей форме: *«Как предписано в законе Господнем, чтобы всякий младенец мужского пола, ложесна разверзающий, был посвящен Господу»* (2:23).

6 [Сретенье]

И узрел Его столпом света сияющим Симеон-старец, когда несла Его на руках своих, радостью от Него наполняясь, Владычица Мария-дева, мать Его; и окружали Его со всех сторон торжествующие ангелы, подобно страже, царя охраняющей. Поспешил Симеон к Владычице Марии и, руки пред нею воздев, сказал Господу Христу:

— Отпусти ныне с миром, о Господь мой, раба Твоего, согласно тому, что сказано Тобой было, ведь увидели уж очи мои милость Твою, уготованную Тобою для спасения всех народов — свет язычникам всем, а народу Твоему, народу Израиля — славу.

Находилась там и Анна-пророчица. Подошла она, Богу хвалу вознося и счастливую Владычицу Марию благословляя.¹

¹ Ср.: Лк. 2:22-38.

7 [Волхвы]

Случилось же так, что когда родился Господь Иисус в Вифлееме иудейском во времена царя Ирода, пришли вдруг с востока маги в Иерусалим, как и предсказывал Зерадушт.² И были с ними дары — золото, ладан и смирна. Поклонились они Ему и дары свои поднесли. Взяла тогда Владычица Мария одну из пелен Его и на память им подарила. Приняли с благоговением они ее, и в тот же час явился им ангел в облике звездном — той самой звезды, что была им прежде вождем на дорогах. И отправились они за светом ее путеводным, и следовали за ним, пока страны своей не достигли.³

² Имеется в виду полулегендарный основатель иранской религии зороастризма Заратуштра.

³ Ср.: Мф. 2:1-12; Протоевангелие Иакова, 21.

8

Собрались к ним цари и князья тамошние порасспросить о виденном ими и совершённом, и о том, как туда они ехали и как оттуда, и что с собой назад привезли.

Показали они пелену, Владычицей Марией им данную, и устроили по этому поводу празднество, и огонь по обычаю своему разожгли, и поклонились ему, и оную пелену в огонь бросили. Объяло и поглотило пламя ее. Когда же погас огонь, вынули пелену такой, как прежде была, будто вовсе огонь ее не касался. Принялись тут они целовать ее; на глаза и на головы себе ее возлагали, говоря:

— Ведь и впрямь это истина несомненная! Уж и то одно поразительно, что не смог огонь ни спалить ее, ни испортить.

А потом взяли они пелену и с великим почетом средь сокровищ своих поместили.

9 [Бегство в Египет]

Ирод же, увидав, что маги его обманули и не вернулись к нему, призвал священников с мудрецами и сказал им:

— Откройте мне, где должен Христос родиться? Когда же ответили те, что в Вифлееме, городе иудейском, замыслил Ирод убить Господа Иисуса Христа.

И явился тотчас во сне Иосифу ангел Господень и молвил:

— Встань, возьми мальчика и мать Его и ступай в Египет.

Поднялся тот по крику петушину и ушел.¹

¹ Ср.: Мф. 2:13-15.

10 [Крушение идола]

Но пока размышлял он, какую дорогу надлежит ему выбрать, настигло утро его. И хотя совсем невеликий путь он проделал, к большому городу уже приближался. Был там идол, которому, клятвенно повинувшись, прочие идола и божества египтян покорствовали. Состоял при нем жрец, ему услужавший, и все, о чем вещал Сатана из недр идоловых, передавал он народам Египта и владений

его. Был у жреца того сын трехлетний, сворой демонов одержимый; много говорил он и прорицал, а охваченный бесами, разрывал на себе одежды, оставался голым и в людей камнями швырял. И был в этом городе странноприимный приют, идолу тому посвященный, и когда, придя в этот город, Иосиф с Владычицею Марией направились в тот приют, страшно встревожились горожане, и собралась все жрецы и вся знать перед главным идолом, и спросили его:

— Почему дрожать и трястись земля наша стала?

Отвечал им идол:

— Пришел сюда тайный Бог, но воистину Бог Он. И не достоин кроме Него ни единый как Бог почитаться, ибо и впрямь Он Сын Божий. И едва распознав Его, вздрогнула эта земля, а от прихода Его — волновалась и трепетала. Да и сами мы пред величием силы Его трепещем.

И тотчас рухнул тот идол. И сбежались к руинам со всего Египта жители.

11 [Исцеление сына жреца]

Когда сыном жреца всегдашняя его хворь овладела, напал он, ворвавшись в приют, на Иосифа и Марию, все же прочие, бросив их, убежали. А госпожа Владычица Мария, постирав перед тем пеленки Господа Христа, на жердях их сушить развесила. Подбежал бесноватый

мальчик этот и, одну из пелен схватив, на голову себе положил. Как тут начали бесы, в змей и ворон обратившись, изо рта его стремглав выпрыгивать! И тотчас, волею Господа Христа исцеленный, стал этот мальчик Бога славить, а потом Господа, его исцелившего, благодарить принялся.

И вот увидел отец, что здоровье к нему вернулось.

— Сын мой, — воскликнул, — что случилось с тобой? Чьим же промыслом исцелился ты?

Отвечал ему сын:

— Как опрокинули меня бесы наземь и овладели мной, бросился я в приют и увидел там жену величавую с мальчиком, чьи пеленки только что постирав, она на жердях развесила. И когда я схватил одну из них и на голову себе положил, покинули меня демоны и бежали.

Сильно рад был тому отец.

— Сын мой, — говорит, — может статься, что мальчик этот и есть Сын Бога Живого, небо и землю сотворившего. Едва пришел Он к нам, рухнул наш идол и пали все боги наши, великим могуществом его сокрушенные.

12 [Страх египетский]

Так свершилось пророчество, гласившее: «Из Египта Я воззвал Сына Моего».¹

¹ См.: Осия 11, 1; Мф. 2, 15.

Услышав, что рухнул тот идол и сгинул, были Иосиф с Марией страхом и трепетом объята и говорили:

— Когда находились мы в земле израильской, замыслил Ирод убить Иисуса и перерезал поэтому всех чад Вифлеема и округи его. И нет сомнения в том, что едва египтяне прознают, как рухнул их идол, сожгут они нас в огне.²

² Сожжение заживо практиковалось в Римской империи как наказание за святотатство и занятия магией, «повлекшие» за собой чью-либо смерть.

13 [Первые разбойники]

И уйдя оттуда, попали они в местность, где логово разбойников находилось. Отняли те разбойники у каких-то людей скарб и одежду, да и самих их связали. Но слышат вдруг разбойники: великий гул, который бывает, когда войско и конница великого царя с барабанным боем из города выступает. Бросили тут, испугавшись, разбойники все награбленное, пленники же развязали путы друг другу, на ноги встали, разобрали скарб свой и разъехались. А когда встретились им подходившие туда Иосиф с Марией, то спросили они у них:

— Где ж тот царь, который сюда приближался, и чьего войска гул услышав, бросили нас разбойники, отчего мы и целы остались?

14 [Бесноватая]

А потом пришли они в другой город, где жила женщина бесноватая. Когда ночью однажды по воду она вышла, вселился в нее мятежный и проклятый сатана. Невыносимы одежды ей были и терпеть она не могла покоев: голая, ремни и цепи, которыми связывали ее, порвав, то и дело на пустыри убегала и, стоя на перекрестках дорог, да на кладбищах, в людей

камнями швыряла, тяжкие муки [домочадцам] своим доставляя.

Увидев ее, исполнилась состраданием к ней Владычица Мария. И едва пожалела она ее, тотчас покинул женщину сатана и стремглав, точно бесенок какой, выскочил из нее с воплем: «Горе из-за тебя мне, Мария! Горе мне из-за Сына твоего!»

Так и была она от мучений своих избавлена. А придя в себя, устыдилась эта женщина наготы собственной и, хоронясь от взоров людских, домой поспешила. И уже в одежды облаченная, отцу и [домочадцам] своим о случившемся рассказала. И поскольку наизнатнейшими в этом городе они были, с величайшим почетом приняли они у себя Владычицу Марию с Иосифом.

15 [Немая невеста]

А назавтра, снабженные дорожным припасом, ушли те от них и к вечеру в тот же день другого селения достигли. Справляли там свадьбу, но из-за козней проклятого сатаны и усердия чародеев онемела тамошняя невеста и совсем бессловесной сделалась. Когда же вступила, неся Сына своего Господа Христа, в селение это Владычица Мария, протянула, увидав ее, немая невеста к Господу длани свои и на руки Его подхватила и, крепко к себе прижав, целовала, баюкала и качала, над Ним склонившись. И разомкнулись тотчас уста ее, и стали уши слышать. Воздала она Богу, ей здоровье вернувшему, хвалу и благодаренье. Жители же селения этого всю ночь от радости ликовали, решив, что сошел с небес, да прямо — к ним, Бог с ангелами своими.

16 [Змей-насильник]

Три дня они там оставались, в довольстве живя и почете. А потом, дорожным припасом снабженные, удалились от них и пришли в другой город, где ввиду многолюдства его заночевать надумали. Проживала в том городе некая жена добродетельная. Но пошла однажды она купаться на реку, и глядь: бросился на нее в змеином облике сатана проклятый и вкруг живота обвился, а потом, что ни ночь, стал врываться к ней и, на ней растянувшись, грубо насилие вершил.

Увидала женщина эта госпожу Владычицу Марию и младенца Господа Христа на груди у нее и, умилившись, так Владычице Марии сказала:

— Дай, о госпожа, подержать и расцеловать мне младенца этого.

Протянула Его Мария той женщине. И едва прикоснулся Он к ней, отпустил и стремглав покинул ее сатана, и ни разу его с тех пор уж она не видела. Славил все, кто там был, за это Бога Всевышнего, а женщина та одарила их щедро.

17 [Прокаженная девушка]

Взяла на следующий день эта женщина воды ароматной, чтобы Господа Иисуса умыть, и, умыв Его, воду, коей омовение совершила, с собой забрала, да на девушку, жившую там, чье от проказы тело уж белым сделалось, малую толику возлила и водою той же ее умыла. Едва это сделано было, очистилась тотчас дева. И сказали горожане тогда:

— Нет сомнения никакого в том, что Иосиф с Марией и мальчик этот не люди вовсе, но боги!

Когда ж собирались они уходить, подошла к ним та дева, что от проказы прежде страдала, и попросила, чтоб в спутницы они ее взяли.

18 [Жена властителя]

Согласились с нею они, и отправилась она с ними. И пришли они в город, где твердыня знатнейшего властителя находилась. Содержал он странноприимный покой, куда и завернули они. А девушка [из покоя] вышла и к жене властителя того проникла и, найдя ее в слезах и печали, о причине рыданий порасспросила.

— Не удивляйся рыданию моему, — отвечала та, — ибо печаль великая меня угнетает; никому из людей рассказать о ней я доселе была не в силах.

— Может статься, — говорит ей дева, — коли откроешься мне и [обо всем] порасскажешь, снадобье от нее у меня найдется.

— Что ж, — отвечала жена властителя, — но только храни мой секрет и никому о нем не рассказывай. Выдали меня за властителя этого, а он ведь царь и подвластны ему многие города. Долго я с ним прожила, а все не имел от меня он сына, когда ж родила я сына ему, прокаженным он оказался. Отвернулся, взглянув на него, супруг мой и молвил: «Или убей его, — говорит, — или няньке отдай, чтоб в такой глуши его воспитала, откуда вовеки о нем ни слуху, ни духу бы не было. А с тобой у меня все кончено! Никогда меня впредь не увидишь!» И с тех пор ко всему безучастна я и горем подавлена. ...О сын мой! О супруг!

А девушка ей:

— Разве ж не говорила тебе я, что ведомо мне лекарство от твоей хворобы! Укажу я тебе его. Ведь и я была прокаженной, но очистил меня Бог Иисус, Сын Марии владычицы.

Когда же спросила жена, где ж тот бог, о котором она говорит,

— С тобою Он, — отвечала девушка, — в этом же доме и обретается.

— Как же статься такое может? — изумилась та, — Да где же он?

— Здесь Иосиф с Марией, — отвечала девушка, — младенца же их Иисусом зовут. Он-то и исцелил меня от болезни моей и страданий.

— Да каким же средством, — молвила та, — исцелилась ты от своей проказы? Не укажешь ли мне его?

— Отчего же? — говорит девушка. — Взяла я у матери Его воду, которой тело Его омыли, и на себя вылила, тем и была очищена от проказы.

Встала тогда жена властителя и позвала их, чтобы насладились они гостеприимством ее, и приготовила Иосифу пир роскошный со множеством приглашенных. А потом, на заре, собрала она ароматную воду, в коей Господа Иисуса купала, и той водой облила сына своего, который с нею был. И немедля очищен был сын ее от проказы. И Бога за это благодаря и хвалу ему воспевая, говорила она:

— Блаженна мать, Тебя породившая, о Иисусе! Не потому ли водой, на Тебя возлитой, Ты людей исцеляешь, что сопричастны они Твоей природе?

А потом прислала она владычице Марии дары щедрые и с почетом безмерным ее проводила.

19 [Счастливый муж]

А потом, в другой город придя, пожелали они переночевать там и завернули в дом к человеку, недавно в брак вступившему. Но, испорченный колдовством, не мог насладиться он

женою своей. И в ту ночь, что они у него ночевали, разверзлись узы его. Когда же на заре в дорогу стали они собираться, удержал их счастливый жених и великое пиршество им устроил.

20 [Мул]

Потому-то лишь через день двинулись они в путь. А когда к другому городу приближались, увидели трех жен, с плачем от кладбища идущих. Заприметив их, говорит Владычица Мария той девушке, что спутницей им была:

— Расспроси у них, каково их дело и что за беда у них приключилась.

Ничего на вопросы девушки не ответив, в свой черед они [у нее] спросили:

— Откуда вы и куда путь держите? Миновал ведь день-то, и уж ночь нагрянула.

— Странники мы, — отвечала девушка, — и пристанища для ночлега ищем.

Говорят они:

— Пойдемте с нами, у нас заночуете.

И последовав за теми [женщинами], были приведены они в красивую новую усадьбу, где во всем достаток имелся. А время зимнее было, и войдя к ним в хлев, увидела опять девушка этих жен и что плачут они, причитая горько. Стоял перед ними мул, пергамской шалью покрытый, и был для него кунжут насыпан; целовали они его и в трапезе ему услужали. Когда же спросила девушка: «О госпожи мои, что ж это за мул такой?» — отвечали они ей с плачем:

— Мул, которого видишь ты, был братом нашим, той же матерью, что и мы, рожденным. Когда же скончался родитель наш, большое состояние нам осталось. А так как брат был у нас единственный, позаботились мы его брак устроить и по людскому обычаю свадьбу ему готовили. Но распаяся ревностью одна к другой, уж и не знаем как, околдовали его женщины; и однажды ночью, перед рассветом, отперев двери своей усадьбы, увидели мы брата нашего превращенным в мула, каким ты и видишь его. Мы же, горемычные, отца, как известно тебе, не имея, сами вместо него ни единого не пропустили мага, знахаря иль чародея, чтоб сюда не зазвать. Но ничего пользы не принесло! И всякий раз, как переполнятся сердца наши скорбью, встаем мы и вместе с матерью нашей сюда уходим; и у гробницы отца нарыдаввшись, сюда ж возвращаемся.

21

Когда услышала это девушка, — «Воспряньте, — говорит, — духом и не рыдайте, ибо близится исцеление хвори вашей. Да уж с вами оно, средь хором ваших! Вот и я прежде прокаженной была, но, как увидела эту женщину и с ней дитя малое, имя коего Иисус, да облила тело свое той водой, в которой мать Его мыла, исцелилась тотчас. Ведомо мне, что и вашему горю помочь Он в силах. Вставайте же! Идите к Владычице моей Марии и, приведя ее в дом свой, тайну вашу откройте и попросите смиренно, чтобы сжалилась она над вами».

Как услышали жёны слова девушки, поспешили они к госпоже Владычице Марии и к себе ее привели, и распростерлись пред нею, рыдая и говоря:

— О Владычица наша госпожа Мария! Пожалей ты служанок своих, ибо нет у нас никого нас самих старше — ни главы семейства, ни отца, ни брата любящего. Был, однако, тот мул, что стоит пред тобою, братом нашим, но

заклятья жён его таким, как ты видишь, сделали. Вот и просим тебя мы, чтоб сжалилась ты над нами.

И печалуясь доле их, подняла тут Владычица Мария Господа Иисуса и на спину мула того положила, и, сама вместе с женами зарыдав, Иисусу Христу сказала:

— Внемли, Сыне! Исцели Ты мула этого великой силой Своей и сделай его человеком, разумом наделенным, каким он и прежде был.

И едва отлетели слова эти от уст Марии, изменился в облике мул и человеком сделался, юношей чистым и непорочным. Принялись тут и он, и сестры его, и мать славить Владычицу госпожу Марию; а, младенца, над головой своей приподняв, целовали. И говорили все:

— Блаженна родительница Твоя, о Иисусе, Спаситель мира! Блаженны глаза, что наслаждаются счастьем Тебя видеть!

22

Говорят потом разом обе сестры матери своей:

— С помощью Господа Иисуса Христа и благого вмешательства девы этой, указавшей нам на Марию и Сына ее, восстал доподлинно в облике человеческом брат наш. И поскольку он холост еще, хорошо бы теперь нам отдать ему в жены девушку эту, служанку их.

И когда о том госпожу Марию спросили и согласилась с ними она, устроили этой деве роскошную свадьбу: весельем сменив печаль и трипудием¹ вопли горестные, принялись они петь да ликовать, радоваться да веселиться. От великой радости своей роскошно одевшись и нарядившись, стали они потом стихи и здравницы возглашать, приговаривая:

¹ Трехтактная, чаще всего культовая, пляска.

— О Иисусе, Сыне Давидов, обращающий горе в радость и стенанье в ликование!

Оставались там Мария с Иосифом десять дней. Потом дальше пошли. Великие почести им эти люди воздали, когда провожали их, и плакали, возвращаясь, а более всех — девушка эта.

23 [Разбойники]

Удалившись оттуда, пришли Иосиф с госпожой Марией в местность пустынную, и услышав, что кишит она разбойниками, решили ночью ее пересечь. Но по пути вдруг видят: лежат на дороге два разбойника [в дозоре] и много других разбойников, сотоварищей их, спят рядом. А были те два разбойника, на которых они наткнулись, Тит и Думах. И говорит Тит Думаху:

— Прошу тебя, давай пропустим этих. Да так, чтобы и товарищи наши их не заметили. Отказался Думах. А Тит опять:

— Возьми, — говорит, — себе сорок драхм от меня и еще вот это в подарок, — протянув ему, чтобы помалкивал тот, пояс, которым перепоянсан был.¹

¹ Пояс — обычное место хранения денег в дороге как для греко-римского мира, так и для сиро-палестинского региона; см.: Мф. 10:9: «*Не берите с собою ни золота, ни серебра в поясы свои*». Иногда путешествующие надевали даже несколько поясов (см.: *Апулей. Метаморфозы VII, 6*).

Увидав, что благое дело ради них совершил разбойник, молвила Владычица госпожа Мария ему:

— Господь Бог поддержит тебя Своею десницей и отпущением грехов одарит.

И сказал в ответ матери Своей Господь Иисус:

— Распнут, о мати, Меня через тридцать лет иудеи в Иерусалиме, а два разбойника эти со Мной на одном кресте повешены будут: Тит — одесную, и ошую — Думах.² На другой же день внидет передо Мною Тит в Царствие Небесное.

² Ср.: Мк. 15:27.

— Да отведет Бог от Тебя это, Сыне! — отвечала она. И пошли оттуда они к городу идолов, который с приближением их в холмы песчаные обратился.

³ Матарея — пригород Гелиополя или Она, находившегося к северо-востоку от современного Каира.

24 [Матарея]³

Отправились оттуда они к той смоковнице,⁴ что ныне Матарейской зовется, и явил в Матарее Господь Иисус водный источник, в коем Владычица Мария сорочку Его помыла. А от пота Господа Иисуса, Коего там водой она обливала, бальзам в той местности появился.

⁴ Дерево из рода фикусов. Матарейская смоковница почитается египетскими христианами до сих пор.

25 [Мемфис]

Оттуда в Мемфис они спустились и фараона увидели,¹ и оставались в Египте три года. Совершил же в Египте Господь Иисус множество чудес, описания коих ни в «Евангелии детства», ни в «Евангелии совершенства»² нет.

¹ Сообщение, безусловно, легендарное: последняя династия египетских фараонов (Птолемеев) сошла с исторической сцены в 31 г. до н. э., т. е. примерно за тридцать лет до описываемых событий.

² «Евангелие совершенства», судя по упоминаниям о нем в ересеологической литературе, пользовалось большим почетом у гностиков. О попытках его идентификации с сохранившимися фрагментами неизвестных евангелий см.: *Hennecke-3*, I. P. 232-233. В переводе В. В. Геймана оно названо «полным». Основываясь на такой передаче, современный публикатор этого перевода выдвигает довольно занятную гипотезу. См.: Иисус Христос в документах истории. С. 274, прим. 292.

26 [Возвращение]

По прошествии же трех лет ушел из Египта Он и [в Палестину] вернулся. И когда к Иудее они приблизились, устранился Иосиф вступить в нее. Услыхав же, что Ирод умер, а сын его Архелай наследовал место его, хоть и со страхом, но пошел в Иудею. И явился ему ангел Божий, сказав:

— О Иосиф, ступай в город Назарет и там оставайся. Воистину удивительно, что родился так и скитался повсюду Повелитель всего!

27 [Исцеление водой]

Придя после того в город Вифлеем, увидели они [, что свирепствуют] там многие тяжелые болезни, поражавшие глаза младенцев, которые вслед за тем умирали. И жила там женщина, у которой сын был болен. Уже умиравшего принесла она его к Владычице госпоже Марии и увидела, что купает та Иисуса Христа. Говорит тогда женщина эта:

— О госпожа моя Мария, возри на сына моего, который тяжкой болезнью мучим.

Выслушав ее, сказала госпожа Мария:

— Возьми той воды, в которой я Сына своего выкупала, и твоего обрызгай.

И вот, взяв немного воды той, облила ею она, как госпожа Мария сказала, сына своего. И после того как сделано это было, затихли его движения и, проспав недолго, жив и здоров он ото сна пробудился. И радуясь этому, привела его снова мать к госпоже Марии. Та же сказала ей:

— Благодарю Бога, что сына этого твоего исцелил Он.

28

Жила там же и другая женщина, соседка той, чей сын теперь выздоровел. А так как от болезни этой и ее сын страдал, и почти уж ослепли глаза его, плакала она навзрыд дни и ночи. Говорит ей как-то родительница ребенка исцеленного:

— Почему не отнесешь ты сына своего к госпоже Марии, как я своего отнесла, когда он при смерти был? Стал он здоров от воды той, которой прежде омыто было тело сына ее Иисуса.

Когда женщина от нее об этом услышала, пошла и сама [к Марии], да взяв той воды, сына своего в ней выкупала. В тот же миг исцелились глаза и тело его. Когда же отнесла она сына к госпоже Марии и обо всем, что случилось, поведала, приказала и ей Мария Бога за исцеление

сына благодарить и никому о случившемся не рассказывать.

29 [Клеопа]

В том же городе жили две женщины, одного мужа жены, и были сыновья у них лихорадкой больны. Одну из них Мария звали, имя же сына ее было Клеопа.¹ И вот

¹ Клеопа упомянут в Евангелии от Луки (24:18). Раннехристианская традиция отождествляла его с самыми разными лицами, включая апостолов и ближайших родственников Иисуса Христа.

собралась она и, взяв сына своего, отправилась к госпоже Владычице Марии, матери Иисуса, и, поднеся ей платок прекрасный, сказала:

— О Владычица моя госпожа Мария, прими от меня плат сей, а за него одну лишь пеленку мне дай.

Согласилась на это Мария, и ушла мать Клеопы, а из пеленки той сорочку сделала и сына в нее одела. Тем и был исцелен недуг его. Сын же соперницы через день умер.

С того времени пошли распри меж ними, когда, меняясь через неделю, к домашним заботам поочередно они приступали. Настал как-то черед Марии, матери Клеоповой, и, собираясь хлеб печь, очаг она раскалила и за тестом пошла, оставив подле него своего сына Клеопу. Завистница же ее, увидев, что один он, а раскаленный очаг огнем пышет, схватила Клеопу и в пекло бросила, сама же убралась восвояси.

Вернулась Мария и видит: лежит ее сын Клеопа посреди очага и смеется, очаг же холодный совсем, будто и не разводили огня в нем вовсе. Поняла тут она, что это завистница ее Клеопу в огонь бросила. Вынув его, принесла она сына к Марии и о случившемся ей рассказала. А та ей:

— Молчи, — говорит, — и никому о деле сем не рассказывай, страшно мне за тебя, коли разгласишь ты его.

А потом как-то пошла завистница эта к колодцу воды зачерпнуть и увидела, что у колодца Клеопа играет, а вокруг — никого. Схватила она его и в колодец сбросила, сама же домой вернулась.

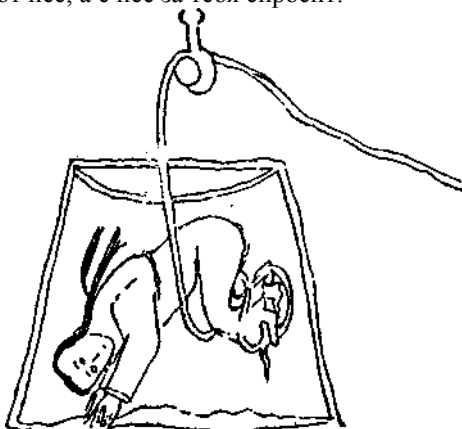
Когда пришли за водою люди к тому колодцу, увидели они, что сидит на поверхности воды мальчик, и, спустившись за ним, его наверх подняли. Премного изумлялись они мальчику этому и Господа Бога славил. Прибежала тут мать Клеопова и, забрав его, принесла со слезами к Владычице Марии и молвила:

— О госпожа моя! Посмотри, что завистница моя с сыном моим сотворила! Ведь не иначе как она в колодец-то его сбросила. Не может быть того, чтобы не погубила она однажды

его!

Отвечала ей Владычица Мария:

— Охранит тебя Бог от нее, а с нее за тебя спросит.

И вот пошла как-то завистница воды из колодца набрать, да запуталась ногами в веревке и в колодец упала. Сбежались тут люди, чтоб тащить ее, но увидели, что размозжена у ней голова и кости сломаны. Вот такой гадкой смертью и погибла она. Сталось же с ней по пословице «глубок колодец копали и в него же упали».¹

¹ Ср.: Пс. 7:17; Ек. 10:8. Как отмечает С. С. Аверинцев, в ближневосточной дидактической традиции это изречение бесконечно варьировалось (От берегов Босфора до берегов Евфрата. М., 1987. С. 307).

30 [Варфоломей]

А у другой тамошней женщины сыновья-близнецы были. Заболели они, и когда умер один, во втором едва душа держалась. Подхватила его мать, рыдая, и принесла к Владычице Марии.

— Владычица моя, — говорит, — выслушай ты меня и помилосердствуй; ведь два у меня сына было, и едва одного схоронила, как уж второй при смерти. То-то бы молить и славить Бога я стала! — И заголосила она: — О Господи! Кроток Ты, милостив и милосерд; двух сыновей Ты мне дал, и коль одного забрал, хоть другого оставь мне!

Видя горячие слезы ее, сжалилась над ней Владычица Мария.

— Положи, — говорит, — сына своего в постель Иисусову и укрой его одеждой Сына моего.

И когда положили его в постель, где перед тем Господь Иисус Христос лежал, — а уж смежил веки он свои перед смертью, — лишь коснулся его аромат одежд Христовых, открыл он глаза тотчас, громким голосом мать позвал и попросил хлеба, а получив, сосать его стал.

Говорит тогда мать его:

— О Владычица госпожа Мария, знаю теперь я, что пребывает в тебе [такая] благодать Божья, что даже сын твой людей исцеляет, сопричастных своей природе, лишь прикоснутся они к одеждам его.

Исцеленный же мальчик этот — тот, кто в Евангелии Варфоломеем назван.

31 [Исцеления водой]

А еще была там женщина прокаженная. Пришла она к госпоже владычице Марии и сказала:

— О госпожа моя, подай вспомоществование мне.

Отвечала ей владычица Мария:

— О какой же помощи просишь? Золота тебе иль серебра? Или чтоб тело твое от проказы очистилось?

Удивилась тут женщина:

— Да кто же меня одарить этак сможет?

А владычица Мария ей:

— Возьми, — говорит, — немного воды этой и тело свое обрызгай.

Едва сделала она так, была очищена тотчас, и восславила Бога и возблагодарила.

32

И, проведя три дня у Марии владычицы, ушла, а вернувшись в город, заглянула там к знатному человеку, который в жены себе дочь другого знатного человека взял, но едва узрел он супругу свою, заметил меж глаз у нее знак проказы в форме звезды. И потому недействительным был объявлен брак и расторгнут. Увидев, что случилось с ними, что подавлены горем они и рыдают, женщина о причине их слез спросила.

— Не допытывайся у нас ни о чем, — отвечали те, — ибо не можем мы рассказать никому из смертных, каково наше горе, да и вообще никому открыться не можем.

Но была настойчива та и просила, чтоб доверились они ей: вдруг да станется, что она-то им снадобье и укажет. И когда наконец показали они ей девушку и проказы знаки, что меж глаз у нее проступали, сказала та женщина, увидев это:

— Я, которую пред собой вы видите, тоже этой болезнью страдала, пока не пришлось мне как-то в Вифлеем по делу отправиться. И войдя там в одну пещеру, увидела я женщину по имени Мария; был с нею сын, которого Иисусом звали. И заметив, что я прокаженная, жалилась она надо мной и дала той воды, в которой сына своего купала. Облила я тело свое той водою и пригожей сделалась. Говорят тут они женщине этой:

— Не пойдешь ли с нами, о госпожа, к владычице госпоже Марии и не представишь ли нас ей?

И когда согласилась та, отправились они к владычице госпоже Марии, захватив подарки богатые. И войдя, поднесли ей дары эти, а потом показали ту деву прокаженную, которую с собой привели. Говорит тут им госпожа Мария:

— Да снизойдет на вас милость Господа Иисуса Христа.

А потом, подав им воды той, в которой тело Иисуса Христа купала, велела, чтобы и несчастная ею омылась. И едва сделано это было, исцелилась тотчас она.

Восславил Бога они и все, кто там был. И потом, ликуя, в свой город они возвращались и опять Бога славили.

А когда услышал тот человек знатный, что исцелилась его супруга, возвратил он ее в дом свой и второй раз свадьбу устроил. И за то, что здоровье к жене вернулось, Бога благодарил.

33 [Дракон]

Была там же и совсем молодая женщина, терзаемая сатаной. Являлся к ней этот проклятый в обличье дракона громадного и проглотить ее собирался; всю кровь из нее высасывал, так что становилась она на труп похожей. И всякий раз как приближался он к ней, голосила она, голову руками сжав: «Горе мне, горе... Ведь нет никого, кто бы меня от гадостного дракона избавил».

Скорбели об участи ее отец с матерью и все близкие, и те, кому видеть ее доводилось. Обступали ее толпою люди и плакали горько, когда кричала она навзрыд: «Ох, друзья, ох, братья мои! Да неужто нет никого, кто б меня от этого убийцы избавил?!»

Услыхала однажды вопль девы этой дочь знатного человека, которая от проказы своей уже очистилась, и, поднявшись на крышу дворца своего, увидела она, что, руками голову обхватив, плачет та и все вокруг нее стоящие тоже плачут. И спросила она мужа той бесноватой,

жива ль еще мать супруги его? Когда же ответил тот, что родители ее живы, — «позови, — говорит, — ее мать ко мне». А увидев, что позвал он ее, спросила:

— Дева эта безумная — твоя ли дочь?

— Да, госпожа, — печалась и плача, ей женщина отвечала, — дочь она мне.

Говорит ей тогда дочь знатного человека:

— По секрету тебе признаюсь: прокаженной я прежде была, но исцелена уж ныне Владычицей Марией, матерью Иисуса Христа. Коли хочешь дочь свою исцелить, отведи ее в Вифлеем и разыщи там Марию, мать Иисусову. И поверь: будет исцелена дочка твоя. И я уверена, что с совершенно здоровой дочкой радостная ты сюда возвратишься.

Едва дослушала до конца ее речь женщина, и тотчас взяла она дочь свою и в указанное место отправилась, а придя к госпоже владычице Марии, открыла ей все, что с дочкой творится. И слова ее выслушав, подала ей госпожа Мария немного воды той, в которой сына своего Иисуса купала, и велела возлить ее на дочкино тело. И дав ей одну из старых пелен господина Иисуса, сказала:

— Возьми пелену эту и как только увидишь врага своего, ему покажи.

И с поклоном их проводила.

34

Пока шли они от нее, в местность свою возвращаясь, уж наступило время, когда имел обыкновение сатана бросаться на девушку. И явился тотчас ей окаянный этот в облике дракона огромного. Устрашилась она вида его, а мать ей:

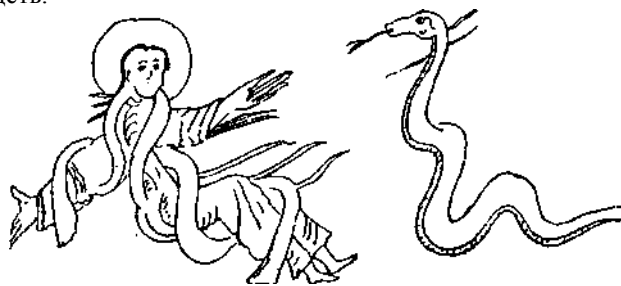
— Не бойся, дочка! Пусть приблизится он к тебе, и тогда покажи ему пелену, которую нам владычица Мария дала. Поглядим, что будет.

И вот, когда, обратившись в дракона ужасного, приблизился к ней сатана, содрогнулось тело девы от страха. Но лишь только вынула она пелену и на голову себе возложила, прикрыв глаза свои ею, вырвались из пелены той пламя и жар и на дракона хлынули. И великое чудо свершилось, едва завидел дракон пелену Господина Иисуса, из которой огонь вырывался и на голову и в глаза ему сыпался: завопил дракон во весь голос:

— Что тебе до меня, Иисус, сын Марии? И куда от тебя бежать мне?¹ — И, отпрянув в великом страхе от девушки, сгинул он и никогда ей потом не показывался.

¹ Этот возглас дракона явно навеян сценами изгнания бесов, встречающимися в канонических Евангелиях. В Евангелии от Матфея (8:28-32) бесноватые, выйдя из гробовых пещер, кричат: «Что Тебе до нас, Иисус, Сын Божий?» У Марка (5:7) бесноватый вопрошает Христа: «Что Тебе до меня, Иисус, Сын Бога Всевышнего?» То же у Луки, см.: 8:28.

А дева, придя в себя, благодарила Бога и славилась. И славили Его вместе с ней все, кому довелось то чудо видеть.

35 [Иуда]

И другая там проживала женщина, у которой сын одержим сатаной был. Звали его Иудой. Всякий раз, как вселялся в него сатана, кусал он всех, кто к нему приближался, а если близ себя никого не находил, собственные руки и ноги он грыз. И вот, услышав о госпоже Марии и Сыне ее Иисусе, собралась мать несчастного этого и привела сына своего Иуду к Владычице Марии. Меж тем Иаков с Иосией¹ увели младенца Господина Иисуса с другими детьми поиграть. Уселись они перед домом, и Господь Иисус с ними. Подошел [к ним] бесноватый Иуда и справа от Иисуса присел. И тут, как обычно бывало, охваченный сатаной, захотел он загрызть Господина Иисуса, однако ж не смог, только поранил Ему правый бок, а потом разрыдался. И выскочил в тот же миг стремглав из мальчика этого сатана, подобный собаке бешеной. Мальчик же тот, что Иисуса поранил и из которого сатана в собачьем облике выскочил, был тем Иудой Искаротом, что Его иудеям предал. И тот бок Иисуса, который ему

Иуда поранил, иудеи потом копьем пронзили.²

¹ Многократно упоминаемые в канонических Евангелиях братья Иисуса. См., напр.: Мф. 12:46-47; 13:55; Лк. 8:19; Иоанн 2:12; 7:3, 5, 10. А также: Деян. 1:14.

² См.: Иоанн 19:34.

36 [Глиняные фигурки]¹

¹ Ср.: Евангелие Фомы (А), гл. 2.

Когда исполнилось Господу Иисусу от рождения Его семь годков, играл Он как-то днем со сверстниками своими, т. е. с теми, кто по летам Ему ровней был. Возились с глиной они, из которой лепили птиц, ослов и быков, да и разных других животных. И, ловкостью своей хвастаясь, расхваливал всяк творенье свое. Говорит тут Господь Иисус детям:

— А я тем фигуркам, которые сделал, двигаться прикажу!

Когда же спросили дети Его, уж не Творца ли Он Сын, повелел Господь Иисус двигаться тем фигуркам, и тотчас встрепенулись они, а потом, когда позволение им дал, опять замерли. Слепил же Он птиц и воробьев. И когда приказывал им летать — летали, а когда замереть им бывало велено — замирали; когда же питье и пищу им предлагал — ели и пили.¹

¹ Ср.: Коран 3: 43; 5:110.

Пошли потом дети и об этом своим родителям рассказали. Говорят им отцы:

— Остерегитесь, детки, и больше с ним не водитесь, ибо он — чародей; и потому избегайте его и от него подальше держитесь и никогда отныне и впредь с ним не играйте.

37 [Красильщик]

Как-то днем, резвясь и играя с детьми, вбежал Господь Иисус в лавку красильщика по имени Салем. А у того в лавке лежало множество тканей, которые он собирался красить. И вот, оказавшись в лавке, взял Господь Иисус все эти ткани, да в чан с густым индиго и бросил. Когда же пришел Салем и увидел, что загублены ткани, принялся он кричать во весь голос и Господа Иисуса бранить:

— Что ты сделал со мной, — говорит, — о сын Марии! Перед всеми согражданами ты меня опозорил! Ведь цвет-то мне всяк по надобности своей заказывал, ты же пришел и все

перепортил!

Отвечал Господь Иисус:

— Лишь только захочешь, чтоб цвет куска изменился, изменю тебе его тотчас, — и принялся тут же из чана ткани вытаскивать.

И каждая тот самый цвет принимала, какой красильщик хотел. И так, пока все не вытащил.

Узнав о чуде и деле таком небывалом, восславили иудеи Бога.

38 [Иисус-плотник]¹

¹ Ср.: Евангелие Фомы (А), гл. 13.

Выходя в город, брал с собой всюду Иосиф господь Иисуса, когда по ремесленному делу звали его к себе люди, чтобы ворота, ложа, короба да лари он им сделал. И куда бы ни шел он, всегда господь Иисус с ним был. И всякий раз, как Иосифу сделать что-либо нужно было в локоть размером иль в три четверти локтя, длиннее того иль короче, шире этого или уже, едва протягивал руку Господь Иисус к той вещи, становилась она такой, как хотел Иосиф, а своими руками ему работать не приходилось, потому-то и не был искусен он в ремесле плотником.

39

И вот, призвал его однажды царь иерусалимский:

— Хочу, — говорит, — чтоб сделал ты мне, Иосиф, трон, соразмерный месту тому, где сидеть я привык.

Повиновался Иосиф и тотчас за дело взялся. Два года провел он в чертогах царских, пока над тронем работать не кончил. Когда же попытался его в то место поставить, где стоять он был должен, обнаружил, что до предписанного царем размера с обеих сторон по две спитамы¹ не достаёт. Увидев это, разгневался на Иосифа царь.

И так напуган Иосиф был гневом царским, что ночь натошак провел, не вкусив ни крошки. Когда же спросил его Господь Иисус, почему перепуган он,

— Потому, — отвечал Иосиф, — что погубил я все, над чем два года трудился.

А Господь Иисус ему:

— Не бойся, — говорит, — и не падай духом! Хватайся-ка лучше за эту сторону трона, а Я за другую схвачусь, так мы его и выправим.

¹ Спитама — греческая мера длины, равная римскому додранту, т. е. трем четвертям фута = 21,7 см.

И когда сделал Иосиф все, как сказал Господь Иисус, и каждый со своей стороны трон они потянули, выправился он и точь-в-точь месту тому соразмерен сделался.

Дерева же для трона того из тех были, которые [уже] во времена Соломона, сына Давидова, славились, т. е. — многих пород и видов.¹

¹ В издании Тило эта фраза читается так: «Сделан же этот трон был из дерева, существовавшего уже во времена Соломона, сына Давидова, того самого дерева, которое выделялось разными формами и фигурами».

40 [Козлята]

Как-то раз вышел Господь Иисус днем на дорогу и, заметив, что мальчишки играть

собрались, направился к ним, но попрытались от него дети. Подойдя тогда к воротам какого-то дома и увидев стоявших там женщин, спросил у них Господь Иисус, куда же те мальчики подевались? Когда же ответили те, что в доме нет никого, опять спросил Господь Иисус:

— А видите, вон там, под навесом,¹ разве не они это? Когда же ответили те Ему, что козлята это трехлетние, воскликнул Господь Иисус:

¹ В латинском тексте «in fornace», т. е. — в печи. Некоторые издатели памятника предлагают читать: «in fornice», чему мы в данном случае и следуем, как более подходящему по смыслу.

— Выходите сюда, козлята, к Пастырю вашему!

Вышли тут дети, облик козлят обретшие, и вокруг Него скакать принялись. Поразились, конечно, увидав это, женщины и, объятые ужасом, на колени упав, Господа Иисуса почтили, лепеча:

— Господи Иисусе наш, сын Марии, воистину Ты — Израиля пастырь добрый!¹ Помилуй служанок своих, пред Тобою стоящих и никогда сомнений не ведавших, ведь спасения ради пришел Ты, а не ради погибели.²

¹ Ср.: Иоанн 10:11: «Я есмь пастырь добрый: пастырь добрый полагает жизнь свою за овец».

² Ср.: Иоанн 3:17.

И когда ответил Господь Иисус, что среди народов равны эфиопы сынам Израиля,¹ сказали жены Ему:

¹ Ср.: Амос 9:7.

— Ведомо Тебе все, о Господи, и ничего от Тебя не сокрыто. Молим Тебя мы ныне и к милосердию Твоему взываем, дабы вернул Ты рабам Своим — отрокам этим их облик прежний.

И сказал Господь Иисус:

— Явитесь, отроки, и пойдёмте играть!

И тотчас, прямо на глазах у жен этих, козлята в мальчиков превратились.

41 [Коронование Иисуса детьми]

В месяце же Адаре¹ собрал, словно царь, Иисус отроков, и расстелили те на земле одежды свои, и воссел Он на них. Возложили они венец, из цветов сплетенный, на главу Его и выстроились, подобно придворным царским, по левую и по правую руку Его. И всякого, кто проходил по дороге этой, останавливали они силой и говорили: «Приблизься и почти царя, а потом своей дорогой ступай!»²

¹ Адар — весенний месяц еврейского календаря, соответствующий марту.

² Последняя фраза этой главы в версии Дж. Тило передана иначе: вместо «а потом своей дорогой ступай», у Тило: «и пусть выпадет тебе счастливый путь» (Прим. К. Тишендорфа.)

42 [Симон Кананит (мальчик, укушенный змеей)]

В то время как разыгрывали они это, подошли люди, несущие мальчика. Отправился он со сверстниками своими по дрова на гору, и найдя там гнездо куропатки, сунул руку в него, чтобы яйца оттуда достать. Но ужалила его сидевшая в гнезде ядовитая змея, да так, что принялся он на помощь звать. И хоть приятели прибежали быстро, при смерти его нашли на земле лежащим. Подошли тут родные его и подняли, чтоб в город нести. И когда достигли они того места, где Господь Иисус, словно царь, восседал, а прочие отроки, как служители царские, вокруг стояли, поспешили навстречу отроки укушенному змеей и сказали родственникам его:

— Ну-ка, приветствуйте царя!

Когда же ввиду приключившегося у них несчастья не пожелали те подойти, силой, против воли их отроки потащили. И спросил подошедших Господь Иисус, почему несут они мальчика этого? Когда же ответили те, что змея его укусила, говорит Господь Иисус отрокам:

— Идемте, убьем змею эту!

И хоть просили родители мальчика, чтоб позволили им уйти, ибо уже в предсмертной агонии был сын их, отвечали им дети:

— Разве не слышали вы, как царь повелел, чтобы пошли мы и убили змею? Разве же не повинуетесь вы ему?

И хоть вовсе они того не желали, но понесли носилки назад. А когда подошли к гнезду, спросил Господь Иисус отроков:

— Не здесь ли место змеиное?

Подтвердили те, и немедля вышла змея на зов Господа и пред Ним склонилась. А Он ей:

— Иди, — говорит, — и весь яд, что мальчику этому вприснула, высоси!

Подползла змея эта к мальчику и высосала весь яд свой. Проклял тут ее Господь Иисус, и по слову Его сгинула она тотчас.

А мальчик, едва коснулась его рука Господня, здоров стал. Когда же заплакал он, молвил ему Господь Иисус:

— Не плачь, ведь скоро учеником Моим будешь. И был это — Симон Кананит, который в Евангелии упомянут.¹

¹ См.: Мф. 10,4; Мк. 3, 18.

43 [Иаков и гадюка]²

² Ср.: Евангелие Фомы (А), гл. 16.

Послал на другой день Иосиф сына своего Иакова за древесиной, а Господь Иисус ему в

спутники навязался. И когда пришли они в то место, где деревья росли, принялся Иаков древесину заготавливать, но ужалила тут в руку его гадюка разъяренная, да так, что вскрикнул он и заплакал. И увидев, что случилось с ним, подошел к нему Господь Иисус и на то место, куда гадюка ужалила, дунул. Едва сделал Он это, тотчас здоров стал Иаков.

44 [Мальчик, упавший с крыши]³

³ Ср.: Евангелие Фомы (А), гл. 9.

Однажды, когда Господь Иисус опять среди детей резвился — а играли они на крыше, — свалился оттуда какой-то мальчик и тут же дух испустил. И так как прочие отроки разбежались, Господь Иисус один на крыше остался. Когда же пришли родные мальчика этого, то сказали они Господу Иисусу:

— Это ты с крыши столкнул сына нашего!

И хотя отрицал Он это, завопили они, что, мол, мертв сын наш, а вот этот-то его и убил! А Господь Иисус им:

— Не срамите меня, — говорит, — и коли Мне не верите, давайте у самого мальчика спросим, дабы он истину на свет вывел.

И спустился тут Господь Иисус вниз и, став над мертвым, громким голосом окликнул его:

— Зенон! — говорит, — Зенон! Кто тебя с крыши сбросил?

И ответил мертвый:

— Господи, — говорит, — не Ты меня с крыши столкнул, а о δείνα¹ меня низринул оттуда.

¹ о δείνα (*греч.*) — некто не называемый, тот, кого не могут или не хотят назвать по имени. У греков так иногда обозначался безликий рок, но в данном случае, очевидно, подразумевается дьявол.

И когда повелел Господь всем, стоявшим там, дабы вняли они словам этим, восславили они Бога за это чудо.

45 [Чудо с водой]²

² Ср.: Евангелие Фомы (А), гл. 11.

Как-то раз велела госпожа владычица Мария, чтобы пошел Господь Иисус и принес воды из колодца. И когда ходил набирать он воду, стукнулось уже полная гидрия [обо что-то] и разбилась. Господь же Иисус развернул накидку свою и, собрав в нее воду, принес ее матери своей, изумившейся делу такому. А все, что видела она, — сберегала и сохраняла в сердце своем.³

³ «А все, что видела... своим» — парафраз Евангелия от Луки (2, 15). Ср.: «И мать Его сохраняла все слова сии в сердце своем». Но в каноническом Евангелии эти слова звучат совсем по другому поводу.

46 [Воробушки]⁴

⁴ Ср.: Евангелие Фомы (А), гл. 2-3.

А на другой день резвился опять Господь Иисус с детьми в воде у ручья, и построили они снова запруды. Слепил Господь Иисус двенадцать воробушков, и вокруг садка своего расставил — с каждой стороны по три. День же был субботний. И приходит вдруг иудей, сын Ханании, и увидев, чем они заняты, вознегодовал он и разгневался.

— Как же это вы, — говорит, — в субботний-то день из глины фигурки лепите? — И подбежав, торопливо разрушил он их запруды.

Господь же Иисус хлопнул в ладони над воробьями, которых Он вылепил, и, щебеча, разлетелись те. Подошел тогда сын Ханании к Иисусу и башмаками садок Его растоптал, так что вытекла вся вода оттуда. Говорит ему Господь Иисус:

— Как вытекла вода эта, так и жизнь твоя из тебя вытечет.

И мгновенно иссох отрок этот.

47 [Наказание грубияна]¹

¹ Ср.: Евангелие Фомы (А), гл. 4.

А в другой раз, когда возвращался вечером Господь Иисус домой с Иосифом, повстречался мальчик Ему, который так Его на бегу толкнул, что упал Он. И сказал ему Господь Иисус:

— Как Меня повалил, так и сам упадешь, но уж больше не встанешь.

И сейчас же рухнул тот бездыханным.

48 [В школе]²

² Ср.: Евангелие Фомы (А), гл. 6-8, 14-15.

А еще жил в Иерусалиме некто по имени Закхей, мальчиков обучавший. И сказал он Иосифу:

— Отчего, о Иосиф, не приводишь ко мне Иисуса грамоте его обучать?

Обещал ему это Иосиф и госпоже Марии о том поведал. И отвели Господа к учителю, который, едва увидев Его, написал Ему алфавит и велел, чтобы Он произнес: «Алеф». И когда Тот сказал «Алеф», приказал учитель Ему «Бет» говорить. А Господь Иисус ему:

— Скажи-ка Мне прежде, что «Алеф» значит, тогда и «Бет» тебе назову.

Когда же учитель плетью Ему пригрозил, изъяснил Господь Иисус и «Алефа», и «Бета» значенья, и если бы линии букв прямые были, и если бы загнутые, и если бы были в спираль закручены, и те, что с точками, и без них, и почему одна буква другой предшествует; и иное многое стал объяснять и рассказывать, чего учитель сам никогда не слыхивал и ни в одной из книг не читал. А потом говорит учителю Господь Иисус:

— Слушай, что скажу Я тебе, — и стал возглашать Он четко и ясно — Алеф, Бет, Гимель, Далет... — и вплоть до «Тау» так.

Поражен был этим учитель:

— Мнится мне, — говорит, — прежде Ноя рожден этот мальчик!

И обернувшись к Иосифу, молвил:

— Привел ты мне мальчика обучаться, ученее всех наставников вместе взятых!

И Марии он тоже сказал:

— Сыну этому твоему никаких наставлений не надобно!

49

Тогда к другому учителю Его отвели, более просвещенному. И едва взглянул на Иисуса тот:

— Скажи, — говорит: «Алеф».

Когда же сказал Он «Алеф», велел, чтобы Он «Бет» произнес. А Господь Иисус в ответ:

— Скажи-ка мне, — говорит, — прежде, что «Алеф» значит, тогда и «Бет» тебе назову.

Когда же замахнулся учитель, чтоб Иисуса ударить, отсохла тотчас его рука и сам он умер.

Говорит тут Иосиф Марии:

— Не позволим отныне Ему из дому выйти, ибо карается смертью любой обидчик Его.

50 [В Храме иерусалимском]

Когда же сравнялось Ему двенадцать лет, повели Его в Иерусалим на праздник, а когда кончился праздник, вернулись они. Господь же Иисус в Храме остался, средь учнейших книжников и старейшин — сынов Израилевых, которых Он о разных науках расспрашивал и в свою очередь им отвечал. И спросил Он у них:

— Чей сын Мессия?

Отвечали они, что сын он Давидов.

— Отчего ж, — говорит — тогда называет он в духе Его Господом своим, когда говорит: «Сказал Господь Господу моему: "Сядь одесную Меня, дабы поверг Я врагов Твоих к стопам ног Твоих?"»¹

Спрашивает тут Его главнейший законоучитель:

— Да не читал ли ты книг?

— И книги, — говорит Господь Иисус, — и то, что в них содержится.

И стал изъяснять Он и книги, и Закон, и поучения, и наставления, и таинства, о которых в книгах пророков сказано, и вещи, никаким тварным разумом не постигаемые. Говорит тогда законоучитель этот:

— Мудрость такую доселе я ни сам обрести, ни услышать не мог! Ведь подумать только, кем этот мальчик будет!

¹ Пс. 109:1; Мф. 22:42-45.

51

Присутствовал там и философ, в астрономии искушенный, и спросил он Господа Иисуса, не изучал ли астрономию Он. Назвал ему Господь Иисус число сфер и тел небесных, объяснил природу и свойства их, оппозицию, вид и площадь, трикветр и секстиль, апогей их и перигей, скрупулы,¹ и скрупулов шестидесятые доли, и другое многое, чего не постичь рассудком.

¹ Скрупул — 1/24 часть чего-либо.

52

Был среди них и философ, в предметах естественных умудренный, и спросил он Господа Иисуса, знает ли медицину Тот? Изложил, отвечая ему, Господь Иисус физику и метафизику, гиперфизику и гипофизику, об энергиях тела поведал, о телесных жидкостях и функциях их; назвал число костей и членов, вен, артерий и нервов; рассказал, как сухое тепло действует, и как влажный холод, и что применение их дает; как воздействует душа на тело, об ощущениях его и силах; как на него гнев и похоть влияют; а под конец — о соединении и распаде и о многом другом, что для тварного разума непостижимо.

Встал тут философ этот и Господу Иисусу поклонился.

— О Господи, — говорит, — с сего часа учеником и рабом твоим буду.

53

И пока об этом и о многом другом они толковали, пришла госпожа владычица Мария, три дня в поисках Господа Иисуса вместе с Иосифом проведшая. И увидав, что сидит Он среди учителей, то спрашивая их, то им отвечая, сказала она:

— Сын мой, почему же так обошелся Ты с нами, ведь Я и отец Твой, не зная отдыха, ищем Тебя?

— А Он ей:

— Почему же, — говорит, — ищите вы Меня? Разве не знаете вы, что надлежит пребывать Мне в доме Отца Моего?

Но не поняли они слов, которые Он сказал им. Спросили тогда Марию учителя, не ее ли Он сын? А когда подтвердила это она,

— Счастлива ты, — говорят, — о Мария, что таким Его породила!

Вернувшись же в Назарет с ними, покорствовал Он им во всех делах. И сохраняла мать Его все слова эти в сердце своем. Господь же Иисус преуспевал и в росте, и в любви у Бога и человеков.

54 [Взросление и крещение Иисуса]

И стал Он таить с этого дня чудеса и тайны Свои сокровенные и стал Закон изучать усердно, пока не исполнилось Ему тридцать лет, когда объявил прилюдно гласом, с небес сошедшим у Иордана, о Нем Отец:

— Он — Сын мой возлюбленный, в Коем умиротворяюсь Я.

А Дух Святой пребывал там в облике голубки белой.¹

¹ Ср.: Мф. 3, 13-17; Лк. 3, 21-23.

55

Тот Он, Кого молим и почитаем мы, Кто бытие и жизнь нам дал и вывел нас из утроб матерей наших, Кто восприял ради нас тело человеческое и искупил нас, дабы объять нас милосердием вечным и милость Свою по благодати и кротости, благодати и благоволению нам явить. Слава и благодать Ему, сила и власть отныне и на все века.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I

ИЗ «ДЕКРЕТА ПАПЫ ГЕЛАСИЯ» О КНИГАХ, ПРИНИМАЕМЫХ И ОТВЕРГАЕМЫХ

Проблема «истинности» и «приемлемости» писаний, используемых в церковном обиходе, возникла, вероятно, уже в I в. Последующие столетия оставили документальные свидетельства повышенного внимания к ней церковных писателей: труды Ириния, Тертуллиана, Оригена полны замечаний о «достоверности» или «подложности» тех или иных книг. В конце II в. уже предпринимались и специальные исследования на этот счет.¹ Критериями при этом обычно служили: 1) отношение к данной книге большинства Церквей, 2) упоминание о ней в сочинениях христианских авторов прежнего времени, 3) собственное мнение пишущего, аргументированное иногда указанием на особенности стиля и содержания рассматриваемого сочинения.

¹ По сообщению Евсевия Кесарийского (Церковная история, VI, 12, 1), антиохийский епископ Серапион написал сочинение «О так называемом Евангелии Петра».

Если в суждениях писателей доникейского периода за редким исключением отсутствовала категоричность, преобладали оценки типа «принимается большинством», «принимается немногими», «спорная», то в дальнейшем превращение Церкви в часть государственного аппарата Римской империи потребовало определенности не только от самого христианского вероучения, но и от всех прочих норм церковной жизни. В новой ситуации списки «принимаемых», «сомнительных» и «отвергаемых» книг, имевшие прежде факультативный характер, должны были обрести свойственные закону однозначность и категоричность. В эпоху Юстиниана (527-565 гг.) тенденция к кодификации церковной нормы получила дополнительный импульс.

Название «Декрет папы Геласия» сохраняется в настоящее время как условное, поскольку исследования показали, что окончательное оформление этот документ получил лишь к середине VI в. в Южной Галлии, тогда как древнейшая его часть (идеологическое обоснование верховенства в христианском мире Римской церкви) восходит ко времени понтификата папы Дамаса I (266—283 гг.) и, вероятнее всего, написана этим первосвященником.

В «Patrologia Latina» Миня «Декрет Геласия» опубликован в четырех разных редакциях.¹ В двух текст разделен на пять глав, в одной — на четыре, одна деления на главы не имеет. Ниже приводится фрагмент самой пространной из этих версий. В первых четырех ее главах перечислены книги Ветхого и Нового Заветов, указаны Вселенские соборы, решения которых признаются Римской церковью каноническими (Никейский, Константинопольский, Эфесский, Халкидонский); поименно названы отцы Церкви, чьи труды следует принимать целиком (Киприан Карфагенский, Григорий Назианзин, Василий Великий, Афанасий, Кирилл и Феофил Александрийские, Иоанн Златоуст, Иллариус Пиктавийский, Амвросий Медиоланский, Августин Гиппонский, Иероним, Проспер, папа Лев); отмечены авторы, к чьим сочинениям нужно подходить с разбором (Руфин, Ориген, Евсевий), руководствуясь при этом мнением Иеронима Блаженного. Как категория писаний «принимаемых», в декрете названы акты мучеников и жития Св. отцов, кроме того, рекомендованы к чтению отдельные сочинения вроде книг «Обретения креста Господня» или «Обретения головы Иоанна Крестителя», однако с оговоркой, что к писаниям такого рода следует относиться с осторожностью. Завершает четвертую главу следующая сентенция:

¹ См.: PL, LIX, 157-190.

«Прочие же писания, составленные или проповеданные еретиками или схизматиками католическая и апостольская Римская церковь отнюдь и ни коим образом не принимает; и те немногие из них, что на память пришли и которых католикам избегать следует, полагаем мы правильным здесь назвать».

ГЛАВА V
ПЕРЕЧЕНЬ КНИГ АПОКРИФИЧЕСКИХ,
КОТОРЫЕ НАМИ НЕ ПРИНИМАЮТСЯ¹

¹ Вариант: «которые приниматься нами отнюдь не должны».

[1] * Хождения под именем апостола Петра, которые называются книгами Св. Климента [десять или девять, или же восемь]¹

* В латинском тексте порядковые номера книг отсутствуют.

² Варианты названий в квадратных скобках приводятся в издании Миня.

[2] Деяния под именем апостола Андрея	апокрифические
[3] Деяния под именем апостола Фомы	апокрифические
[4] Деяния под именем апостола Петра	апокрифические
[5] Деяния под именем апостола Филиппа	апокрифические
[6] Евангелие под именем Фаддея ²	апокрифические

² В *Hennecke*—3 «Евангелие Фаддея» отсутствует.

[7] Евангелие под именем Матфии	апокрифическое
[8] Евангелие под именем апостола Петра	апокрифическое
[9] Евангелие под именем Иакова младшего	апокрифическое
[10] Евангелие под именем Варнавы	апокрифическое
[11] Евангелие [или евангелия] под именем Фомы, которым [или которыми] манихеи пользуются	апокрифическое
[12] Евангелие [или евангелия] под именем Варфоломея апостола	апокрифическое
[13] Евангелие под именем Андрея	апокрифическое
[14] Евангелия, которые Лукиан подделал	апокрифические
[15] Книга о детстве Спасителя	апокрифическая
[16] Евангелия, которые Езиций [или Хезихий, или же Изиций] подделал	апокрифические
[17] Книга о рождении [или детстве] Спасителя и о Марии или о повитухе [или добавляется «Его»]	апокрифическая
[18] Книга, называемая именем «Пастырь»	апокрифическая
[19] Все книги, которые Левкий [или Лукий], ученик дьявола, сотворил	апокрифические
[20] Книга, которая называется «Основание»	апокрифическая
[21] Книга, которая называется «Сокровище»	апокрифическая
[22] Книга о дочерях Адама: «Лептогенезис»	апокрифическая
[23] Компильция о Христе, составленная Виргилиевыми стихами	апокрифическая
[24] Книга, называемая «Деяния Феклы и Павла»	апокрифическая
[25] Книга, приписываемая Непоту	апокрифическая
[26] Книга речений, написанная еретиками и означенная именем святого Сикста [или же Ксисста]	апокрифическая
[27] Откровение, которое называется Павловым	апокрифическое
[28] Откровение, которое называется «Апостола Фомы»	апокрифическое
[29] Откровение, которое называется «Св. Стефана»	апокрифическое
[30] Книга, называемая «Успение, то есть Кончина святой Марии»	апокрифическая
[31] Книга, называемая «Покаяние Адама»	апокрифическая
[32] Книга о великане Оге, о котором еретики утверждают, что после потопа он сражался с драконом	апокрифическая
[33] Книга, называемая «Завет Иова»	апокрифическая
[34] Книга, называемая «Покаяние Оригена»	апокрифическое
[35] Книга, называемая «Покаяние Святого Киприана»	апокрифическая
[36] Книга, называемая «Покаяние Ианния и Иамврия»	апокрифическая
[37] Книга, называемая «Доля апостолов»	апокрифическая
[38] Книга, называемая «Похвала апостолам» ³	апокрифическая

³ В *Hennecke*—3 название этой книги переведено как «Надгробие апостолов».

[39] Книга, называемая «Установления апостолов»	апокрифическая
[40] Книга «Психолог», написанная еретиками и называемая именем Б[лаженного] Амвросия	апокрифическая

[41] История Евсевия Памфила⁴

⁴ В IV главе «Декрета» подробно разъясняется, какие части «Церковной истории» Евсевия приемлемы, а какие нет. К числу принимаемых книг отнесена так же и его «Хроника».

[42] Сочинения Тертуллиана

[43] Сочинения Лактанция [или Фирмиана]

[44] Сочинения Африкана⁵

апокрифическая

апокрифические

апокрифические

⁵ В *Hennecke*—3 дано иначе: слова «или Фирмиана, или Африкана» отнесены к сочинениям Лактанция с пометкой «позднейшее добавление».

[45] Сочинения Постумиана и Галла

[46] Сочинения Монтана Прискиллы и Максимиаллы

[47] Сочинения Фауста Манихея

[48] Сочинения Коммодиана

[49] Сочинения другого Климента Александрийского

[50] Сочинения Тация [или Тарсия, или же Фасция] Киприана

[51] Сочинения Арнобия

[52] Сочинения Тихония

[53] Сочинения Кассиана [или Кассиона], некоего галльского пресвитера

[54] Сочинения Викторина [Пиктавийского, или Петанского]

[55] Сочинения Фауста Риезского в Галлии

[56] Сочинения Фруменция Слепого

[57] Письмо Иисуса к Абагару [или Абгарю] царю

[58] Письмо Абагара [или Абгаря] к Иисусу

[59] Страсти Квирика [или Кирика] и Иулиты

[60] Страсти Георгия

[61] Писание, которое называют «Прение [или Отрешение] Соломона»

[62] Все заклатья, составленные не во имя, как заблуждаются люди, ангелов, а демонов

апокрифические

апокрифические

апокрифические

апокрифические

апокрифические

апокрифические

апокрифические

апокрифические

апокрифические

апокрифические

апокрифические

апокрифические

апокрифические

апокрифическое

апокрифическое

апокрифические

апокрифические

апокрифическое

апокрифические

Эти и подобные [им], которые Симон Маг, Николай, Керинф, Маркион, Василид, Эбион, Павел Самосатский, Фотин и Боноз, подверженные сходным заблуждениям, а также Монтан с его мерзостными последователями, Аполлинарий, Валентин Манихей, Фауст Африканский, Савелий, Арий, Македонии, Эвномий, Новат, Саббатий, Калист, Донат, Евстатий, Иовиан, Пелагий, Юлиан Экланский, Целестий, Максимиан, Присциллиан Испанский, Несторий Константинопольский, Максим Циник, Лампещий, Диоскур, Евтих, Петр и другой Петр, из которых один пакостил в Александрии, а другой в Антиохии, Акакий Константинопольский с его сообщниками, а также все те, которые проповедали или составили учебники ереси и еретиков или схизматиков, чьи имена едва ли мы сохранили, следует не только отвергнуть, но совершенно изгнать из Римской католической и апостольской церкви и вместе с их авторами и приверженцами тех авторов осудить на нерушимые оковы вечной анафемы.

II

CONCILIUM ROMANUM SIVE DECRETUM¹

de libris recipiendis et non recipiendis a Gelasio papa cum episcopis anno circiter 496 habitum

¹ См.: PL, LIX, 162-4. Порядковые номера апокрифических писаний в этом издании отсутствуют, поэтому мы заключаем их в квадратные скобки.

Caetera, quae ab haereticis sive schismaticis conscripta vel praedicata sunt, nullatenus recipit catholica et apostolica Romana ecclesia; e quibus pauca, quae ad memoriam venerunt, et catolicis vitanda sunt, credimus esse subdenda.

CAP. V

NOTITIA LIBRORUM APOCRYPHORUM QUI NON RECIPIUNTUR.²

² Вариант: *qui nullatenus a nobis recipi debent.*

[1] Item Itinerarium nomine Petri apostoli, quod appellatur sancti Clementis libri [decem, al. novem], octo apocryphum	apocryphum
[2] Actus nomine Andreae apostoli	apocryphi
[3] Actus nomine Thomae apostoli, libri 10	apocryphi
[4] Actus nomine Petri apostoli	apocryphi
[5] Actus nomine Philipi apostoli	apocryphi
[6] Evangelium nomine Thaddaei	apocryphum
[7] Evangelium nomine Matthiae	apocryphum
[8] Evangelium nomine Petri apostoli	apocryphum
[9] Evangelium nomine Jacobi Minoris	apocryphum
[10] Evangelium nomine Barnabae	apocryphum
[11] Evangelium [al. Evangelia] nomine Thomae quo [al. quibus] utuntur Manichaei	apocryphum
[12] Evangelium [al. Evangelia] nomine Bartholomaei apostoli	apocryphum
[13] Evangelium nomine Andreae apostoli	apocryphum
[14] Evangelia quae falsavit Lucianus	apocrypha
[15] Liber de infantia Salvatoris	apocryphus
[16] Evangelia quae falsavit Esitius [al. Hesychnus et Isidorus]	apocrypha
[17] Liber de Nativitate [al. Infantia] Salvatoris, et de Maria et obstetrice [al. addit. ejus]	apocryphus
[18] Liber qui appellatur Pastoris	apocryphus
[19] Libri omnes quos fecit Leucius [al. Lucius] discipulus diaboli	apocryphi
[20] Liber qui appellatur Fundamentum	apocryphus
[21] Liber qui appellatur Thesaurus	apocryphus
[22] Liber de filiabus Aadae geneseos	apocryphus
[23] Centimetrum de Christo, Virgilianis compaginatum versibus	apocryphum
[24] Liber qui appellatur Actus Teclae et Pauli apostoli	apocryphus
[25] Liber qui appellatur Nepotis	apocryphus
[26] Liber Proverbiorum qui ab haereticis conscriptus et sancti Sixti [al. Xysti] nomine praenotatus est	apocryphus
[27] Revelatio quae appellatur Pauli apostoli	apocrypha
[28] Revelatio quae appellatur Thomae apostoli	apocrypha
[29] Revelatio quae appellatur S. Stephani	apocrypha
[30] Liber qui appellatur Transitus id est Assumptio sanctae Mariae	apocryphus
[31] Liber qui appellatur Poenitentia Aadae	apocryphus
[32] Liber Ogiae nomine gigantis qui ab haereticis cum dracone post diluvium pugnasse fingitur	apocryphus
[33] Liber qui appellatur Testamentum Job	apocryphus
[34] Liber qui appellatur Poenitentia Origenis	apocryphus
[35] Liber qui appellatur Poenitentia sancti Cypriani	apocryphus
[36] Liber qui appellatur Poenitentia Jamnae et Mambrae	apocryphus
[37] Liber qui appellatur Sortes sanctorum apostolorum	apocryphus
[38] Liber qui appellatur Laus [al. Lusus] apostolorum	apocryphus
[39] Liber qui appellatur Canones apostolorum	apocryphus
[40] Liber Physiologus, qui ab haereticis conscriptus est, et B. Ambrosii nomine signatus [al. praenotatus]	apocryphus
[41] Historia Eusebii Pamphili	apocrypha
[42] Opuscula Tertulliani	apocrypha
[43] Opuscula Lactantii [al. Firmiani]	apocrypha
[44] Opuscula Africani	apocrypha
[45] Opuscula Postumiani et Galli	apocrypha
[46] Opuscula Montani Priscillae et Maximillae	apocrypha
[47] Opuscula omnia Fausti Manichaei	apocrypha
[48] Opuscula Commodiani	apocrypha
[49] Opuscula alterius Clementis Alexandrini	apocrypha
[50] Opuscula Tatii [al. Tharsi seu Tascii] Cypriani	apocrypha
[51] Opuscula Arnobii	apocrypha
[52] Opuscula Tychonii	apocrypha
[53] Opuscula Cassiani [al. Cassionis], presbyteri Calliarum	apocrypha
[54] Opuscula Victorini Pictaviensis [al. Petabionensis]	apocrypha

[55] Opuscula Fausti Rhegiensis Galliarum	apocrypha
[56] Opuscula Frumentii Caeci	apocrypha
[57] Epistola Jesu ad Abagarum [al. Abgarum] regem	apocrypha
[58] Epistola Abagari [al. Abgari] ad Jesum	apocrypha
[59] Passio Quirici [al. Cyrici] et Julitae	apocrypha
[60] Passio Georgii	apocrypha
[61] Scriptura quae appellatur contradictio [al. interdictio] Salomonis	apocrypha
[62] Phylacteria omnia, quae non angelorum (ut ilii configunt) sed daemonum magis arte [al. nominibus] conscripta sunt	apocrypha

Haec et omnia his similia, quae Simon Magus, Nicolaus Cerinthus, Marcion, Basilides, Ebion, Paulus etiam Samc satenus, Photinus, et Bonosus, et qui simili errore detece runt; Montanus quoque cum suis obscenissimis sequacibus Apollinaris, Valentinus, Faustus, Africa nus, Sabellius, Arius, Macedonius, Eunomius, Novatus Sabbatius, Callistus, Donatus, Eustathius, Jovinianus, Pelagius, Julianus Eclaneus s, Coelestinus [al. Coelestius], Maximinus [al. Maximianus], Priscillianus ab Hispania, Nestorius Constantinopolitanus, Maximus Unicus, Lampetius [al. Lapicius], Dioscorus, Eutyches, Petrus, et alius Petrus, e quibus unus Alexandriam, alius cum consortibus [al. sociis] suis; nec non et omnes haeresiarchae, eorumque discipuli, sive schismatici, docuerunt vel conscripserunt quorum nomina minime retinentur; non solum repudiata, verum etiam ab omni Romana catolica et apostolica Ecclesia eliminata, atque cum suis auctoribus auctorumque sequacibus sub anathematis indissolubili vinculo in aeternum confitemur esse damnata.

III

* MARTYRIUM PAULI APOSTOLI¹

* Этот и все следующие тексты воспроизводятся по изданию: Acta apostolorum apocrypha, ed. R. A. Lipsius. V. I-II. Lipsiae, 1891-1898. Орфография оригиналов сохранена, и лишь прямая речь выделена в абзацы. Наиболее важные разночтения манускриптов приведены в подстрочнике.

¹ Другие варианты заглавия: «*Passio sancti Pauli apostoli*»; «*martyrium pauli apostoli a lino episcopo romano conscriptum et ecclesiis orientalibus destinatum*»; «*passio sancti pauli apostoli a beato lino episcopo petri apostoli discipulo graece edita et ecclesiis orientalibus destinata*»; etc.

I

Cum uenissent Romam Lucas a Galatia, Titus a Dalmatia, expectauerunt Paulum in urbe. quos cum adueniens Paulus uidisset, laetatus est ualde et conduxit sibi extra urbem horreum publicum, ubi cum his et aliis fratribus de uerbo uitae tractaret. coepit interea colligere multitudinem maximam, adiciebanturque per eum fidei multae animae operante gratia dei, ita ut per totam urbem sonus praedicationis et sanctitatis ipsius fieret, et exiret fama per uniuersam circa regionem de illo. iam enim admodum innotuerat orbi Romano signis et prodigiis et doctrina multa atque mirabili sanctitate. concursus quoque multus de domo Caesaris fiebat ad eum credentium in dominum Iesum Christum et augmentabatur cotidie fidelibus gaudium magnum et exultatio. sed et institutor imperatoris adeo illi est amicitia copulatus, uidens in eo diuinam scientiam, ut se a colloquio illius temperare uix posset, quatinus si ore ad os illum alloqui non ualeret, frequentibus datis et acceptis epistolis ipsius dulcedine et amicali colloquio atque consilio frueretur, et sic eius doctrina agente spiritu sancto multiplicabatur et amabatur, ut licite iam doceret et a multis libentissime audiretur. disputabat siquidem cum ethnicorum philosophis et reuincebat eos, unde et plurimi eius magisterio manus dabant. nam et scripta illius quaedam magister Caesaris¹ coram eo relegit et in cunctis admirabilem reddidit. senatus etiam de illo alta non mediocriter sentiebat.

¹ Вариант: «*magister Caesaris uidelicet seneca*».

II

Quadam denique die, cum Paulus doctrinae inseruiens circa uesperam in cenaculo editiori¹ turbas alloqueretur, quidam Patroclus, deliciosus et pincerna regis, ipsius se subducens aspectibus abiit ad horreum ubi Paulus hospitabatur, ut audiret documenta uitae perpetuae. inuitatus enim ad hoc et animo ductus iam fuerat a consodalibus suis et Caesaris amicissimis, qui de eius familiari obsequio Pauli monita sectabantur. sed cum prae multitudine populi ad eum introire non posset, ascendit ad fenestram excelsiorem, et secus eam sedit ut uerbum dei commodius posset audire. desiderabat namque ieruenti animo Pauli sermone refici. sed cum Paulus in longum protraxisset sermonem et iuuenis somno

fatigaretur, diaboli maligni inuidia dolens super dilectionem uerbi dei et ipsius apostoli quam studiosius adolescens habebat, fecit iuuenem paululum dormire; cadensque de fenestra satis excelsa spiritum exalauit. quod cum mox Neroni reuertenti a balneo fuisset nuntiatum, qui multa frequentia diletum sibi iuuenem requirebat, contristatus est rex usque ad animam super mortem Patrocli,² statuitque alium pro eo ad uini officium, ut ei porrigeret poculum.

¹ Варианты: «editiore»; «ediciore»; «aeditorum»; «editioni»; «excelsiori»; «elatori»; «altori»; «altiore»; «prolixius».

² Вариант: «et paene usque ad mortem contristatus super eum lamentabatur. post uero tempus planctus statuit».

III

Paulus uero statim cognoscens quod gestum erat per spiritum, dixit ad plebem:

— Viri fratres, inuenit locum malignus¹ ut uos temptaret. sed dominus Iesus Christus more solito eius nequitiam conuertet ad suam gloriam. ite igitur fores, et inuenietis iuuenem Caesaris delicatum ex alto cecidisse et iam nunc iacere exanimem. quem leuantes ad me huc affere satagite.

¹ Варианты: «malignus spiritus»; «malignus diabolus».

Illi uero concito gradu pergentes confestim iuuenem mortuum attulerunt. mirabantur autem turbae, quomodo Paulus rem gestam ex ordine cognouisset sibi nemine nuntiante. dixit itaque Paulus ad turbas:

— Nunc fides uestra parebit erga dominum Iesum Christum. tempus est enim, ut semen aeternae uitae in bonam terram deueniens centuplicata satione fructificet accedite ergo plena fide ad dominum deum nostrum, et deprecemur illum ut restituatur anima eius in istud iuuenile cadauer, uiuatque melius quam uixisset.

Et cum ingemuissent uniuersi procumbentes orationi, ait Paulus:

— Adolescens Patrocle, surge et narra quanta tibi fecerit deus.

Ad quam uocem mox Patroclus tamquam a somno surrexit et coepit glorificare deum, qui dedit potestatem talem hominibus. dimisitque eum Paulus cum caeteris qui erant ex domo Caesaris, et abibant laetantes et gaudentes omnes in domino, qui facit uoluntatem timentium se et deprecationes eorum exaudit.

IV

Cum autem lamentaretur Nero Patroclum et immensitate absorberetur tristitiae, dixerunt circumstantes ad Caesarem:

— Non, domine, magnanimitas uestra¹ grauetur molestia super mortem adolescentis. nam uiuit et adest pro foribus.

¹ Вариант: «tua».

Caesar uero cum audisset Patroclum uiuere quem paulo ante didicerat mortuum, expauit corde et recusabat eum introire et ab stare suo conspectui. sed cum persuasum illi fuisset ab amicis per plurimos, iussit eum introire. et uidens eum uegetum et nulla mortis signa habentem, obstupuit et ait ad eum:

— Patrocle, uiuis? At ille respondit:

— Caesar, uiuo. Nero dixit:

— Quis te fecit uiuere?

Cui Patroclus exhilaratus corde et accensus calore fidei dixit:

— Dominus Iesus Christus, rex omnium saeculorum. Et Nero conturbatus de nomine uirtutis dei dixit ad iuuenem:

— Ite ergo debet regnare in saecula et resolvere omnia regna mundi?

Et Patroclus ait:

— Etiam, Caesar, destruet omnia regna quae sub caelo sunt, et uniuersa quae sub caelo sunt seruient ei; et ipse est solus rex regum et dominus dominantium.

Nero autem dedit ei alapam dicens:

— Ergo militas illi regi? Et Patroclus exultans ait:

— Etiam, nam excitauit me a mortuis.

V

Tunc Barnabas et Iustus et quidam Paulus et Arion Cappadocus et Festus Galatha, qui erant ministri Caesaris et ei iugiter assistebant, dixerunt Neroni:

— Cur, Caesar, recta sapientem et prudentissime atque ueracissime respondentem percussis iuuenem? nam et nos illi miiitamus regi inuicto, Iesu Christo domino nostro.

Nero autem cum audisset uno sensu eodemque sermone dicere illos inuictum regem Iesum, retrusit eos in carcerem, ut nimium illos torqueret quos nimis ante amauerat et iussit requiri magni illius regis famulos posuitque edictum, ut sicubi fuissent inuenti, sine interrogatione omnes Christi milites per tormenta uaria punirentur. unde multa scrutatione a ministris reipublicae et apothecae malignitatis fautoribus serui dei quaesiti et inuenti, quam plurimi perducti sunt ad praesentiam Caesaris.

VI

Inter quos et Paulus, consuetudinarias sibi pro Christi nomine gestans catenas, ductus est uinctus quem omnes simul uincti adeo intendebant, ut sine alicuius inditio facile potuerit Nero cognoscere, ipsum magni regis militibus praesidere. intelligensque illum ducem et Christi servorum magistrum, ait ad eum:

— O homo, magni regis seruus, mihi autem uinctus, quid tibi uisum est introire latenter in regnum Romanorum, et mihi subtrahere, illi autem colligere milites de meae militare principatu?

— Paulus autem repletus spiritu sancto constanter in aure omnium qui poterant adesse dixit ad Caesarem:

— Nero, non solum de tuo angulo colligimus milites, sed etiam de toto orbe terrarum. hoc enim praeceptum est mihi ut neminem ex omni gente militare uolentem aeterno regi meo repellam. potens est enim omnium dominus cunctis larga manu secundum cuiusque meritum dona ditissima dispensare. si enim et tibi uisum fuerit in illum credere et ei fideliter obedire, non te paenetebit. caeterum noli putare, quia diuitiae huius saeculi, splendor aut gloria saluare te debeant; sed si subiectus illi fueris, in perpetuum saluus eris. cum enim uenerit iudicare uiuos et mortuos, deustabit huius mundi figuram per ignem, et ante mundi constitutionem parata et a saeculis occulta militibus suis donatiua, quae numquam deficient et quae omnem excludent indigentiam, largietur.

VII

Haec audiens Nero et ira succensus, quia mundi figuram per ignem Paulus dixerat resoluendam, iussit omnes Christi milites igne cremari, Paulum autem senatus consulto tamquam maiestatis reum capite secundum Romanas leges truncari; tradiditque eum Longino et Megisto prefectis atque Acesto centurioni, ut illum extra urbem ducentes et populo spectaculum de eius occisione praebentes decollari praeciperent. quibus Paulus sine intermissione uerbum praedicabat salutis. ministros etiam et apparitores per omnem ciuitatem et circa regionem cum uelocitate Nero diaboli exagitatus operatione direxit, qui summa diligentia perscrutarentur latitantes et maniestos simul interficerent Christianos. unde tam multiplex occisa est turba Christianorum, ut populus Romanus palacium uirtute irrumperet et seditionem contra Caesarem excitare moliens proclamaret:

— Pone modum, Caesar, iniustissimae iussioni! tempera furorem irrationabilem! sufficiat saeuitiae quod crudelitatis metas transcenderit. nostrates homines sunt quos perdis, Romanum tuentur imperium. aufers, Caesar, Romanam uirtutem, quae militum tantorum frequentia terribilis cunctis gentibus existebat.

Tunc Nero clamores populi expauescens aliud edictum proposuit, ut nemo auderet contingere Christianos nec quicquam eis inferre molestiae, donec relatio plenissime cognitionis ex delatione cuiusque referretur ad Caesarem.

VIII

Quapropter Paulus iterum eius est oblatus aspectibus. Nero autem ut eum uidit, uehementissime exclamauit dicens:

— Tollite, tollite maleficum, decollate impostorem, nolite sinire uiuere carminatorem, perditae sensuum alienatorem, auferte de superficie terrae mentium immutorem!

Ad quem Paulus ait:

— Nero, tempore modico patiar ego; sed uiuam in perpetuum deo meo et regi aeterno domino Iesu Christo, qui uenturus est iudicare orbem terrae in conflagratione ignis.

Nero dixit Longino, Megisto et Acesto:

— Auferte celerius ab illo caput, et sic sibi de uita perpetua blandiatur sentiatque me regem inuictum, qui eum uinxi et occidendo deuici.

Paulus uero ait:

— Vt scias, Nero, me post decollationem meo regi inuicto aeternaliter uiuere, te autem uictum

qui nunc putas te uincere, cum mihi caput abscisum fuerit, uiuus tibi apparebo, et cognoscere poteris quia mors et uita famulantur domino meo Iesu Christo, cuius est omne regnum et cui uoluerit dabit illud et omnis uictoria est illius et quem uult uincere facit magnifice triumphare, et ipse solus inuictus est rex in aeternum.

Et his dictis ductus est Paulus ad supplicium.

IX

Cum autem duceretur, Longinus et Megistus atque Acestus dixerunt ad illum:

— Dic nobis, Paule, ubi est rex ille et ubi apparuit uobis et qualiter cognouistis eum et quid uobis contulit aut conferet boni, quod sic ardentissime eum diligatis uos Christiani, quatinus nullo pacto religioni nostrae uelitis accomodare assensum, ut uiuatis ac bonis huius uitae fruamini, sed potius omni delectamento iocundius pro illo mori uariis tormentis ducatis. magnus enim nobis uidetur error iocunditatem odisse ac uitam, et toto desiderio paenes amplecti ac mortem.

X

Paulus uero ait:

— O uiri cordati atque sensu bono uigentes, relinquit tenebras ignorantiae et erroris, quarum caligine obnubilatur intelligentia uestrae nobilitatis ne uerum quod in uobis latet uidere possitis, et conuertite mentis oculos ad aeternam et ueram lucem, ut ualeatis prius uos ipsos cognoscere, et sic ad cognitionem regis illius cum laetitia peruenire atque ab igne uniuerso orbi superuenturo salui et illaesi permanere. non enim, sicut uos putatis, alicui terreno regi militamus, sed deo uiuo, regi caelorum et omnium saeculorum, qui propter iniquitates quae fiunt in hoc mundo ueniet iudex et iudicabit illum per ignem. felix autem erit homo qui crediderit in eum: habebit enim uitam aeternam et uiuet in omnia saecula. et infelicissimus ille quo non infelicius ullus, qui contempnens diuitias bonitatis et longanimitatis ipsius non conuertitur ad eum: nam periet in aeternum. propter hoc namque de caelo in terram descendit qui caelum et terram fecit, et ad hoc factus est homo qui fecit hominem, ut homo conuersus ab iniquitate sua, relinquens uana et simulacra muta quae nefandissime satis pro deo colit, seruiat ei qui fecit illum et adoret eum quem tremunt angeli et omnes caelorum potestates adorant. quod cum factum fuerit, faciet illum uerum adoratorem atque cultorem suum consortem et socium angelorum suorum, spirituum uidelicet sanctorum ac beatorum. nec inmerito, quia spiritus est deus, et eum qui illum in spiritu et ueritate colit et adorat sanctis spiritibus socium faciet; illum uero qui in eum credere recusauerit, socium et complicem reddet iniquorum daemoniorum in tormento et aeterni incendii concrematione: ad quem ignem perpetuum transmittet illum refugam, id est ignem uenturum, per quem deus est orbem iudicaturus.

XI

Quapropter, uiri sapientes, apud se prudentia uestra diiudicet quis fecit mundum, quoniam sine factore non prodiit. perpendite quis fecit hominem, quia ut diuina testantur oracula non ipse se fecit. attendite quia simulacra uana non sunt dii sed hominum factura et daemonia in eisdem facturis latentia. quae licet in hoc concordari uideantur quia unanimiter perditionem humani generis cupiunt, sibi tamen inuicem modis diuersissimis dissident. «Non est enim pax impiis», dicit dominus. in causa namque est illud, cur homines iestinant perdere et sibi socios in paenis habere, quia sciunt in caelestem habitationem homines ascensuros per dei gratiam, unde ipsi spiritus ceciderunt per superbiam. Viri urbani, sensu cognoscite quia deitatis nomen per plures nequaquam diuiditur, quoniam unus deus a quo omnia, et unus dominus Iesus Christus per quem sunt omnia,¹ et unus spiritus sanctus in quo consistunt uniuersa, cui fideliter fidelia obtemperant omnia, et non est scisma in diuinitate quia caret pluralitate. attendite, ciues Romani, unde discoria nata fuerit, et qua ratione accrescens sic longe iateque miserabiliter adoluerit, et cur tam multiplicia non numina sed miserabilia emerserint deorum portenta, uidelicet quia multi coeperunt uelle fieri principes ac tyranni et dominatores, non uitiorum sed hominum suae naturae consortium, unde ignorantiae tempestate demersi et baratro elationis suae deiecti unusquisque potestatis suae deum aut mutauit aut statuit. unde et dicitur, quia «primus in orbe timor creauit deos». ad tantam miseri homines peruenerunt dementiam ut sic miserimos homines sibi deos constituerent, quibus fierent similes ut mortem pessimam deuitarent.² sed et quidam eorum, quoniam non probauerunt deum habere in notitiam, tradidi sunt in uoluntates suas, ut exercerent illa operfe quae leges Romanae puniunt cum execratione, et impletum est in illis, quod dictum est uerbis sanctissimis: «Similes illis, inquit, fiant qui faciunt ea». fecerunt enim sibi deos miseros et facti sunt ipsi miseri atque ad tantam sunt insaniam deuoluti ut trunco ligni dicant: deus noster es, et lapidi: adiuua nos, stipitemque fabrefactum adorent, qui eius sunt astulis calefacti.

¹ Cp.: 1 Kor. 8:6: Nobis tamen unus est Deus Pater, ex quo omnia et nos in illum, et unus

Dominus Iesus Christus, per quem omnia et nos per ipsum.

² Варианты: «*quibus similes fieri nollent*»; «*quibus similes fieri vellent*»; «*quibus in morte essent similes non deitarent*».

XII

Ad haec multae audientium turbae eleuantes uocem in planctum dixerunt:

— Errauimus, peccauimus, inique egimus, doctor salutis ac ueritatis et aeternae uitae ostensor, miserere nostri, ut eruamus a laqueis peccatorum et possimus euadere ignem, quo exuretur mundus et quisque cruciabitur infidelis et pessimus.

Tunc Paulus ait:

— O uiri fratres, quorum deus cor suo spiritu tetigit, state uiriliter in fide. nam ministri aeternae salutis aderunt a quibus baptizabimini, et bene perseuerantes in caritate domini nostri Iesu Christi salui eritis in aeternum.

Longinus quoque et Megistus et Acestus secretius ailoquentes apostolum dixerunt:

— Rogamus te, fac nos adscribi in militia regis aeterni, ut possimus uenturum ignem euadere et regni perpetui participes fieri: et dimittemus te, uel quocumque potius decreueris pergere, erimus tibi itineris comites et usque ad mortem parentes.

Quibus Paulus dixit:

— Fratres mei, non sum profugus sed miles legitimus regis mei. si enim scirem quia morerer et non potius ad uitam et gloriam per hanc mortem peruenirem, non solum facerem quae rogatis, sed ego hoc a uobis deposcerem. nunc autem non in uacuum cucurri per multas passiones, nec sine causa patior. nam restat mihi corona iustitiae, quam reddet mihi cui credidi et de quo certus existo quoniam ad illum uado et cum ipso ueniam in claritate sua et patris ac sanctorum angelorum iudicare orbem terrarum. propterea mortem istam contempno et uestram petitionem ut abscedam non obaudiam neque faciam.

Illi uero flentes dixerunt ei:

— Quid ergo acturi sumus? quomodo te punito uiuemus et ad illum in quo nos credere persuades peruenire ultra ualebimus?

XIII

Et cum haec inter se loquerentur et populus multus uoces in altum ederet, misit Nero Parthenium quendam et Feritam milites, ut uiderent, si iam Paulus esset occisus. qui aduenientes reppererunt eum adhuc uiuentem et turbas diutissime alloquentem. quos Paulus ad se euocans dixit:

— Viri, credite in deum uiuum, qui et me et omnes, qui in eum credunt, a mortis suscitabit.

At illi respondentes dixerunt:

— Ad Caesarem prius ibimus renuntiantes, et cum perfectum fuerit pro quo missi sumus, et cum mortuus fueris et resurrexeris, tunc credemus tuo regi. tu autem explica moras quibus iussionem differs, et uade ad destinatum locum ubi sententiam merito dictatam suscipias.

Paulus quoque dixit eis:

— Commoratione mea in carne plus uos indigetis, si credere uultis, quam ego qui ad uitam per mortem uado. sed iam pergamus exultantes in nomine domini nostri Iesu Christi.

XIV

Cumque ad locum pergerent passionis comitantibus populorum turbis innumeris, uenit ad portam urbis Romae. ubi habuit obuiam nobilissimam matronam, nomine Plautillam, apostolorum feruentissimam dilectricem et religionis diuinae cultricem, quae flens eius se coepit orationibus commendare. ad quam Paulus ait:

— Vale, Plautilla, aeternae salutis filia! commoda mihi panum quo caput tegis, et secede paululum in partem propter plebis impedimentum, me hic expectans donec reuertar ad te et tibi restituam beneficium. ligabo enim mihi oculos uice sudarii et tuae dilectioni amoris mei pro Christi nomine pignus ad illum pergens relinquam.

Quae festinato pannum porrexit et ut apostolus iusserat oboediuit. insultabant autem ei Parthenius et Feritas dicentes:

— Quid credis impostori et mago? cur perdis pannum optimum, non tantum per eum in saeculo lucratura?

Paulus uero dixit ad eam:

— Etiam, filia, hic praestolare aduentum meum, et signa mortis meae in panniculo tibi afferam cum Christo uicturus.

XV

Interea Longinus Megistus et Acestus dum instarent obnixius pro salute sua, inquirentes modum qualiter ad ueram uitam possent pertingere, audierunt a beato apostolo:

— Fratres et filii mei, mox ut ego fuero decollatus et uos ac caeteri ministri interfectionis meae a loco in quo me dominus uocare dignabitur recesseritis, uiri fideles rapiet et sepelient corpus meum. uos autem notate locum sepulchri mei, et cras ualde diluculo illuc uenite, ibique inuenietis duos uiros orantes, Titum et Lucam: quibus dicetis qua de causa uos misi; et illi uobis dabunt signum salutis in domino. nolite igitur dubitare exequi quod uobis imperatum est, quoniam statim ut credentes sacro [onte fueritis intincti et diuinorum mysteriorum uiuificatione sacrati, ab omnibus peccatorum contagiis et ab hoc etiam quod reueremini in me perpetrato scelere incunctanter purgati eritis et super niuem dealbati, in serie Christi militum adscripti et caelestis regni efficiemini cohaeredes.

XVI

Et his dictis peruenit ad passionis locum: ubi ad orientem uersus tensis in caelum manibus diutissime orauit cum lacrimis hebraice et gratias egit deo. cumque patrio sermone consummasset orationem, ualedicens fratribus benedixit eos, et ligans sibi de Plautillae maforte oculos, in terram utrumque genu fixit et colum tetendit. spiculatir uero bracchium in altum eleuans cum uirtute percussit et caput eius absceidit. quod postquam a corpore praecisum fuit, nomen domini Iesu Christi hebraice clara uoce personuit; statimque de corpore eius unda lactis in uestimento militis exiliuit et postea sanguis effuxit. stola uero qua sibi ligauerat oculos, cum quidam uellent rapere, non comparuit: tanta etiam lucis immensitas et odoris suauitas in momento illius decollationis caelitus ibi emicuit, ut mortalium oculi splendorem illum sufferre et humana lingua odorem narrare nequiuert. uidentes autem omnes qui aderant gratiam dei in beati apostolo, admirari sunt ualde, laudantes et confitentes in multam horam dominum Iesum Christum, aeternum et inuictum regem, quem praedicauerat magnificus doctor et magister gentium.

XVII

Reuertentes uero qui missi fuerant accelerare interfectionem eius, peruenerunt ad portam ciuitatis, ubi inueniunt Plautillam laudantem et glorificantem dominum in omnibus quae audiuit et uidit per eius sanctum apostolum. et interrogauerunt eam cum irrisione, cur caput suum non operiret de mafore¹ quam praestiterat suo Paulo. Quae accensa calore fidei cum magnanimitate respondit:

¹ Варианты: «*majora*»; «*mapula sua*».

— O uani et miseri, qui credere nescitis, quae oculis uidetis et manibus atrectatis! uere habeo eundem quem illi porrexeram pannum, de infusione gloriosi sui sanguinis preciosum. nam de caelo ueniens innumerabilium candidatorum caterua comitatus illum mihi ueracissime rettulit, et rependens gratiam pro benignitate in eum habita dixit:

— Tu mihi Plautilla in terris obsequium praestitisti; ego te quantocius ad caelestia regna pergenter deuotissime obsequar. in proximo namque pro te reuertar et tibi inuincti regis gloriam demonstrabo.

Et extrahens Plautilla pannum a sinu roseo perfusum sanguine illis ostendit: qui nimio pauore correpti gressu concito perrexerunt ad Caesarem, quae uiderant et audierant nuntiantes.

XVIII

At ille cum audisset miratus est horrifice, et ingenti stupore attonitus coepit de his quae nuntiata sunt ei cum philosophis et amicis atque ministris reipublice, seu et cum quos habere poterat ex senatu conicere,¹ atque confabulationis sermonem cum timore et infusione sensus habere. dumque haec inuicem mirarentur et secum quarerent, uenit Paulus circa horam nonam ianuis clausis stetitque ante Caesarem et ait:

¹ Варианты: «*conferre*»; «*conquirere*».

— Caesar, ecce ego Paulus, regis aeterni miles; uel nunc crede, quia non sum mortuus, sed uiuo deo meo. tibi autem, miser, non post multum tempus mala ineffabilia imminet et supplicium maximum, atque aeternus restat interitus pro eo quod inter cetera flagitia pessima multum sanguinem iustorum effudisti iniuste.

Et haec dicens repente disparuit. Nero siquidem his auditis ultra quam dici possit timore percussus et uelut amens effectus, ignorabat quid agere potuisset.² suadentibus uero amicis iussit Patroclum ac Barnabam et eos qui uincti erant cum illis soluere atque quo uellent abire.

² Вариант: «*agendum illi esset*».

XIX

Longinus denique, Megistus et Acestus, sicut eis constituerat Paulus, primo mane uenientes ad sepulchrum eius, uiderunt duos uiros orantes et in medio eorum stantem Paulum. qui pertimescentes in uisu admirabili horruerunt et reueriti sunt accedere propius. Titus autem et Lucas in se ab extasi orationis reuersi, uidentes praefectus atque centurionem qui ministri fuerant necis Pauli ad se properantes, humano timore subrepti in fugam uersi sunt et Paulus euanuit ex oculis eorum. illi uero post eos clamauerunt dicentes:

— Non, ut suspicamini, beati dei homines, ideo uenimus, ut uos persequamur ad mortem, sed ut nos credentes per aquam baptismatis ad uitam transferatis aeternam, sicut nobis uerus doctor Paulus promisit, quem ante modicum in medio uestri stantem et orantem conspeximus.

Haec namque audientes ab eis Titus et Lucas steterunt cum multa laetitia et gaudio spirituali, imponentes eis mox manus et dantes signaculum sanctificationis perpetuae, sicque ieiunio usque ad uesperam percurrente baptizati sunt in nomine domini nostri Iesu Christi, cui cum patre in unitate spiritus sancti est honor et gloria, uirtus et imperium in omnia saecula saeculorum. amen.

IV

PASSIO APOSTOLORUM PETRI ET PAULI

I

In diebus illis cum introissent Romam beatus Petrus et Paulus discipuli domini nostri Iesu Christi, secundum uoluntatem dei a diuersis fidelibus qui Christo crediderant excepti sunt. frequentabant autem domum cuiusdam Pontii Pilati parentis propter notitiam quando Pilatus praesidatum gesserat in Iudaea. Post paucos uero dies Nerone imperatore procedente quidam Simon nomine ei adductus est. hic magus erat non mediocriter doctus, sed perfectus in omni artis ipsius iniquitate. cum autem hoc Nero imperator cognouisset, artius eum iubet a militibus custodiri: quique per fantasiam artis suae nusquam comparuit. audiuit itaque Nero imperator, quia Simon, quem antea custodiri iusserat, nusquam comparuisset: et mirari satis coepit. post aliquot autem dies Nerone imperatore procedente ut sacrificia diis suis offerret, et ecce subito Simon magus imperatori Neroni apparuit dicens:

— Quid est, domine imperator, quia me quaeris? ecce ego sum Simon, quem ante hos dies a militibus iussisti custodiri. ne me fugacem aestimes et inuentem perdere uelis, ultro me tibi obtuli.

Dicit ei Nero imperator:

— Nihil sit, quod timeas; libere ambula et in palatio meo assiduus esto.

II

Simon ergo exhilaratus a Nerone iam non recessit. quem interrogauit Nero dicens:

— Obsecro te, dic mihi quod genus hominis es, uel unde fueris ortus?

Simon dicit:

— Ortus sum ex Fenice, de oriente missus a maiestate, ut quae dicebam Iudaeis, crederent mihi. illi uero non solum credere noluerunt, sed et me cruci adfixerunt, et post diem tertiam a morte suscitatus sum. nam ut scias manifesta me loqui, iube ut ueniat unus de speculatoribus et ante conspectum tuum caput meum auferat; et scies quid facere possim.

Nero autem talibus uerbis nullo modo credebant. illo tamen cogente et nimium suadente speculator uenit. cui Nero imperator ait:

— Vade et abscede caput eius, et uideamus, si uere a maiestate missus est.

Tunc Simon Neroni dixit:

— Loco tenebroso hoc fieri iube et mundissimo, ne quis sanguinem meum calcet et uobis mali aliquid contrariique proueniat.

Introiuit autem locum tenebrosus speculator, in quo lampada ardens missa est, ut caput Simonis gladio amputaret.¹ uocauit ergo Nero cubicularium suum dicens:

¹ Вариант: «*et... amputauit* вместо *ut... amputaret*».

— Caput illud in sportam mittite et desuper contexite, et anulo meo signabo et in cubiculum pono.

Et ita factum est. die quoque alio Nero ad cubicularium suum dicit:

— Date locum, uideamus caput hominis, ne forte nobis prae timore mentitus sit, et uoluit ingenio mori, quia probare non poterat, quod ipse esset opinatissimus ille Christus.

Cubicularius autem attulit sportam, et aperuit Nero imperator et agnouit sigillum suum. et inuenit caput arietis,² quod per fantasiam nusquam conparuit. et Nero mirari coepit et praecripit uenire senatum et omnibus retulit gestum rei et multi eorum mirabantur.

² Вариант: «*et cum aperuisset inuentus est caput uelut arietes*».

III

Die igitur tertio, cum intraret Nero curiam senatus, et ecce Simon apparuit in medio eorum, et adorans imperatorem clara uoce dixit:

— Ego sum quem ante diem tertium iussisti decollari; et ecce suscitatus sum. Nero autem amplius mirari coepit et omnes qui cum eo erant; et iussit ei pro hoc facto statuam poni. tunc Simon ait:

— Nunc multa uobis ostendam, ut intellegatis quia a maiestate missus sum.

Nero imperator dixit:

— Licet nihil facias, iam credam tibi quia quodcumque uis possis facere.

Et post multa quae dicta sunt, Nero in palatium suum discessit; iussit autem et Simonem secum ingredi. et cum simul intus essent, introierunt in cubiculum interius: et nescio quas iniquas et magicas sanctiones faciens Neroni, plurimas ei ostendit artis suae uirtutes.

IV

Die autem alio Nero Simonis manum tenens ad curiam senatus simul processerunt. cumque sederet Nero senatui sic ait:

— Patres conscripti, magnum hominem deus patriae nostrae misit. hic est, quem offenderunt Iudaei et morti tradiderunt.

Cumque omnes mirarentur, Simon dixit:

— Si quis uestrum parentem proprium aut aliquem de amicis suis quem antea amisit uidere desiderat, dicat mihi et statim ei apparebit. Adstans autem erat et unus ex parentibus Pontii Pilati, qui eo tempore permanebat quando Pilatus praesidatum gesserat in Iudaea; et nunc cognoscens ipsum non esse Christum, sic ait:

— Optime imperator, ego quidem rem gestam in Iudaea bene noui; hunc autem hominem ignoro, licet aliqua quae dicit sunt uerisimilia. sed iube interrogem eum publice quod scio, et cognoscam utrum uere ipse sit Christus an non.

Imperator Nero ait:

— Interroga eum, si quid tibi uidetur.

Parens uero Pontii Pilati dicit ei:

— Quid uocaris?

Ille autem ait:

— Ego sum Christus, quem caesum flagellis Iudaei tradiderunt crucifigi.

Ille uero plenius cognoscens quia ipse Christus non esset sed Simon magus, ait:

— Mentiris; sed tu es Simon magus: modo enim te integre cognoui. tu enim prius et legem sequebaris christianam; sed quia uictus es a Petro illo, qui uere discipulus Christi fuit, a Iudaea discessisti. omnibus mentiri potes praeter mihi, quia omnia quae ibi gesta sunt optime noui.

Vnde conuersus ad imperatorem sic ait:

— Oro, domine imperator, quia hic sunt in ciuitate uestra Petrus et Paulus discipuli Christi illius, iube uenire eos ut se invicem cognoscant.

Simon uero turbatus coepit imperatori dicere:

— Iube ueniant, et si uere Petrus et Paulus sunt, cognoscunt¹ me.

¹ Вариант: «*cognoscent*».

Nero imperator ait:

— Requirit eos, et in crastinum facite eos ad nos uenire.

V

Exeunte uero imperatore eadem hora uidit turbam magnam collectam ante palatium et interrogauit quid hoc esset. Dictumque est ei:

— Quia ille qui uobis intus loquebatur, ipse etiam hic ad populum loquitur, et uerba quae in conspectu uestro dicebat ipsa etiam populo dicit.

Imperator Nero et omnis senatus mirati sunt, quomodo in una eademque hora et in palatio in conspectu imperatoris fuisset, et foris ad populum loqueretur.² unde hoc diuinitati redigens iussit ei aliam erigi statuam habentem facies duas, unam intendentem ad senatum et aliam ad populum.

² Вариант: «*loquebatur*».

VI

Sequenti uero die introiuit Simon ad Neronem in cubiculum, quia carissimus factus ei fuerat, et ait:

— Hic sunt illi duo quos parens Pontii Pilati magnos esse proposuit. sed audi, imperator, diutius uiuere non debent, quia isti totam Iudaeam subuerterunt. nam Petrus et Paulus alii sunt.

Nero autem iussit colligi senatum et Petrum et Paulum introduci. quibus ait:

— Quid uocamini?

Responderunt:

— Petrus et Paulus discipuli domini Iesu Christi.

Tunc ostendit eis Simonem dicens:

— Nostis hominem hunc?

Et dixerunt:

— Nouimus magum peruersum ualde.

Subridens uero Nero dixit:

— Quid uocatur?

Dixerunt:

— Simon. iste et ad nos uenit et baptizatus uoluit uirtutem diuinam pretio comparare. unde maledictus et condemnatus a nobis discessit in suam perditionem. nam Christus non est quem esse se dicit: etsi alios per iniquitates suas inducit, nos tamen nullo modo fallere potest.

Nero imperator dicit:

— Quis est Christus, cuius uos discipulos esse dixistis?

Petrus et Paulus dixerunt:

— Si uis scire, lege omnes uirtutes et doctrinas eius, et uera et praeclara mirabilia, et inuenies Christum. nam iste fallax est et iniquus.

VII

Nero imperator ait:

— Et iste multa mirabilia fecit me praesente et quicquid uolui statim demonstrauit mihi.

Petrus et Paulus dicunt:

— Si quid fecit, per fantasiam ad praesens et in aenigmate fecit; nam uerissimum aliquid nec fecit nec aliquando facturus est.

Simon dixit:

— Dicat Petrus quid nunc facere cogito.

Petrus uero silentio panem petiit et sub manica tenens dixit Simoni:

— Fac quod cogitas, ut cognoscant omnes quia fantasticum est omne quod facis.

Simon autem continuo eleuata manu digitos excussit, et apparuerunt subito quasi canes ingentes et impetum magnum in Petrum et Paulum fecerunt, ita ut omnes exterriti fugerent. Petrus quoque proiecto in terra pane, canes statim fantastici nusquam comparuerunt. et ait Simoni:

— Si uera sunt quae fecisti, quare panis remansit in manu tua, et qui comederent nusquam comparuerunt?

Nero etiam imperator Simoni mago sic ait:

— Puto, uicti sumus.

Simon dixit:

— Audi, imperator bone, ut isti sciant quae ego. eis aliquando ostendi.

Conuersus itaque ad Paulum Nero dicit ei:

— Paule, quid dicis?

Cui ait:

— Hunc nisi citius perdideris, malum grande ad crescet patriae tuae.

VIII

Contigit autem eo tempore, ut adulescens quidam nobilis etiam propinquus Caesaris moreretur, quem multi in ciuitate dolebant. admonebant autem plerique experimentum quaerentes utrum posset Petrus adulescentem mortuum suscitare, quia iam celeberrimus a diuersis in his operibus habebatur; sed apud gentiles difficile credebatur. alii autem Simonem adduci dicebant, ut eum si posset a morte suscitaret. utriusque ergo ubi fuerat corpus directi sunt. conuenientibus etiam multis senatoribus qui fuerant cum Nerone, quaerentes cognoscere utrum aliquis ex ipsis posset iuuenem de morte suscitare, respondens Petrus dixit:

— Qui se potentiolem offert, accedat prius et uirtute qua dicit posse mortuum resuscitet.

Tunc Simon conditionem proposuit, si ipse mortuum resuscitaret, continuo Petrus occideretur; si uero Petrus praeualuisset, in Simonem sententia uerteretur. et quieuit Petrus conditioni propositae. accessitque Simon ad iectulum defuncti, incantare atque innumerare dira carmina coepit. et post horam multam caput mouere uisus est qui mortuus fuerat. et mox clamor ingens omnium qui aderant surrexit, quod iam uiueret adulescens. ira ergo et indignatio ab omnibus surrexit in Petrum, quod ausus esset praefere se tantae potentiae.

IX

Tunc sanctus Petrus apostolus petiit silentium dicens:

— Si uiuit defunctus loquatur, et si resuscitatus est surgat, ambulet, fabuietur. fantasma, non ueritas est quod uidetur caput mouisse.

Deinde uero dicit:

— Separetur a lectulo Simon et uideamus si iterum se mortuus mouere possit.

Quo facto remansit corpus examine sicuti fuerat. adstitit itaque Petrus iongius a lectulo et intra se orationem cum lacrimis faciens magna uoce dicit:

— Adulescens, surge sanet te dominus Iesus Christus. Et statim surrexit adulescens et locutus est et ambulauit et cibum sumpsit: et dedit eum matri suae. qui cum rogaretur ut ab eo non discederet, ait:

— Nolite solliciti esse: non delinquetur ab eo qui illum fecit resurgere.

Motus est autem omnis populus aduersus Simonem, ut lapidaretur. et dixit Petrus:

— Sinite: non est ei parum quod cognoscit suas artes nihil ualere. uiuat magis et Christi regnum crescere uideat et per inuidiam cottidie torqueatur.

X

Ille autem fugiens Neroni dixit se in urbe iam habitare non posse, quoniam a Galilaeis offensus fuisset. pollicetur ergo uolatum, quod in caelum portaretur et petiit imperatorem ut turris lignea fabricaretur ei et in monte Capitolino ei construeretur. constituto ergo die conuenit omnis populus a minimo usque ad maximum uidere quod Simon implere promiserat. iussit autem Nero non discedere Petrum et Paulum, sed adduci ad spectaculum istud. dixitque eis Nero:

— Ecce quod parat facere Simon multum est. sed ut credam quod aliis artibus omnia faciet, uolo uidere uirtutem uestram, ut probem quod non de caelo uenit.¹

¹ Вариант: «*ut probem quod non de caelo ueni*».

Petrus et Paulus dixerunt:

— Nos homines sumus et potestatem nullam habemus, nisi deus noster qui eum in conspectu uestro confundere potest.

Conuersus Petrus ad Paulum ait:

— Genibus fixis oremus dominum nostrum.

Et ita orare coeperunt. et Paulus Petro dicit:

— Fac quod coepisti: adpropinquat enim de mundo transitus noster.

Audiens hoc Nero dicit:

— Et quo ituri estis ab ante meam potestatem?

Paulus dicit:

— Ignoramus domini uoluntatem, quo nos duci iubet; hoc tamen scimus quia cito sumus ituri.

Simon dicit:

— Optime imperator, ut eos scias esse fallaces, nunc tibi probabo.

Imperator Nero dicit:

— Comple, quod facturum es, et faciam de illis quodcumque uolueris.

XI

Simon autem ascendens turrem extensis manibus coepit in altum uolare, omnisque populus ut uidit clamare nimium coepit. Nero autem Petro et Paulo dicit:

— Videtis, quia uere a maiestate missus est quem magum esse dixistis; uos potius estis hominum seductores.

Petrus ait:

— Scimus quae post paululum cum Christo erimus.

Nero autem ait:

— Adhuc perseueratis in uanitate hac? ego enim uideo eum paene iam caelum introire, et

conamini eum adhuc falsum dicere?

Paius autem Petro dicit:

— Erige oculos et mentem ad deum et ora.

Cumque eleuasset Petrus caput lacrimis plenus et Neronem uidisset mirari uolantem Simonem in aere, dixit ei Paulus:

— Quid dicis, Petre famule Christi? hodie nos iste impius perdet, si Simon iste adhuc in sua praeualuerit potestate.

Haec Nero cum audisset sic ait inridens eos:

— Isti iam delirant.

Petrus uero cum magna constantia dicit ei:

— Modo scies, imperator quia non deliramus.

Paulus Petro dicit:

— Fac quod faciebas: ora deum omnipotentem ut suam potentiam ostendat et inimici confundat astutiam.

Petrus autem iterum faciem eleuans in caelum extensis manibus ait:

— Increpo uos, demonia qui eum fertis, per deum patrem omnipotentem et per Iesum Christum filium eius, ut sine mora eum dimittatis. omnes enim dicent quia ipse est saluator huius mundi.

Cumque hoc diceret, uenit Simon ex alto in terram, et crepuit medius; nec tamen continuo exanimatus est, sed fracto debilitatoque corpore, ut poenam suam et ruinam cognosceret, ad locum qui uocatur Aricia sublatus, post paululum cum diabolo eius anima discessit in gehennam.

XII

Quo audito Nero deceptum se et destitutum dolens tanti casu amici, quem subito sibi sublatum plangebatur, uirum sibi utilem et necessarium rei publicae, indignatus quaerere coepit causas, quibus Petrum occideret. et quia iam tempus aderat quo sancti apostoli ad suum dominum uocarentur, denique dato praecepto ut comprehenderentur, rogabatur Petrus a diuersis Christianis ut alio se loco conferret. quibus ille resistebat dicens, nequaquam se facturum ut tamquam metu mortis territus effugeret; bonum esse pro Christo pati, qui pro omnibus se obtulit; semper docebat, illam non esse mortem pro Christo, sed immortalitatem et uitam aeternam potius praedicabat. haec et alia Petrus loquebatur eis qui eum fugere suadebant. sed plebs ne se inter procillas fluctuantes gentilium destitueret hoc ei suadebant. uictus itaque Petrus omnium fletibus cessit promisitque egredi urbem. proxima ergo nocte celebrata oratione uale omnibus faciens, relicta omni plebe cum Paulo, solus coepit proficisci. ut autem uentum est ad portam urbis, uidet sibi Christum occurrere; et adorans eum cum ingenti gaudio dicit:

— Domine, quo uadis?

Dicit ei Iesus:

— Venio iterum crucifigi.

Intellexit ergo Petrus pro sua hoc dictum passione, quod in eo Christus passurus uideretur, qui in omnibus martyribus suis pati cognoscitur: et conuersus ad urbem in loco quo fuerat redit, captusque est a persecutoribus sequenti die cum conseruo suo Paulo.

XIII

Custodierat autem Nero corpus Simonis putans eum sicuti ante fuerat resuscitari. at ubi cognouit eum iam in fetore et putredine uersum, partes corporis eius obrui praecepit. accensus autem iracundia magna aduersus Petrum et Paulum sic ait Clementi praefecto urbis:

— Pater Clemens, isti homines increduliores sunt nimis, et possunt omnino nostram disperdere religionem, si eos adhuc uiuere passi fuerimus. sed accipiant utrique cardos ferreos et inuicem se lacerare cogantur.

Clemens praefectus ait:

— Optime imperator, quoniam Paulus non tantum incredulior apparet, aliter ipse pereat.

Nero imperator dicit:

— Qomodo uis pereant.

Tunc Clemens praefectus urbis dedit sententiam dicens:

— Paulus contumax contra Romanum imperium capitali sententia puniatur, Petrus autem qui carminibus suis homicidium perpetravit crucifigatur.

Postulauit autem Petrus ut inuersis uestigiis crucifigeretur, eo quod indignum se iudicaret eo modo crucifigi quo dominus et magister eius Iesus Christus filius dei crucifixus est. passi sunt autem tertio kalendarum Iuliarum, Nerone bis et Pisone consulibus. ipsi uero in caelum recepti sunt,

Simon autem deductus est in infernum. nam qui in Christo credunt, uiuent cum eo semper in gloria sempiterna per omnia saecula saeculorum. amen.

V
PASSIO SANCTI BARTHOLOMAEI APOSTOLI

1

Indiae tres esse ab historiographis adseruntur. prima est India ad Aephiopiam mittit, secunda quae ad Medos, tertia quae finem facit: nam ex uno latere tenebrarum regionem gerit,¹ ex alio latere mare oceanum. in hac ergo India ingressus est Bartholomeus apostolus. ingressus est² templum in quo erat idolum Astaroth et quasi peregrinus ibi manere coepit. in hoc idolo daemon talis erat qui diceret se curare languentes, sed hos sine dubio quos ipse laedebat. erant enim sine deo uero et necesse erat ut a deo falso ludificarentur. dii enim falsi hac arte inludunt eos qui uerum deum non habent: faciunt eis dolores infirmitates dampna pericula et dant responsa ut sacrificent eis, et quasi sanantur ab eis. hoc uidetur stultis quod sanent: illi autem non sanando subueniunt sed a laesione cessando, et cum desinunt laedere curasse putantur. unde factum est ut sancto Bartholomaeo apostolo ibi manente nuila responsa daret Astaroth et nulli potuisset ex his quos laedebat subuenire. cumque iam plenum esset de languentibus templum, et cottidie sacrificantibus nullum daret Astaroth responsum, infirmi autem ex longiquis regionibus adducti iacebant, sed cum in ipso templo nullum posset daemon dare responsum, et neque sacrificando neque se ipsos more suo laniando proficerent, perrexerunt in aliam ciuitatem, ubi aliud daemon colebatur, cui nomen erat Beireth, et illic sacrificantes coeperunt inquirere quare deus Astaroth non eis daret responsa. respondens autem Beireth dixit:

¹ Вариант: «gyrat».

² Вариант: «et intrauit».

— Deus uester sic captiuus et religatus catenis igneis strictus tenetur ut neque suspirare audet neque loqui ex illa hora qua ibi apostolus dei Bartholomaeus ingressus est.

Dicunt ei:

— Et quis est iste Bartholomaeus?

Respondit daemon et dixit:

— Amicus est dei omnipotentis et ideo huc uenit in istam prouinciam ut omnia numina quae colunt Indi euacuet.

Dixerunt autem cultores idoli:

— Dic nobis signa eius, ut possimus inuenire eum, quia inter multa milia hominum non possurnus cognoscere eum.

2

Respondit daemon et dixit:

— Capilli capitis nigri et crispi, caro candida, oculi grandes, nares aequales et directae, aures coopertae crine capitis, barba prolixa habens paucos canos, statura aequalis quae nec longa possit nec breuis aduerti. uestitur colobio albo clauato purpura, induitur pallio albo per singulos angulos habentem singulas gemmas purpureas. XX et VI anni sunt quod numquam sordidantur uestimenta eius, numquam ueterscunt. similiter et sandalia eius amentis latis per XXVI annos numquam ueterescunt. centies flexis genibus per diem, centies per noctem orat deum. uox eius quasi tuba uehemens est. ambulat cum eo angeli dei qui non eum permittunt fatigari, non esurire. semper eodem uultu, eodem animo perseuerat. omni hora hilaris et laetus permanet, omnia prouidit, omnia nouit, omnem linguam omnium gentium et loquitur et intellegit. ecce et hoc quod uos interrogastis et quod ego do responsum de eo iam nouit: angeli dei famulantur ei et ipsi nuntiant ei. et cum coeperitis eum quaerere, si uult, ostendit se uobis, si non uult, non poteritis uidere eum. rogo autem uos ut dum eum inueneritis rogetis eum ut huc non ueniat et hoc mihi faciant angeli qui cum eo sunt quod fecerunt collegae meo Astaroth.

3

Et haec dicens daemon conticuit. reuertentes autem coeperunt circuire omnium peregrinorum uultus et habitus et per duos dies non inuenerunt eum. factum est autem ut quidam plenus daemonio clamaret et diceret:

— Apostole dei Bartholomaeae, incendunt me orationes tuae.

Tunc apostolus dei dixit ei:

— Obmutesce et exi ab eo.

Et statim liberatus est homo qui per multos annos fuerat fatigatus ab eo.

Polymius autem rex prouinciae eius¹ cum haberet filiam lunaticam, nuntiatum est de hoc

daemonioso,² et misit et rogauit eum dicens:³

— Filia mea maie uexatur. peto ut sicut liberasti Pseustium, qui per multos annos passus est, ita et filiam meam.⁴

¹ Вариант: «*ciuitatis eiusdem*».

² Вариант: «*daemonioso esset*».

³ Вариант: «*dicens dic ei*».

⁴ Вариант: «*filiam meam liberes*»

Exsurgens¹ autem perrexit cum eo ab ubi uidit eam apostolus catenis strictam, quia omnes morsu attratabat et quos poterat tenere scinderet et caebat et nullus ausus erat accedere ad eam. tunc apostolus iussit eam solui. dicunt ei ministri:

¹ Вариант: «*Itaque beatus Bartholomaeus exsurgens*».

— Et quis ausus est manum mittere ad eam?

Dicit eis apostolus:

— Iam ego uinctum teneo inimicum qui in ipsa erat, et uos ad huc timetis eam? ite et soluite eam et lauate et reficite eam et crastina mane adducite eam ad me.

Euntes autem fecerunt sicut iussit apostolus et ultra eam penitus non potuit uexare daemon. tunc rex onerauit camelos auro argento gemmis uestibus et coepit quaerere apostolum et penitus non inuenit eum. et reportata sunt omnia ad palatium eius.

4

Factum est autem cum transisset nox et aurora diei futurae inciperet, apparuit apostolus solus cum solo rege ostio clauso in cubiculo eius et dixit ei:

— Vt quid me quaesisti tota die cum auro et argento et gemmis et uestibus? ista munera eis sunt necessaria qui terrena quaerunt: ego autem nihil terrenum, nihil carnale desidero. unde scire te uolo quia filius dei dignatus est per uterum uirginis nasci cum homine, ita ut homo in uirginis uulua conceptus secum in ipsa secreta uirginis haberet deum qui fecit caelum et terram, mare et omnia quae in eis sunt. hic simul cum homine natus partu uirginis coepit habere initium nascendo cum homine, qui numquam habuit initium² sed ipse semper initium fuit³ et omnibus initium dedit siue uisibilibus siue inuisibilibus creaturis. haec autem uirgo cum exsecraretur omnem uirum et ipsa seruandae uirginitatis uotum prima deo omnipotenti uouisset — prima autem ideo dixi quia ex quo homo factus est ab initio saeculi nulla hoc uotum deo obtulit; haec ergo prima inter feminas hoc constituit in corde suo ut diceret deo: Domine, offero tibi uirginitatem meam; cum hoc a nullo homine nec uerbo didicisset nec exemplo ad imitationem inuitata, constituit ut uirgo pro amore dei specialiter permanent — huic subito intus in cubiculo suo clausae splendens sicut sol Gabriel angelus apparuit. Quae cum terrore percussa expauisset, ait ad illam angelus: Noli timere Maria, quia concipies. At illa timore deposito constanter ait: Quomodo fiet hoc? Quia uirum non cognosco. Cui angelus respondit: Propter hoc spiritus sanctum superueniet in te et uirtus altissimi obumbrabit tibi, ideoque quod ex te nascetur sanctum filius dei uocabitur.

² Вариант: «*cuius initium ante saecula a deo patre est*».

³ Вариант: «*sine initio numquam non fuit*».

Hic ergo cum natus esset passus est se temptari a diabolo illo qui primum hominem uicerat suadendo ut de arbore uetita a deo manducare praesumeret ipsum ergo permisit ad se accedere, ut sicut dixerat Adae, id est primo homini, per mulierem: Manduca, et manducait, et sic de paradiso est proiectus et in isto mundo exiliatus, et sic genuit omne humanum genus, ita et isti diceret: Dic lapidibus istis ut panes fiant, et manduca ut non esurias. Cui respondit: Non in pane tantum uiuit homo sed in omni uerbo dei. Hic ergo diabolus, qui per manducantem hominem uicerat uictoriam suam, per ieiunantem et se contemnentem amisit. Par enim erat ut qui filium uirginis uicerat a filio uirginis uinceretur.

5

Dicit ei rex:

— Et quomodo dixisti primam hanc esse uirginem ex qua natus est homo cum deo?

Apostolus respondit:

— Ago deo gratias quia sollicitate audis, primus ergo homo adam dictus est: hic de terra factus

est. terra¹ autem illa ex qua factus est uirgo fuit, quia nec sanguine humano polluta fuerat nec ad sepulturam alicuius mortui fuerat adaptata. par ergo erat, ut dixi, ut qui filium uirginis uicerat a filio uirginis uinceretur. et ideo, sicut uicit quia egit arte callida ut manducaret contra uetitum et de paradiso pelleretur et pulsus homo clausum haberet paradisum, ita egit iste uirginis filius ut artem diaboli ad se uenire permetteret. Ars autem eius talis fuit ut sicut accipiter rapit auem quam potuerit ita raperet hunc filium uirginis et poneret eum inter feras in deserto. et per quadraginta dies non dixit ei: Manduca, quia non uidit eum esurientem. hoc enim ipse diabolus statuerat in corde suo ut si quadraginta dies transactos non esurisset pro certo nosset quia uerus deus est. deus autem uerus erat, immo est, sed sic deus uerus ut etiam homo uerus permanens non se intellegi permetteret nisi ab his qui puro corde et piis operibus perseuerant.

¹ Вариант: «*mater eius*».

Hic autem Satanas adubi uidit post quadraginta dies dominum esurire, quasi securus effectus quod deus non esset, dixit ei: Quare esuris? dic ut lapides isti panes fiant et manduca.

Et dixit dominus ad eum: Audi diabole. si ideo hominibus dominaris quia pater hominum Adam suasioni tuae obtemperans dei legem sibi positam contempsit, ecce ego legem dei custodiens non manducabo, ut te superem ego homo et eiciam te de dominatione quam tibi per deiectionem primi hominis usurpasti.

Vidit se exclusum, et alterum sibi angelum apostaticum, qui Mammona dicitur, sociauit, et protulit inmensa pondera auri argenti gemmarum et omnem gloriam quae est in hoc saeculo, et dixit ei: Haec omnia tibi dabo si adoraueris me.

Dicit ei: Vade retro Satanas. Scriptum est enim: Dominum deum tuum adorabis et ipsi soli seruies. Fuit et alia temptatio superbiae, quam in excelso super pinnam templi exercuit, ut qui semel uicerat hominem terrae uirginis filium a sanctae uirginis filio homine tripliciter uinceretur. et sicut qui uictor extiterit tyranni mittit comites suos ut in omnibus locis ubi tyrannus possedit titulos regis sui uictoris ac triumphatoris inponant, ita hic homo Christus Iesus, qui uicit, misit nos in omnes prouincias ut expellamus ministros diaboli qui per templa in statuis habitant et homines qui eos colunt de potestate eius qui uictus est auferamus. ideo argentum et aurum non accipimus sed contemnimus sicut ipse contempsit, quia ibi cupimus esse diuites ubi solum eius regnat imperium, ubi nec languor nec morbus nec tristitia nec mors locum aliquem habere noscuntur, ubi felicitas perpetua, beatitudo perennis est et gaudium sine fine et sunt ibi deliciae sempiternae. inde est quod templum uestrum ingressus daemonem qui in idolo dabat uobis responsa ab angelis eius qui me misit religatum obtineo. quem, si baptizatus fueris et permiseris te inluminari, faciam te uidere, et cognoscere quanto malo caruisti. nam omnes illi qui iacent in templo aegrotantes, audi qua arte uidebatur curare eos diabolus qui primum hominem uicit, et, ut saepe iam dixi, quia per ipsam uictoriam pessimam potestatem habere uidetur, et in aliis quidem maiorem, in aliis uero minorem, minorem in his qui minus peccant, maiorem in his qui plus peccant, ipse ergo diabolus facit arte sua homines aegrotare et suadet eos credere idolis, et ut in animabus eorum potestatem obtineat cessat tunc eos laedere cum dixerint lapidi aut metallo cuicumque: Tu es deus meus. Veniunt ergo hi omnes et cottidie dicunt metallo: Tu es deus meus. Sed quia ipse daemon qui in ipsa statua erat a te uinctus tenetur, sacrificantibus et se adorantibus nullum potest dare responsum. sed si uis probare ita esse, iubebo illi, et ingreditur¹ statuam suam, et faciam eum confiteri hoc ipsum quod sit religatus et responsa dare non possit. Dicit ei rex:

¹ Вариант: «*ingrediatur*».

— Crastina prima hora diei parati erunt pontifices sacrificare ei, et ego ibi superueniam et uideam hoc factum mirabile.

6

Factum est autem altera die prima hora diei sacrificantibus eis coepit clamare daemon:

— Cessate miseri sacrificare mihi, ne peiora patiamini quam ego, qui catenis igneis religatus sum ab angelis Iesu Christi, quem Iudaei crucifixerunt putantes eum posse morte detineri. ille autem ipsam mortem, quae regina nostra est, captiuaui, et ipsum principem nostrum, maritum mortis, uinculis ignitis uinxit et tertia die uictor mortis et diaboli resurrexit et dedit signum crucis suae apostolis suis et misit eos per uniuersas partes saeculi: ex quibus unus hic est qui me uinctum tenet. Peto uos ut rogetis eum pro me ut dimittat me ire ad alteram prouinciam.

Tunc Bartholomaeus apostolus ait:

— Confitere inmundissime daemon, istos omnes qui hic aegrotationes uarias patiuntur, quis est qui eos laesit?

Respondit daemon:

— Princeps noster diabolus sic quo modo religatus est, ipse nos mittit ad homines ut laedamus primo quidem carnem eorum, quoniam in animas hominum non possumus habere potestatem nisi sacrificauerint:² at ubi pro salute corporis sui nobis sacrificauerint, cessamus nocere eos, quia iam in animas eorum potestatem habere incipimus. iam ergo per hoc quod ab eorum laesione cessamus uidemur curare eos, et colimur quasi dii, cum pro certo simus daemones ministri eius quem in cruce positus Iesus uirginis filius religauit. a die qua eius discipulus huc uenit apostolus Bartholomaeus ardentibus catenis strictus consumor, et ideo loquor quia iussit mihi. nam ausus non essem loqui eo praesente, nec ipse princeps noster. Dicit ei apostolus:

² Вариант: «*sacrificauerint nobis*»

— Quare non saluas hos omnes qui ad te conuenerunt?

Dicit ei daemon:

— Nos quando corpora laedimus, nisi animas laeserimus, corpora in sua laesione perdurant.

Dicit ei apostolus:

— Et quomodo animas laeditis?

Respondit daemon:

— Cum crediderint nos esse deos et sacrificauerint nobis, tollit se deus ab his qui sacrificant, et nos uulnera corporum non tollimus sed migramus ad animam.

Tunc dicit apostolus ad plebem:

— Ecce quem deum putabatis, ecce quem putabatis curare uos. audite nunc uerum deum creatorem uestrum qui in caelis habitat, non lapidibus uanis credatis. sed si uultis ut orem pro uobis et omnes hi sanitatem recipiant, deponite idolum hoc et confringite, et cum hoc feceritis templum hoc Christi nomini dedicabo et uos omnes in isto templo Christi baptismo consecrabo.

Tunc iussu regis omnes populi miserunt funes et trocleas et simulacrum non poterant euertere. apostolus autem dixit eis:

— Soluite uincula eius.

Cumque exsoluissent omnia, dixit ad daemonem qui in eo erat:

— Si uis ut non te faciam in abyssum mitti, exi de isto simulacro et confringe illud, et uade in deserta ubi nec uis uolat nec arator arat nec umquam uox hominis resonat.

At ille statim egrediens comminuit omnia genera idolorum, nec solum maius idolum, sed ubicumque pro ornatu templi sigilla erant posita minutauit ita ut picturam omnem delesset.

7

Tunc omnes una uoce clamare coeperunt: Vnus deus omnipotens quem praedicat apostolus eius Bartholomaeus. Tunc expandens Bartholomaeus manus suas ad deum dixit:

— Deus Abraham et deus Isaac et deus Iacob, qui ad redemptionem nostram unigenitum tuum filium deum nostrum et dominum direxisti ut nos omnes qui eramus serui peccati suo sanguine redimeret et tibi filios faceret, qui uerus deus ex hoc cognosceris quia semper idem es et immutabilis perseueras, unus cum filio pater, unus etiam cum spiritu sancto, et re uera unus deus pater ingenitus et unus fillius eius unigenitus dominus noster Iesus Christus et unus spiritus sanctus qui a patre procedit, inluminator et edueator animarum nostrarum, et est in patre et filio tuo domino nostro Iesu Christo, quique in suo nomine dedit nobis hanc potestatem ut infirmos saluaremus, caecos inluminaremus, leprosos mundaremus, paraliticos absolueremus, daemones fugaremus et suscitaremus mortuos, et dixit nobis: Amen dico uobis, quaecumque in nomine meo petieritis a patre meo dabit uobis; peto ergo in eius nomine ut omnis haec multitudo saluetur, ut cognoscant omnes quia tu es deus unus in caelo et in terra et in mari, qui salutem recuperas per ipsum dominum nostrum Iesum Christum, per quem est tibi deo parti honor et gloria cum spiritu sancto per immortalia saecula saeculorum.

Cumque omnes respondissent amen, apparuit angelus domini splendidus sicut sol, habens alas, et per quattuor angulos templi circumuolans digito suo in quadratis saxi sculpsit signum crucis et dixit:

— Haec dicit dominus qui misit me: Sicut uos omnes ab infirmitate uestra mundamini, ita mundauit templum hoc ab omni sorde. Et habitatore eius, quem iussit apostolus dei ire in locum desertum ab hominibus, iussit ut prius ostendam uobis. quem uidentes nolite expauescere, sed quale signum ego sculpsi in his saxi tale uos digito uestro facite in frontibus uestris, et omnia mala fugient a uobis.

Tunc ostendit eis ingentem Aegyptium nigriorem fuligine, faciem acutam cum barba prolixa, crines usque ad pedes, oculos igneos sicut ferrum ignitum, scintillas emicans ex ore eius et ex naribus egrediebatur flamma sulphurea, pennarum adaeque habentem alas spineas sicut istrix, et erat uinctus a tergo manibus, igneis catenis strictus. et dixit ei angelus domini:

— Quoniam audisti uocem apostoli et omnia pollutionum genera de isto templo mundasti, secundum promissum apostoli soluam te, ut uadas ubi nulla conuersatio hominum est uel esse potest, et ibi sis usque ad diem iudicii.

Et cum exsoluisset eum, ille ululatum taeterrimum dirae uocis emittens euolauit et nusquam comparuit. angelus autem domini uidentibus cunctis euolauit ad caelum.

8

Tunc rex una cum uxore sua et duobus fillis et cum omni exercitu suo et cum omni populo qui saluatus est et cum omni populo ciuitatis suae et uicinarum urbium quae ad eius regnum pertinebant credens baptizatus est. et deposito diademate capitis et purpura coepit apostolum non deserere.

Interea colligentes se uniuersorum templorum pontifices abierunt ad Astrigem¹ regem fratrem eius maiorem et dixerunt:

¹ Варианты: «astragem»; «astriagem»; «astriacem».

— Frater tuus discipulus factus est magi hominis qui templa nostra sibi uindicat et deos nostros confringit.

Cum haec flentes reierrent, ecce et aliarum ciuitatum pontifices eadem coeperunt flentes referre. tunc rex Astriges indignatus misit mille uiros armatos cum pontificibus ut ubicumque inuentus esset apostolus uinctum illum perducerent ad eum. Quod cum fecissent, dixit ad eum Astriges rex:

— Tu es qui euertisti fratrem meum?

Cui apostolus dixit:

— Ego non euerti eum sed conuerti.

Dicit ei rex:

— Tu es qui deos nostros fecisti comminui?

Dicit ei apostolus:

Ego dedi potestatem daemonibus qui in eis erant ut ipsi conquassarent idola uana in quibus degebant, et omnes homines relicto errore crederent omnipotenti deo qui in caelis habitat.

Dicit ei rex:

— Sicut tu fecisti fratrem meum ut relinqueret deum suum et tuum crederet, ita et ego faciam te relinquare deum suum et deum meum credere et ipsi sacrificare.

Dicit ei apostolus:

— Ego deum quem colebat frater tuus religatum et uinctum ostendi et ipsum feci ut frangeret simulacrum suum. si potueris hoc facere deo meo, poteris me ad sacrificium prouocare. si autem tu nihil potes facere deo meo, ego omnes deos tuos comminuam, et tu crede deo meo.

9

Haec cum diceret, nuntiatum est regi quod deus eius Vualdath¹ cecidisset et minutatim abisset. tunc scidit rex purpuream uestem qua indutus erat et iecit fustibus caedi sanctum apostolum Bartholomaeum, caesum autem iussit decollari. uenientes autem innumerabiles populi duodecim ciuitatum qui per eum crediderunt una cum rege abstulerunt cum hymnis et cum omni gloria corpus eius. et construxerunt ibi basilicam mirae magnitudinis et in ea posuerunt corpus eius. factum est autem tricesimo die depositionis eius, arreptus daemonio rex Astriges uenit ad templum eius, et omnes pontifices pleni daemonibus passi sunt ibi confitentes apostolatam eius, et sic sunt mortui. factum est autem timor et tremor super omnes incredulos, et crediderunt uniuersi atque baptizati sunt a presbiteris quos ordinauerat apostolus Bartholomaeus. factum est autem per reuelationem, uniuerso populo adclamante et omni clero, ab apostolo ordinatus rex episcopus et coepit in nomine apostoli signa facere. fuit autem in episcopatu annis uiginti, et perfectis omnibus atque bene compositis et bene constabilitis migravit ad dominum, cui est honor et gloria in saecula saeculorum. Amen.

¹ Варианты: «baldat»; «baldath»; «balac».

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ — Вестник древней истории
ЕЭ — Еврейская энциклопедия: В 16-ти тт. (репринтное издание: М.; 1991)
ЖМП — Журнал Московской Патриархии
ЗРАО — Записки Русского Императорского Археологического общества
AAA — Acta apostolorum apocrypha, v. I (ed. Lipsius) Lipsiae, 1891; v. II, 1-2 (ed. Bonnet) Lipsiae, 1893-1903
A-NChL — Ante-Nicene Christian Library
BJRL — Bulletin of the John Rylands Library, Manchester
Elliott S. — 93 — *Elliott J. K.* The Apocryphal New Testament. New-York, 1993
Elliott J.—96 — *Elliott J. K.* The Apocryphal Jesus. Legends of the Early Church. New-York, 1996
Hennecke—3 — *Hennecke E.* Edited by W. Schneemelcher. English translation. v. I, Philadelphia, 1962; v. II, Philadelphia, 1965
HTR — The Harvard Theological Review
JTS — Journal of Theological Studies
OrChr — Oriens Christianus
PQ — *Migne J.-P.* Patrologiae cursus completus. Seria
Graeca PL — *Migne J.-P.* Patrologiae cursus completus. Seria
Latina PP — *Schmidt C.* Praxeis Pauloi: Acta Pauli nah dem Papyrus der Hamburger Staats und-Universitätsbibliothek, unter Mitarbeit von W. Schubart. Hamburg, 1936
RHPR — Revue d'Histoire et de Philosophie Religieuses
Thlz — Theologisches Literaturzeitung
VCh — Vigiliae Christianae
ZNW — Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft und die Kunde der älteren Kirche